

ISSN 0130 — 1527

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1988

9

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГОД ИЗДАНИЯ 56-й

№ 9

1988 ГОД

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

МУТАЛ ХАЛМУХАМЕДОВ. Абдулла Каххар — совесть наша обнаженная.
К 80-летию Абдуллы Каххара 3

ПРОЗА

ШУКУР ХАЛМИРЗАЕВ. Над пропастью. Р о м а н. Перевод с узбекского М. Мирзамухамедова 12
УЧКУН НАЗАРОВ. Стужа. Р а с с к а з. Перевод с узбекского С. Шевелева 82
ЮРИЙ СЛАЩИН. По беду... Р а с с к а з 93

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР КУЛАГИН. «Хорошо устроен человек...» Шла пехота. «Забрала мою юность пехота...» Дни летят 8
ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВ. Здесь когда-то... По омытой грозой дороге... «Глухо ропщет встревоженный лес...». «Бывает, выпадет пора...». Кони детства. Язык 9
АНВАР ХОДЖИ. К свету. Идет борьба. Боевое знамя. Мечта дерева. «Мы землю, дружнице, за сеем не раз...». Не сдается. Мир после дождя. Жребий. Перевод с узбекского Н. Стрижкова 70
МИРПУЛАТ МИРЗАЕВ. Насиба. П о э м а. Перевод с узбекского А. Широниной 73
НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ. Читая «Слово о полку Игореве». Трамвай № 10. На Учсае. Старая Бухара. Бабка Ньюра. На могиле отца. Утро в предгорье. «Сегодня в Бурге снег...» В домике егеря. Молоко 78
ОЛЬГА ШЕВЧУК. Рубежи. «Черный тюльпан». На дыбе. «У любви не слыла подопечною...». Бетховен. «Запретных нет отныне тем...». Март. «Года, словно сено, скошенное...». «Стуча нещадно каблуками...». Над колыбелью 88

ПУБЛИЦИСТИКА

М. БАБИНЦЕВ. Жажда у канала 99
А. ФАЗЫЛОВ. Люди одной махаллы 108

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЭМИЛЬ АМИТ. Полуправда — тоже ложь 116

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

К. МИХАЙЛОВ. В поисках доброты 120
С. ТАРБЕЕВА. Слагаемые самобытности 121
ЛЕВИНЬ КУОК. Больше правды жизни 123

ПУБЛИКАЦИИ. ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВ. Начало. Из романа-эссе «Каракалпак-намэ». Перевод с каракалпакского Е. Сергеева	125
---	-----

ПИСАТЕЛИ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

МАСАКО ТОГАВА. Вампир. Р а с с к а з. Перевод В. Томилова	147
Из древнекитайской поэзии. Перевод с китайского Юй Ин и Я. Нудельмана	158
ХОСРОУ ШАХАНИ. Стоянка запрещена! Р а с с к а з. Перевод Дж. Дорри и С. Красношапки	161

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

СТАНИСЛАВ ЛЕМ. Мир на Земле. Из воспоминаний Ийона Тихого. Перевод с польского К. Душенко и И. Левшина	164
--	-----

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

ЛЕВ БЕЛОВ. Неброская красота жизни	163
О наших авторах	208

Главный редактор С. П. ТАТУР.

Редакционная коллегия: В. А. АЛЕКСАНДРОВ (ответственный секретарь), А. Р. БЕНДЕР (зам. главного редактора), Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, М. МУХАММАД-ДОСТ, В. П. НЕЧИПОРЕНКО, А. А. ОСМАНОВ, Т. И. ПУЛАТОВ, О. В. СИДЕЛЬНИКОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Р. Х. ФАРХАДИ.

В Москве, в Центральном доме литераторов, прошло торжественное собрание, посвященное 80-летию выдающегося узбекского советского писателя Абдуллы Каххара.

Слово о Каххаре произнес секретарь ЦК КП Узбекистана Мутал Халмухамедов. Его выступлением мы и открываем этот номер.

Мутал Халмухамедов,
секретарь ЦК Компартии Узбекистана

АБДУЛЛА КАХХАР—СОВЕСТЬ НАША ОБНАЖЕННАЯ

К 80-ЛЕТИЮ АБДУЛЛЫ КАХХАРА

Отмечая 80-летие со дня рождения Абдуллы Каххара, выдающегося представителя многонациональной советской литературы, писателя и гражданина, нельзя не подчеркнуть главное: Абдулла Каххар неизменно находился в первых рядах борцов за социализм в его истинном ленинском понимании.

Каххар пришел в литературу в двадцатые годы. Вслед за Хамзой Хакимзаде Ниязи, он со своими соратниками Абдуллой Кадыри, Айбеком, Гафуром Гулямом, Хамидом Алимджаном встал под знамена Ленина, активно участвовал в строительстве новой жизни.

Творческим дебютом писателя стала публикация в 1924 году в узбекском сатирическом журнале «Муштум» стихотворения «Лунное затмение». Молодой Абдулла Каххар был свидетелем страшной паники в Коканде во время лунного затмения. Муллы утверждали, что только всеобщее моление и всеобщий протест, выраженный как можно более шумно, могут предотвратить это роковое событие, ниспосланное богом. Верующие полезли на крыши, начали взывать к небу, бить кетменями по пустым казанам. Семнадцатилетний Абдулла Каххар заразительно смеется над этим фанатизмом невежественных людей:

«Искривились три тысячи кетменей,
Продырявились тысячи казанов, вай, вай!»

Умение увидеть и высмеять то, чего другие боятся, было органическим свойством таланта Абдуллы Каххара. Вскоре он обогатил узбекскую литературу блестящими сатирическими новеллами и комедиями. В них писатель нетерпим ко всему тому, что унижает человека, разрушает его личность, является в конечном счете тем страшным злом, которое несет не-

приятности самим носителям зла, их близкому окружению. Именно в этом выражается гуманистический пафос творчества Абдуллы Каххара. Вторая половина тридцатых годов была нелегкой для творчества. Набирала обороты и намечала мишени уничтожающая машина культа личности. В литературе верховодили и были в почете те, кто славословил, трубил во весь голос о том, что жить стало лучше и веселее, а подлинный реализм, правдивость находились в загоне. Не допускалось даже намек на критику существующих порядков. Тем не менее честные писатели и в эти тяжелые годы оставались самими собою. Абдулла Каххар в это время создает рассказы «Бек», «Двуличие», в которых беспощадно бичует лицемерие, комчанство, властолюбие, карьеризм, угодничество, то есть все то, что расплодилось именно благодаря культовым порядкам. В этом проявилась гражданственность писателя. Однако откровенное неприятие моральных, а вернее — аморальных, принципов, широко насаждаемых в разгар культа личности, не могло пройти для писателя даром. Каххар становится объектом разного рода догматической и вульгарно-социологической критики. Первый удар обрушивается на его роман «Мираж», опубликованный в 1935 году и тогда же получивший премию на республиканском конкурсе. Кстати, в качестве премии А. Каххару вручили не только деньги, но и путевку на путешествие по Центральной России.

Из этого путешествия он привез в Ташкент двадцать два тома полного собрания сочинений Чехова. Эти тома стали для Каххара самыми любимыми, самыми необходимыми книгами, которые он не переставал изучать всю жизнь и в которых он не переставал открывать нечто новое, что обогащало его писательское видение. Свою учебу у Чехова А. Каххар отразил весьма образно и лаконично: Чехов как бы одалживал ему свои очки, надев которые, Каххар видел, что многие чеховские герои были хорошо знакомы узбекскому читателю с детских лет — он встречал их в кишлаках, где в предреволюционные годы проходило детство писателя, а впоследствии — в городах. Чехов как бы предлагал молодому писателю решительно браться за перо и смело описывать человеческие судьбы и характеры, если даже они в чем-то будут похожи на чеховские. Так, в тридцатые годы один за другим появляются рассказы «Воры», «Гранат», «Больная», «Сад». К ним можно причислить рассказ «Ужас» и повесть в новеллах «Сказки о былом», написанные в последний период творчества писателя. В них Каххар показал себя исключительно большим мастером малых форм, умеющим на самых обычных жизненных материалах создавать законченные людские характеры с их драмами, а иногда — и с подлинными трагедиями.

Первый роман Абдуллы Каххара «Мираж» — одно из лучших произведений узбекской прозы. Работу над ним автор начал в 23-летнем возрасте. Молодой писатель проявил умение глубоко проникать во внутренний мир своих героев, убедительно анализировать их сложнейшие переживания. Особой похвалы заслуживает язык романа — народный в своей основе, емкий, свежий, образный, обладающий непреходящей внутренней красотой. Критики утверждают, будто в структуре романа ощущается близость к Джеку Лондону, особенно к «Мартину Идену». Возможно, это так. Но здесь важнее подчеркнуть другое. По своему идейному содержанию, по проблематике и духу «Мираж» Каххара стоит близко к эпопее Горького «Жизнь Клима Самгина».

Каххара, как и Горького, прежде всего интересует судьба определенных слоев интеллигенции, не понявших сложность исторического процесса. В центре внимания Абдуллы Каххара — деформация личности под пагубным влиянием эгоистических побуждений.

Герой романа — молодой человек, студент университета, который обладает определенным даром художественного видения и подает большие надежды. Однако его судьба складывается трагично. Саиди, не состоявшийся как писатель, не нашедший своего места в жизни, измельчавший, опустошенный, вынужден покончить жизнь самоубийством. Но почему так получилось? Что сделало его жизнь несостоятельной? Роман и дает убедительный ответ на этот вопрос. Саиди — одаренный человек, но он

начисто лишен глубоких убеждений, какого-либо значительного и благородного идеала. Свое дарование он воспринимает как средство достижения личной славы и богатства, основную цель в жизни он видит лишь в потреблении и наслаждениях. Словом, эгоизм, тщеславие, непомерная амбициозность, идея суперменства, пренебрежение к окружающим людям в конечном итоге и приводят Саиди к катастрофе.

Но критику конца 30-х годов нисколько не интересовало содержание романа. Для нее важно было другое — Абдулла Каххар избрал героем своего романа писателя-националиста, вступившего на путь открытой борьбы против Советской власти. Более того, автор пытается вызвать к нему читательские симпатии. Стало быть, роман не наш, не советский, и его автор также не наш, не советский. В те годы подобное обвинение — обвинение не литературное, а политическое было чревато последствиями. Правда, Абдулла Каххар каким-то чудом избежал самого страшного, но черная тень зловещего ярлыка его преследовала еще долго. На целых 20 лет роман был изъят из активного фонда литературы, а после войны Абдулле Каххару вплоть до 1952 года трижды было отказано в приеме в партию на том основании, что он когда-то избрал героем своего романа буржуазного националиста.

На всю эту огульную критику, навешивание политических ярлыков, на неуклюжие попытки отлучить его от советской литературы Абдулла Каххар, человек не только исключительного таланта, но и крепкой воли, писатель глубоких идейных убеждений, отвечал новыми произведениями, широко и масштабно исследующими характеры его современников.

Дар лаконизма, умение драматически строить произведение, лепить характеры героев не по их словам и декларациям, а на основе их поступков и, наконец, социальный заказ времени привели Каххара в драматургию. Уже первая комедия «Шелковое сюзане» («На новой земле»), посвященная жизни целинников Голодной степи, вызвала широкий резонанс. Комедия, поставленная на сценах 73 театров страны, была удостоена Государственной премии. Она была поставлена и на сценах некоторых зарубежных стран. Надо сказать, что «Шелковое сюзане» — пока единственная узбекская комедия, получившая широкое признание зрителей Москвы и Ленинграда.

В повестях «Золотая звезда» и «Герой из Дардака» он художественно воссоздает ратные подвиги Героев Советского Союза Ахмаджана Шукурова и Кучкара Турдыева.

Абдулла Каххар и после войны продолжал работать именно в этом русле, следовал главному уроку, извлеченному из творчества своих великих учителей Горького, Толстого, Чехова, уроку о том, что литература есть, прежде всего, человековедение. Да, эта аксиома никогда никем не отвергалась открыто. Но в период культа личности и застоя начали требовать, чтобы литература стала иллюстрацией наших успехов, чтобы она лишь громко аплодировала нашим победам,

Среди писателей, которые не поддались конъюнктурщине, был и Абдулла Каххар. Он по-прежнему продолжал глубоко исследовать различные аспекты нашей действительности. Так появился его роман «Кошчинар», герой которого, последний батрак Сидыкджан, в поисках счастливой жизни женится на дочери кулака и отрывается от своей среды. Вокруг уже создаются колхозы, его бывшие друзья уже пожинают плоды новой жизни, но Сидыкджан по-прежнему как бы пребывает в дремотном состоянии. Но вот случай заставляет его открыть глаза, и он порывает с кулацкой семьей и возвращается в свой круг, он как бы рождается вновь.

Таким образом, этот роман Каххара раскрывал пробуждение Сидыкджана — последнего батрака — от вековой дремоты. Писатель скрупулезно исследовал этапы пробуждения в Сидыкджане личности. Может быть, роман и не лишен отдельных недостатков. Но шел 1946 год. Не успел роман выйти, как на него был обрушен шквал критического огня. Чего только не было сказано о романе! Главное обвинение носило политический характер. Автора упрекали в том, что он не показал классовый характер,

сопровождаяшей процесс коллективизации. Стало быть, роман уцелел в идейном отношении. Страсти разбушевались, не помогло даже квалифицированное вмешательство известного писателя Юрия Либединского, который, будучи в составе специальной комиссии Союза писателей СССР, досконально изучил вопрос и опубликовал рецензию на страницах «Литературной газеты» под названием «Пробуждение Сидыкджана». Вскоре после этого в более влиятельной тогда газете «Культура и жизнь» появилась куда более грозная статья Ш. Рашидова и И. Султанова под заглавием «Роман, искажающий действительность».

Важно отметить, что в самые трудные моменты жизни Абдулла Каххар не опускал руки, продолжал напряженно работать и завоевывать новые творческие высоты. Ему была присуща не показная, а глубинная партийность.

Именно поэтому он вел многообразную принципиальную борьбу против того негативного явления, которое впоследствии было названо «шарафрашидовщиной». Об этом свидетельствует его сатирическая комедия «Голос из гроба». Еще в 1963 году Абдулла Каххар разоблачил в ней взяточничество и должностные преступления, убедительно показал, что духовные перерожденцы способствуют расцвету религиозных предрассудков. Сатира А. Каххара больно задела за живое руководителей застойного периода, и комедия была снята в 1964 году со сцены. Только спустя двадцать с лишним лет справедливость восторжествовала. И сегодня «Голос из гроба» с большим успехом, как остро современный спектакль идет на сцене вновь образованного республиканского Театра сатиры, который носит сейчас имя Абдуллы Каххара.

Одним из самых значительных произведений Каххара была повесть «Птичка-невеличка», написанная в 1959 году. Она издана почти во всех братских республиках нашей страны и в некоторых зарубежных странах. Повесть обнаруживает зрелость большого мастера, его умение лепить яркие, самобытные человеческие характеры. Кроме того, повесть убедительно показывает прозорливость автора, еще тогда подсмотревшего в жизни уродливые явления, к разоблачению которых мы пришли только сейчас. Повесть построена на остром и динамичном конфликте между молодым, энергичным секретарем парторганизации Саидой и многоопытным, «непогрешимым», ежедневно чувствующим поддержку сильных мира сего председателем Каландаровым.

Автор уже тогда сумел показать весь вред некомпетентного, административно-командного метода управления экономикой, оборачивающегося в конечном итоге игнорированием человека. Повесть пронизана подлинным остроумием. О ней так писала знаток творчества Каххара Вера Васильевна Смирнова: «Птичка-невеличка» — по-настоящему веселая книга, она вся — блеск остроумия, целая гамма смеха — от робкой улыбки до громогласного хохота».

В связи с повестью «Птичка-невеличка» нужно особо сказать о дружбе двух крупных писателей — Константина Симонова и Абдуллы Каххара. Как известно, Константин Симонов был переводчиком «Птички-невелички». Перевел он повесть великолепно, бережно донес до русского читателя все ее художественное богатство. Константин Симонов, два года прожив в Ташкенте, нашел в лице А. Каххара достойного друга.

В своем предисловии к двухтомнику А. Каххара, вышедшему в Москве, он подчеркнул, что Абдулла Каххар был человеком большого мужества и крепкой воли. «Я с благодарностью вспоминаю время, проведенное рядом с Каххаром в Ташкенте, не только потому, что работа над переводом его прозы на русский язык многому научила меня, — это время дорого мне еще и памятью о личном общении с этим человеком — умным, прямым, резким в суждениях, но полным добра к людям».

Эта высокая оценка, данная Абдулле Каххару выдающимся русским советским писателем, вызывает законную гордость в душе всех ценителей его таланта.

Абдулла Каххар, как писатель, многое сделал для упрочения дружбы

народов. Он искренне верил, что судьба духовного расцвета его народа тесно связана с интернационализмом советского строя, с процессом взаимного обогащения культур братских республик, и прежде всего с освоением русской классической и советской литературы. Он много переводил и неустанно пропагандировал произведения Гоголя, Горького, Чехова, Толстого.

Когда мы говорим о писателях, ставших совестью своего народа, перед нами возникает и образ Абдуллы Каххара. Он верил в могучую силу художественного слова и в своих записных книжках отмечал: «Литература сильнее атома, но эту силу не надо использовать на заготовке дров». И еще он говорил: «Если напишут моральный кодекс писателя, я там на первое место поставил бы совесть и мужество».

Абдулла Каххар до конца жизни оставался верным этому убеждению.

Каххар сегодня как-то особенно современен. Ибо его мужество и честность, искренность и порядочность, ответственность и убежденность не имеют временных границ. И каждое из этих достоинств писателя, оплодотворенное немеркнущим дарованием, пронизывает пелену десятилетий, светит нам в пути на еще долгой и трудной дороге к нравственному совершенствованию, качественному обновлению общества.

Наследие, оставленное Каххаром, — тот замечательный багаж, который не отягощает, а облегчает дорогу, как бы подталкивает вперед, высвобождает силы для ускорения и перестройки. Этим Каххар сегодня нам особенно дорог и ценен.

В Узбекистане широко отмечался 80-летний юбилей писателя. Издано пятитомное собрание его сочинений на узбекском языке, сочинения на русском языке, вышла большая книга «Воспоминания современников о Каххаре», его именем названы театр, улицы, школы. И все это — яркое свидетельство того, какой великой любовью народа пользуется наш Абдулла Каххар, сколь огромны значение его творчества, мудрость его книг.

В нашей памяти Абдулла Каххар — бессмертный художник слова, у которого всем нам есть чему поучиться, чтобы полнее соответствовать делу великой революционной перестройки общества.

Владимир Кулагин

* * *

Хорошо устроен человек,
Хоть живет лишь в вечности мгновенье.
На земле хлопочет целый век
И совсем не думает о тленном.

Смертною не мается тоской.
О лихой судьбе своей не плачет.
Не было бы жизни никакой,
Будь устроен человек иначе.

Шла пехота

Скользнула тень от самолета
Почти у самых
Ног моих,
И очередь из пулемета
Убила наповал
Двоих.

На миг замедлилось
Движенье,
На миг
Солдатский говор смолк,
И снова в полном снаряженье
Шагал на фронт
Пехотный полк.

Курила матушка пехота
И шла, и шла
В пыли седой,
У безымянного болота
Оставив холмик
Со звездой.

* * *

Забрала мою юность пехота.	Хорошо получилось иль плохо,
Стройка молодость забрала.	Участь, видно, такую была.
До седьмого работали пота,	Не спросила согласия эпоха,
Позабыв про другие дела.	А взяла да на плечи легла.

Дни летят

Дни летят, как птичьи стаи
С легким взмахом быстрых крыл.
Ничего не наверстаешь,
Если время упустил.

А оно всегда крылато
В человеческой судьбе.
Что нагонишь ты когда-то,
Только кажется тебе.

Илья Александров

Здесь когда-то...

Здесь когда-то над старым прудом,
Дом стоял под тесовою крышей.
Понимаю, но верю с трудом,
Что родных голосов не услышу...

Дом другой здесь построен теперь.
В нем другие смеются и плачут.
В старом доме скрипучая дверь
Мне пророчила в жизни удачу.

Кое в чем я успеха достиг,
До чего-то не смог дотянуться...
Но тянуло сюда хоть на миг
К ручке старой двери прикоснуться.

Долго я добирался сюда,
Где все было до боли знакомо.
Только все изменили года:
Нет уже ни пруда и ни дома.

Старый дом наш пошел на дрова.
Изменила речушка дорогу.
И ни память моя, ни слова
Возродить ничего тут не могут...

По омытой грозюю дороге...

Мне, признаться, пока непривычна
Выпрямления взглядов пора.
Слишком явно, уверенно-зычно
Ложь себя восхваляла вчера.

Раздавала чины и награды
За победы в картинных боях
И за ширмой словесной бравады
Надвигавшийся прятала крах.

Тех глушила, кто прямо и честно
С неприкушенным жил языком,
Чтобы знали привычное место,
Как сверчки в темноте под шестком.

Непривычно так резко вот, сразу
Выходить на широкий простор,
Если с детства привычнее глазу
Тесный двор и высокий забор...

По омытой грозью дороге,
Как по первому ломкому льду,
В состоянии смутной тревоги
Я с надеждою в завтра иду.

* * *

Глухо ропщет встревоженный лес.
Крылья ветра запутались в кронах.
Звонкий купол чернильных небес
Расколосся от близкого грома.

То ли это библейский пророк
Прокатился в своей колеснице,
То ль природа назначила срок
Небу влагой с землей поделиться.

Окруженная темным кольцом,
Пьет лесная поляна дождевки
И, сияя цветастым лицом,
Мне под ноги склоняет травинки.

Отвернув, прохожу стороной,
Меж деревьев, по умершим листьям.
Чтобы перед природой родной
Оставаться безгрешным и чистым.

С детства помню я старый завет,
Что когда-то ценился в народе:
— Не простится потомками вред,
Без нужды нанесенный природе.

* * *

Бывает, выпадет пора,
когда взгрустнется
и деревенских предков кровь
во мне проснется.
И ход реальности прервав,
как в доброй сказке,
воображения игра
изменит краски.
И сквозь причудливый забор
строений серых

зеленый вижу детства двор
в ромашках белых.
И, возвратясь через года
по теплым росам,
я попадаю вновь туда,
к речым откосам,
с которых (трудно удержать
сейчас улыбку)
пытался много раз поймать
златую рыбку...
Воображения игра,
твоим посредством
влетело с легкостью пера
в окошко детство.

Кони детства

Собираюсь, но все не могу
Выбрать место в плацкартном вагоне
И доехать до мест, где на росном лугу
Отдыхают усталые кони.

Распряженных, без пут, без удил,
После тяжелой работы под зноем,
Несмышленышем я проводил
Их давно напоследок в ночное...

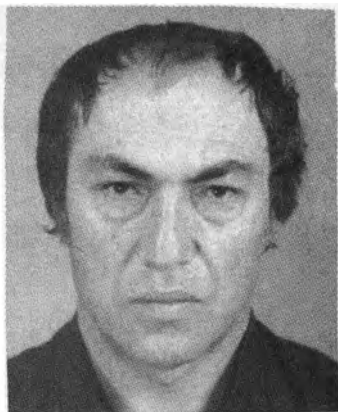
Уводили меня города
От земли, где покоятся предки,
Не дано было знать мне тогда,
Что свидания с ней будут редки.

И живых заменили коней
Лошадиные мертвые силы,
Но зовут с каждым годом сильней
Кони детства и предков могилы.

Язык

Сколь гибок человеческий язык!
И во владеньи им — огромен опыт.
И там, где впору перейти на крик,
Являет он невнятный робкий шепот.

А сколько раз парадное «ура»
Вещал он так, что глохли уши?!
И поглощала Черная дыра
К высоким звездам рвавшиеся души...

Шукур Халмирзаев

Перевод с узбекского М. Мирзамухамедова

НАД ПРОПАСТЬЮ

РОМАН

Если я сам не познал себя,
Как люди поймут, кто я...
Навои

1

Ночь, не подсвеченная звездами или огнями большого города, кажется огромной. Теперь же она была тревожна и мрачна, как бездна: колкими каплями, с едва слышным шорохом сеялся на спящий город зимний дождь.

Зыбким оазисом виделся в ночи ташкентский вокзал. Чем ближе, тем светлее. За желтыми окнами слышался гомон голосов.

К центральному входу, со стороны города, мягко подкатила коляска с поднятым кожаным верхом. Из нее вышли трое. Не осматриваясь, не обращая внимания на водяную пыль, направились в зал ожидания, ярко освещенный и даже в столь поздний час заполненный пассажирами.

Их появление в зале не осталось незамеченным. Невольно бросался в глаза крепыш в светлом шелковом халате, брошенном поверх черного европейского костюма, и в безупречной белизны чалме, закрученной без претензий, но элегантно.

— Колоритная фигура! — отметила вслух белокурая русская женщина, с любопытством провожая взглядом этих троих, пока они проходили к выходу на перрон.

— Да, мадам, — охотно откликнулся мужчина в шляпе. — Сразу видно: безукоризненный вкус! Как видите, мусульманскому духовенству неплохо живется при большевиках!

Тот, о ком шла речь, услышав русских, оглянулся. Определив, что те «из бывших», он приостановился. Не спешил догнать своих спутников, словно ожидал, не услышит ли еще о себе чего-то лестного. А его спутники, выйдя на перрон, уже шли вдоль вагонов. Один из них был немолод, даже, пожалуй, стар, если судить по седой бороде, другой выглядел совсем юным, и если не на него в первую очередь обратили внимание скучающие пассажиры, так это, наверно, только потому, что одет скромно. Можно было не заметить франтоватых усиков, но рост... Юноша высок и строен. Вот они поравнялись с головным вагоном. Старик о чем-то спра-

сил у проводника, покивал, глянув на часы. Еще есть время. Можно пройти по перрону...

— Еще не поздно отказаться, Курбан, — тихо, на фарси, сказал старик.

Похоже, это говорилось уже не в первый раз. Ответ прозвучал раздраженно — как о надоевшем:

— Все еще сомневаетесь! Напрасно! Что со мной может случиться? Ведь я ему кто? Почти сын! Да-да, ему — ишану Судуру ибн Абдулле!

— Что ты, что ты, — смешался старик. — Просто по-человечески опасаюсь за тебя... Ты идешь в логово... Самая опасная фигура для тебя не Энвер-паша, не Ибрагимбек. Его преосвященство. Такие люди осторожны и подозрительны, не доверяют никому, даже самым близким. Был такой французский кардинал... Ришелье. Ты знаешь... Так вот, твой учитель напоминает мне как раз этого «серого» кардинала.

— Ришелье? — оживился Курбан. — Ишан Судур относится к его памяти с большим почтением. Учитель много рассказывал о кардинале. Василий Васильевич, так звали старика, резко остановился.

— Скажите на милость, с почтением! И кого же он еще почитает?

Курбан улыбнулся — то ли тому, как рассердился Василий Васильевич, то ли своим воспоминаниям.

— Список великих у его преосвященства был не так уж обширен, но... С особым чувством говорил он об Игнатии Лойоле. Чем привлекал его основатель ордена иезуитов, не знаю, может, требованием слепого повиновения церкви и прощения любого преступления, совершенного учениками во славу божью. — Курбан помолчал и задумчиво повторил: — Любого преступления.

И опять в тоне Василия Васильевича угадывалось удивление, более того — недоверие.

— Что, ишан Судур и в самом деле так широко образован?

— Его преосвященство получил блестящее образование! — с невольным восхищением воскликнул Курбан. — Кроме того, он был в постоянном поиске знаний. Французский посол в Стамбуле поразился лингвистическими способностями хазрата. Он сказал: «Вы прекрасно владеете языком моего народа. Далеко не каждый француз способен с таким изяществом излагать свои мысли». Ишан Судур много путешествовал и брал с собою меня, считая лучшим учеником, — расхвастался Курбан. — В очень короткий срок я овладел фарси, и как награда за мое усердие — поездка с его преосвященством в Кабул, Тегеран, Стамбул! В Каир я сопровождал учителя «за арабский язык». Хазрат любил поощрять... Но вот русский пока мне неизвестен.

Василий Васильевич по-отцовски заботливо положил руку на плечо юноши.

— Мой мальчик! У тебя все впереди. Вспомни когда-нибудь мои слова: ты будешь учиться в Москве. А теперь — прошу тебя: будь осторожен. Возвращайся. — Старик помолчал и показал глазами на крепыша, тот прохаживался в отдалении, не мешая их разговору. — Этот человек проводит тебя до самого Кагана. А теперь... простимся.

Он обнял юношу, легко коснулся щекой его лица и, не оглядываясь, пошел по перрону к зданию вокзала.

Это было прощание навсегда.

2

Курбан шел по раскисшей от грязи тропе, ежась от пронизывающего холодного ветра. Лужицы, образовавшиеся от конских копыт и красноармейских сапог, затягивало льдом. Прихваченные заморозком, поля клевера отсвечивали из-под тонкого льда нежным зеленым цветом.

О чем думал Курбан? О срочном вызове Алимджана Арсланова. Только важная причина могла заставить Арсланова прибегнуть к помощи вес-

Приутих ветер — и повеяло каким-то удивительным запахом. Холод — не холод, тепло — не тепло... Бодрящая, словно бы предвесенняя свежесть!

Всем своим существом Курбан ощутил прилив сил, как бывало в годы мальчишества, когда с появлением первых признаков весны рождались мечты о путешествиях, о неожиданных и счастливых встречах, так и теперь в мыслях его зыбко отражались синь неба и словно бы неуверенно яркая зелень земли, хруст льдинок под ногами напоминал начало забытой мелодии, и пело в его душе: какое это чудо — жить!..

Так он шел, мечтательно и отрешенно улыбаясь, пока взгляд его не уперся в дувал — начиналась усадьба Рамазанбая. Хозяин в пестром халате и голубой чалме со свисающим концом неспешно прохаживался по двору. Встреча с баем была неприятна, и приветствовать его Курбану не хотелось. Но он вспомнил предупреждение Арсланова — с хозяином усадьбы надо быть вежливым. И поздоровался. Но странно. Рамазанбай сделал вид, что не узнал его. А ведь приходилось некогда баю обращаться к Курбану с уважительным — домла, учитель. «Нет, — решил Курбан. — Узнал меня бай. Конечно, узнал. И жена его, и дочь... Дочь... Почему я до сих пор не встретил его дочь?» Нашел о чем думать, одернул себя Курбан. Лучше подумай, что ждет тебя завтра...

Вдруг он ощутил на себе чей-то взгляд. Обернулся — ни души. Голый дувал, одинокая орешина — бугристый ствол в несколько обхватов, и в нем огромное дупло с трухлявыми краями.

Мелькнуло в памяти давнее. Мама предостерегает таинственным шепотом: не усни, сынок, под орешинной. И уж вовсе непонятное: на ветвях сидят... в трухлявых дуплах прячутся... Они. Кто — «они»? Злые духи? Оборотни? Оборотни!.. В самом неожиданном облике могут предстать они перед тобой! Не смотри долго на ветви, быстро отведи взгляд от дупла, не думай о том, что кто-то рассматривает тебя, затаившись в черном провале...

Тряхнул головой. Готов был расхохотаться: о чем ты, Курбан? Откуда вдруг суеверные страхи у молодого бойца, не верящего ни в какую чертовщину. Но тут — показалось? — из дупла ящеркой скользнула девчонка. Или девушка. Черный бархатный камзол, голова покрыта цветастым платком. Девушка. Смотрит на него пристально и изучающе.

Была — и нет.

Курбан отошел к арыку, наклонился, решив ополоснуть лицо. Нет — отдернул руку: вода обожгла холодом.

Показалось — послышался тихий смех.

Опять она здесь!

— Кто вы? — невольно вырвалось у Курбана.

— Уходите! — резко сказала девушка. — Что вам здесь нужно? Уходите!

И Курбан неожиданно для себя послушался. Перепрыгнул через арык и пошел прочь.

От дувала усадьбы бека, бывшего байсунского правителя, изрешеченного множеством дыр, поднимается легкий пар. Воробьи суетятся возле дыр, там их гнезда. С муэззиновской терраски стоявшего в стороне высокого минарета свисает мокрый флаг. То и дело показывается наблюдатель с винтовкой на плече.

Огромные деревянные ворота, окованные железом. Слева и справа от ворот — по пушке. И здесь часовые с винтовками.

Просторная площадь безлюдна.

Курбан направился в бывшую саламхану¹ бека. Уверенно открыл дверь. Да, с некоторых пор он в эту комнату входит без стеснения. С Алимджаном Арслановым разговаривает на равных, свободно. Хотя они даже не сверстники и тем более не родственники.

¹ Приемная — узб.

Арсланов родился в Бухаре, или, точнее, в Кагане. Там он учился в школе вместе с детьми русских железнодорожников. Отец его, видный священнослужитель Бухары, отдал сына сначала в медресе Мир Араб, потом отправил его в Стамбул продолжить образование. Поехал сын, да не доехал — в Баку у него выкрали все деньги, пришлось вернуться восвояси. И в Бухару Алимджан возвратился не сразу, застрял в Ташкенте. С этих дней его жизнь менялась буквально на глазах, толчками, в том стремительном ритме, какой был характерен для круговерти политических событий.

Волна революции докатилась от Петрограда до Ташкента, русские рабочие, местные ремесленники, дехкане, объединившись, прогнали генерал-губернатора и установили народную власть. Жизнь в городе бурлила. Каждый день был заполнен новым для Алимджана содержанием. За несколько месяцев, проведенных в Ташкенте, Алимджан постиг азы науки, имя которой — классовая борьба.

Возбужденный, наэлектризованный революционными идеями, он наконец-то вернулся в родную Бухару. И — еще не дойдя до порога отчего дома, окунулся в бурные события общественной жизни.

Друг детства, Усманходжа Пулатходжаев (теперь он председатель Исполкома Народного революционного Совета Бухарской республики) и его двоюродный брат Файзулла Ходжаев, председатель Всебухарского ревкома, ввели Алимджана в тайное общество «младобухарцев». Пройдет совсем немного времени — и Алимджан в числе других подпишет послание от имени «молодых» к командующему войсками Красной Армии Колесову, остановившемуся в Самарканде: «Мы хотим свергнуть эмира. Помогите нам прочно утвердить свободу в нашей Бухаре!» — писали они.

Эмир, узнав об этом послании и о движении к Бухаре войск Колесова, бросает навстречу отборных нукеров. Красные были вынуждены отступить. Нукеры эмира, ворвавшись в Каган (этот город издавна являлся владением России, здесь же находилось и русское посольство), совершили зверскую расправу над местными жителями. Тогда же, запалив дом Алимджана Арсланова, бросили в огонь его жену и дочь.

Потом... Схватили в Бухаре самого Алимджана. В обхоне — этой страшной камере бухарской тюрьмы — он оказался вместе с Усманходжой Пулатходжаевым. Именно там Курбан впервые увидел Арсланова.

И вот теперь новая встреча.

Арсланов, поздоровавшись, показал на маленький резной стул возле круглого стола на коротких ножках:

— Садись.

У Арсланова бледные губы, поверх гимнастерки — халат из кустарной шелковой ткани, на лоб мрачно надвинута черная папаха. Он то и дело шмыгал носом и зябко кутался в халат. На столе блюде из обожженной глины с двумя свечами, рядом тонкая книжка в белой обложке.

Курбан сел на предложенный стул, загородив собой свет, падавший справа, из окна.

...Под командованием Алимджана Арсланова 306-й полк двигался из Бухары. Хотя он и входил в состав Гиссарского корпуса, но считался полком особого назначения и должен был самостоятельно прибыть в Байсун.

Арсланов был наслышан об этом городе. Он прочитал в сочинении историка Ахмада Дониша: «Байсун — горная местность. Там, рассказывают, меткие охотники... Байсунская ткань «жанда-алача» славится на базарах Бухары». Кто не слышал о великом искусстве байсунских ткачей!

Алимджан Арсланов — полномочный представитель Бухарской Советской Республики. В Восточной Бухаре, куда бежал эмир, все еще продолжались вооруженные стычки, и потому, в соответствии с решением ЦК партии и Совнаркома, а также главного штаба Туркфронта, была создана Чрезвычайная комиссия, один из трех членов которой должен был на местах, в частности и в Байсуне, навести порядок. И еще одна задача — наиболее сложная, — агитпроп, разъяснение местному населению целей

и задач Советской власти. Работа предстояла огромная. Но прежде чем приступить к выполнению ее, необходимо было упразднить бекскую форму правления, конфисковать имущество баев, бежавших за эмиром Саидом Алимханом (эмир останавливался в Байсуне). Часть конфискованного разделить среди бедняков, остальное — объявить государственной собственностью.

Арсланов знал, что успех зависит от глубокого, тонкого понимания обычаев и традиций местного населения. Потому единственного в полку байсунца — Курбана — не отпускал от себя ни на шаг, во всем советовался с ним. Во время беседы промелькнуло несколько раз имя ишана Судура ибн Абдуллы.

— Кто он, этот ишан? — поинтересовался Арсланов.

Вопрос был слишком прямым. Один из руководителей разведки Туркфронта, характеризуя Курбана, предупредил Арсланова: «Единственный человек, с кем он может быть откровенным в трудную минуту, — это вы. Но помните — все в меру, не стремитесь знать о нем или о его близких все. Кстати, многого он все равно вам не скажет. — И добавил: — Умный, мгновенно реагирует на ситуацию, сдержан, быстро и глубоко анализирует обстановку, хладнокровен, решителен, смел...»

— Не слишком ли много достоинств у этого молодого человека?! — усмехнулся тогда Арсланов.

— Не слишком. К вашему сведению, он блестяще образован. Не стал бы такой человек, как его преосвященство ишан Судур ибн Абдулла, держать при себе серость... да еще представлять как любимого ученика, — решительно пресек иронию Арсланова собеседник.

Курбан был высок ростом и строен, одет элегантно, поверх черного европейского костюма надевал халат из тонкого английского сукна, его голову украшала изящно закрученная белая чалма, придававшая лицу благородную бледность. Движения мягкие, спину он держал прямо, а чуть приподнятая голова, казалось, выражала холодную надменность.

Теперь, в красноармейской одежде, Курбан выделялся среди бойцов разве что ростом.

«Кто он, этот ишан?..» Курбан бросил на Арсланова недовольный взгляд. «Что это он заинтересовался хазратом¹? Да, был ишан... Мы разные люди. Он враг Советской власти, — в каком бы обличье ни находился...»

— Он мой... духовный наставник! — наконец сказал Курбан, исподлобья наблюдая за Алимджаном. — После смерти отца взял меня под свое покровительство. В Байсуне обучал в медресе. Потом, в Бухаре, поместил в медресе Кукельдаш, — продолжал Курбан перечислять скучным тоном. — Затем куда-то уехал и... бесследно исчез.

Арсланов почувствовал раздражение в голосе юноши.

— Что с тобой?

— Ничего! — резко сказал Курбан. — Сказано: я ученик его преосвященства ишана Судура!.. Он враг! Советской власти, красным, всем вам!

— Кто знает... — заговорил Арсланов примирительно и неопределенно. — Ты ведь отрেকся от него, правильно? Вдруг и он стал понимать жизнь по-иному...

— Ну конечно! — охотно подхватил Курбан. — Кто старое помянет, тому глаз вон! Признаться, я обязан этому человеку, многим обязан, если не всем! — Он вдруг так ясно увидел перед собой ишана Судура... В белом халате и белой чалме. Его продолговатое, мясистое лицо с тяжелым подбородком. Глубоко сидящие грустные глаза... По-отечески полный любви взгляд. — Когда отец умер, этот человек пришел к нам выразить сочувствие. Я был дома один, теперь уж навсегда один, и плакал... — Показалось Арсланову, что юноша и сейчас всхлипнул. И неожиданно перешел с обыч-

¹ Его преосвященство (в данном случае).

ного «он» на уважительное «они»: — Явились они не одни, а с мужчинами — и было их человек пять — шесть... Увидев, в каком я оказался положении, они сказали, чтобы я пришел в Большое медресе¹. «С этого дня ты всегда будешь под моей защитой», — сказали они. Кем становится мальчик без матери и отца? Бродягой, нищим или вором. Какие уж тут мечты о Бухаре! Да... — И с вдохновением, видя, как внимательно слушает его Арсланов, продолжал: — Тогда-то они мне и рассказывали о дворцовых интригах и бекских кознях, о деспотизме и взяточничестве баев и чиновников. Иногда этот человек становился таким правдивым, способным давать фетву нечистым делам... Его боялся даже бек Байсуна! Да, нередко казий² предоставлял ему право вершить суд. Ишан Судур был блестящим законоведом, знатоком и толкователем шариата! И еще — занимал должность главного мударриса³ в медресе!.. Ну, а если хотите знать, этого человека не только в Байсуне, но и на всем Юге уважали. Сейчас мы эту сторону называем Восточной Бухарой. Его преосвященство фактически являлся верховным правителем мусульман Восточной Бухары. У его имени тогда приставки «судур» не было. Судур — это звание! Специальное высшее духовное звание, присваиваемое эмиром. Его преосвященство как-то раз приехал в Бухару. Саид Алимхан вызвал его в Арк и в присутствии всех улемов⁴, придворной знати повязал ему серебряный пояс судура! Пояс был широкий. Он надевал его по праздникам. Вот каким он был человеком! — И, словно извиняясь: — Я не восхваляю его...

— Конечно, конечно! — поспешил успокоить Курбана Арсланов, тепло посмотрел на него. — Вы объективны...

Арсланов не договорил — увидел подошедшего Карима Рахмана, тот только вчера присоединился к полку. Курбан хорошо знал его, сына известного на всю Восточную Бахару конокрада Рахманджана-барышника.

— Тебя познакомить с твоим земляком? — словно так, между прочим, спросил Арсланов. — Как-никак, тоже байсунец.

Курбан безразлично глянул на Карима, отвернулся.

...Арсланов продолжал подробно, стараясь не упустить мелочей, спрашивая Курбана об ишане Судуре, объясняя при этом свое любопытство: «Я должен знать... В общем, я должен знать Байсун. Я обязан знать все о его влиятельных людях!.. К тому же, говорят, он в Кабул уехал?.. Так ли это?.. Наше место назначения, куда сейчас направляемся, близко к Кабулу... Кабул — сосед Кукташа, где собираются воины ислама!»

И вот в Байсуне, в штабе, видимо, решили — пора!

3

— Знаешь место сбора воинов ислама?

— Знаю.

Кукташ!... Где-то там, если ехать в сторону Душанбе. Земля племени лакаев. Курбан был наслышан о них от ишана Судура.

Здесь собираются в единую армию разрозненные банды басмачей. Перед тем как уйти в Кабул, эмир Алимхан заложил основу этого войска.

Цель прибытия сюда 306-го полка Гиссарского корпуса, — Курбан об этом знал еще в Ташкенте, — уничтожение этого войска. Значит, полк, перодохнув на коротке и получив точные данные о составе банд, двинется туда.

— Ну а кто у них командующий, слышал?

— Ибрагимбек.

¹ В Байсуне было два медресе. В Большом медресе учились дети бедняков, способных плавать. В Малом медресе, находившемся в усадьбе бека, учились дети местной знати, богатеев.

² Судья, судивший по законам шариата.

³ Главный учитель.

⁴ Верхушка мусульманского духовенства.

— Знаю его... Не видел. Но знаю! Его руки доставали всюду. Теперь настало время нам достать его. Что ты знаешь о нем? Вспомни...

Курбан рассказал все, что слышал об Ибрагимбеке от хазрата.

— Я тоже кое-что разузнал... Эмир, перед тем как уйти в Кабул, назначил его начальником придворной охраны. До Ибрагимбека главой племени лакаев был его отец Чакабай. Когда сыну исполнилось двадцать два, Чакабай привез его в Бухару. Говорят, он предан эмиру.

— Должен быть предан...

— Правильно! — Арсланов достал из внутреннего кармана кiset, раскрутив, развязал узелок. Достал кусочек бумаги, согнул один край и насыпал ровным слоем махорку. Скрутив, сунул сигарку в зубы.

Пыхнув дымом, он решил отвлечься от расспросов об ишане Судуре.

— Следуя за хазратом, ты, Курбан, не раз, наверное, оказывался в обществе знатных людей?

Верно, после окончания медресе, хазрат, решив удостоить его сана священнослужителя, сводил Курбана в Арк, где устроил экзамены перед улемами! Здесь представляли главному беку только лиц, которые готовились к получению звания мударриса.

В каких только знатных домах не побывал на угощениях Курбан! Вот в этом — во внутреннем дворе, в личной гостиной дома Рамазанбая, где стоит сейчас один их взвод, он тоже бывал не раз.

Да, многое увидел Курбан, однако нужно ли было обо всем рассказывать сейчас.

— Зачем это надо?

— Надо! — резко пресек Арсланов любопытство Курбана. — Еще вопрос: между тобой и ишаном Судуром ничего не произошло?

— Нет, — не задумываясь, ответил Курбан. Но тут же насторожился: неспроста Арсланов расспрашивает его.

Вспомнилось...

Выйдя из медресе Кукельдаш, ишан Судур со своим учеником в сопровождении конных нукеров направился в Гузар Странников, где стоял караван-сарай Бакибая.

Караван-сарай был небольшой, с двух сторон — кельи, посреди двора навес для лошадей и ослов.

Хазрат всякий раз, когда бывал здесь, останавливался у Бакибая. Маленький, горбоносый, согнувшись в три погибели, хозяин приветствовал важного гостя, упав на колени и приложив к глазам подол халата хазрата.

— Венценосный... венценосный...

Показав каждому нукеру его келью, Бакибай велел своим людям завести под навес их коней. Хазрата и Курбана он провел в отдельно стоящую в глубине двора уютную гостиную. Хазрат выглядел утомленным, лицо его было обветрено. Однако, прежде чем опуститься на курпачу и дать отдых ногам, он прочитал торопливо молитву, сразу же приступил к беседе.

— Что в городе? О чем говорят во дворце?.. Расскажите-ка, что видели, что слышали! Нам надо узнать, какая погода в столице!

Бакибай затараторил по-таджикски:

— Юные бездельники, те, что стараются казаться не цыплятами, а пухами, объявили себя «младобухарцами»...

— Чего они хотят?

— Им все не нравится: власть, порядки...

— Чего они хотят? — повторил хазрат.

— Предлагают открыть школы с джадидской формой обучения.

— Еще?

— Выпускать свою газету.

— Все?

— Нет. Выбирать судей, кто кого захочет.

— Ну, а дальше-то что? — проворчал хазрат.

— Записали эти крикуны все свои пожелания и направили эмиру... —

Тут Бакибай выдержал паузу, словно подсказывая: что теперь будет...

— И что эмир? — нетерпеливо спросил хазрат.

— Он поступил мудро! Прочитал и выслушал, пообещал все сделать, как его просят молодые, пригласил представителей в свою резиденцию, чтобы вместе составить указ. Глупые цегушки, радостно воюя: «Свобода! Да здравствует Саид Алимхан!» — сбежались, куда были приглашены, — тут их и прихлопнули.

— Слишком горячие головы бывает полезно остудить.

— О, пир мой! — застонал хозяин караван-сарая. — Как произошли в России плохие дела, так и в Бухаре не стало покоя, все — как-будто разоренное осиное гнездо!

— Даст аллах, все наладится, — успокоил хазрат.

— Да сбудутся ваши слова!

Ишан Судур, помывшись в бане и облачившись в свежую одежду, велел Бакибаю сварить плов для нукеров, а сам с Курбаном вышел на улицу.

— Таксыр, а кто они, эти «молодые бухарцы»? — поинтересовался юноша.

— Коренные бухарцы! — ответил хазрат с неожиданной для Курбана гордостью. — Они настоящие люди, сынок! Ты еще многое увидишь. Чего не поймешь — объясню, а пока смотри, наблюдай. Изучай! Теперь тебе здесь жить!.. Ай-я-яй! Несчастная Бухара!.. — Хазрат умолк. Обойдя вокруг водоема, они прошли через крытый базар. Остановились напротив величественного здания.

Вот оно — медресе Кукельдаш!

Хазрат посмотрел на запад. Курбан проследил за его взглядом и... обомлел — подобно грозовой туче, горизонт закрывала громадная черная стена: Арк!..

— Бутам¹, я пойду в Арк, — сказал ишан Судур так, словно начинал проповедь. — В Бухаре обстановка сложная!.. Я скоро вернусь. Справим тебе одежду.

— Таксыр...

— Ты доволен своей кельей?

— О, пир мой, вы проявляете столько милости, что до конца своей жизни я не смогу отплатить вам за всю доброту!

— Помни: человек не совершает добро в долг.

— Простите меня...

Курбан знает о маленьких слабостях своего наставника: хазрат не прочь напомнить тонко, вроде бы незаметно, о своих услугах. Делать людям добро, выражать искреннее сочувствие — это естественно. Но так же естественно для хазрата и проявление высокомерия к окружающим. Человеку свойственны противоречия. Творящему добро, тем более, если он уж не молод, слабости простительны. Более того — они словно бы подчеркивают человечность, родственность с простыми смертными.

Кельями всех медресе Бухары, как оказалось, распоряжаются байские сынки, ростовщики и даже маклеры. Ишан Судур, переговорив с попечителем мечети и главным мударрисом, взял для Курбана келью Давудамклера и сразу уплатил деньги вперед за масло, муку, рис и свечи.

— Теперь тебе добрый совет: будь осторожен, — предостерег хазрат. — Знаю, ты умеешь держать язык за зубами. Но в этом городе много мастеров, умеющих разговорить, помни об этом!

— Я понял, мой пир!

Хазрат поспешно удалился.

Мудрый человек хазрат ишан Судур! Он словно бы предвидел дальнейшие события. Тогда единственное, что он мог, — предостеречь. Убереечь — нет...

Может ли юноша, слишком долго внимавший в обществе старших, оставленный без присмотра, не искать юных друзей и, найдя, только молча ки-

¹ Дитя мое.

вать в общем разговоре? Сам говорил, сам хотел быть услышанным и понятым.

Глупая юность!.. Кричит там, где молчание поистине золото...

В смутное время в медресе были приостановлены занятия. Давуд-бакалейщик тут же отнял у Курбана келью. Что оставалось делать? Бродил по городу, искал встречи со знакомыми. Вот и тогда — ожидал Клыча на берегу Лябихауза, когда подошли два миршаба и крепко скрутили ему руки.

— Молчи! — свирепо прошипел один из них.

Курбан дернулся.

— В чем моя вина?

— Потом узнаешь! — криво улыбнулся другой.

Они притащили его в Арк. Открылись и вновь сдвинулись тяжелые ворота. Когда Курбана вели по двору, мощенному квадратным кирпичом, сидевший на супе человек сказал вслед:

— Молодцы! Сегодня вас ждет хорошая награда!

Миршабы еще крепче вцепились в локти Курбана и ускорили шаг. Один из них по-таджикски сказал, что до вечера они приволокут сюда и «тех двоих».

Курбан шел, шатаясь. Стоит лишь сделать попытку повернуться — тычки, удары. Свернули налево. Один из миршабов громко крикнул, на его зов прибежал, похоже, стражник, в красных шароварах и папахе. Выбрав из связки, висевшей на поясе, ключ, он открыл маленькую низкую дверь. В нос ударил смердящий запах. Получив сильный пинок, Курбан влетел в темноту. Дверь закрылась, лягнув замок. По шорохам угадал, что здесь есть люди. Немного подождав, не привыкнут ли глаза к темноте, позвал: — Эй! Есть кто-нибудь?

Кто-то откликнулся невнятным бормотанием.

Курбан шагнул на голос, но, споткнувшись, тяжело упал на пол. Нащупал циновку, осторожно сел на нее. Бормотание повторилось.

Постепенно глаза, привыкая к темноте, стали различать окружающее. Кучей, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди. У многих бороды отрасли едва ли не до пояса. Несколько человек растянулись на полу. Кто-то из угла посоветовал:

— Не сиди там, сынок.

Курбан, щупая пол, отодвинулся. Ладонями ощутил влажную землю. На четвереньках двинулся туда, откуда послышалось: «не сиди».

— Что здесь? — спросил он шепотом.

— Обхона.

Над ними послышался топот. На Курбана закапало сверху. Он удивленно задрал подбородок, силился что-то разглядеть.

— А там что?

— Конюшня, — послышалось из угла. — Передвинься сюда.

— Вай-вай-вай! — Курбан втиснулся в стену, простонал сквозь ладони, прижатые к лицу: — Почему меня засадили в тюрьму?! За что?.

— Хе, да вы, оказывается, ребенок!.. — в голосе угадывалась усмешка.

— Я никому ничего... Я ждал товарища... — Он что-то еще говорил — сбивчиво, торопливо, к кому-то взывал, о чем-то расспрашивал — никто не ответил ему.

Пройдет немного времени, прежде чем Курбан смирится с тем, что попал в тюрьму, и станет размышлять о том, как выбраться на волю.

Он все еще надеялся: это ошибка, там разберутся...

— Эй, дядя, вас спрашивают, за что посадили?

В ответ все то же тяжелое молчание.

— О аллах! — вырвалось у Курбана. Черный, как все здесь, страх вполз в его душу: вдруг останется он здесь до конца дней своих! Но он же не виновен! Он... ученик самого ишана Судура! Между прочим он не только ученик хазрата, а можно сказать — его сын! А-а, была не была! Он назовет имя хазрата, и пусть попробуют его не выпустить! Даже эмир считает ишана Судура своим пиром. Хотя и не настолько, как кокандского ишана... — Я им скажу! — вскочил он с места и, добравшись до двери, заколотил по ней но-

гой. Дверь чуть-чуть приоткрылась, впустив густой, яркий сноп света в темницу.

— Кто нарушает порядок?! — пробасил тюремщик в красных шароварах

— Я! Я! — закричал Курбан, придвинувшись к нему. — Меня несправедливо посадили, таксыр! Я сын... сын его преосвященства ишана Судура!

Тюремщик тупо уставился на него.

— Ишана Судура? — почесал затылок.

— Да.

— Ты?! — он оценивающе посмотрел на его короткий халат, грязную чалму и на кавуши с покосившимися каблуками. И, словно бы смягчившись, оскалился в ухмылке: — Ну, если ты и впрямь его сын, он заберет. А если вре-е-ешь!..

— Но надо ему...

Надзиратель, не дослушав, захлопнул дверь.

Курбан, шатаясь, возвратился на свое место. Из угла послышалось с тяжелым, сочувствующим вздохом:

— Напрасно ты это, сынок. Теперь они не выпустят тебя.

— Но почему? За что? Я же ни в чем не виноват!

— Будут ждать деньги. Большие деньги. А где их взять-то...

В тюрьме не было ни дня, ни ночи, было одно черное, безмолвное и неподвижное время. На циновку бросали избитых плетью узников. К утру многие из них умирали.

Смирился ли со своей судьбой Курбан? Нет! Напротив, ненависть тугим узлом затягивалась в нем и искала выхода.

В его характере с детства проглядывало стремление к справедливости. Это было замечено и хазратом. Однажды Курбан случайно подслушал, как один из друзей хазрата, проводив юношу долгим взглядом, сказал: «Этот львенок слишком образован и умен для роли шейха или муллы. Для кого вы его готовите?» «Для себя!» — расхохотался ишан Судур.

— Нет, — повторил Курбан, отвечая на вопрос Арсланова — не произошло ли тогда чего-то такого, что изменило бы отношения учителя и ученика. — Ничего такого между нами не произошло! Выйдя из тюрьмы, я сразу же пришел в караван-сарай Бакибая... Я говорил вам об этом. Оказывается, меня навещал хазрат. Но главное и, пожалуй, самое интересное — он вызволил меня из тюрьмы. Бакибай не из тех людей, кто по своей воле стал бы платить тюремщикам из своего кармана. Я это испытал, работая у него дома.

— Уехал ли хазрат в Афганистан?

— Так сказал Бакибай... Шесть месяцев спустя! А где он был до того, убейте — не знаю! Бакибай тоже не знает.

— Теперь ты подумай вот о чем... Скажем, попадешь ты в окружение Ибрагимбека... как себя держать? Все знают, что ты ученик хазрата. Начнут расспрашивать, выяснять твоё отношение к нему. Да и тебе самому выгодно напомнить о своей близости к большому человеку. Использовать ее в наших целях.

— Хорошо...

— Конечно, я приказывать тебе не могу, но без твоей помощи... Сам понимаешь.

— Я все понимаю.

— Нам еще о многом надо поговорить. Но на сегодня хватит.

— Я могу быть свободен?

— Свободен, свободен! — Арсланов с улыбкой потрепал Курбана по плечу. — Замучил я тебя вопросами.

Курбан вышел. Совсем другими глазами смотрел он теперь на вытянувшиеся слева и справа длинные айваны, на глянec очищенного от снега ка-

менного двора, мощеного квадратным жженым кирпичом, на замерзший по краям водоем, на противоположном берегу которого виднелись Малое медресе и мечеть.

Ему предстояла поездка в Кукташ к самому Ибрагимбеку. Для чего? Об этом знают в Бухаре, и Арсланов знает. Уже теперь Курбан должен продумать все до мелочей, как он, ученик хазрата, должен вести себя там. Кстати, где же все-таки хазрат?.. Арсланов опять расспрашивал о нем. Зачем ему это?

Спускаясь по лестнице, Курбан поскользнулся. Только теперь он заметил, что и здесь ступеньки могут быть скользкими. Подумал, случается поскользнуться на сухом, оступиться на ровном... Вспомнилось: в своем маленьком дворе, в гузаре Тузбазар, сходя с супы, неловко шагнул, упал, больно ушибся... Когда же это было? Да, тогда человек хазрата постучал в ворота рукояткой плетки. Курбан стоял на айване, с неосознанным страхом поглядывая на дверь, за которой умер его отец.

Почему ты не заглянешь туда, Курбан? Это твой дом! Ты непременно должен зайти, ведь скоро ты уйдешь из Байсуна. Уйдешь надолго, может быть, навсегда. Кто знает, вернешься ли?

Курбан быстро прошел через толпу бойцов, местных продотрядчиков, не доходя до ворот, свернул за угол какой-то постройки и оказался перед конюшней, вытянувшейся позади главного двора усадьбы. Еще издали, почуввав хозяина, Гнедой протяжно заржал.

Гнедой!.. Его верный товарищ! Сколько раз он спасал ему жизнь.

До Гнедого у Курбана была тощая кляча — сущее наказание! Как ни откармливал — а все кожа да кости, и невозмутима лень.

Недалеко от Гузара Арсланов познакомил его с Каримом Рахманом, сыном конокрада. Кто знает, пошел ли он по стопам отца, а что толк в лошадях знает — это точно. И тогда, стоя на берегу сая, смотрели на пасущихся неподалеку коней; Карим указал на поджарого Гнедого: «Вот — конь!.. Скоро оценишь, что значит настоящий конь... Немного с норовом, но это ничего, это даже хорошо: приручить — будет предан, как собака. А свою доходягу брось здесь. В этом мире и волкам причитается»...

Курбан на Гнедом промчался по улице и повернул к центру Тузбазара.

Еще два поворота — и будет его дом. Его родной дом. Он так близко — и так долог путь к нему...

Здесь ему знаком каждый камень, каждая выбоина. Вечерами, мальчишкой, после игры в кости в вакуфном саду за мечетью, в кромешной тьме он уверенно, не спотыкаясь, бежал по холодным камням.

Курбана охватила грусть. Воспоминания не согревали его душу. Незаметно как-то он остыл к родному дому, ко всему, что связывало его с прошлым. Рядом с ишаном Судуром он чувствовал себя родившимся заново. Величие и значимость хазрата возвеличивали и ученика. И когда встречные отвешивали харзату низкие поклоны, Курбан принимал их и на свой счет.

Перед отъездом в Бухару Курбан последний раз был здесь. И теперь, перед тем как отправиться в долгий путь — в Кукташ, он снова у порога родного дома.

Улица детства! Лед, грязь. Ветхие, полуобвалившиеся дувалы. Вон там, в углу, всегда были густые заросли паслена...

Курбан хорошо помнит мать. По ее просьбе он приносил домой целые охапки кустов паслена с черными бусинками ягод. Она развешивала их в амбаре вдоль стен, на колышках. И, случись простудиться сыну, мать, собрав ягод и подавив их на кусок ваты, прикладывала к горлу. Утром — хвори как не бывало!

Из вакуфного сада Курбан приносил белые розы. Мать сушила их. Когда у Курбана трескался язык от зеленого грецкого ореха, она, размельчив лепестки, врачевала ими его. И опять то же чудо исцеления!

Курбан остановил коня, спешился... Ворота. Изнутри, со двора, забиты наглухо. Кто это мог сделать? Знакомое медное кольцо. От частого прикосновения отполировалось. Ведь знал, что ворота не открываются, — нет, все-таки попробовал толкнуть. Они лишь звонко скрипнули. И опять сердце екнуло. Боже мой, какой знакомый скрип!

У Курбана дрожали руки. Он прикоснулся к прошлому...

5

Карим Рахман был сыном конокрада.

Дядюшка Рахман, рассказывали, угнанную в Гиссаре лошадь уже на следующий день продавал на базаре Мазари-Шарифа. Отчаянные проделки и погубили его.

Однажды, выкрыв двух чистокровок в Чарджоу, спасаясь от преследователей, он вынужден был уйти в Кызылкумы. Что там случилось с ним — кто знает... Не добрался до припрятанного кожаного мешка с курдючным салом (верил: этим спасешь от голода и жажды и себя, и лошадей), сбился с пути, заболел — никому теперь не дано узнать, что привело к гибели самого веселого человека Восточной Бухары.

На труп Рахмана случайно наткнулся караван Рамазанбая. По воле небожного бая его люди завернули останки в толстую кошму и, погрузив на одного из верблюдов, привезли в Байсун, где и предали земле по мусульманскому обычаю.

Сын, Карим, был так благодарен баю, что тут же готов был пойти слугой к нему, работником, не прося за то никакой платы, однако бай глядел на него недоверчиво: сын вора сам станет вором...

Трудная судьба ожидала сына конокрада, юношу-сироту, не имеющего ни кола, ни двора, ни даже самой мелкой монеты в кармане. А то, что честен, — кому докажешь? Чем докажешь?

Карим нанялся к Мирусманбаю, пас его табуны на вольной воле, вдали от людей, но и до него дошла молва: в России бедняки прогнали с трона белого падишаха. Волна возбуждения покатила на Восток. Эмир, охваченный беспокойством за свое будущее, торопился укрепить власть, и вот уже забирают по приказу бека юношей на воинскую службу.

Обманул Мирусманбай Карима, когда расхваливал священную Бухару, когда говорил, что воинская служба — это ненадолго; и нукера представлял не только верным слугой эмира, что уже само по себе почетно, но и человеком значительным, обретающим власть и деньги... Обманул — и отправил в нукеры.

Спустя три месяца Карим, вкусивший прелести воинской службы, озлобленный на весь мир, болтаясь в один из свободных дней около бывшего невольничьего рынка — у входа в караван-сарай Пайастан — повстречал байсунского бая Пинхаса и — пал к его ногам. И поплакался на свою судьбу.

Не видел он, смиренно опустивший глаза, как радовался бай неожиданному появлению перед ним крепкого парня.

Бай Пинхас — известный ростовщик Суюн Пинхас ибн Якудий — давно привык вести счет барышам на тысячи и на тысячи тысяч. Едва услышав, как глашатаи выкрикивают указ о призыве в нукеры, бай учуял запах войны, а война всегда сулит быстрое обогащение. И вот он уже гонит в Бухару отару овец в тысячу голов. Бай спешит — и опережает события, а неудачи преследуют его в той же спешке, больно наступая на пятки. По пути в Бухару бай потерял двух из четырех чабанов и с ними двести голов овец. Уже в самой Бухаре у него украли еще триста овец и сбежал третий чабан. Обратился он к миршабам — полицейским — с жалобой. Те — раздраженно: «Скажите спасибо, что и оставшегося не лишились!» Что оставалось? Бай вынужден был гнать остаток овец обратно в Байсун. И уж так нужен был ему чабан. А тут встреча, да еще какая удачная — человек из Байсуна.

Суюн Пинхас выкупил нукера у сотника за десять золотых монет, и Карим, погоняя овец, возвратился в Байсун. Но не было ему покоя в Байсу-

не. Поползли слухи, что бежал он с эмирской службы. Это значит, жди беды. Карим не захотел ждать — исчез.

Потом говорили, что видели его в термезском порту среди русских рабочих.

В Термезе Карим и верно был среди русских рабочих, а кто знал, что учился он у них не только ремеслу, но и революционному делу? Когда разгромленные «младобухарцы» восстановили свою организацию в Ташкенте (теперь она называлась «Организация бухарских коммунистов»), для связи к ним направлен был подпольной партийной группой все тот же вчерашний чабан Карим Рахман. Здесь-то и произошла их первая встреча с Алимджаном Арслановым.

В те минуты, когда Курбан возвращался на улицу Тузбазара, Алимджан Арсланов говорил с Каримом Рахманом о нем.

— Как решили в штабе?

— Самое время внедрить его, — сказал Карим. — Других мнений нет. Готов ли он?

— Готов.

— Тогда надо отправлять! — Карим погладил бороду, специально опущенную по-туркменски. — Он пойдет, неся траур по хазрату?

— Именно так.

Они стояли около конюшни. Из гостиной вышел комполка Гаврила Говоронский. Посмотрев на Карима, он сделал знак Арсланову.

— Вас зовет! — сказал Карим.

Увидев взволнованное лицо командира, Арсланов заторопился.

6

Дочь Рамазанбая Айпарча стояла на веранде, устало прислонившись к резной колонне из арчи. Она была растеряна и утомлена. С тревогой прислушалась к эху выстрела, раздавшегося в конце вакуфного сада — у Черной пропасти.

Что происходит вокруг: по дому свободно разгуливают чужие люди: русские, те, что еще вчера в городе были незаметны, словно тень, осознавая свое ничтожество, сегодня — глашатаи! Нищие, кричат таким же нищим: «Теперь все равны! Вся земля наша!»

Чему верить? Как жить?..

Слушать только отца. Верить только ему. Он скажет — как надо жить. А отец... странный он человек!

Сказать, с придурью — не дурак, сказать, мудрый — нет, не похож он на мудреца. Что-то знает, но скрывает это от всех. Сдал своих верблюдов новой власти и сказал: «Мать Айпарчи, дочь моя, все на этой земле от бога!» Верующий, он приглашал в дом улемов, любил выставлять в их честь богатое угощение, внимательно слушал их, склонив почтительно голову. Однако, перевоза еще недавно на своих верблюдах груз других баев, когда ходил в Чарджоу и Бухару, сам при случае не гнушался грабежа... В его характере было что-то от верблюда: если кого возненавидит, не успокоится, пока не отомстит, ну а случись полюбить кого-то — предан был до конца. «Я побывал во многих странах, — говорил он о себе. — Много видел. Слушал многих людей, отмеченных печатью мудрости. Белый падишах был жаден и несправедлив — его прогнали. У меня было двести верблюдов — я отдал их бедным — кто скажет про меня, что я — жаден? Я не собрал свое добро, как это сделали другие, не спрятал и не убежал. Советская власть печется только о бедных... И все же мне неприятно слышать разговоры, что все бай притесняли бедняков. Когда и кого из них я обидел или обделил? Чем я теперь отличаюсь от бедняка? Кроме того, скажу я вам, бросать родную землю и бежать — считаю для себя позором. Да, дочь! Кто хотел бежать, уже сбежал. Я слышу их хулу за своей спиной. Пусть! Но, если хоть один из живущих в этом дворе посмотрит враждебно на нас, зарежу! Одним словом, я сказал все...»

Девушка, конечно, поняла смысл сказанного. Советская власть всегда на стороне бедняков, и подтверждение этому она уже видела.

Тревога и смятение не оставляли ее.

...Выйдя с Тузбазара, Курбан повернул на улицу Пайгаши. Он был зол на себя за то, что был на Тузбазаре и потерял понапрасну много времени.

Ворота Рамазанбая!.. Справа конюшня. Спрыгнул с коня, расседлал его, повесил седло на сук колонны. Взял торбу и направился к амбару.

Айпарча, все еще стоявшая у колонны, медленно повернулась в его сторону.

И опять Курбан почувствовал на себе ее взгляд. Просто колдовство какое-то! Что от него нужно этой байской дочери?

Наполнив торбу до половины, Курбан опять глянул в сторону веранды. Вместо девушки увидел у колонны ухмылявшегося женоподобного слугу — Намаза. Чертовщина и только!

Через расщелину в дувале Курбан выбрался в сад. Здесь, возле очага, сидели бойцы, только что вернувшиеся с учений. Виктор Вениченко (командир роты и комсомольский секретарь) на берегу арыка обтирал снегом сапоги.

Виктор — украинец, но вырос в Петербурге в семье военного. Когда он изучал тюркские языки в университете, отец бросил царскую службу, присоединился к революционерам, оставил сына без средств. С этого времени и начались скитания Виктора. Из Москвы приехал в Ташкент, здесь прожил полтора года, потом стал переводчиком у Фрунзе...

— Как жизнь молодая? — спросил Виктор, увидев подошедшего Курбана.

— Живем! — неопределенно ответил Курбан.

— Ты бывал в Ялангтаге?

— Ялангтаг... Бывал. А что?

Усман-сапожник рассказывал: в древние времена, чтобы обратить в мусульманскую веру людей этого края, семь арабских военачальников со своим войском пришли сюда; они были родными братьями. В долине до наших дней сохранились гробницы этих семерых хаджей, потомков арабских халифов, — место паломничества верующих.

Одна из гробниц, Ходжакучкар, находится у подножия Ялангтага, на берегу сая. Курбан с хазратом, когда ишан Судур водил его за собой и он был у него мюридом, часто останавливались в хижине шейха гробницы Ходжакучкара-ата, бывало, с ночевкой.

Ялангтаг — высокая, будто обтесанная, гора. Со стороны гробницы даже летом подняться на ее вершины не просто.

— Местный парень Суяр сообщил, что там, у подножья, он обнаружил яму, а в яме — зерно. Мы послали проверить нашего Эшнияза. Если подтвердится, отправимся на рассвете за зерном, — сказал Виктор.

— Меня с собой возьмете?

— Там видно будет, — неопределенно ответил Виктор.

«...Пропади ты пропадом!» — злилась Айпарча. Она гнала от себя мысли о Курбане — и думала о нем. Почему-то только о нем. А он строптив! Ругаешь его самыми обидными словами — и грязный джадид, продавшийся русским, и чернь самого низкого происхождения — а он представляется самым любимым и самым способным учеником великого ишана Судура.

«А где теперь хазрат? — девушка тяжело вздохнула. — Где великие, наверное, там и он!.. Уж он-то раскусил, чего стоит этот красавец. Вышел из черни — ушел в чернь, презрев доброту учителя... Да как он может смотреть людям в глаза?! Или он проклят хазратом?»

Сон?.. Явь?..

Тихий, скромный юноша, склонившийся в поклоне перед учителем, — и высокий, широкоплечий, сильный воин; словно влит в военную форму, и она к лицу ему. Эта богатырская остроконечная шапка с красной звездой, длинная, распаивающаяся шинель кавалериста...

Сон?.. Явь?..

Разве это был не сон — шла по саду в тихом безлюдье, потом вдоль арыка, смотрела в сторону Каражара, отчего-то повторяла про себя: «Каражар... Черная пропасть...» Потом очаг с притягивающими взгляд углями. Угли еще тлеют... Орешина. Зачем-то заглянула в дупло. Оно, как зев, как пропасть... И вдруг услышала шаги. Увидела его! Проще было спрятаться за ствол — почему-то укрылась в дупле... Да, из дупла можно было видеть его, оставаясь невидимой...

Потом дом. Потом сон... Она на белом коне... Туман, мост... Странно все это...

...И снова увидела его.

Курбан выходил из амбара, она с трепетом ждала, когда он заговорит. Но в эту минуту появился Намаз. Похоже, он заметил, что она смотрит на Курбана, ухмыльнулся, противно скривив толстые губы.

— Чего скалишься? — полыхнула черными глазами Айпарча и стремительными шагами удалилась через главный вход.

7

Горят свечи. Арсланов мрачен, курит. Говоронский ушел в комнату, там телеграфный аппарат.

Получено сообщение от Файзуллы Ходжаева:

«Совершенно секретно. Прибывший из Турции Энвер-паша набрал в Бухаре сотню афганских солдат и турецких офицеров и направился в Восточную Бухару. Предполагаем — пойдет на Кукташ. Необходимо преградить путь. Ревком».

Кто он, этот Энвер-паша?

Ярый пантюрист, один из видных руководителей партии «молодые турки», провозгласившей в конце прошлого века в Стамбуле лозунг: «Тюркские народы всех стран, соединяйтесь!»

Зять турецкого султана Абдулхамида. Тот самый Энвер, который стоял во главе заговорщиков, убивших его тестя. Офицеры из «младотурецкой» партии, чтобы привлечь на свою сторону народ и завоевать власть, не скупилась на прогрессивные лозунги. Дай «младотуркам» власть — и они обеспечат независимость страны, не допустят расхищения богатств родины, улучшат условия жизни народа, уравниют права не только женщин с мужчинами, но даже и всех социальных групп населения...

Страна, находящаяся в глубоком экономическом кризисе, остро нуждалась в социальных переменах, и потому народ охотно поддержал идеи «молодых турков».

А захватили власть — и что? Прежние лозунги забыты, на первый план выдвинулась претензия на мировое господство; они втянулись в мировую войну, преследуя цель — если будет побеждена Россия, то находящиеся под ее владычеством Кавказ и Средняя Азия отойдут к Стамбулу.

Кто бы мог предположить тогда, что Турция сама потерпит поражение. Она могла распасться на части, развалиться, рассыпаться. А Россия сбросила бремя царизма и, пусть с потерями (как потом оказалось, временными), вышла из войны; новое правительство признало Турцию как суверенное государство. И это, конечно, имело решающее значение в сохранении ее независимости. Одно крыло «молодых турков», возглавляемое Мустафой Кемалем, пришло к управлению государством. Делить власть с бывшими соратниками, втянувшими Турцию в бойню, Кемаль не захотел, они были попросту изгнаны из страны. Так Энвер-паша стал изгоем.

Его видели то в Англии, то в Германии. Нет, отнюдь не с котомкой странника! Он появлялся на встречах глав великих держав. В качестве представителя то одной страны, то другой.

А теперь этот человек пробрался в Россию! Побывал в Бухаре. Направляется в Кукташ.

Над чем ломали головы Арсланов и Говоронский?

Во-первых, даже само по себе появление здесь Энвера-паши не сулит ничего хорошего. Кого он здесь представляет?

Во-вторых, — как ему с сотней всадников удалось выйти из заблокированного города? Это — невероятно!

В одном из сообщений говорилось: в Кукташ прибывает председатель Бухарского исполкома Пулатходжаев, вместе с ним и отряд бухарских добровольцев. Пулатходжаев прислал телеграмму.

Усманходжа Пулатходжаев, в прошлом один из руководителей «молодых бухарцев», в свое время призывал: «Слышали, что сделали «молодые турки»? Они убили султана! Наша организация создана по образу и подобию «молодых турков», давайте же и мы возьмем в руки оружие! Смерть Саиду Алимхану!»

Позднее, решительно отказавшись от этой политической линии, «младобухарцы» провозгласили лозунгом борьбу «за независимость, экономически процветающую, просвещенную Бухару, уничтожение феодального монархического режима».

Когда свершилась Бухарская революция, Усманходжа торжественно объявил себя коммунистом и, засучив рукава, развернул энергичную деятельность по установлению Советской власти...

Что же было в телеграмме?

«Совершенно секретно. Прибуду вовремя. Решил как следует проучить воинов ислама. Они слишком зарвались. Есть намерение присоединить в Термезе к отряду седьмой стрелковый полк. Если у вас тоже есть добровольцы, возьму с собой... В Байсуне останемся на день-два. Подготовьте нам продовольствие, фураж. Пулатходжаев».

Чего не было в телеграмме — это Энвера-паши. Почему? Неужели Пулатходжаеву неизвестно, что тот ушел из Бухары?

— Тут есть о чем задуматься! — возбужденно говорил Говоронский. — У меня какое-то странное состояние! А ты как?

Арсланов грустно вздохнул.

— Что-то тянет за душу...

— С Курбаном... говорили?

— Да.

— По-моему, пора... Завтра два отряда уходят. Один в степь, другой — в горы... Может, в один из них его включить?..

— Может быть, может быть... — сказал задумчиво Арсланов. — Но нет приказа из Ташкента!..

— Надо запросить.

— Необходимо проинформировать Курбана о последних событиях. В Кукташе положение, естественно, осложнилось. Или Энвер успел перевалить через Ялангтаг? Или же прошел через пустыню Арпали? Во всяком случае, Курбан должен учитывать оба направления. Следом пойдет Карим. Толковый царень...

8

— Дочь моя, я всегда придерживался поговорки: «Если убивать, так пусть убивает смелый», — философствовал Рамазанбай. — И вот чужая солдатня в нашем дворе. Не бросайся ты им в глаза!.. Сегодня в мечети у Большой горы приятели сказали мне: «В вашем доме живут красноармейцы. У вас есть дочь, жена. Нам-то все равно. И все же мы беспокоимся за вас... Чужие люди беспокоятся за тебя! А я — отец. Пойми...

— Куда вы меня отвезете? — перебила его Айпарча. Она уже все поняла.

— В самый глухой кишлак, — сказал Рамазанбай. — Твоя мать хорошо знает эти места. Там проживают наши родичи. Немного их, но они есть. Тетушка. Вспоминаешь? Увидишь, вспомнишь... Мать, а она видела охотника?

— Не знаю. Ничего не знаю! — пробормотала Гулпарча растерянно,

вытирая глаза кончиком платка. — Когда бы ни приходил, вы его отправляли, беднягу, ночевать к погонщикам верблюдов!

— Э-э-э, что ты болтаешь? — притворно возмутился бай. — Я же сам не раз оставался ночевать у них! Ты до сих пор не понимаешь меня... дочь, видела охотника? Одним словом, отвезу я тебя к ним в кишлак...

— Я поняла, папочка, — сказала Айпарча и, взглянув на мать, пододвинулась к ней. Видя слезы матери, сама не выдержала — расплакалась.

— Ладно. Поплачьте, — сказал Рамазанбай, хмурясь, и тяжело поднялся. — Я схожу к Эргашу-наезднику.

9

— Энвер-паша?.. — Курбан уставился на Арсланова. Он только что пришел, еще не отдышался после быстрой ходьбы. — Слышал о нем, — сказал он, хитро улыбаясь. — От вас... В тюрьме. В вашей беседе с Пулат-ходжаевым!

Арсланов растерялся. Так это было неожиданно.

— Пстой, пстой! Почему же я не видел тебя? Ах да, было темно!.. А память у тебя хорошая!

Курбан смотрел отрешенно. В памяти ожил ненавистный, не раскрывший своих тайн грязный зиндан. Черное, черное время...

...Открылась дверь — свет на мгновение ослепил узников. Как обычно, просунул голову тюремщик, оглядел всех. Потом, обернувшись, что-то сказал. В камеру вошли два человека. Один из них одет щеголевато: шапка чакмони¹, халат из адраса. Переступив через порог, остановились. Байвачча² крикнул тюремщику:

— Ну, быстрее!

Тюремщик, что-то невнятно бормоча себе под нос, поспешно запер дверь. Некоторое время вошедшие тихо переговаривались между собой. Затем байвачча зажег спичку. Держа ее на вытянутой руке, огляделся. Они подошли к циновке, нагнулись, рассмотрели пятна на ней и отошли в сторону. Огонек погас. Один из тех, кто вошел, судорожно вздохнул, другой выругался. Потом обратился ко всем:

— Эй, кто из вас хочет заработать и унести ноги из этой дыры? Донеси его величеству: скоро он слетит с трона! Ну — кто? Не бойся, тебя выпустят!

В ответ ни звука.

Курбан подумал: эти двое — наверняка из «молодых бухарцев».

— Никто не хочет заработать?! — деланно удивился тот.

— Господин, здесь нет доносчиков, — сказал Курбан.

— Что ж, пусть вам будет хуже! — Засмеялся. Его смех показался истерическим.

В камере снова воцарилась тишина. Наверное, не один Курбан подумал тогда, что эти богачи сами могли быть доносчиками.

Молодые люди продолжали переговариваться между собой. Курбан плохо слышал и конечно же не понимал, о чем идет речь.

— Поедете в Ташкент?

— Да... В Стамбуле делать нечего! — Это — щеголь. — Никакой! Давно пора всадить пулю в его медный лоб. — Товарищ что-то сказал. Похоже, возражал. В ответ ворчливое: — Правда... Э, Алимджан, нет у нас Энверов!

Товарищ одобрительно поддакнул.

Что понял Курбан из этого разговора? Разве только то, что щеголя зовут Усманом, а его товарища Алимджаном. Не много.

¹ Национальная узбекская шапка с бархатным верхом и широкой оторочкой из лисьего, бобрового или куньего меха.

² Байский сынок.

Лучи света, проникавшие через щели двери, погасли. В темноте тихо приоткрылась дверь. Надзиратель негромко позвал:

— Усманходжа!

Оба поспешно вышли. Дверь опять закрылась. Звуки шагов отдались, затихли. Опять черно вокруг.

— Ну вот, ушли! — сказал сосед Курбана. — Дали взятку тюремщику — и на воле! Видишь, какая сила у денег, сынок?.. Я знаю этого байваччу. Один из бухарских богатеев, сын известного Пулатходжибая! Вот у кого сила!..

... Курбан усилием воли словно отстранился от воспоминаний.

— Тогда я впервые услышал имя Энвера-паши. Выйдя из тюрьмы, еще раза три слышал, но говорили о нем как об ушедшем из жизни...

— Вот он самый, «ушедший»... сейчас в Восточной Бухаре! — сказал Арсланов.

Он насыпал табаку на кусочек бумаги, взятой из кисета, свернул «козью ножку» и, прикурив от свечи, сказал:

— До того, как ты уйдешь, я буду постоянно информировать тебя об оперативной обстановке. Для размышлений. Так вот, слушай. У эмира были советники?

— Были.

— Кто, по-твоему, должен быть у командующего исламской армией главным советником? Не кто — какой?

— Ну... должно быть влиятельное духовное лицо. Достаточно авторитетный человек.

— Правильно. Влиятельный и авторитетный человек, способный не только уговорить народ, но и припугнуть именем бога некоторых волостных правителей. Правильно?

Курбан утвердительно кивнул.

— Советник Ибрагимбека... — подсказывающе начал Арсланов...

— Ишан Судур? — догадался Курбан.

— Он! Он самый... Главный советник Энвера-паши и Ибрагимбека — ишан Судур!

— Объявился, значит, хазрат!

Арсланов глубоко вдохнул табачный дым, закашлялся.

— Недавно был у Куйбышева. Послушай, что он сказал.

«Ликвидировать басмачей — дело трудное. Очень трудное. Но это дело решается боем, а бой всегда скоротечен. Труднее — донести до народа идеи революции, растолковать сущность Советской власти. Это потребует не только знаний, но и времени, терпения... Вот так-то...»

— Засиделся я здесь, — нервно передернулся Курбан. — Пора бы уже..

— Час близок, — раздумчиво повторил Арсланов. — Но пока не пробил. Овладевай всеми видами иностранного оружия, какие есть в полку. Накапливай информацию из Кукташа, тщательно продумывай все, все... Василий Васильевич сообщил: теперь скоро. Провожать придет Аркадий Иванович. Готовься.

10

Вокруг костра было человек десять бойцов — одни сидели на длинных чурбаках, другие — на корточках.

— Всем — здравствуйте! — сказал Курбан, подойдя.

Ему ответили дружно и нестройно.

Виктор протянул котелок:

— В котле шурпа осталась, поешь.

На дне казана жирная, с тыквой кашлица. Наложил, поел. Бойцы сидели молча, грелись. Курбан сполоснул котелок в арыке и, возвращая его, спросил у Виктора:

— Что это ты скалишься? Будто знаешь про меня такое, чего я и сам не знаю.

Виктор повернулся к дувалу байского дома.

— Вон оттуда пару раз ханум выглядывала... И слуга глаза на нас пялит. Не тебя ли высматривают, а?

— Да брось ты! — отмахнулся Курбан. Но заметил Виктор (или показалось?) — в лицо плеснуло румянцем.

— Бросил. Слышь, Курбан, расскажи об Ялангтаге. Они вот интересуются, — кивнул на бойцов.

— Ладно. Переводи. — И повел неторопливый рассказ.

— Вот что это за святое место, — сказал в заключение. — Не зря называют Лысой горой. С ее середины и выше даже трава чайир, кошачья лапка, не растет. Только щебень шуршит. Наступишь — поскользнешься. Поскальзываться не надо: высоко, внизу камни...

Из штаба пришел комвзвода Семен Медведев, отличавшийся строгостью:

— Отбой! Что вы на самом деле!.. Утром рано вставать! Всем — спать! — скомандовал он.

Бойцы повскакивали с мест. Курбан тоже поднялся по привычке, но тут же подумал: что случится, если ненадолго остаться возле костерка? Скоро уходить. Кто знает, что там ждет!.. Остался. Палкой расшуровал угли.

Послышалось кошачье мяуканье. Из темноты возникло что-то неясное, похожее на огородное пугало. Курбан вскочил.

— Я, я! Не бойтесь!

Курбана покорило: Намаз

— Что тебе? Подойди ближе! — приказал он.

— Умоляю. Потихе!..

«Она послала?» — подумал Курбан.

— Вас... — Намаз, присев на корточки рядом с ним, показал на опушку сада. — Вас будут ждать.

— Кто... будет ждать? — Он еще не верил.

— Вай... Айпарча же!

— Где?

— Возле сухой вишни...

Курбан видел ту вишню. Бойцы хотели притащить ее на дрова, но Курбан убедил их не трогать, потому что вишня лежала на том берегу арыка — на земле бая. Была бы она на этой стороне — в вакуфном саду, другой разговор: этот сад, принадлежавший мечети, объявлен народной собственностью.

— Ладно, — сказал нарочито лениво, словно делая одолжение.

Намаз бесшумно исчез.

Айпарча, словно боясь быть замеченной, стояла за маленькой полуприкрытой дверью, наблюдала в щель. Прижав руку к груди, — сердце сильно стучало, — заметалась: «О аллах, не дай мне осрамиться!.. Не надо мне идти к нему!» Шало металась мысли — а сама, не замечая того, уже шла по саду.

На другой стороне арыка заметила черный силуэт. «Он! Зачем я позвала его? Чтобы надо мной посмеялся?.. — И вдруг повеселела. — А что если я вышла к нему просто так, посидеть и поболтать о всякой всячине. Пускай для них он — красный аскер... Для меня он — ученик хазрата!..»

...Курбан наблюдал за девушкой. Вот она, тяжело дыша, прижав руки к груди, подошла к орешине. В нерешительности остановилась перед арыком. Перешагнет? Нет... А тогда, днем, показалась такой смелой!

— Может, вы перейдете на эту сторону? — неожиданно умоляюще прозвучал ее голос.

Курбан вздрогнул. Это — ему. Это — она, Айпарча, зовет его! Перепрыгнул через арык, остановился возле девушки.

— Приветствую вас, — нарочито весело поздоровался он. — Вы меня звали? Вот... пришел...

— Да! — ответила Айпарча. — Я позвала. Зачем?.. Вы ведь бывали в Бухаре... Вы — красный аскер! Я ничего не могу понять... Я хочу понять...

— Был, — холодно перебил Курбан ее лепет. — Много чего произошло в Бухаре. Но как вам это понять... — Вовремя одернул себя: да ну, где уж ей, выросшей в доме бая...

— Говорите! — теперь уже Айпарча перебила его. В ее голосе угадывалось больше чем простое любопытство — искренность и нетерпение.

— Хорошенькое место для такой беседы — стоя над арыком, — сказал Курбан с нервной усмешкой. — Пойдемте под орешину, там костер. — Угадав, что девушка заколебалась и потому медлит с ответом, весело напомнил: — Ведь вы любите эту орешину... — И неожиданно для нее признался: — Я, когда был мальчишкой, любил бродить возле орешин. Страшно — и хорошо!..

Она молчала.

— Ну как? — напомнил Курбан. — Если не хотите..

— Нет, нет, — поспешно сказала Айпарча. — Напротив... А там... тепло?

Услышав это, совсем девчачье, Курбан ощутил, как темно вокруг и морозно и как трудно девушке сделать шаг к нему. Не холод — нервная дрожь от сознания недозволенности того, что она делает, била тело девушки, ей было тревожно, ей было страшно. Но еще страшнее было от того, что их встреча может прерваться, как сон.

Он протянул руку, предлагая ей опору, но Айпарча сама легко перепрыгнула через арык и, не приостановившись, пошла на зыбкий свет костра.

— Здесь скользко, — предупреждал Курбан. — Лучше обойти левее. — Голос звучал спокойно, вроде бы равнодушно, но Айпарче были приятны внимание, забота о ней, и она послушно следовала его советам.

И вот они возле костра.

Курбан торопливо разворошил угли, подбросил веток, и вскоре пламя ожило, стало светлее вокруг, от костра потянуло теплом. Пододвинул к девушке чурбак, пригласил жестом: садитесь.

Послушалась. Молча, остановившимся взглядом уставилась на искрящиеся огоньки. О чем она думала? Да все о том же! Как это нелепо — она, дочь бая, в этой черной зимней ночи сидит в безлюдье у костра — и с кем?.. А верно — с кем?.. Новая власть только и говорит: у женщин и мужчин теперь равноправие, теперь женщина может свободно разговаривать с мужчиной. Но разве и раньше, и в давние, и в древние времена девушка не могла поговорить с парнем? Разве не полюбила дочь хакана Зухра простого каментеса Тахира? Разве не была равной среди равных поэтов-мужчин поэтесса Зебинисо?.. А новая власть твердит: только теперь равенство...

— Равенство! — произнесла вслух. — Я много слышала — и ничего не понимаю. Чего хотите вы, ваши друзья, все вы... Была такая хорошая спокойная жизнь, все было понятно, а теперь... Это как дома, там тепло, светло, и вокруг родители, родные — и здесь: темно, холодно, грязно и — ни-ко-го... Вы объясните...

— Я объясню, — хрипло проговорил Курбан. — Объясню, как могу. Только чтобы понять, надо кое-что позабыть вначале! Можете вы на минуту или на час забыть, кто вы, и что дома у вас все, как вы сказали, и к тому же еще слуги, роскошный ужин... И еще — надо вспомнить... Нет, вы этого не знаете. Я — напомню. Кем был Саид Алимхан? Эмиром! Хозяином страны! Он превратил весь трудовой народ эмирата в дойную корову... Когда истязают скотину, она мычит, ревет, кусается... А когда несчастный народ от постоянных издевательств, притеснений поднимался на защиту своего достоинства, своих человеческих прав, на его голову обрушивались «нукеры возмездия»... У скотины жизнь была лучше, чем у людей... Скотине легче: она не страдает от темноты, невежества, бескультурья и бесправия. А народ — он не скотина! Народ верит: в борьбе добра и зла верх всегда одержит добро. Скотина выживает или подыхает — народ борется! И что тогда делает эмир? Эмир жестоко расправляется с лучшими людьми своей страны — сажает в темницы, изгоняет, казнит. Так было. Вспоминать дальше?.. А дальше было вот что...

Неспешно и просто Курбан рассказал девушке о событиях в России, о

том, как власть Советов стала распространяться на национальные окраины.

— Айпарча, — устало проговорил он после недолгого молчания. — Чтобы объяснить все, даже если мы до утра просидим, этого будет ничтожно мало. Да! — он вспомнил, с чего начался их разговор. — Скажите откровенно... Вы понимали, что за человек был Саид Алимхан?.. Теперь, когда знаете, — вы хотели бы, чтобы этот иблис' вечно сидел на троне?

— Вы слышали с судьбе Кенагасбегим?.. — вопросом на вопрос ответила Айпарча. — Повесть о ней — знаете?..

...Это была одна из историй, которую хазрат рассказывал Курбану всегда с большим вдохновением.

Это было во времена правления одного из предков Саида Алимхана — эмира Насрулло.

В Шахрисябзе нередко бунтовал трудовой люд. Причин тому много, главная из них — непосильные налоги, налагаемые Бухарой. Когда беки Шахрисябза, стремившиеся к независимости, присоединились к бунтовщикам, восстания принимали широкий размах. Из Бухары прибывали тысячи нукеров и с трудом их подавляли. За тридцать лет тридцать раз поднимались бунты! А что было, когда эмир Насрулло издал указ об уплате в один год налогов за семь лет! Уже не бунт, не восстание — война. Весь народ, и стар и млад, взялся за оружие. Во главе — беки из рода кенагасов.

Эмир Насрулло, разъяренный, стягивает войска к Шахрисябзу, чтобы искоренить племя бунтовщиков! Он выпрашивает у белого царя несколько карательных отрядов, стягивает с юга эмирата карательные отряды во главе с кукташскими биями.

Город в осаде. Но народ не сдается. Войско эмира несет большие потери. И тогда кто-то из советников шепнул эмиру: «У главного бека Шахрисябза есть девушка сказочной красоты. Попросите ее, ваше величество, в жены. Выгорит дело, вы — зять Шахрисябза и рода кенагасов — и конец беспорядкам!»

Эмиру Насрулло предложение это пришлось по душе. В город направляются гонцы, сваты. Главный бек был удивлен и растерян, медлил с ответом. Собравшись на совет, беки обсуждают это предложение и приходят к такому выводу: это — уловка эмира. Они уже изготавились сообщить об отказе, но тут случилось непредвиденное: в залу, где проходил совет, вошла дочь главного бека Кенагасбегим. «Отдайте меня эмиру!» — решительно заявила она. Беки растерялись. Отец увещевает дочь. Кенагасбегим стоит на своем.

И что? Гонцы-сваты возвращаются к эмиру Насрулло с доброй вестью!

Разошлись черные тучи над городом, засветило ярко солнце. В городе, где с дорожных камней не смыта кровь и не рассеялся дым пожарищ, справляется свадьба, и вот уже Кенагасбегим в паланкине увозят в Бухару.

По обычаю, в Бухаре тоже пышный свадебный пир... Жених уводит невесту в опочивальню... А на следующее утро оттуда вышла одна Кенагасбегим. В уши эмира Насрулло она влила ртуть...

Кенагасбегим разрубили на сорок частей и бросили в высохший колодец.

Страшно отомстил молодой эмир Музаффархан за смерть отца. Внезапно, большими силами, совершает он набег на Шахрисябз. Много было пролито крови. Особенно жестоко уничтожался род кенагасов. Никого не щадили: ни стариков, ни детей...

Немногие спаслись тогда. В далеких краях, на чужбине, появляются кишлаки кенагасов. Но были и такие, кто, скрыв свою принадлежность к этому роду, растворился среди местного населения.

Так рассказывал хазрат...

— Давняя история... Почему вы спрашиваете об этом?

И услышал неожиданное:

— Мы из рода кенагасов.

— Как?! — Курбан опешил.

— Вы не знали? — Айпарча потупилась. — О возвращении слышали? — вдруг, задрожав, спросила она. В ее семье это держалось в глубокой тайне. О Кенагасбегим и эмире Насрулло рассказывали шепотом, само слово «кенагас» не упоминалось. Айпарча мысленно пыталась поставить себя на место Кенагасбегим. «Я бы точно так поступила!» — заявляла она. И теперь она желала смерти Саиду Алимхану, удивлялась, почему ни одна из наложниц гарема не убьет его... Да, в Саиде Алимхане она видела кровного врага своего племени. Поэтому каждая беда, свалившаяся на голову эмира, доставляла девушке радость. А когда прогнали с трона!.. О!.. Восторгу не было конца. Но кто придет на смену Саиду Алимхану?.. Эти?!.

— Возвращенцы живут ниже Арикусти? — спросил Курбан.

— Побродили они по свету, хлебнули горя! — сказала Айпарча. — Такой образованный, а не подумали, почему так говорят! Вот они, — снова вздохнула Айпарча, — кенагасы... Перешли вон через те горы... скрыли название племени. Местные жители прозвали их возвращенцами...

«Бедная Айпарча! — подумал Курбан. — И надо же!.. Наверное, мать рассказала... Почему она вспомнила? Спросил же о Саиде Алимхане!» Курбан озабоченно потер виски.

— Несомненно, вы коренные байсунцы... Но дело не в этом. Значит, вам есть за что ненавидеть эмира Алимхана?

Айпарча вздохнула. Что она могла ответить? Сказать «да»? Он этого хочет... Да. Прогнали Саида Алимхана. Наверное, получили свободу и несчастные наложницы из гарема... Ладно! Прогнали эмира, так прогнали! Остановитесь же! Зачем трогать других?.. Айпарча совсем запуталась. И она решила уйти от этого разговора. «И зачем это было нужно — вспоминать Кенагасбегим?!. — рассердилась на себя. — В конечном счете — все в далеком прошлом!»

— Так, — сказала Айпарча задумчиво. — Из-за того, что Саид Алимхан был негодяем, то и вчерашняя жизнь была плоха, хотите сказать? Но все равно — была жизнь! Баи — баями, бедняки — бедняками, никто не смотрел косо на богатство другого... А теперь что? Вчерашние нищие отнимают добро у тех, кто копил его годами, и раздают — кому? Бездельникам!.. Новая власть плодит лентяев! Разве можно спокойно такое терпеть?!

Курбан настороженно слушал ее. Нет, не выдержал:

— Терпите. Теперь — терпите! У вас тоска по прежней жизни — это понятно. Когда богатый отбирал у бедняка последнюю циновку и тащил к себе, скапывал свое богатство, выжимал из бедняцких слез, вас это вроде как не касалось. Вы даже могли не знать, откуда идет в ваш дом богатство...

— Какие страшные слова вы говорите...

— Не нравится? — Курбан усмехнулся. — А вы чего от меня ждали? Сладких речей про вашу сладкую жизнь?

Курбан распалился:

— Я вашу сладкую жизнь испытал на собственной шкуре! Я полгода сидел в тюрьме его величества, не зная за собой никакой вины, — сказал он глухо. — Вы не знаете, что такое тюрьма?

Девушка растерянно опустила глаза.

— Нет, — сказала она тихо. — Название слышала. Но какая она?

— Как вам объяснить... — Курбан зябко поежился. — Зиндан называли в Бухаре «мавзолеем живых». Человек, попавший туда, исчезал навсегда, — понизив голос, словно сообщая что-то секретное, сказал он. — Умирили. Правда, — усмехнулся он, — можно было за взятку, за большие деньги выйти. Но у вашего покорного слуги таких денег не было. Не было у меня никаких денег! Откуда? Хазрат уехал в Афганистан...

— Ну, успокойтесь... Успокойтесь. За что же вас заточили в зиндан?

Курбан пошевелил палкой угли. Уселся поудобнее... Айпарча подалась вперед, протянула руки к огню. Наблюдала красные блики на мужественном лице Курбана. Он смотрел на ее руки, и вдруг ему захотелось взять их в свои, греть в ладонях...

— Кто такие «молодые бухарцы», вы слышали, — заговорил наконец он. — В большинстве своем они были из очень богатых семей. Учились в Стамбуле, во Франции, Англии, России. Да они и одевались необычно. Элегантные, красивые!.. А я... Я думал почти как они, все понимал. Но кто бы мог увидеть во мне «младобухарца»?..

Курбан рассказал, как они с приятелем бродили по улицам и базарам Бухары без единого гроша в кармане. Одежда поизносилась, пришлось рукава и подола укоротить... Отросла борода, усы, волосы. Айпарча, представляя его усатым-бородатым, едва сдерживала смех.

Курбан тоже засмеялся:

— Все-таки решили, что я джадид. Когда выпускали из тюрьмы, так сказали. Хорошо, хазрат, возвратившись из Афганистана, снова остановился в доме Бакибая. Мое освобождение стоило пять золотых... — Он весело посмотрел на Айпарчу. — Цена вашего покорного слуги всего пять золотых! — Он уже не мог оторвать взгляда от горящих, как угли, ее глаз.

Айпарча вздохнула, долго смотрела в темноту сада. Потом взглянула на него, спросила:

— Хазрат все еще... сейчас где он?

Курбан, поколебавшись, решил сказать правду:

— Он в Кукташе. Это — далеко... И совершенно равнодушно добавил: — Хазрат сейчас стоит во главе борцов против Советской власти. Айпарча оцепенела.

— Как? Не понимаю. Какие борцы?

Курбан широко улыбнулся.

— Ваши родненькие. Всякого рода властители... Кому новая власть не по вкусу и не по нраву. Баи.

Сидевшая, склонив голову, Айпарча резко выпрямилась — словно ее оскорбили. Курбан почувствовал недовольство собой: кого ты в ней видишь? Просто красивую девушку? Байскую дочку? А то, что она человек, как ты, как все, — ты об этом не думаешь. Маленький, слабый, растерявшийся человек...

— Айпарча, я сумел что-нибудь объяснить?

— А? Да, да! Конечно! — ответила она чужим голосом и отвернулась. И — загрустила: вспомнила, утром ее увезут. В какой-то кишлак. Что это за кишлак? Кто там есть? Тетушка. Охотник... Вдруг упал возле них камушек, брошенный из-за дувала. Они одновременно повернулись в сторону дома — в конце дувала еле просматривался в темноте силуэт. Возле дома послышались громкие голоса.

— Намаз знак подает... Отец! — сказала Айпарча.

— Вам надо идти?

Айпарча кивнула и, прислонившись спиной к орешине, мягко улыбнулась Курбану, но тут же про себя подумала, что напрасно улыбнулась: «Зачем?.. Он красный аскер». Айпарча снова почувствовала себя прежней — гордой и независимой. Твердо решив не оглядываться, пошла вдоль арыка.

Курбан грустно смотрел ей вслед.

Расшумелся ветер в голых ветвях деревьев сада, вокруг белели островки снега.

«Какая тишина. Ушла... Зачем приходила? Зачем позвала? Узнать, что я думаю о прошлом?.. Узнала. Не наговорил ли ей лишнего? Кажется, нет. А то, что не стеснялся в выражениях, это ничего. Какая жизнь, такие и слова...»

Курбан поднялся. Посмотрел на костер. Угли затянуло черным пеплом. Когда вошел в казарму, теплый, душный воздух, пропитанный запахом мужского пота, ударил в лицо. Бойцы спали на полу в два ряда, по обе стороны комнаты, оставив посередине проход. Курбан стянул сапоги и на носках прошел в угол, на свое место. Стоя коленями на матрасе, разделся. Натянул на себя старое, в заплатках, одеяло.

С правой стороны, у входа в казарму, за длинным самодельным столом сидели бойцы. На завтрак хлеб с молоком и сушеный урюк. Один взвод собирался в Каражар, другой — в усадьбу, в штаб.

Курбан скребком и влажной тряпкой чистил своего Гнедого. Незаметно подошел Намаз, шмыгнул носом.

— О?! — воскликнул Курбан и захотел поблагодарить его за вчерашнюю услугу. Но осекся. Глаза парня были грустные. — Что случилось? Бай обидел? Она?..

— Уехала, уехали! — почти прокричал Намаз, — хлюпая носом.

— Куда? — не понял Курбан.

— В горы...

— В какие горы?.. Да говори же толком?

— Бай-ата увез... — пробормотал Намаз. — Здесь, говорит, эти глазают на женщин. Вы то есть. Чужие. В кишлак увез.

— В какой кишлак?

— Она просила передать вам... что ее увезли... Они уехали на рассвете. Получили разрешение от вашего начальства и уехали.

— Ты разузнай про нее, а? Да не горбись ты! Расправь плечи! Твое время пришло!.. Да! Чем так болтаться, пойдешь к нашим! И тебе дело найдется. Настоящее дело.

— Тетушка осталась одна, — опять зашмыгал носом Намаз.

Курбан оседлал коня, выехал за ворота. «Прощай, сказала она... — размышлял он над словами Намаза. — Что она хотела этим сказать? Чтобы я ее разыскал? Зачем?..» Сколько раз Курбан думал, что когда-то он должен соединить свою судьбу с какой-либо девушкой. Но дело это все откладывал на потом, а что думать об этом сейчас...

Возвращаясь, возле конюшни увидел Карима Рахмана, сметавшего в кучу навоз длинным веником. Сунув веник под мышку, тот подул в кулак. Озорно подмигнул Курбану.

— Чему радуетесь, Карим-ака? — спросил Курбан. — Секрет? Скрытый вы человек!

— Как-никак, сын конокрада! — расслаился улыбкой Карим.

— Да бросьте вы!

— Правду говорят, горбатого могила исправит. Ей-богу, но мне от отца все передалось. Как увижу коня чистых кровей, я, как цыган, не могу спокойно усидеть на месте.

Карим рассмеялся, но тут же, обрвав смех, озабоченно сказал:

— Идите быстрее в штаб. Ждут вас!

...Вокруг круглого стола на коротких ножках сидели Говоронский, Арсланов, Аркадий Иванович и Виктор. Арсланов сказал Виктору:

— Остановимся на этом варианте. Об остальном я с ним сам переговорю... Арбу возьмите у Суюна Пинхаса.

Виктор, заговорчески подмигнув Курбану, вышел. Аркадий Иванович, тепло поздоровавшись, усадил его рядом с собой.

— От Василия Васильевича — поклон... Приехал вот проводить, — сказал он, внимательно прощупывая взглядом Курбана.

— Ты готов? Помогли разобраться в обстановке? — Аркадий Иванович кивнул в сторону Арсланова и Говоронского.

— Когда?..

— Сегодня.

Курбан разве что едва заметной бледностью выдал свое волнение. Как ни долго готовился и томился в ожидании, «сегодня» — неожиданно...

— Почему молчишь?

— Яс-но... Я вас слушаю!

— В таком случае... Рассмотрим еще раз основные вопросы... — Арсланов с Говоронским вышли из комнаты. Как только за ними закрылась дверь, Аркадий Иванович, подавшись всем корпусом к Курбану, заговорил громко.

Обговорив все, на что должен обратить главное внимание Курбан, Аркадий Иванович ознакомил его с тем, что пишут о событиях в Бухарском ханстве английские, турецкие, иранские, французские, немецкие газеты...

— Знаешь, Курбан, обстановка там гораздо серьезнее, чем мы предполагаем, я уверен в этом... Не забывай, здесь сейчас столкнулись интересы некоторых европейских стран, особенно Англии. Бухара — лакомый кусочек, о котором мечтает она давно! И, надо сказать, кое в чем она преуспела. Удалось же ей приручить эмира. Дело дошло до того, что Саид Алимхан назначил командующим своими войсками — первым министром! — английского полковника Штелннела... По Энверу-паше обговорили все... Теперь ты знаешь, кто он такой. Вопросы есть? Спрашивай... Итак, он пойдет на Кукташ. Правильно, его надо бы перехватить в пути. В пустыню Арпали выйдет отряд из Термеза, отсюда тоже. Пошлем специальных людей из Дарбанда и в горы... Но Василий Васильевич считает, что мы уже упустили Энвера-пашу. Кто-то опередил нас, подсказал ему: надо быстро уходить из Бухары. И этот «кто-то», по всему виду, очень хорошо информирован о наших планах. Обо всем этом Василий Васильевич доложил командующему... Не так прост Энвер-паша! На Западе его рисуют как талантливого военного. И только! А о том, что он один из крупнейших идеологов пантюркизма и его мечта создать федерацию тюркоязычных государств от Турции, включая Среднюю Азию и Казахстан, до границ Китая, — ни слова. Они словно этого не знают. Или знать не хотят. Когда он сделает «их дело», они попросту уберут его.

Следует проверить связь Энвера-паши с Бухарой, а точнее — установить, с кем из руководителей республики он сблизился. Очень важно узнать, как Энвер ушел незамеченным из Бухары? Кто ему помог, снабдил лошадьми, провиантом? Его проводили. Энвер-паша идет к Ибрагимбеку, и проводил его человек, который знаком с ним и знает, кто он такой, а значит — для главарей басмаческих банд он также не чужой... Конечно, мы не имеем права подозревать кого-либо из руководителей бухарского правительства, однако, как говорится, тугай без свиней не бывают. Внутренний враг — для нас враг самый страшный! Дальше. Хазрат, несомненно, примет тебя с распростертыми объятиями. Но все-таки остерегайся его не меньше белогвардейских и иных специалистов контрразведки, их много в окружении Ибрагимбека и во всех бандах. Ты будешь чувствовать себя постоянно канатоходцем, только не на толстом канате, а на тонком волоске. Один неверный шаг и — сам понимаешь...

Рядом с тобой постоянно будет человек на связи. Верь ему. Он свое дело знает... Он тебе скажет: «Меняю нож на тубетейку», — ты должен ответить: «Согласен». Помни пароль: «Меняю нож на тубетейку».

Открыв дверь, Аркадий Иванович позвал Арсланова и Говоронского, те, войдя, сели на прежнее место, как будто и не уходили.

— Теперь, Курбан, слушай. Сейчас эскадрон Виктора направится в Ялангтаг. Эшнияз разведкал: у подножия горы нашлась яма, полная зерна. Слыхал? К ним присоединятся продотряды. Ты пойдешь вместе с ними. Виктор знает задачу... Погрузите зерно в арбу и отправите сюда, а сами продолжите путь. — Аркадий Иванович посмотрел на Арсланова и Говоронского. — Хотите что-нибудь добавить?

— Порасспросите о кишлаках, — сказал Арсланов, нервно похрустывая пальцами, — где могла пройти группа Энвера-паши?

Говоронский вздохнул.

— Старики говорят, там сейчас не пройти. А вообще-то, кто знает! На вашем пути будет несколько сел. Дойдете до Сайбуя. Знаете такой кишлак?

— Знаю, — сказал Курбан. — Я там был вместе с хазратом... Богом забытое место.

Говоронский уставился на него.

— Расскажите-ка, что за место?

— Я же сказал: забытое богом. Но — только богом. Как рассказывал хазрат, в списках бекства и в списках эмирата этот кишлак не значился. Не внесли его ни в какие списки! Но... конечно же знал о его

существовании! Знал и скрывал. Чиновники, сборщики налогов, миршабы — все помалкивали. В чем тут фокус: Сайбуй, как и другие кишлаки, облагался податью! Деньги, все собранное добро, — все напрямиком шло в сундуки бека. Хазрат знал и говорил правду.

Арсланов и Говоронский, переглянувшись, грустно улыбнулись.

— Бедная Бухара! Несчастливая моя родина! — воскликнул Арсланов. — Вот, — он взял лежавшую на краю стола белую книгу, поднял ее над головой. — «Страна бесправия». Лагофет написал. Вельможа, а написал правду... И здесь все это описано. — Арсланов бросил книгу на стол, накрыл ладонью. — Да, случаем не знаешь, какие там у Рамазанбая есть родственники?

— Откуда мне знать! — поморщился Курбан. — А что случилось?

— Бай сказал, что хочет навестить родственников...

— Э, зря разрешили! Сбежит!

— Говорил, что у него там сестра. Поклялся на коране.

Курбан рассеянно кивнул.

— Тогда не сбежит! Бай набожен.

— Ты бы по пути поработал с народом, Курбан. В тамошние кишлаки еще не назначены представители советской власти. Слава о тебе побежит впереди — это хорошо. Это — нужно! — хитро подмигнул Аркадий Иванович. — Вот тогда ты и... отстанешь!

— И уйду в Кукташ? Да... А если мы столкнемся в пути с Энвером-пашой?

— Вы не должны с ним встретиться.

— И все-таки — вдруг?..

— В любом случае, будь осторожен! — сказал Говоронский. — Помни пословицу: идешь охотиться на зайца, будь готов к встрече с тигром.

— Карим Рахман даст тебе халат, чалму, — улыбнулся Арсланов. — Продукты — «НЗ» на три дня.

— Все. Пора прощаться. — Аркадий Иванович встал с места, поскрипывая кожаной курткой. Креко обнял Курбана, похлопал его по плечу. — Не горячись. Тебя будут проверять, постоянно проверять... Василь Васильевич очень просил, чтобы ты поберег себя...

— Свидимся! — Курбан сверкнул своей обаятельной улыбкой. — Ну, а коли придется, я... погибну с честью.

Простились.

12

Выйдя из города, эскадрон остановился в Караултепе. Пройдя Урка, через Куштегирман можно спуститься к кишлаку Паданг, но разрушен мост Шурсай, находящийся недалеко от Куштегирмана, разрушили, когда богачи и обманутые бежали скопом. Потом починили кое-как, но арба все же проехать не может. Поэтому решили от Караултепе спуститься вниз, свернуть у еврейского кладбища и двигаться через адыры.

Поднялась белая пыль от хрустевшего под ногами снега. Когда перешли вброд неглубокий сай, бойцы спешили, стали толкать сзади арбу. Поднявшись на адыр, пошли быстрее.

Белым-бело кругом. Кое-где из снега торчат, как усики суслика, верхушки степной колючки. На снегу — ни вмятины. Кругом такая тишина, что кажется, уши заложило.

Маленький кишлак Паданг расположен у входа в ущелье, на том берегу сая, берущего свое начало у Ялангтагского водопада. Часть кишлака — в ущелье. Объехав стороной, эскадрон направился к ущелью Барса. Поднявшись по его левой кромке, в полдень подошли к мазару Ходжакучкар-ата.

На высоких тополях было полно ворон, при появлении людей, оглушительно каркая, они поднялись, закружились стаями.

У подножия мазара Эшнияз показал на противоположный плоский берег сая.

— Вон, видите?.. Хворост, сверху накрыт кошмой и засыпан песком! Какая-то сволочь крепко постаралась!

— Не тому достанется, кто хлопотал, а кому бог послал! — сострил кто-то из молодых бойцов.

— Не то говоришь, сынок, — пробасил пожилой, угрюмый красноармеец. — Это — кровь, пот, слезы люди... Это — хлеб...

Суяр, сообщивший о находке Эшниязу, — парень из Паданга. Два дня назад на охоте он погнался за лисой и набрел на эту яму.

Оставив арбу на берегу сая, бойцы взяли пустые мешки и по валунам перешли на другую сторону. Эшнияз тут же принялся за работу: осторожно, с помощью трех товарищей, скатал кошму, стягивая ее к себе. Яма открылась — широкая и глубокая, из нее поднимался теплый, удушливый пар. Люди, потрясенные обилием матово отсвечивающего, налитого зерна пшеницы молчали, а затем с веселым гомоном побросали шинели на снег. Двое спустились в яму. Одни наполняли мешки, передавали их наверх, а другие относили и грузили на арбу.

Виктор с Курбаном отошли в сторону.

— Курбан, как пойдем? — спросил Виктор. — После, как отправим продотряд.

Курбан показал глазами на Эшнияза:

— Он знает. — И оглядел горы.

Напротив возвышался Ялангтаг, накрывшись, как белым пуховым одеялом, снегом, надменно холодный, без единого кустика. Правая его сторона — неприступный обрыв. Из-под обрыва течет вода. Там, где она вытекает, образовались огромные наросты льда. Внизу речка пенится, хотя берега ее также скованы льдом.

— Когда-то мы поднимались по восточному склону, — проговорил Курбан.

Виктор внимательно рассматривал местность, мазар, за которым началась гора, заросшая арчой.

— Но можно и отсюда — через Тирсактаг пройти...

Курбан засмотрелся на открытый айван, прилепившийся к гробнице. Еще совсем недавно, в прошлом году, они с хазратом сидели на этом айване! Было лето...

Вдруг вороны, кружившие над ямой с зерном, взбалмошно, с хриплым криком разлетелись в разные стороны. Винтовочные выстрелы грянули с вершины Ялангтага.

С тополей посыпался снег.

Курбан глянул в сторону ямы, где метались люди. Одни прыгали в яму, другие, прячась за камни, старались добраться до винтовок. Двое парней из продотряда застыли на снегу.

На вершине Ялангтага призраками мелькнули темные силуэты.

Виктор уже подчинил своей воле бойцов, по его команде они палили из винтовок в сторону, откуда прозвучали выстрелы.

Курбан взял винтовку и укрылся за валуном, но стрелять ему не пришлось. Стрельба прекратилась. В кого стрелять? Зачем зря жечь патроны? Отпугнули и ладно.

Виктор решил возвращаться в Байсун.

Бойцы перешли сай, помогли продотряду погрузить оставшиеся мешки на арбу, положили сверху тела погибших и тронулись в обратный путь.

Виктор, Курбан и Эшнияз ехали рядом.

— С той стороны невозможно подняться на вершину! — возмущался Эшнияз. — Знаю! Видел! На каждом шагу разломы. Боковая стена растрескалась, как сухая земля. Охотник, если у него башка, а не тыква, даже летом обходит стороной это проклятое место!

— Тогда, выходит, они поднялись отсюда?

— Отсюда?.. Но где следы?

— Да что они — с неба спустились?!

— Если спустились... Уважаемый командир, мулла читает то, что знает! Я говорю то, что видел!

— С этим... Суяром надо поговорить! — сказал хмуро Виктор.

Курбан тревожно подумал: «Неужто заманили... с ним договорились? А кто поручится, что в Байсуне нет затаившихся басмачей? — Он бросил испытующий взгляд на Эшнияза. — Сегодня на рассвете он побывал здесь. Но сейчас усомниться в этом парне...»

— Почему сразу не обошли гору? — расвирепел Арсланов, выслушав доклад.

Эшнияз взорвался.

— Вы сами не видели! Человек там подняться не может! Я сам... После Караултепе предложил пойти на Чунтак. Вы же сказали «надо заехать в штаб». Правильно?

— Не горячись! Чего орешь? — оборвал его Виктор. — Все это правда. Надо с полным эскадроном пойти.

— После Тирсактага дорога далеко обходит Ялангтаг, — поддержал Виктора Курбан. — Спускаться прямо к Чунтаку!.. Эскадрон надо усилить.

— Чунтак — кишлак?

— Ну да.

— Надо подумать...

На айване, где жили бекские слуги, лежали убитые. Полковой врач Янсон осматривал трупы. Ему помогал Суюн Пинхас. Пинхас — байсунский богач, хотя он был ростовщиком, он считался знающим табибом.¹

Хоронили погибших у стены крепости, возле дороги. Молчаливой пестрой толпой теснились неподалеку от холмиков земли, чернеющей на снегу, местные жители.

Алимджан Арсланов сказал, обращаясь ко всем, кто замер вокруг в скорбном молчании:

— Эти русские парни пришли к нам, чтобы помочь установить народную власть. Они погибли на нашей земле! Они пришли, чтобы дать хлеб голодным. И погибли, выполняя свой интернациональный долг! Мы никогда не забудем этого! Пусть каждый, проходя здесь сегодня, завтра — всегда! — вспомнит их, склонит голову. Мы отомстим за них. Смерть врагам революции!

— Смерть! — выдохнула в едином порыве вся площадь.

«Смерть, смерть!» — далеко разнесло эхо голос народа.

Погибших медленно опустили в могилу. Первыми горсть земли бросили убеленные сединой аксакалы. Потом разобрали лопаты и, меняясь, бойцы быстро засыпали могилы. Трижды вспороли тишину винтовочные залпы. Все. Два неприметных холмика и истоптанный снег...

13

На следующий день, на рассвете, эскадрон, усиленный взводом, под командованием Виктора отправился в путь. На этот раз на отряд возлагалась дополнительная задача: установить, кто были те бандиты (командование решило, что они именно бандиты. Энвер-паша не мог появиться в том районе); жители кишлака, находящегося у подножия Ялангтага, очевидно знают, кто они. Во всяком случае, видели. А если бандиты — сами жители этого кишлака?..

Вопросы, вопросы... Загадки. Ничего. Главное — все в действии.

Курбан только теперь почувствовал, как сковывало и томило его ожидание. Но вот он и в пути. Кто знает, что его ждет в конце этого долгого и опасного пути, а пока... Ведь может же и так случиться, что очень скоро он встретится с Айпарчой. Наивный старик! Радуется, что высоко-высоко спрятал дочь от чужих глаз, и невдомек ему, что двух дней не прошло, и уже едут туда кизил аскеры в остроконечных буденовках...

¹ Лекарь.

Эшнияз восседал на старой кляче тяжело, как скала. Бедная кобылка с трудом несла его. Тура, его приятель, — на пестром, словно запылившемся коне, которому дал он кличку «Басмач». У Эшнияза и Туры настроение приподнятое, но, когда они взглядами встречаются с Виктором, голоса их словно вянут. На лице Эшнияза чуть заметно нервно подрагивают желваки: он в чем-то чувствует себя виноватым.

На желобе водяной мельницы, сложив руки на животе и задрав голову вверх, стоял мельник. Эшнияз сколько ни кричал: «Приветствуем вас!» — тот даже бровью не повел.

— Да он же глухой! — сказал Тура. — А вроде бы в роду у него глухих не было. Шум жерновов, воды и денег сделали его таким, — захохотал он.

Курбан наслышался в детстве страшных рассказов о мельницах, теперь вспоминалось... Когда уже начали подниматься на перевал Дийдоркаш, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, спросил у Туры:

— Эмир здесь ушел, да?

— А где же еще! — кивнул Тура.

Выехали на развилку.

Виктор, осмотрев округу в бинокль, весело сказал:

— О, вижу троих! Рамазанбай! И сопровождающие его лица.

Курбан торопливо взял бинокль. Точно — он. Оставил дочь, возвращается.

— Надо их допросить, — сказал Виктору. Тот, соглашаясь, кивнул:

— Надо. Арсланов то же самое советовал на случай, если встретим. Послушай, может, сам и потолкуешь с ними?

Не хотелось. Придумал оправдание:

— Зачем мне лишний раз лезть на глаза? — Сказал это и свернул в заросли. Посмотрел на всякий случай, нет ли за этой троицей басмаческого «хвоста».

Отряд пропустил тех троих. Виктор догнал Курбана, сказал:

— Разговаривал с Рамазанбаем. Возвращается из Сайбуя. Никого не видел, говорит.

— Хотелось бы верить. Ты знаешь, что он оставил свою дочь в этом кишлаке?

Виктор хитро улыбнулся.

— Часовые еще при выезде из города мне говорили — вчетвером они выехали... Тебя это волнует?

— Ну, что ты опять! — обозлился Курбан.

— Ладно, ладно! — примирительно сказал Виктор.

За перевалом, на северной стороне, лежал глубокий снег. Кони спускались медленно, приседая на задние ноги. Потом, в долине, они опять пошли быстро. Перед бойцами простиралась голая степь. Стояла оглушающая тишина. Только гулко раздавался, как будто издали, приглушенный землей конский топот. Строй разладился, каждый всадник выбирал свою тропу.

Поднялось солнце.

Отряд шел у подножия Тирсактага, среди больших серых валунов. Впереди чернели деревья — роща грецкого ореха. Над ней кружились вороны.

Как только въехали в рощу, все снова подтянулись, насторожились. Бойцы, как по команде, сняли с плеч винтовки и положили на колени. Двигались по когда-то проложенной людьми, но сейчас заросшей тропе. Видно, давно здесь не ступала нога человека: орешник разросся, низко свисали ветки деревьев, всадники то и дело пригибались...

Солнце клонилось к закату, когда отряд стал над Чунтаком — на холме, с которого они должны были спуститься в кишлак. Виктор внимательно рассматривал в бинокль безлюдные улицы селения. Он боялся напороться на засаду басмачей. Кто знает, может быть, в эту минуту они смотрят на эскадрон через прорезь прицела.

Виктор опустил бинокль.

— Пошлем добровольца, пускай разведает, — сказал он Курбану. — Кто пойдет?

— Я, — подъехал Эшнияз.

— Один пойдешь?

— А что, волк меня съест?!

— Подавится... — засмеялся Виктор, глядя на его богатырскую фигуру. — Поговоришь с людьми... Мы здесь стоим!.. Если встретишь подозрительного, не суетись, разговаривай спокойно, посмотрите, мол, наверх!..

...Эшнияз походил по краю обрыва и неожиданно, подняв уголки подола халата, сел на снег и, как на салазках, заскользил вниз. Когда оставалось всего-ничего, упал на бок. Вот встал, отряхнулся. Срезал прут с тамариска, зачистив, сделал шомпол и прочистил ствол винтовки.

Эшнияз перебрался вброд через маловодный сай на другой берег. Здесь начинался кишлак. Жалкие жилища из самана, крытые проходы с улицы во дворы лепились по склону горы. Они разделялись между собой плетеными из прутьев тала заборами. В некоторых дворах чернели голые деревья, стояли на снегу коровы, ослы.

Глянув вверх, Эшнияз увидел своих товарищей и уверенно зашагал по тесной улочке. Он дошел до первого двора, перемахнул через низкую ограду. И тут увидел, что навстречу ему, разгребая снег толстыми мохнатыми лапами, несутся две огромные собаки. Эшнияз, выросший в пустыне, знал: в пустыне и в горах цена собаки слишком высока. За породистого щенка не пожалеют хорошего бычка. Понимая, что если побьет собак, то может вызвать враждебное отношение хозяев, Эшнияз, глядя на видневшийся в глубине двора дом, заорал, что есть мочи, упал на снег и набычил голову. Собаки остановились и, рыча, стали кружить возле него.

На айване показались трое. Самый маленький из них быстро спрыгнул с айвана и, крича «стой, где стоишь!», побежал отгонять собак.

Эшнияз поднялся, стряхивая снег, поздоровался со своим спасителем.

— Здравствуй, братишка!

— Здравствуйте. — Мальчишка смотрел враждебно. Заметив это, Эшнияз повел подбородком в сторону холма. — Их видишь?

Мальчишка посмотрел на всадников.

— Опять!? — хмуро сказал он.

— Почему «опять»?..

Курбан направил бинокль на таинственную сторону Ялангтага и только теперь рассмотрел странный след, тянувшийся с вершины к подножию горы. Уговорил Виктора съездить. Приказав до их возвращения всем оставаться на месте, они отправились вдвоем. Добрались до широкой поляны. Снег здесь был весь вытоптан людьми и конскими копытами. Посмотрели наверх. На пологом склоне холма все тот же странный след: словно большую катушку с широкой лентой, разматывая, катили сверху.

— Здесь они и поднялись! — уверенно сказал Курбан.

Он посмотрел на седловину, где смыкались Ялангтаг с Тирсактагом. Что за черт, неужели прошли по этой горе? В таком случае, непременно должны были сохраниться следы в ореховой роще.

Что тогда произошло, рассказал низенького роста, бледный, с выдающимся вперед подбородком старик, которого привел Эшнияз.

— Они пришли оттуда, — показал он на северо-запад, где гора уперлась в горизонт, — человек тридцать. У всех винтовки, сабли. А один — главный — в лисьем малахае... Мы подумали, что они охотники, байские сынки. Теперь, вы знаете, пора охоты... В лисьем малахае и говорит: «Покажите короткий путь на Гиссар!» Собрал он всех нас около мечети... Мы и говорим, мол, если хотите попасть в Гиссар, перевалите через Тирсактаг, спуститесь к подножию Ялангтага. Пойдете низом у мазара Ходжакучкар и прямо выйдете к Гиссару. Другой-то дороги нет! Можно пройти по скалам Османупара, так даже ближе. Но там сейчас снега много, лошади застрянут. Посоветовались они между собой, показали на Ялангтаг: «Объехав, спустимся к его подножию?» «Да», — сказали мы. «А напрямик подняться нельзя? Склон-то пологий!» «Невозможно, — сказали мы. — Много глубоких расщелин; сорветесь. Здесь и охотники не ходят!» Тогда они опять посоветовались. Расспросили нашего Корягды о расщелинах. «Пойдемте с нами все! Принесите из дому ковры, одеяла, паласы, кошмы!» — приказали они. Мы

удивились: «Что делать будете?» — спросили. «Несите!» — нетерпеливо закричал человек в лисьем малахае. Привели нас на место, где снег был утрамбован... Идемте, увидите сами... «Ну-ка, настилайте ковры, одеяла, кошмы!» — повелели они и расставили нас цепочкой до самой вершины. Смотрим, они по нашим вещам ведут своих лошадей! Ни одна не провалилась!

И тогда с вершины они увидели вас... как красные аскеры выгребают зерно из ямы. Человек в лисьем малахае, как сумасшедший заорал на своих: «Становись!» По его приказу они опустились на колени и дали залп. А потом, взяв лошадей под уздцы, снова спустились по коврам.

Человек в лисьем малахае сильно кричал: «Красные у вас под боком! А вы нас хотели направить в обход горы, мимо мазара! А там...» Видать, решил, что заодно с вами, и всех нас избил. Потом спросил у деда Корягды, как можно пройти через Османупар. «Может быть, и есть дорога, ее знают тамошние жители», — схитрил старик.

— И ушли в Сайбуй? — спросил Курбан.

— В точку попали, аскер-ака. Они пошли Гурдарой, но выйдут у Сайбуя.

Курбан опешил.

— Почему не сказали сразу? — воскликнул он.

— Э, уважаемый! Походите по домам, найдите хоть одну лошадь! Всех увели. В пустыне остались мы. И теперь вот думали в Байсун податься. Будем скитаться там, как нищие...

— Ну и думайте! — вспыхнул Курбан. — Советская власть заботится о каждом бедняке, готова все сделать, лишь бы не было бедных и голодных, а эти, видите ли, сами записываются в нищие...

— Вам надо знать, отец, — присоединился к разговору Виктор. — И не смотрите на меня удивленно... Я такой же человек, как и вы, дитя человеческое... Так-то! Советская власть о вас думает! Ради вас люди на смерть идут! Понимаете? Так-то... Теперь и вы подумайте!.. Сидеть сложа руки — это разве дело, отец! Вы же охотники. Стрелять умеете. Сами льете пули.

— Да, теперь... и сами думаем...

— Ну, что будем делать? — сказал Курбан. — В кишлаке есть староста?

— Какие там старосты! Есть уважаемые люди, старые совсем.

— Ладно... В таком случае, мы вас... от имени Советской власти назначаем временным старостой Чунтака! Гм... Ну мы об этом поговорим попозже! И с народом тоже... Эти ушли в Сайбуй?

— В Сайбуй.

— Теперь пойдут через Османупар?

— Не знаю... Однако преодолеть трудно...

— Думаете, останутся в Сайбуе?

— Но они торопились!

— Да-а-а... Больше ничего не говорили?

— Нет. Спросили дорогу на Гиссар, и только.

— Гиссар, Гиссар... Значит, потом пойдут на Душанбе?

— Наверное, так и будет.

— Ладно... мы все равно найдем их! Говорите, человек тридцать?

— Да. Получается тридцать.

— Хорошо... На Гурдару проходить через кишлак?

— Можно спуститься по краю того холма, — старик посмотрел на солнце. — Однако уже вечер. Пока доберетесь до Сайбуя, стемнеет. В горах солнце сядет — и сразу ночь.

— Верно... Значит, договорились: вы староста! Так, Виктор?

— Точно! Временный староста, — сказал Виктор, дав знать Курбану, чтобы тот продолжал разговор.

— Обязанности старосты знаете? — спросил Курбан старика. — Староста Советской власти день и ночь думает о народе, отец! Вот и все!.. Что бы в кишлаке ни произошло, вы всему судья, понадобится помощь, — незамедлительно сообщите в Байсун. Там вас выслушают, поймут, окажут помощь! Будет необходимость, пришлют и военный отряд... Понимаете?

Старик согласно кивал.

— Однако... Я не смогу быть аксакалом кишлака.

— Советская власть... если хорошего человека назначает на должность, у него не спрашивает согласия. Бывает наоборот, не дает должности тем, кто ее просит... Вот как! — Курбан удовлетворенно улыбнулся: ему самому понравилось, каков он в роли агитатора. — Значит, договорились, а?

— О чем?

— Вы — староста!

Вмешался Виктор.

— Мы не останемся в Сайбуе! — сказал он с участием в голосе. — Вот увидите, вернемся. Ну, завтра-послезавтра... В вашем же кишлаке будем! Поговорим!

— Виктор, нам пора, — напоминал Курбан.

Горбатый холм упирался в высокую гору. Отсюда, опоясывая ее широким ремнем, пролегла дорога. По ней эскадрон и продолжил свой путь.

Аксакал шел впереди. Шагал он быстро. Звон копыт, ударяясь о каменные стены, отдавался эхом. Снега было мало. На дороге попадалось много кекликов — горных куропаток. С шумом вспорхнув, они улетали вниз.

«Человек тридцать, это ничего, — думал Курбан озабоченно. — Но если спешат... Дьяволы, они и эту гору перейдут, применив какую-нибудь хитрость!.. Почему они стреляли с Ялангтага? Стреляли от злости... Это не Энвер-паша. В штабе правильно рассудили: неизвестная банда... Пришли-то с Шахрисябза, что они будут делать в Сайбуе? Там тоже возьмут лошадей? Пограбят... Нет! Их надо догнать! Обязательно!..»

— Может, назад за нами придете? — говорил в это время аксакалу Виктор. — Подберите побольше парней, вооружите их... С басмачами мы и сами можем справиться, но было бы неплохо...

— Ладно, ладно! — закивал аксакал. — Я попробую поговорить.

— Поговорите!

Аксакал распрощался с отрядом там, где дорога спускалась к саю.

Когда вошли в Гурдару, стемнело. Двигаться дальше не было смысла. Неподалеку оказалась удобная пещера, решили остановиться в ней.

Бойцы принялись устраиваться на ночлег, а Курбан, взяв Виктора за локоть, вывел из пещеры.

— Дело дрянь, — волнуясь, сказал ему, — мы идем вслепую. У меня ощущение, что с нас кто-то не спускает глаз. Я, конечно, не могу вмешиваться в твои дела, но надо, чтобы впереди шли твои глаза и уши...

— С рассветом пошлем Эшнияза в разведку, — согласился Виктор.

— Тебе Аркадий Иванович что-нибудь обо мне говорил? — вдруг спросил Курбан, пристально рассматривая в сумрачной темноте лицо Виктора.

— Ты должен уйти, — совершенно спокойно ответил Виктор. Вот и все.

Угли костра затягивало пеплом. Курбан, подстелив под себя попону и положив голову на седло, задумчиво смотрел на угли, а перед глазами... опять горел костер под орешинной... Отблески света на лице Айпарчи... Ее белые руки, протянутые к теплу...

Спал?.. Айпарча?.. Не надо... Потом.

Что было?..

Разговор с Василием Васильевичем в его кабинете в Ташкенте.

«Постоянно помни, сынок: самым опасным для тебя будет не кто иной, как его преосвященство ишан Судур ибн Абдулла; твой учитель. В окружении Энвера-паши и Ибрагимбека нет человека могущественнее его. Саид Алимхан считал своим душеспасителем кокандского муллу, а высокое звание «Судур» все же присвоил хазрату. Видишь, даже эмир, хотя бы скрытно, но побаивался его... Нам известно: между Энвером-пашой и Ибрагимбеком идет тайная борьба за полное доверие к ним со стороны ишана Судура. Я подчеркиваю: за полное доверие. Что это значит? У идеолога пантюркизма Энвера-паши главная цель, как ты знаешь, создание федерации тюркоязычных государств в мировом масштабе... А у Ибрагимбека — возрождение Бу-

харского ханства, где эмиром будет уже не Саид Алимхан, а он сам... Ну а что же хазрат? Вот тут все гораздо сложнее. Несколько лет назад у ишана состоялась в Стамбуле довольно любопытная беседа с крупным английским дипломатом, содержание которой было опубликовано в турецкой газете под небомским заголовком: «Мысли известного богослова о будущем мусульманских народов». Вот что сказал его преосвященство. Дословно: «Наступает время, когда мы должны думать о создании исламских государств»... Пока народ в большинстве своем неграмотен, мечеть имеет над ним безграничную власть. Это хорошо понимают и Энвер-паша и Ибрагимбек. Не считаться с этим им никак нельзя... Вот почему ишан Судур чувствует себя исключительно спокойно, уверенно. А они даже и не предполагают, что он не только духовное лицо, но и политик, выжидающий своего часа... Готовясь к встрече со своим учителем, постарайся вспомнить и проанализировать все основные его философские воззрения. Это будет иметь очень важное значение в твоей работе. Думай, думай...»

Курбан думал.

Эшнияз, вернувшись из разведки, докладывал обстановку:

— Чужих не встретил. Никого не встретил. Следы ведут в ущелье. Туда ушли. После моста свернули и вошли в кишлак, потом опять вышли...

— Ты показываешь старые следы, — требовал уточнения Виктор. — А следы за мостом новые, вчерашние. Ты прошел через кишлак — люди не обратили на тебя внимания...

— Подумали: охотник, — предложил Курбан. — Одеждой-то он ничем не отличался от местных.

— Э, сколько тут разных людей бродит! — пришел на помощь Эшниязу его приятель Тура. — Можно целый день ходить туда-сюда — никто не спросит, кто ты. Спросят: «Лиса? Волк?» Скажешь: «Заяц». Или скажешь: «Ничего нет в сумке, никого не подстрелил». Посмеются — плохой охотник, плохой стрелок. Вот и все.

Пока Эшнияз был в кишлаке, там будто вымерло все. А теперь — Виктор видел в бинокль: вот двое пересекли улицу торопливыми шагами, чья-то темная фигура замерла на айване в северной части кишлака.

Курбан тоже смотрел на кишлак, но мысли его были далеки от того, о чем думал сейчас Виктор. Курбан почему-то был уверен, что Айпарча именно здесь.

— Как, по-твоему, добирался сюда Рамазанбай? — спросил он Эшнияза. — Может, поверх ущелья?

Эшнияз, резко повернувшись, указал на восточную сторону горного склона, заваленного снегом.

— Там их следы.

— Ну пошли! — скомандовал Виктор. — Оружие держать наготове. Всем — смотреть в оба!

В ущелье въехали, точно в ворота. Справа и слева расселины. Сюда еще не спустилось утро: таинственный сумрак, тишина. Только бормотливое эхо от стука копыт.

Наконец они в кишлаке.

Курбан был здесь летом. Вон она — та самая мечеть на бугре. Там, на айване, молились, потом с нее осматривали кишлак. Вечером все мюриды хазрата собрались под старым карагачем, было большое угощение... А на другой день, после полудня, у родника жарили форель...

Сайбуй. Кишлак, словно котенок у ног хозяина, у подножия высокомерного Тумшуктага. Гора закуталась в снег, кажется, что погрузилась в глубокий сон, но сон ее неспокоен: вон как подрагивают ветви арчовника. Дома Сайбуя сжаты в объятиях горы, они громоздятся ярусами, чернея айванами. В урюковом саду на краю кишлака кричат вороны. Речка. Ее берега будто оплавлены льдом, но вода — белая, бурная — все-таки прорывается в долину.

Вот и мост. Выгнулся дугой, горбатый. С обоих берегов положены брев-

на, их концы крепко связаны веревками, поверху насыпан хворост. Такие мосты гремят под ногами и копытами ступивших на них. Норовистый конь мечется, может сбросить всадника. Лошадям аскеров не в новинку такие мосты, и чем этот отличается от того, что был у Куштегирмана.

Что же тревожит бойцов? Их нервы, словно бубен, разогретый над углями, только коснись — гром.

Тишина. Безлюдье. Ни души! Кишлак будто вымер.

— Эшнияз! — позвал Виктор. Сказал ему с нервной усмешкой: — Людей-то в самом деле не видно! Может, и нет тут никого?

— Есть! — зло выкрикнул Эшнияз. «Они мне не верят», — мрачно думал он. — Хотите — подымусь вон туда и стану кричать? Я так закричу — все повыскакивают!

— Почему же они притаились? Боятся нас?

— Притаились, — согласился Эшнияз. — Бандиты знали, что мы придем, ну и... припугнули.

— Похоже, что так.

Виктор погнал коня. Отряд поскакал за ним.

За мостом дорога пошла каменистая, извиваясь, она ползла вверх. По обе стороны ее тянутся глухие стены домов и сараев.

На тихой улице стук копыт по камням, даже пофыркивание лошадей раздаются так громко, что, казалось бы, все вокруг должно пробудиться, ожить. Нет — даже собак, и тех не слышно, не видно.

Отряд двигался вперед, прислушиваясь к тишине. Улица свернула на широкую поляну. Спешились перед домом с толстыми колоннами и открытой верандой.

14

Снег на поляне недавно вытоптан. Конечно, люди уже должны были собраться на утреннюю молитву.

Курбан, поднявшись на айван, усеянный пометом голубей, не увидел здесь следов. В углу, свернутые трубой, прислонены к стене циновки. Теперь не только Курбану — всем ясно: бандиты ушли из кишлака.

— Эшнияз, созовай! Покричи, да погромче! — сказал Курбан и, заложив руки за спину, с важным видом принялся расхаживать по айвану. Остановившись возле Виктора, стал рассказывать, как еще совсем недавно он бывал здесь и каким цветущим местом выглядел тогда кишлак.

Рассказывая, он сбивался и время от времени нервно покашливал.

Виктор понимал его состояние: волнуется парень, соберется народ — ему говорить, а разговор редко получается таким, к какому готовишься. Бывает, настроишь себя на долгие разъяснения, что такое Советская власть, весь мокрый будешь, пока убедишь, что эта власть — для народа, для бедноты, а тебя поймут с полуслова, и уже не надо никаких других слов, все готовы идти, куда ты поведешь, жить так, как ты скажешь. Но чаще бывает наоборот... Накричишься до хрипоты — и не убедил. А еще чаще — и высказал все, и поняли тебя, и уже ушел из кишлака, с гордостью оглядываясь на красный флаг, а едва скрылся из виду — там все опять с ног на голову, все по-старому...

— Эй, вы мусульмане! — закричал Эшназар. — Почему не выходите? Эге-ге-ге, люди! Вы слышите?! — Послушал эхо, проворчал: — Молодцы-храбрецы! А еще горцами называются! Горцы, говорят, смелы, бесстрашны! А эти...

Но тут с шумом открылась маленькая одностворчатая калитка дома, прилепившегося к поляне, из нее вышел в длинном, почти до земли, халате, изодранном в локтях, старик.

Потрясая посохом, закричал на Эшнияза:

— Чего орешь? Не глухие... Что нам делать? Трубить во всю силу, мол, идет наша защита и опора?

Курбан знал таких стариков. Если в махалле свадьба или похороны,

когда люди бестолково топчутся в растерянности от горя или неумного веселья, всегда находится старичок, способный расставить всех по местам, придать беспорядочному движению людей осмысленное направление. «Эй, ты! — крикнет кому-то (каждому, кто слышит, может показаться, что при этом он посмотрел именно на него). — Там почил раб божий, люди с ног сбились, готова его к потреблению и поминовению, — а ты спишь на ходу или вот-вот палец сломаешь в собственной ноздре! Ты что — мнишь себя бессмертным?!» Или: «Эй, приятель! О тое в доме этого уважаемого человека ты знал за месяц вперед и теперь прибежал первым. А знал ли ты, что у бедняги руки больны и совсем мало помощников? Для кого он старается? Для вас, люди. Эта свадьба — для вас! У тебя не было свадьбы, ты не знаешь?.. У тебя не будет свадьбы, да?..»

Да, похоже, именно из них этот старик Мухсин. Он уже не охотник: стар, глаза не те, и ноги не те; он рубит в горах арчу, сжигает ее и древесный уголь продает кожевникам. На то и живет.

— Эге, отец, сначала здравствуйте! А разговор потом!

Старик Мухсин повернулся к Курбану и смолк на полуслове.

— О! Здравствуйте! — сказал он, стараясь не выдать своей растерянности, и подошел к нему.

Курбан, неожиданно почтительно приложив обе руки к груди, после некоторой паузы протянул их.

— Во имя аллаха...

Старик Мухсин прочитал краткую молитву. Потом, вдруг попятившись, сказал:

— Добро пожаловать, уважаемый мулла!

— Доброго вам здоровья! — доброжелательно произнес Курбан. И, чтобы не смущать старика, сказал: — Мне кажется... Что-то не видно людей? Мы пришли — а тут и не догадываются, что гости пожаловали... — Он, словно закадычный друг, вкрадчиво спросил: — Что случилось? — Да не на того напал! В глазах старика Курбан заметил искорки лукавства: старый почувствовал, что он умышленно прикинулся непонимающим. Курбан решил больше не притворяться: — Почему не выходят люди? Почему попрятались? Ведь видели нас? Правильно? Отец, скажите им, пусть выходят! Вы на аксакала этих мест похожи...

— Я — аксакал? — удивился старик. — Я-то похож?

— Очень похожи, — улыбнувшись, подтвердил Курбан. — Ладно! Об остальном потом поговорим... Или сами расскажете, что тут произошло? Какими делами занимались здесь всадники, прибывшие из Чунтака? Когда ушли? Куда?.. Или вы не знаете?

— Почему ж не знаю! — возмутился старый Мухсин. — Еще как знаю... Однако меня аксакалом... — Старик умолк (смущен, растерян?), увидел направляющегося к ним Виктора, попятился. Курбан, глянув на него, усмехнулся:

— Не бойтесь, отец! Чего испугались? Что он — русский? А вы спросите, зачем он здесь? Почему это ему не сидится дома, в России? Если в вас будут стрелять, он вас заслонит собой. А теперь он здесь для того, чтобы в вас не стреляли. Собирайте народ, мне есть что рассказать.

Старик, мелко-мелко кивая, отошел. Ударяя посохом о снег, закричал:

— Эй, люди! Выходите! Чтоб вам, лежебокам, было пусто! — Гордо прошагав мимо хмуро уставившегося на него Эшнияза, он забрался на невысокую крышу дома, потопал, побил по ней ногами. Потом, приблизившись к карнизу, принялся колотить посохом по балке. — Выходите же, окаянные! Эй, мастер Гияс! Чтоб в твоём доме света не было! Выходи — глянь, как тут светло! — Потом он перешел на другой край крыши. — Эге-ге-ге! Сатвалды! Утри сопли! Отдал коня и теперь от холода зуб на зуб не попадает? Эй, киргиз! Ты жив, друг мой? Выходи же! Вот пришли те, которые найдут твоего жеребца!

На нижней улице послышался скрип калиток и показались трое, еще один, еще подходят. Рядом с домом старика стоял какой-то юноша, а в са-

мом конце улицы мелькнула женщина в красной накидке. Из-за мечети вышли двое мальчиков в чарыках и тут же исчезли.

— Выходите! Да выходите же! — кричал Эшнияз.

Старый Мухсин, сойдя с крыши, твердо ступая, с гордо поднятой головой подошел к Курбану. Он собрался было что-то сказать, но смолчал, уставился ему в глаза: он как-то неожиданно согнулся, обмяк, принял жалкий вид:

— Не довелось ли вам бывать в нашем кишлаке прежде? — вкрадчиво проговорил старик. — Я ведь нигде не мог вас видеть, а — видел. Или уже врут старые глаза, память подводит?

Курбан невольно проговорился:

— Я бывал здесь с хазратом ишаном Судуром.

В лучистых глазах старика вспыхнули странные огоньки. То, что он распознал Курбана, вселило в него бодрость, он выпрямился.

— Ну и ну! — воскликнул он негромко и тут же почтительно поклонился, приложив руку к груди. — Добро пожаловать, добро пожаловать...

— Да, мы сидели под священным карагачем... — Помните?

Почему же не должен помнить старый Мухсин? Ведь он был самым услужливым на том пиршестве? Кто на весь кишлак, на всю округу распространил весть о прибытии хазрата? Кто собрал всех мюридов?

— А меня? — спросил тихо старик. — Припоминаете? — Засмеявшись, он немного отдалился. Но, желая, чтобы подходившие люди слышали их разговор, продолжал громко смеяться. Его голос снова окреп: — Меня называли аксакалом! Хе, первый аксакал-то сбежал! И где его сейчас черти носят?! Говорят, в Кукташе... Кто знает. Все баи бежали! Мы остались... Мы — бедняки. Бедняки никогда не бегут от своей бедности. Бедность — это их единственное богатство. Больше у них ничего нет. Вот так-то, мулла... Чтоб у этих разбойников дом сгорел! Чтоб их могилы сгорели! — Он повернулся к Курбану. — Разбойники до смерти напугали этих несчастных. «Придут красные — все прячьтесь!» — приказали им. Вот они и попрятались, затаились... что делать бедному народу?! А ну-ка подойдите поближе! Поближе... Вот кто выслушает все ваши боли, горести, печали! Я же говорил вам!.. Есть Советская власть. В Байсуне есть Советская власть. О бедных думает. Говорил же, поддержит, защитит. Вот видите!.. — Старый Мухсин обратился к страннику и к человеку по имени Хуррам — невысокий, плотный, он переводил по лицам аскеров беспокойный взгляд и, по всему видно, с трудом сдерживался, чтобы не перебить старика и не заговорить самому. Курбану бросилась в глаза непохожесть на Хуррама подошедшего паренька лет восемнадцати. В нем все выдавало охотника: короткая, до колен, шубейка из козьей шкуры мехом наружу и без рукавов, такая же шапка, длинная шерсть закрывает лоб, и чарыки на ногах, конечно же, из козьих шкур. Привлекало внимание лицо парнишки: желтоватое, оно будто вырезано из слоновой кости и кажется неживым. Странное лицо... Станный... Кто он — чабан? Охотник?..

Курбан уже не слушал старика — смотрел на женщину, поднимающуюся с конца улицы. На ней была паранджа, но без чачвана. Проследив за взглядом Курбана, старый Мухсин закричал:

— Несчастливая Иклима идет! — Подходи, дочка, подходи! Поведай вот им свое горе! Они пришли сюда, чтобы узнать о твоём горе! — Старик снова обратился к Курбану. — Они причинили ей большое горе, пусть все, что они едят, будет ядом, все, что надевают, будет саваном! — зазвенел его голос. И — уже другим тоном: — Вы здесь дня три-четыре будете? Если они вернутся, узнают о нашем разговоре с вами, плохо нам будет...

— Эй, да помолчите вы! — оборвали его из толпы. — Дайте другим хоть слово сказать!

— Да разговаривай, разговаривай! — озлобился старик. — Что, я тебе рот заткнул? Я ж позвал тебя, чтобы и ты поговорил! Не позвал бы — ты бы

¹ Грубая обувь из сыромятной кожи, которую носили преимущественно горцы.

вытапливал жир из собственного курдюка у теплого сандала! — обиделся старый Мухсин. — Они такие, — сказал Курбану. — Ни добра, ни зла не понимают... А их понять можно. У этого парня коня забрали!

Зашумел народ. Кричали, перебивая друг друга.

Что было...

Они появились из Гурдары, словно привидения.

Человек по имени Бури-тура, назвавшись аксакалом кишлака, пригласил их в свой дом, зарезал барана. Издалека было слышно, как пируют бандиты. Пьяные, бродили по кишлаку, пристрелили трех собак. Потом стали отбирать лошадей. На следующий день всех согнали сюда, один из них, в лисьей шапке, предупредил: «Если скажете советам, что мы здесь были и куда ушли,отрежем языки». Ушли они вчера в это время или раньше. Ушли в ущелье Тангдара.

Курбан понял: бандиты торопятся. Им надо скорей дойти до Гиссара. Тангдару они пройдут, а вот Османупар вряд ли. Хотя... Коварный перевал они преодолели с мастерством горцев!.. Буритура ушел с ними. Их тридцать, вооружены...

К тем, кто кричал особенно громко, будто наседая на Курбана, приблизилась женщина — Иклима.

Женщина остановилась перед Курбаном, вглядывалась в его лицо. Вот они встретились взглядами. Курбан почувствовал, что бледнеет. Ее имя ему ничего не говорило. Но овал лица... разрез глаз... Он уже понял, но еще не верил. Боялся ошибиться.

— Ти-хо! — крикнул он, гася гул голосов. И только ей: — Вы хотите мне что-то сказать?

...Могла ли знать Айпарча, даже просто думать о том, что Курбан придет сюда, а тем более надеяться на встречу с ним?..

Как муравей в воде хватается за былинку, вцепилась она в плечи Иклимы и, трясаясь от страха и плача, шептала: «Придут красные, скажите!.. Среди них находится парень! Скажите этому парню, тетушка! — говорила Айпарча. — Он красный аскер, но вы не бойтесь его, он ученик хазрата ишана Судура... Скажите ему про меня, тетушка! Его имя Курбан!»

— Ваше имя Курбан? — спросила Иклима. — Вы ученик хазрата? Курбан оцепенел.

— Да, — ответил он. — А где Айпарча?

Иклима медлила с ответом, опустила глаза.

Обменявшись многозначительными взглядами, люди загудели. Старый Мухсин выкрикнул:

— Где она — кто теперь знает! Увели ее, мулла!

— Как...увели?

— А так и увели! Как увели лошадей. Известное дело — разбойники! Все хорошее, как ни прячь, высмотрят и — себе!

Курбан растерялся. Кто он, зачем он здесь, все вышибло из памяти. Как безмятежно он думал об Айпарче. Как спокоен был за девушку! И вдруг... Ах, это проклятое «вдруг»! Не случилось бы теперь с тобой, Курбан, такого «вдруг», цена ему будет — жизнь. Вспомни, Курбан, как тебя учили в сложнейших условиях брать себя в руки и делать все обдуманно, хладнокровно. Ну — соберись с мыслями...

Она — байская дочь, с ней нельзя, как с какой-нибудь девкой... Да ты же сам пойдешь туда! Дай бог, чтобы они пошли на Кукташ!.. Там хазрат! Ишан Судур... Он узнает, что вместе с табуном лошадей привели и дочь бая! Может ли он не обратить на это внимание? Нет... Хазрат не терпел невежественных поступков, несправедливости и особенно издевательств над женщинами!..

— Как все это случилось? — Курбан слушал теперь только женщину. Гомон толпы — как отдаленный гул.

— Нам было о чем поговорить с племянницей, — рассказывала Иклима, — и уж мы потешили друг дружку. Но — не натешились: явился помощник Туры (чтоб он сдох, вонючий шакал!) Акбай. У одного из гостей, у которого когда-то случился перелом, разболелась от холода рука. Попросили мумие — горную смолу. Муж ходил до Куйтантага, и потому дома всегда было мумие. Это всем известно. Я открыла сундук и дала кусочек, сколько надо. Акбай ушел... Мы опять продолжили беседу. И я заметила, какая-то Айпарча странная! Хотя я и знала ее ребенком, почувствовала: странная она. Не в себе. Иногда вела она себя совершенно нормально. Веселилась, радовалась, смеялась. Расспрашивала о горах... Поздно спохватились: пора спать. Только начала стелить постель — застучали в ворота. «Кого принесло в такую пору?» — подумала я. Еще подумала: брат вернулся. Вроде бы не чилля (говорят, в эту пору волки бесятся). Вышла, вижу — сам Бури-тура пожаловал. «О! — воскликнула я. — Что случилось, аксакал?» «А ничего пока не случилось. Только надо бы, соседка, упрятать тебе племянницу подальше. Так было бы лучше», — сказал он. Я не поняла его: «Спрятать? Зачем? Она здесь как в родном доме!» «Я сказал, — пробормотал он. — И еще...» — «Что?» — «Гости много пьют. Сильно пьяные они. Кто знает, что может случиться». «Пусть попробуют сунуться! — ответила я. — Или я не жена охотника? Кому захочется получить от меня пулю в лоб? Да я за мою Айпарчу...» Чтоб земля проглотила Туру-негодяя!..

Иклима не договорила, расплакалась. Она причитала тихо, надломленным, слабым голосом, временами успокаиваясь и улыбаясь, продолжала рассказывать. А о чем тут рассказывать? И так все ясно: увезли Айпарчу...

— Кто у них главный? — спросил Курбан хмуρο. — У него лисья шапка, так?

— Да-да! — закивала Иклима.

Заволновались люди.

— Он самый!.. Вы его видели? В целом свете нет никого страшнее...

— Он из Шахрисябза?

Иклима, не замечая, как слезы текут по щекам, подняла голову.

— Чтоб он шею себе сломал, негодяй!.. Он из кенагасов. А как его зовут...

— Джаббар Кенагас! — крикнул старый Мухсин. — Сам из богатых, привык к веселой жизни, и теперь — только свистнет — стаями сбегаются к нему такие же... веселые. Им бы только пировать, и чтобы женщины... А если денег нет и больше отобрать нечего, — тогда, как у нас, — лошадей...

Курбан не знал, он только догадываться мог — что тут было. Как джигиты Джаббарбека гнали табунок отобранных у местных жителей лошадей, отшвыривали пинками и прикладами женщин и стариков; как уже в последние минуты Джаббарбек словно бы вспомнил о дочери бая и сказал двоим: «Ведите ее» — и те вломились на женскую половину, как кричала Иклима: «Не пушу! Не дам!», как она звала на помощь — но кто ей мог помочь! С синяками от тычков дулом нагана на лбу и на щеке упала на пол, забилась в рыданиях...

Курбан понял: ему надо теперь уходить — и как можно быстрее. Басмачи ушли через Османупар. Но в горах снег не везде, потеряешь следы — тогда дело дрянь... Только подумал об уходе, тут же пришла мысль: надо взять с собой этого парня в козьей шубейке. Нетрудно угадать, что он горец. Может быть, он знает горы, как знают свой кишлак.

Люди bestолокво шумели. В чем-то обвиняли друг друга, в чем-то каялись, спорили — какой дорогой и в какую сторону направились разбойники, умоляли бойцов догнать и отобрать лошадей.

Чилля - зимнее сорокадневье — период самых суровых холодов, продолжающийся от 25 декабря до 5 февраля.

— Хватит! Довольно! — не выдержал Курбан. — Кто виноват в том, что у вас забрали лошадей? Вы сами! Что, у вас нет оружия? Нет патронов? Сейчас вы так громко и дружно кричите, почему молчали тогда? Почему не преградили разбойникам путь в кишлак, не сказали: «Не пустим!» Ладно. В другой раз знайте, что надо делать. Если вы мужчины, а не бараны. А теперь помолчите! Ти-хо! Когда у людей общая беда, надо держаться вместе. И должен быть человек — как командир в отряде. К кому вы идете со своими заботами? Кто расскажет о ваших заботах представителям Советской власти? Такого нет? Значит, вам самим надо выбрать аксакала кишлака.

— Все! — повторил Курбан. — Нам пора в путь. Теперь, друзья, покажите дорогу... Нам надо увидеть гору, которую они перевалили... Кто пойдет с нами? Вот этот парень знает горные тропы?

Хуррам смерил взглядом одетого в козий полушубок.

— Он? Да это же мой брат, Норхураз! Он все камни в горах посчитал!.. — Ничего не сказал, но подумал про Курбана: этот человек всех видит насквозь, только глянул — сразу выбрал кого надо.

— Ладно, — сказал Курбан. Оглянулся, почувствовав на себе взгляд Иклимы. Подошел к ней...

Отряд двигался по нижним улицам кишлака, провожаемый местными жителями; раздавался дробный стук подков о влажные от подтаявшего льда камни.

— Не тревожьтесь, апа, — говорил Курбан, следя взглядом за отрядом. — Я ни на минуту не забуду о вашей племяннице, буду повсюду ее искать, я найду ее! Даю вам слово. Скоро вы увидите Айпарчу, она вернется к вам такой, какая была, и все, что было, покажется вам плохим сном. Верьте мне...

15

— Норхураз, мы войдем в ущелье, да? — спросил Курбан у парня, шагавшего впереди. Сыромятные чарыки не проваливались в снег, проводник ступал легко. Он ловко прощупывал впереди себя землю длинной палкой. На вопрос ответил молчаливым кивком, коротко оглянувшись.

И вот оно — ущелье. Слева полноводная студеная речка. По берегам ее лед, колючий гребень сосулук. По отвесным стенам ущелья со скал свисали какие-то растения, покрытые тонким панцирем льда. Навстречу плыл теплый туман. За поворотом оказался большой родник, над ним клубился сильный пар, превращаясь в туман.

Это ущелье похоже на Гурдару, отметил Курбан.

Выйдя из ущелья, они попали на широкую ровную долину. Река здесь дробилась на десятки мелких рукавов, берега их поросли талом. Отвесные стены ущелья, разойдясь влево и вправо, образовали цепи горных хребтов.

Следы коней Джаббарбека отпечатались на снегу. Множество следов. Видно, спешили, нахлестывали лошадей. Копыта скользили. Лошади срывались. А следы — дальше, дальше...

— Если пойдем прямо, а? — показал Норхураз в сторону сая.

— Почему? Вот же следы. Надо идти, как шли они.

— Мы не пойдем по их следу.

— Почему? Ты хочешь сказать — нам это не под силу?

Норхураз уклонился от ответа.

— Я знаю, куда вы идете. А какой дорогой вести... Если верите мне...

— Верим, — перебил Курбан. — Пошли!

— Я думал, если пойдете через перевал, проведу вас немного выше.

Курбан усмехнулся.

— Там видно будет.

Виктор бросил на него задумчивый взгляд.

— Да-а-а, — неопределенно протянул он. — Во всяком случае, мы должны знать, куда они ушли.

Курбан повел гнедого по следу Норхураза.

По вершинам гор плывут облака. На склонах ни кустика, ни колючки. Словно вогнутая каменная сковорода, покрашенная в серебристо-белый цвет.

Если зажмуриться и приглядеться, можно заметить, что серебро тронуту рябью, будто оспинами. Можно подумать, что отчаянные люди вырубали тетшой¹ в слежавшемся снегу ступеньки и поднимались вверх, туда — к облакам.

«Люди Джаббарбека прошли здесь, а вам не пройти, — думал Норхураз. — Вам не занимать отваги, в бою с басмачами вы не знаете страха, вы бьетесь за правду, за народ и не щадите себя. Но здесь вам не пройти.

Вы знаете, как Джаббарбек перевалил Османупар? Если крепко ухватиться за хвост и с дикими криками непрерывно нахлестывать по крупу коня, он, вонзая железные подковы в снег, поднимется по крутому склону. Ни лошадь, ни всадник не могут остановиться ни на секунду. Замешкался — погиб. Вот так поднялись. На вершине горы плоская площадка, она и летом бывает скрыта туманом. Склон там пологий и обращен к солнцу, там снег мягкий, не тронутый злыми ветрами. Но лошади не умеют пятиться, как люди. Они срываются и, колотясь о снег в тщетных попытках подняться, неизбежно гибнут. Но есть такая хитрость: связать лошадям ноги, свалить на снег, подтолкнуть — и они скатятся к подножию!

Вам здесь не пройти, — думал Норхураз. — Потому что у вас нет лишних лошадей, вы их не отбираете у бедняков. А те лошади, что теперь под седлом, вам дороги, как может быть дорог боевой товарищ...»

Немногословно рассказал, что тут было, как удалось бандитам не только переправиться через Ялангтаг, но и преодолеть эти горы.

О том, что красноармейцы могут попытаться пройти по их следам, вслух не было сказано ни слова.

Что оставалось? Не через перевал — кружным путем перейти на ту сторону, где Османупар в своей северной части опускается в предгорную холмистую равнину.

Что может быть для воина горше осознания собственного бессилия?

Курбан совсем недавно выступал перед людьми, бросал в лицо им горькие упреки в трусости и ушел из Сайбуя, оставив кишлак под красным советским флагом; он поклялся несчастной женщине вызволить из неволи ее племянницу. Люди, поверившие ему и его боевым товарищам, уверены, что в эту минуту они по пятам преследуют бандитов...

А перед ними непреодолимая стена. И надо возвращаться. Возвращаться ни с чем.

Так думал и Виктор, поглядывая на Курбана. Он угадывал, что у того на душе.

«Нам надо возвращаться, — думал Виктор. — И я это предвидел. Скажешь: зачем же тогда... Но ведь было же сказано людям: «Мы пройдем по их следу, чтобы знать, куда ведут следы». И еще, — молча признаюсь в том, — хотелось хоть немного пройти с тобой по тому пути, на который должен ступить ты один. Да, дорогой мой боевой товарищ: мы вернемся, а ты пойдешь дальше...»

— Все! Возвращаемся, а то до ночи не дойдем до Сайбуя, придется искать пещеру для ночлега. Зачем нам пещера, когда есть Сайбуй, верно? — закончил он весело и уже вроде бы изготавился скомандовать «по коням», как Курбан перебил:

— Командир, есть идея. Надо разведать, что там за перевалом. Всем

¹ Теша — узбекский топорик с острием поперек рукоятки.

не пройти, а вдвоем можно. Тогда и отряд наверстает потерянное время: не надо остерегаться, не надо оглядываться...

— Хорошая идея! — одобрил Виктор. — Кто пойдет?

— Я, — твердо сказал Курбан.

— И я! В этих горах... — загорячился вдруг Эшнияз. — Этого ученого человека нельзя посылать одного! Я пойду с ним, командир! — И он уставился на Курбана горячими глазами. Вспомнил: сестра Рамазанбая, Иклима, подошла: «Вы — Курбан? Ученик хазрата?» А старый Мухсин, перед тем как Курбан закатил речь, с айвана мечети представил его людям как муллу... А когда они уходили из кишлака, Иклима о чем-то шепталась с ним?.. Нет, что-то тут нечисто... Все это Эшнияз видел собственными глазами и слышал собственными ушами. — Договорились, ученый человек, я пойду с вами! — сказал он, как о решенном и не подлежащем обсуждению вопросе, глядя исподлобья на Курбана.

— Нет! — неожиданно резко прервал его Виктор. — Он пойдет с Норхуразом. Ты, Эшнияз, мне для другого дела нужен. Или ты думаешь, это у нас последняя разведка?

— Командир, я...

— Прекратить разговоры!

Эшнияз обиженно отстал, но через некоторое время позвал Виктора:

— Командир, можно вас на одну минуту? Разговор есть.

Они отъехали в сторону, отряд проследовал мимо них.

— Я не верю ему!.. — горячо заговорил Эшнияз. — Он был муллой и останется муллой. Он ученик самого хазрата! Хазрат — бог на этой земле! — энергично ткнул пальцем в землю Эшнияз. — Убежит он... чует мое сердце.

— Я ему доверяю. — Виктор спокоен.

— А я нет. У него в хурджуне я видел русский костюм, какой носят байские сынки, и несколько книг...

— Нехорошо рыться в чужих вещах! — поморщился Виктор.

— Если вы мне не верите, кому тогда верить? Ему, да? Ему?! — Сверкнув глазами, он стеганул коня и помчался в голову эскадрона, встал в строй, на свое место.

Виктор подъехал к Курбану, усмехнулся, но на вопросительный взгляд друга не ответил. Крутил головой, разглядывая окружающие горы, временами прикладывал к глазам бинокль.

— Пора, Курбан. — Виктор говорил так тихо, что никто другой не мог услышать его слов. — Всегда помни: у тебя есть родной брат... единственный...

Со стороны казалось, что они обсуждают что-то важное перед тем, как принять окончательное решение.

— Норхураз, Курбан твой командир, любое его слово — приказ, — сказал Виктор, подзвав юного проводника. — Что бы ни случилось, три дня ждем вас в Сайбуе.

— Ничего не случится.

— Ну, как говорится по-русски, дай бог... — Виктор крепко жал, долго не отпуская, руку друга. Потом, оттолкнув в плечо, махом взлетел в седло и ускакал в голову эскадрона. К Курбану подошел Норхураз, до сих пор стоявший в стороне, Курбан положил ему на плечо руку. Провожали взглядом отряд.

— Пошли... Зимний день короток, надо до темноты быть на той стороне, — сказал, озабоченно посмотрев на небо, Норхураз. — На перевале и при солнце бывает ночь.

Этот немногословный, отвечавший только на вопросы юноша пришелся по душе Курбану. Такому можно доверять.

Чем выше поднимались, тем снега было все больше. Идти трудно. Норхураз был спокоен, двигался, казалось, неспешно и лошадь свою не понукал.

Когда высота снега достала стремя, он слез с седла и пошел впереди коня. Курбану не хотелось спешиваться, но Гнедой увяз в снегу и остановился. Норхураз обернулся, коротко бросил:

— Идите по моим следам... Здесь тропа узкая.

Как он видел тропу сквозь толщу снега, для Курбана оставалось загадкой.

Пошел снег, подул ветер. Дышалось трудно. Выбившись из сил, Курбан взглядом искал сквозь пелену снега удобную расщелину в скале, где можно было перевести дух. Нечаянно наткнулся на Норхураза возле огромного плоского камня, торчавшего, как кусок стены разрушенного дома.

— Перевал... Османупар. Передохнем и пойдем, шагов триста — и начнется спуск, — сказал проводник.

— Все время так? — спросил Курбан, кивая на снежную мглу.

— Часто... Когда снега нет, бурана нет, Тангдару видно...

Норхураз ожидал, что по ту сторону перевала снега будет мало, но все оказалось наоборот: высота снежного покрова была в рост человека, и так до самой долины. Измученные, измотанные пронизывающим ветром и снегопадом на перевале, Норхураз с Курбаном остановились на краю обрыва, над саем.

— Я сейчас приду, — сказал Норхураз, передавая повод своего коня в руки Курбану, и направился к огромной каменной глыбе, выпиравшей из-под снега. Он спустился к саю, нарезал большую вязанку прутьев дикого тала и поднялся наверх. Укрывшись от ветра за камнем, ничего не говоря Курбану, он плел снегоступы.

— Это вам, — наконец послышался его голос. Одну пару снегоступов прикрепил к ногам Курбана, другую бечевкой затянул на своих. — Пошли.

Курбан передвигался по снегу легко, свободно, будто перед ним твердая дорога, запорошенная снегом.

— Здорово! — сказал он. — У тебя золотые руки! И золотая голова.

Норхураз шел молча.

У узбеков, Курбан знал это с детства, всегда с уважением относятся к людям немногословным, умеющим молча выслушать других. К таким людям, на чьих лицах не прочтешь выражения боли или страха, гнева или отчаяния. Такие люди редко рассказывают о себе и, если скажут что-то в ответ на сказанное другими, слова их бывают точны и могут быть приняты как добрый и мудрый совет.

Остались позади бездонные пропасти и обрывы, отвесные скалы, изгибы снежной тропы, крутые подъемы, буран и снег. Началась зона арчовых лесов. Здесь еще один короткий привал.

— Норхураз, здесь, наверно, много хищных зверей? — поглядывая из-под арчи на перевал и горные вершины, окутанные серыми тяжелыми облаками, спросил Курбан.

— Снежных барсов осталось наперечет... Пищи не хватает... Люди побивали, — судорожно вздохнул Норхураз. — Зачем убивают... не пойму.

— Да-а-а, — протянул Курбан, поглядывая на перевал. Ему еще не верилось, что совсем недавно он был там, в этом белом аду, сто или тысячу раз в одном шаге от пропасти. Но стоило только подумать, что скоро Норхуразу придется одному пройти тот же путь, забыл о себе.

— На пути еще один перевал, — сказал Норхураз, словно угадывая его мысли. — Керагатаг. Он небольшой. Перевалим его и — все. Пойдут кишлаки... а там и рукой подать.

Так оно и было.

Отдохнув, они снова встали на снегоступы, вели коней за повод. Вскоре толщина снежного покрова стала заметно уменьшаться, и они, сбросив снегоступы, поехали верхом. В спину дул сильный холодный ветер, быстро опускались сумерки. У подножия Керагатага остановились перед пещерой.

— Здесь заночуем, — Норхураз спрыгнул на землю.

Курбан завел свою лошадь и привязал к колышку, вбитому в стену, рядом с конем Норхураза. Снял седло, попону и отнес на деревянные нары.

Норхураз зажег масляный светильник. В неглубоком, но широком углублении посреди пещеры он развел костер, вышел наружу и вскоре вернулся с наполненным водой закопченным кумганом и подвесил его на толстый железный прут, напоминающий колодезный журавль. Вытащил из-под нар грубо сколоченный столик, две маленькие скамейки и поставил возле костра. Потом закрыл вход в пещеру плотной плетенкой из жердей тала, подперев ее толстым коротким бревном тутовника. Все, что он делал, делал так, будто пещера эта знакома ему, как комната в родном доме.

— Хороша мехманхана? — сказал с неожиданной улыбкой.

Курбан удивился — так он привык видеть невозмутимое, словно одеревеневшее лицо своего проводника. И вдруг... улыбка.

— Что так смотрите? — смутился Норхураз.

— Да вот думаю, что бы тебе подарить на память, — сказал, вставая, Курбан. Он порылся в хурджуна, достал завернутый в шелковый поясной платок маленький браунинг с коробкой запасных патронов, протянул Норхуразу. — Трофейный. Бери, бери! С платком. Запасные патроны кончатся, помни, от нагана подойдут... Бери, ну возьми! Мне он теперь ни к чему... и винтовку тебе оставляю, командиру сдашь. Завтра, как перейдем Керагатаг, на рассвете я сбегу от тебя. Понял?

— Как... сбежите?

— А очень просто. Ты проснешься — а меня нет! — Рассмеялся.

Норхураз по-мальчишески восхищенно при свете костра рассматривал подарок, сдвинул на затылок мохнатую шапку.

Он был так поглощен этим занятием, что, казалось, не слышал слов Курбана, рассуждал вслух:

— Значит, оставите мне винтовку и уйдете. Я сплю и не слышу, как вы ушли. От меня так уйти нельзя, — проговорил он наставительно. — И еще одно: люди говорят, я метко стреляю.

— Понял, — в тон ему заговорил Курбан. — Я уйду, а ты потом догонишь меня, как какого-нибудь козла. И за это тебе скажут спасибо и там и там. Белые похвалят тебя за то, что ты пристрелил красного, а красные — за красного, который убежал к белым. Ну и редиска у нас получается, — рассмеялся Курбан. И — уже серьезно: — А ты мне показался сообразительным. Может быть, слышал: к врагам приходят не всегда для того, чтобы стать им друзьями.

— Я сообразительный, не бойтесь, — ответил на это Норхураз, неторопливо завернул браунинг в платок и сунул за пазуху. — И не надо мне больше ничего знать. Мой брат надолго уходил в горы... Отец, как ваш командир сегодня, не обнимал его, брат сразу ушел и не оглянулся. Мама не знала, а я — знал! Раз отец так... значит, брат надолго...

Курбан только сейчас увидел, что у Норхураза глаза зеленые, с цепким взглядом рыси.

— Когда просто — так не прощаются!.. — сердито сопя, Норхураз нарезал тонкими ломтиками холодную оленину, прихваченную из дому, луковицу, разломал лепешку, вытащив из-за пазухи маленькую коричневую тыкву, — в таких обычно носят нас, табак, — высыпал из нее заварку чая в кипящий кумган.

Курбан высыпал из хурджуна белые шарики курта — сушеного кислого молока, курагу, вынул жареную курицу и две лепешки.

— Будем ужинать. И — отбой.

Норхураз кивнул и принялся за еду.

— В Кукташе басмачи, — сказал он с набитым ртом. — Много басмачей. Знаете?

— Знаю.

— И вам не страшно?

— Понимаешь, мальчик, на этом свете есть кое-что такое, что заставляет забыть страх. Тебе было страшно, когда мы шли через перевал?.. Во-от! Только потом, когда все уже позади, оглянешься, вспомнишь — и мурашки по спине, ведь так?

— Отца... брата на моих глазах мучили, убили, — вдруг негромко ска-

зал Норхураз. Басмачи хотели, чтобы они провели их по этим горам... от красноармейцев бежали. Они не пошли... Я спрятался на дереве... искусал себе руки, чтобы не закричать. Я не боюсь басмачей. Я их ненавижу.

Курбан, сжав зубы, молчал, только желваки на скулах выдавали его состояние...

Еще не рассвело, когда Курбан проснулся. Норхураз, будто и не ложился, сидел сгорбившись у потрескивающего костра. Лошади поматывали торбами с ячменем, хрумкали и время от времени довольно пофыркивали.

— Ты что, не спал? — спросил Курбан, посмотрев на часы.

— Привычка вставать рано... Чай вскипел, — подкладывая ветки в костер, сказал Норхураз.

Быстро позавтракали и снова двинулись в путь.

Перебравшись на южный склон Керагатага, они спешили. Здесь снега не было, солнце грело, в фисташковой роще гомонились птицы.

Курбан снял красноармейскую шапку, скатал шинель и положил в хурджун. Переоделся. В белой чалме, в халате из тонкого голубого сукна без пояса и в хромовых сапогах, он теперь выглядел щеголем, вот только гимнастерка... Почему он ее не снял?..

Курбан подал Норхуразу винтовку:

— Отдашь командиру.

Норхураз молча кивнул. Волнение мешало ему говорить.

— Красноармейцы спросят, куда я делся, — что скажешь? — Курбан смотрел на своего проводника с беззаботной улыбкой, он словно бы поддразнивал его. — Не знаешь?..

— Дядя Курбан, можно, я скажу так: мы шли ночью через перевал, и был сильный ветер, и был снег, я расскажу все, как было, и мне поверят. А потом я скажу, что Гнедой оступился, и вы не удержали его и упали в пропасть. Я это видел, и вот — винтовка... Мне поверят...

— Ты все понимаешь... — Курбан ласково тронул ладонью щеку паренька. — Иди, Норхураз. Тебя ждут. Будь осторожен! Верь, как я верю: мы еще встретимся. Командиру скажи: мулла ночью тихо вывел коня и сбежал к басмачам... Ничего. Так надо. Я не могу сорваться в пропасть.

17

Курбан ехал среди предгорных холмов неторопливо, наслаждаясь красотой окружающей природы, и не видел, как в то же время со стороны северных отрогов Керагатага, тоже среди холмов, к этой тропе приближалась большая группа всадников. Тропа круто извивалась, и вот за одним из холмов — встретились.

Впереди, на карабаире, ехал человек в зеленоватой чалме, распахнутом тулупе, перехваченном широким поясом в талии, с которого свисала сабля, на ногах сапоги с высокими каблуками. Всадник белокожий, нос у него с горбинкой, маленькие узкие глаза имели то особое выражение, какое бывает у людей решительных, горячих, вспыльчивых и — властных. Рядом с ним, и несколько поотстав, ехали всадники, одетые в одинаковые черные халаты, на головах каракулевые шапки. Вооружены.

Всадники мгновенно взяли Курбана в кольцо. Человек на карабаире устоялся в него колючим взглядом.

— Ассалом алейкум! — невозмутимо поздоровался Курбан, едва заметно кивнув, небрежно приложив руку к сердцу. И, не дожидаясь ответа: — Куда путь держите?

— Алейкум... — вельможно бросил человек на черном карабаире. — Ты-то сам куда держишь путь, джигит? Откуда? — Только теперь он заметил под халатом Курбана красноармейскую гимнастерку, холодным огнем сверкнули его глаза. Словно на допросе, жестко спросил: — Кто ты? Красный аскер?

Послышалось щелканье затворов, гул голосов.

— Бек, вы попали в самую точку! — усмехнулся Курбан все с той же холодной надменностью. — До вчерашнего вечера я был красным аскером. А ночью я ушел от них, не попрощавшись. — Показал широким жестом на Керагатаг, Османпар. — Знали бы вы, как мне повезло! Люди какого-то Джаббара Кенагаса застрелили возле Байсуна двух красных аскеров. Потом немножко пощипали жителей Чунтака. Те подняли крик, ну, большевики и послали большой отряд искать Джаббара Кенагаса, как ветра в поле. Я находился в этом отряде. Когда пришли в Сайбуй и заночевали, я тихо-тихо вывел коня... — Курбан поглядывал на окружающих с безмятежной улыбкой. Теперь иду на Кукташ!

По тому, как погасли злые огоньки в глазах бека, Курбан почувствовал, что тон взят верный. Бек взглянул на рядом находящегося безбородого, невзрачного человека с красным мясистым лицом, словно искал у него одобрения. Продолжил вопрос:

— Зачем идешь в Кукташ?

— Ищу его преосвященство ишана Судура ибн Абдуллу. Вы, наверное, слышали о нем? Может быть, в Кукташе мне подскажут, где искать хазрата? — Курбан вопросительно посмотрел на бека, словно спрашивая: «А может быть, вы знаете?...»

— Ну что ж, — растерянно проговорил бек, окидывая собеседника протупывающим взглядом, — присоединяйся к нам... Мы тоже туда, — хлестнул он коня. Курбан пристроился рядом. — Зачем вам хазрат? Или родственником приходиться?

Курбан отметил: бек перешел на «вы».

— Я, мой бек, не прихожусь ему родственником, — неторопливо, тоном баловня из богатой семьи, заговорил Курбан. — В детстве они взяли меня под сень своего покровительства... Дали мне образование в Байсуне, Бухаре, в кайрском Аль Азхаре... я совершил паломничество в Мекку... и везде со мной он был сам... его преосвященство. А когда в Бухаре все с ума посходили, я загулял, мне плевать тогда было, кто против кого, а потом спохватился — где хазрат? Нет хазрата! Уехал, оказывается, в Афганистан... А тут революция, ничего не понять. Я не то что хазрата — сам себя найти не мог: засыпаю дома, просыпаюсь у друзей. Где искать хазрата? Теперь-то я многое понял. Знаю, где мне надо быть. И с кем. Я так решил: ишан Судур — фигура крупная, и его большевики непременно станут искать. Тогда и вступил в эскадрон красных аскеров. Хитро? И не ошибся! В штабе красных в Байсуне я послушал: вроде бы где-то здесь он... А теперь что? Благодарю аллаха за встречу с вами, мой бек!..

— Вы во многих медресе учились и все окончили полным курсом?

— Да, мой бек.

— Не говори «мой бек», — прошипел злобно безбородый из-за спины бека. — Говори: «ваше превосходительство!»...

«Кто он? — насторожился Курбан. — Кого я повстречал? Они сами... откуда? Что они делали там?.. Там же — Самарканд! Вспомни: говорили, что возможно появление Энвера-паши и с этой стороны... Нет. Они возвращаются с какого-то тоя. Недовольные... Этот, «его превосходительство», не кажется ли уж очень обходительным человеком? Или он хочет притупить твою бдительность? Проверяет?.. Не спеши. Выслушай его внимательно. Сам — много говоришь!»

— Э! Не все ли равно, — сказал «его превосходительство». — Хотите, называйте беком, хотите, братом. Все равно... — Вздохнул, думая о чем-то своем. — Хорошо, если все, что я слышал теперь, правда. — Он ласково, но без иронии, усмехнулся. — Я поверил, что вы ученик хазрата. Поверит ли он?.. Вам не случалось слышать о таких, кто во времена эмира считались опорой трона, а потом... повернули оружие?.. — И вдруг сказал неожиданно: — Как мне хочется встретить настоящего, сильного красного, побеседовать с ним... Среди них попадаются интересные люди. И еще: они умеют понятно объяснять...

Курбан перебирал четки с бусинками из черного камня, сохраняя на лице полную отрешенность. Словно бы между прочим заметил:

— Я, ваше превосходительство, не только видел, но и жил среди них. Я могу о них рассказать, что знаю. Одно замечу: с их командирами мало имел дела: начальники — они везде начальники, у них свои военные тайны. Нас, рядовых, прогоняют от себя.

Тот словно не слышал.

— Коракамар у подножья холма с арчовым лесом?

— Так точно, ваше превосходительство! — ответил безбородый.

— Отдохнем. С того места хорошо просматривается вся долина.

— Муртаз! — закричал безбородый.

— Я здесь!

И тут Курбан едва не слетел с коня. Кто-то сзади огрел его Гнедого плеткой, и тот вздыбился. Повернувшись, Курбан увидел глупо ухмылявшегося парня, у которого по краям рта свисали редкие длинные волосы, напоминавшие усы. Хлестнув низкорослого коня, нахально скаля зубы, он ускакал, и вместе с ним еще двое.

Курбан побледнел от негодования.

— Я бы попросил вас, ваше превосходительство, оградить меня от диких выходов черни! — тихо сказал он.

Тот, глядя вслед парню, весело рассмеялся, делая вид, что не слышит Курбана.

— Муртаз... Это его проделка... Да, Гуппан?

Безбородый хохотал, покачиваясь в седле.

«Его превосходительство» примирительно глянул на Курбана.

— Увидит доброго коня, не может сдержаться. Помешан на лошадях! — сказал он. — Видимо, позавидовал вашему коню.

Курбан с холодным бешенством смотрел на безбородого, тот, встретившись с тяжелым обжигающим взглядом, отвернулся. Считаю, что один раз тебе уже повезло, подумал Курбан о себе: оставил винтовку Норхуразу, не то было бы теперь одним тут меньше. И завалил бы все дело! — мысленно упрекнул себя.

— Он напрасно ударил моего коня... Аллах не простит ему! — сказал Курбан, овладев собой, монотонным голосом, подражая ишану Судуру. — Мой конь злопамятный...

«Его превосходительство» хохотал до слез, а на лице безбородого, напуганного жестким взглядом Курбана, блуждала жалкая улыбка.

— Может, еще скажете, что ваша лошадь умеет говорить человеческим языком? Ха-ха-ха!

— Да нет, — пожал плечами Курбан. — Чего не умеет, того не умеет. Не научилась еще. А злить ее не надо. Не надо...

«Его превосходительство» направил своего карабаира по следу Муртаза, за ним последовали остальные.

18

...За два дня до этой встречи Тугайсары (имя «его превосходительства») прибыл по вызову Ибрагимбека из Кайнарсува. Кукташ гудел круглые сутки: каждый час, звеня колокольчиками, проходили караваны, улицы были полны разноязычного говора, появлялись невесты откуда и исчезали невесты куда толпы людей, вооруженные до зубов иностранным оружием, сновали отряды басмачей: на базаре шла шумная купля-продажа, во время торгов дело порой едва не доходило до потасовки со стрельбой. В кузнечном ряду, расположенном на берегу речки Аксу, дни и ночи напролет подковывали лошадей, точили сабли. По всему было заметно — бешено ускорилось течение жизни, время торопило, поджимало; и главное — никого не покидало ни на минуту ощущение: что-то должно случиться чрезвычайно важно, и — скоро.

Оставив людей и своего карабаира в караван-сараях, что позади Сокчи-

минара, Тугайсары направился по узкой улочке к дому Абдулкаюма парваначи¹ — тестя Ибрагимбека. Пройдя в дверь, открывавшуюся на улицу, Тугайсары столкнулся во дворе лицом к лицу с Гуппанбаем.

— Ого! Ну ты и отъелся! — криво усмехнулся он.

— Горе мне! Вот и вы тоже называете меня обжорой, хотя ем мало и разборчив в еде, — сказал Гуппанбай. Показывая свою осведомленность о происходящем разговоре «там», в среде руководителей исламской армии, понизил голос: — Идите, идите быстрее! Услышите интересное. Я потом тоже кое-что скажу вам.

Тугайсары знает: недаром его побаиваются главари банд, и не зря прозвали человеком с четырьмя глазами, шестью ушами. Коварный, расчетливый, осторожный Гуппанбай в каждом своем доносе, — то ли это на пользу Ибрагимбеку, то ли во вред ему, — всегда ищет выгоду себе. И то примечательно, алчность свою не скрывает.

Тугайсары зло прошипел: «Пшел прочь!» Он понимал, что Ибрагимбек получил от Гуппанбая обширную информацию не только о положении в кишлаках, где они побывали, но и о нем, Тугайсары, о его людях. Безбородый не скрывал, что привело его в банду. «Вас очень любит великий бек... Наказал мне строго беречь вас от всех врагов!» — не то с ехидцей, не то серьезно, не поймешь, говорил он ему наедине, в порыве откровенности.

Ибрагимбек находился в гостиной, оформленной со вкусом, в стиле, принятом бухарской аристократией. Тугайсары по крутой лесенке поднялся на айван второго этажа. Его встретил Тонготар — начальник охраны Ибрагимбека.

— Ждут вас, — сказал он и повел за собой.

В первой гостиной за сандалом чинно сидели Ашим-мирза и Бурдисудья. Обменявшись с ними приветствиями, Тугайсары привычно сел на ковер, стянул сапоги, поправил туркменские носки из грубой шерсти, под пристальным взглядом Тонготара отцепил от пояса саблю и повесил на колышек в углу. Вытащил из-за пазухи наган, отдал ему в руки. Только после этого Тонготар, который не доверял даже родственникам бека, ввел Тугайсары во вторую гостиную.

— Ассалам алейкум, мой дорогой! — остановился, переступив порог, Тугайсары.

Ибрагимбек, в черном халате, держась за широкий серебряный пояс, украшенный полумесяцами и звездами, смотрел в окно. Повернув голову в сторону вошедшего, он доброжелательно улыбнулся и двинулся к нему, бесшумно ступая по толстому ковру ногами, обутыми в зеленые бархатные сапоги.

— Алейкум! — Ибрагимбек положил руку ему на плечо и притянул к себе. Они обнялись.

— Спрашивали меня... вот я и... — бормотал Тугайсары.

— Да из-за одного пустякового дела побеспокоил тебя! — перебил Ибрагимбек. — Там, там садись! Больше никого не будет.

Кивком головы Ибрагимбек отпустил Тонготара, стоявшего все это время как статуя. Тугайсары уселся у стены с рисунком райского дерева, где обычно располагались почетные гости.

Ибрагимбеку нравилось обращение «мой дорогой». Тугайсары ни к кому больше так не обращался. А перенял он такое обращение у парней курбаши Курширмата, в одной из поездок на Памир. Правда, с этим ласковым обращением они вспарывали людям горло... А слова хорошие... Хорошие.

— Тугай, ты — мой друг, — начал разговор Ибрагимбек. — Ты знаешь, я до самой смерти останусь преданным своим друзьям... Помолчи! Не перебивай. Я прошу тебя только об одном: спокойно и до конца выслушай меня. Потому что тебе придется разговаривать с одним человеком... Слушай вни-

¹ Один из высших чинов в Бухарском ханстве, ведавший раздачей ханских ярлыков.

мательно. Этот человек, сам он иностранец, и, говорят, очень известный... стоит у Илыккуля, просит меня приехать... чуть ли не приказывает!

— Вас? — удивился Тугайсары.

— Меня, — спокойно подтвердил Ибрагимбек. — Гонцов оттуда я упрятал... — Он устался на Тугайсары, подавшись к нему. — Вызывал тебя... чтобы поехал ты на Илыккуль и привел его сюда. Про меня надо сказать так: «Ибрагимбек занят неотложным делом»...

Тугайсары взорвался.

— Да вы понимаете, что говорите, бек?! — закричал он, побледнев. — Какая-то неизвестная личность... вас — командующего исламской армией... Вызвать эмира Бухары?! Да я лучше...

Ибрагимбек улыбнулся.

— Что — лучше?

— Скажите мне: пойдй и принеси голову этого паршивца!.. Прикажите так — и я помчусь! И принесу его голову!..

Ибрагимбек усмехнулся.

— А если его прислал его величество?

— Его величество?! — Тугайсары оторопел. И вдруг хлопнул ладонями по коленям. — Я верю этому!.. Его величество способен на такое!

Ибрагимбек хмуро покосился на него. Его красивое продолговатое лицо, казалось, еще удлинилось.

— Я хочу сказать, — прохрипел он, — если ты еще раз позволишь себе... такое о его величестве, ты обидишь меня!.. Малейшее недоверие к его величеству... смерть!.. Уяснил?!

Тугайсары с трудом пересилил себя, опустил голову.

— Как скажете...

— В таком случае, сегодня же отправляйся в Илыккуль!

— Я скажу, значит... вы заняты важным делом?.. Не превращаются ли дела в этом мире в игру?

— Правильно... Если хочешь знать, игра только теперь начинается! — Ибрагимбек устало откинулся к стене, закрыл глаза.

Слуга принес чайник и, поставив его перед Тугайсары, вышел.

Ибрагимбек все молчал. «Он здорово изменился, думал Тугайсары. Собственно, как только эмир ушел за реку... Может быть, тогда эмир сказал ему что-то об этой «игре». Игра только теперь начинается!» Почему только теперь?! «А если его прислал сам его величество»?.. Это его слова! Сказал, и сам же рьяно защищает эмира!

Ибрагимбек относился к той породе людей, которые бывают фанатично преданы человеку или идее. Несмотря на все колебания и даже сомнения, он был слепо предан Саиду Алимхану и признавал единственно правильным политическим режимом — режим эмирата. Абсолютная монархия, феодальная монархия, — в этом он совершенно убежден, — идеальная форма управления и самого государства. Сказать, что он не знал других форм государственной власти, никто из его окружения не решился бы, потому что иногда в беседе с близкими людьми Ибрагимбек твердо заявлял: «Такая власть, какая установлена сейчас в Турции, нам не подходит!».

Получилось так, что и сила, и слабость Ибрагимбека тупо уткнулись в одну точку опоры — в беспредельную веру в Саида Алимхана.

Тугайсары чувствовал себя загнанным в угол.

— Простите меня, если я не так сказал, — опустил он голову. Хотите что сказать... говорите, пожалуйста, не упоминайте эмира, мой бек...

— Нет! — сказал Ибрагимбек. — На этой земле... вообще, ко всем делам в этом краю причастен его величество! — подчеркнул он. — Меня заботит сейчас другое...

Тугайсары почувствовал облегчение. Он подвинулся ближе к дастархану, обильно уставленному фарфоровыми тарелочками с очищенным миндалем, фисташками, кишмишем.

— А что это... другое? — проговорил он таким тоном, словно могло быть нечто такое, что может быть ароматнее и слаще того, что он горстками засыпал себе в рот.

— Допросил гонцов. — Чтобы самому уяснить до конца суть происходящего, Ибрагимбек начал размышлять вслух, при этом рассчитывая и на помощь Тугая. — Под командованием того, к кому тебе предстоит идти с моим поручением, будто бы сто с лишним бойцов, офицеров. Большинство их составляют турецкие офицеры и афганцы. Вот и думаю: каким образом они сумели выйти из Бухары?.. Не понимаешь? Как он смог уйти из города с таким отрядом? В Бухаре-то красные! Не оставлены же открытыми настезь все городские ворота... Так вот я думаю... У этого незнакомца есть в Бухаре свой человек. Вот вам — второй незнакомец. Кто он такой, чтобы у него была какая-то связь с эмиром... верно? Это — первое. Второе. Если у него есть связь с его величеством, почему не переправился через близкую к нам Аму? Понимаешь?... Саид Алимхан говорил мне, что у него нет близких ему людей среди руководителей республики. Он об этом еще раз напомнил мне в недавнем письме, на всякий случай. Это — понимаешь?

Вопросы, казалось, раздирали мозг. Тугайсары морщился, как от головной боли. Он думал все о том же — об «игре». Назойливо ныло в нем: игра... игра... у каждого своя игра...

— Может быть, это тоже... одна из игр?

Ибрагимбек выпрямился. Что ответить — не знал.

— Может, в Кабул гонца пошлете?

Ибрагимбек болезненно сморщился.

— Паниковать не будем; — сказал он. — Наберемся терпения. Жду: со дня на день караван прибудет из Кабула. — Вспомнив об этом, Ибрагимбек помрачнел: караван запаздывал, прошли все сроки. Но это еще полбеды. Теперь главное что? Набрать побольше людей и лошадей, для них — жратвы и корма... Да, транспорт, продовольствие, фураж. Уходя за Дарью, Саид Алимхан направил письма в Хорезм — Джунаидхану, в горы Самарканда — ишану Бахрамхану, в Фергану — курбаши Рузи и Парпи: «Вам надлежит со всем своим войском прибыть в Кукташ с целью объединения под единым командованием Ибрагимбека, чтобы подготовиться к наступлению на Бухару, — писал он им. Но до сих пор на эти письма не поступило ни одного вразумительного ответа.

— Караван придет! — нервно сказал Ибрагимбек. — Надо бы тебе до этого своих людей собрать... — Он был уверен: Тугайсары даже перед угрозой смерти не предаст, не оставит его. Энергии у него хоть отбавляй, за день сделает столько, сколько десять курбаши за неделю не осият. Потому он не отдалял, а держал его близко при себе.

Тугайсары ухмыльнулся.

— За меня не беспокойтесь...

Ибрагимбек положил на колени большую бархатную подушку, отливающую малиновым цветом. Оперся на нее грудью.

— Я хочу сказать, будешь ли ты в Илыккуле, здесь ли... ну, где ты ни окажешься, интересуйся везде, какие могут быть связи у нашего незнакомца с Бухарой. Как он смог пройти?.. В конце концов, придет время, мне раскроет эту тайну его величество, но до тех пор мы не должны сидеть сложа руки... «Ничего, он сам придет ко мне, этот... незнакомец! — подумал он про себя. — Я вытяну из него... все, что мне нужно, вместе с душой!»

Тугайсары, помолчав, спросил:

— Гонцы в зиндане? Что узнали от них?

Ибрагимбек поморщился:

— Ничего... Знал, кого посылать.

— Эх, мой бек, мой бек!

— Хватит! Все-таки кое-что удалось узнать от гонцов. Саид Алимхан не раз повторял: успешные действия исламской армии будут находиться в прямой зависимости от всесторонней — финансовой, материальной, военной, политической — поддержки западных государств. Ибрагимбек и сам понимал это... Но Тугайсары незачем знать то, что ему знать не положено... И другим — тоже. — Ты мне веришь? Пока я жив — верь мне! Если делюсь с тобой сокровенным, не говори «эх, мой бек!» ...Мне это не нравится!

— Простите! — Исподлобья посмотрел Тугайсары на бека. — А ишан Судур... он же, как свою руку, знает Бухару. Всех знает. Все знает. Спросить бы у него...

Ибрагимбек не доверял ишану Судуру. Он вообще настороженно относился к ишанам. А к ишану Судуру — особенно! Был такой случай. Саид Алимхан получил из Парижа партию французского коньяка и пригласил его в свой загородный дворец. Сокращая путь, чтобы успеть к назначенному часу, Ибрагимбек проезжал мимо соборной мечети Калян. И тут, возле входа, он увидел ишана Судура в окружении известных улемов. Спрыгнув с коня, пружинистой походкой Ибрагимбек подошел к его преосвященству и, не поднимая головы, молча обменялся с ним и другими духовными отцами ханства рукопожатием. И когда хотел, почтительно приложив руку к груди, удалиться, нечаянно натолкнулся на холодный, изучающий взгляд ишана Судура. Да — вот такой взгляд — и улыбка... Это запомнилось.

— Пусть аллах не оставит вас... никогда... без своей милости! — Ишан провел ладонями по лицу, и — отвернулся.

Ибрагимбеку от взгляда ишана Судура и странного его благословения стало не по себе.

Уже находясь в знаменитой беседке с эмиром, изрядно выпив, он рассказал владыке об этой встрече. Саид Алимхан тогда сказал: «Хазрат — человек рассудительный, мудрый. Он всегда будет полезен вам... Никогда не забывайте: он самый могущественный человек в ханстве. Я? Я его боюсь, но об этом никто не знает... Мы понимаем друг друга, словно договорились, хотя такого разговора, разумеется, не было; я не мешаю ему, он — мне. Я знаю: стоит ему захотеть — завтра же на престоле может оказаться другой. Но мы полюбили друг друга... до поры, до времени...

Отбывая за Дарью, Саид Алимхан назначил ишана Судура главным советником Ибрагимбека.

Ибрагимбеку было известно, почему Саид Алимхан со спокойной уверенностью едет в Кабул. Незадолго до этого ишан Судур побывал послом у самого Хабибуллохана, достиг с ним соглашения о прибытии эмира в Кабул и даже подготовил резиденцию.

Свое истинное отношение к ишану Судуру Ибрагимбек скрывал от всех, включая Тугайсары.

— Сейчас же пошлю человека за хазратом, — неожиданно решил Ибрагимбек. Вспомнил, что давно не общался с его преосвященством. Надо, не мешкая, исправить эту ошибку. — Спасибо, друг, что напомнил о мудрейшем из мудрых.

Тугайсары вмиг забыл все неприятности, возникшие в беседе с беком. Слова благодарности бека дорого стоят. Подражая беку, взял с дастархана горсть миндаля. И, словно подслушав его мысли, Ибрагимбек сказал в заключение беседы, оглядев Тугайсары:

— Его величество хорошо понимал, кого назначить моим главным советником...

Уже несколько часов отряд Тугайсары шел по предгорьям. И здесь вот, у каменистого холма, неожиданно застрял. С гор, как густой дым в осенних садах, окутывая плотной пеленой все вокруг, сползал туман. В двух шагах ничего не видно.

Тугайсары стоял один над обрывом, тоскливо вглядываясь вдаль. За его спиной переговаривались люди, ржали, пофыркивали беспокойно лошади, но он, поглощенный невеселыми думами, ничего не слышал. Расстроенный, обуреваемый вспыхнувшей злобой, Тугайсары возвращался из Илыккуля. Ему в эти минуты нужен был умный собеседник. Не Гуппанбай. Негромко окликнул Курбана, и когда тот возник из тумана, рассеянно посмотрел на него.

— Вы долго жили в Бухаре, — тихо заговорил Тугайсары. — Слышали такое имя — Энвер-паша?

Курбан помедлил с ответом. Сделал вид, что припоминает.

— В тринадцатом или четырнадцатом году, уже точно не помню, мы с его преосвященством возвращались домой из Багдада... через Стамбул, — равнодушным голосом стал рассказывать Курбан. — Началась мировая война... Как-то раз, возвратившись в мехманхану, мой глубокопочтимый учитель сказал, что на небосклоне турецкого государства появилась крупная звезда... по имени Энвер-паша. Политический деятель с мировым именем, способный объединить всех мусульман под единым флагом ислама... Да. И потом в Бухаре я не раз слышал о нем, всякое говорили.

— Например, что?

— Например, ваше превосходительство... Был такой слух, что с его благословения казнили тестя — султана Турции, и он возглавил государственный аппарат...

— Что?! — воскликнул пораженный Тугайсары. — Убил своего тестя?

— Я рассказываю, ваше превосходительство, то, что слышал... — растерянно забормотал Курбан.

— Да-а-а! — протянул Тугайсары. — Султана?.. Своего тестя? Вы ничего не путаете?.. Какой он из себя?

— Ваше превосходительство, Энвера-пашу я сам не видел. Говорю, что слышал!.. А может быть, не Энвер-паша, какой-то другой зять...

— Нет-нет! У султана Турции один зять!

Тугайсары надолго замолчал. Вспомнилось: Ибрагимбек послал за ишаном Судуром...

...Его преосвященство вошел в комнату в сопровождении Тонготара, тот, рабелепно улыбаясь, остался у порога. Ибрагимбек вскочил на ноги и сделал движение, словно хотел упасть на колени, чтобы приложиться к полам халата ишана Судура. Но хазрат обнял его, дважды коснулся своей щекой его лица, свысока поздоровался с Тугайсары. И, не дожидаясь приглашения, прошел на почетное место. Мягко ступая хромовыми ичигами по толстому ковру, уселся на зеленые бархатные одеяла, прислонился спиной к резному сундуку с горой пышных подушек.

Ишан Судур внешне выглядел спокойным. Только очень близкий человек мог бы заметить, что он озабочен и даже более того — подавлен. И были на то причины. Подготовительные работы, проводившиеся в Кукташе, велись медленно, из Кабула до сего времени не прибыл караван с оружием, боеприпасами... Нет ответа на его письма, отправленные лично в адрес эмира. И еще заметил бы близкий человек: хазрат в чем-то разуверился. Все здесь жили ожиданием решительной схватки с большевиками, уговаривали себя поверить в неизбежность близкой победы, полной победы. На укрепление силы и духа исламской армии направлены и все действия ишана Судура. Выступая с проповедями перед безграмотным, темным воинством, он не скупился на красноречие, не уставал повторять: большевики и Советы — главные враги мусульманства, народ их не поддерживает, и потому их ждет бесславный и скорый конец... А оставшись наедине с собой, горько размышлял: к чему эти потуги? К чему жертвы? Надо быть слепцом, чтобы не замечать, как все вокруг меняется.

Вот так думал ишан Судур, оставшись один, когда мысли не мог бы прочитать на его лице даже самый близкий человек.

И еще думал он, как отправится к мазару Ходжаипак-ата (что там — не дано знать никому), оттуда в Афганистан, потом в Стамбул, в Багдад... Наконец — Мекка. Здесь можно переждать смутное время. Здесь будет вызревать, как плод из райского сада, его идея, его мечта, цель всей его жизни... И он дождет своего часа! И будет на этой священной земле исламская Бухарская республика!..

Тайные, тайные мысли ишана. Его тайны. До них не смогли бы добраться и самые близкие люди. А кто они? Где?..

В последнее время он часто видел во сне Курбана, своего лучшего ученика, своего любимца. Еще тогда, когда они были постоянно вместе, ишан

Судур думал о Курбане как о сыне, наследнике, теперь, потеряв его, думал о нем неотступно, испытывая чувство тоски и вместе с ним гнетущее одиночество.

Но кто знал об этом?..

Ишан спокоен.

Спокоен Ибрагимбек. Он налил в пиалу остывшего чая и протянул гостью.

— Таксыр, у нас нет от вас никаких секретов, и это вам хорошо известно, — заговорил бек, неожиданно для себя решив сразу высказать свои сомнения на счет притязаний паши. Ясно же, что не кто иной, как Энвер-паша повелел явиться Ибрагимбеку. Правильно ли решение послать к нему Тугайсары?

До прихода его преосвященства Ибрагимбек и не думал так откровенничать. Но, начав, он уже не мог остановиться.

Ишан Судур... Кто еще знал Энвера-пашу так, как он? Никто!

Энвер-паша появляется в Восточной Бухаре! Он вызывает к себе Ибрагимбека! Только тот, кто чувствует за собой большую силу, способен на такой дерзкий шаг. Может, вот оно, наконец... Вот когда могут произойти крутые перемены, возьмутся за оружие и присоединятся к ним соседние области, западные страны откроют полностью шлюзы, и полноводной рекой потечет оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование... Но это была вспышка надежды — и только! «Слишком поздно явился ты, Энвер-паша... Упущено время... большевики сильнее нас», — горько думал его преосвященство.

Ибрагимбек напряженно наблюдал за хазратом, ожидая, что тот скажет. Но ишан Судур был все так же спокоен. Казалось, он дремал, прикрыв веки.

— Что-то вы задумались, таксыр, — не выдержал Ибрагимбек. — О чем?

Тонготар принес горячий чай, присел на корточки около двери, но свирепый взгляд Ибрагимбека заставил его убраться из комнаты.

— О чем моя дума?.. — Ишан Судур ясно понимал состояние собеседника. Замечал он в его глазах и нетерпение — скорей-скорей услышать именно то, чего хочешь, и холодную злость хищника — сильного, но скованного сомнением, ожиданием... — Первая моя дума... Я, как плохо воспитанный человек, без приглашения уселся на почетном месте. — Ишан Судур улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. — Вторая... Получив ваше приглашение, я почему-то направился к Сухтачинару, в вашу резиденцию...

Хазрат говорил раздражающе медленно.

Ибрагимбеку начинала изменять выдержка. Ему казалось, он угадывает, о чем скажет собеседник: примется расхваливать пашу... посоветует самому отправиться на встречу с ним...

То же состояние испытывал и Тугайсары. Нетерпение билось в нем колкой дрожью, — когда же ишан Судур наконец заговорит об Энвере-паше, о его связях в Бухаре. Ибрагимбек взглядом приказывал ему: молчи.

— Уважаемый бек! — льстиво заговорил ишан Судур. — Я всегда знал вас серьезным и мыслящим человеком и потому считал самым достойным высокого поста главнокомандующего исламской армии... Послушав ваши размышления об Энвере-паше, я еще раз убедился в том, что не ошибся в вас. — Он искусно «запеленал» Ибрагимбека в хвалу. — Вы могли от слов этого незнакомца оседлать в слепом гневе ярость — и были бы правы! Да, вы имели право послать туда своих людей и приволочь его, как грязного раба, сюда!..

Тугайсары не выдержал.

— Вы сказали сушную правду! — воскликнул он. — Это и теперь не поздно! Прикажите — и я... именно так: как грязного раба!

— Молодой человек, не горячитесь! — перебил ишан Судур. — В этом деле мы будем исполнять волю его превосходительства, уважаемого Ибрагимбека. Дело в том, что на своей родине, в Турции, — как справедливо говорили вам гонцы, — уважаемый бек, Энвер-паша почитается великим че-

ловеком. Что он зять турецкого султана, тоже правда. Вас удивило появление его в Восточной Бухаре, не на много меньше поразил этот факт и меня, вашего покорного слугу. О появлении человека, считающего себя правомочным вызвать вас к себе, должны были сообщить из Кабула, — правильно?

— Верно, таксыр, — согласился Ибрагимбек, досадуя на себя за то, что сам не додумался до этого.

— Это — первая загадка. Не разгадав ее, мы не подберем ключи ко второй загадке: как ему удалось с большим отрядом среди бела дня уйти из закрытого города. Вы правы в своих сомнениях! Но мне еще раз хочется выразить вам свое восхищение: в этих непростых условиях вы проявляете выдержку! Эта черта характерна для сильной личности.

Эту хвалу Ибрагимбек принял как должное.

— Однако, — заметил он, — без покровительства влиятельной личности он запросто не ушел бы из Бухары. И не оказался у нас под боком. А власть в Бухаре пока... вы знаете...

— Пока... да, — словно бы в рассеянности повторил хазрат. Теперь он смотрел прямо на Тугайсары. — Молодой человек, вы скажете этой особе, чтобы он сам прибыл к его превосходительству Ибрагимбеку. Мало того, пусть принесет извинения за бестактность!

— Все сделаю, как вы говорите!

— Ну ты там не очень груби, Тугай, — негромко предупредил Ибрагимбек. Наклонившись к дастархану, он делал вид, что тщательно отбирает мелкий, изумрудного цвета, самаркандский кишмиш, а сам думал: «Он мне желает добра или зла?.. Хазрат сказал про две тайны. Не быть бы третьей... Тайны эмира — опасные тайны».

Тугайсары всю дорогу мучила мысль: почему ишан Судур многое умалчивает об Энвере-паше. А ведь знает. Он много знает!

— Вы можете ручаться за свои слова? — напомнил Курбану.

— Что слышал от людей? Да.

— Как удалось Энверу-паше уйти из Бухары?.. Да и что он за человек? — Тугайсары, как бы между прочим, бросил последнюю фразу, поглядывая по сторонам.

— К сожалению, ничего о нем — ни хорошего, ни плохого — сказать не могу. Не встречался, — ровным невыразительным голосом тянул свое Курбан.

«Будь предельно осторожен. Ни на минуту не расслабляйся! Тебя постоянно будут подвергать проверке... сомневаться в каждом твоём слове... И все дело в том, что ты долго был оторван от ишана Судура. Помни: они не дураки!» — вспоминались наставления Василия Васильевича.

Вконец расстроенным, растерянным возвращался Тугайсары в Кукташ. Что значит приглашение бека Энвером-пашой? Неужто паша так уверен, что Ибрагимбек глупец, и явится в Илыккуль один? Ничего, придет паша в Кукташ, все его тайны откроются. Скоро, очень скоро он придет в Кукташ!

— А что думает о происходящем его преосвященство ишан Судур? — простудушно спросил Курбан. Спросил — вроде бы для того только, чтобы поддержать беседу.

— Он думает, как мы.

— Не посчитайте за дерзость... можно мне узнать, какое положение вы занимаете в исламской армии?

Дружелюбно положив руку ему на плечо, Тугайсары ответил веско и точно:

— Я — правая рука Ибрагимбека.

Сотня шла по унылым предгорьям. Тугайсары, покачиваясь в седле, думал о Курбане... «Он ученик его преосвященства. Но он идет от красных! Он должен немало знать! Сколько красных в Байсуне, как они вооружены, к чему готовятся? Чем недовольны, о чем говорят? Все, все надо расспросить. Ладно, с этим еще успеется: не в гости же он к нам пожаловал — совсем пришел. Все сам расскажет».

Курбана укачало в седле, сонными глазами поглядывал он на окружающее — так казалось со стороны, а на самом деле он обдумывал свою первую информацию в центр. «О связном не беспокойся, он найдет тебя, как только прибудешь в Кукташ, — говорил, прощаясь в Байсуне, Аркадий Иванович. — Твоя забота — только информация! заметишь, кто тебе мешает, сам не лезь. Скажи связному — уберет».

Дорога... Горы. Долины. Разговоры без конца. Разные думы, настроения...

Гуппанбай и еще несколько молодых всадников, заметил Курбан, с полуслова понимали Тугайсары и друг друга. Видимо, из всей сотни только они знали, куда и зачем ходили. Это должен узнать Курбан. Узнать — как?..

Стемнело. Сотня подошла к кишлаку, раскинувшегося в низине, между двумя высокими предгорными холмами. Их встретил Муртаз и повел по узкой каменистой улице. Перед большими резными воротами, пахнувшими арчей, остановились. Встречал их, согнувшись в поклоне, хромой хозяин с оскаленными в улыбке белыми крупными зубами, придававшими его лицу что-то звериное. Просторный двор его дома был огражден высоким дувалом, сложенным из камня. Похоже на крепость.

Через низкий айван хозяин провел их в холодную мехманхану, устланную коврами, вдоль стен — одеялами из зеленого бархата. На резной широкой хантахте¹, во всю длину комнаты, высились горы румяных яблок, красной граната, янтарные гроздья винограда, желтых груш, стояли полные вазы с очищенным грецким орехом, миндалем, фисташкой, черным, янтарным, изумрудным кишмишом, разнообразные сладости, стопки мягких лепешек.

Тугайсары не спеша оглядел это великолепие, благодарно кивнул хозяину, который широким жестом приглашал гостей за дастархан.

Вошел старик с порозовевшими щеками, видимо, спал у жаркого сандала.

— Отец, где же мое вино из белого кишмиша? Я его сам давил летом! — озорно подмигнув, крикнул ему Гуппанбай.

Старик, посмеиваясь, вышел и вскоре приволок кувшин из обожженной глины. Вслед за ним вошел хозяин дома, неся стопку маленьких пиал из китайского фарфора. Тугайсары, не глядя ни на кого и не говоря ни слова, выпил подряд две пиалы желтоватого вина, закусил орехами. Вслед за ним выпили все, кроме Курбана.

Тугайсары, полулежа на боку, накрыв ноги одеялом, прищурившись, смотрел на Курбана.

— Выпейте! — сказал он. И тут же перешел на «ты»: — пей! Хотя ты и красный аскер...

Курбан понял — эта ночь будет беспокойной. Притвориться больным? Кто поверит! Начнут приставать, оскорбятся: «гнушаешься... брезгуешь...»

— Ваше превосходительство, я никогда не пил этого зелья... да и мой сан не позволяет мне нарушать законы шариата. — Кажется, убедительно? В комнате воцарилась тишина.

— пей! — настаивал Тугайсары. — Грешно? А какой грех неискупим? Никто не вечен в этом мире!

— Ваше превосходительство! — прервал его Курбан. — Мой учитель, ишан Судур, гневался даже во дворце, когда при нем пытались пить вино. — Дальше он решил не перегибать, иначе ему придется уйти. А уходить нельзя — в хмельном разговоре нередко раскрывается то, что в трезвости прячется за семью замками. — пейте, пожалуйста, на здоровье, — как можно теплее проговорил Курбан. — Не обращайтесь на меня внимания, не обижайтесь...

Тугайсары грустно кивнул.

— Правильно... Не пей! — пробормотал он. — Нам можно. Верно я го-

¹ Стол на коротких ножках.

ворю? Наливай, Юлдаш! Отведем душу! — пристал к Гуппанбаю. — Сколько у тебя скота, а? Ну, скажи! Есть тыща голов?.. Молчишь... Мал ростом, но башка у тебя... дай бог каждому. Эх-хе-хе!..

Тугайсары взял из рук Муртаза очищенную грушу. Курбан заметил, что Муртаз совершенно трезв и заметно для всех прислуживает Тугайсары.

Они встретились взглядами. Муртаз насмешливо улыбнулся, какое-то время пытался не опустить глаза — нет, все же не выдержал холодного пристального взгляда Курбана, отвернулся. Зябко передернул плечами.

В мехманхане стоял пьяный гвалт и было невыносимо душно. Курбан вышел во двор. Так и не удалось ему ничего узнать. Прошло добрых полтора часа, но никто не произнес ни слова о походе, где были, что делали. Только Гуппанбай говорил о понравившихся ему каких-то озерах возле Самарканда. А сейчас пошел разговор о женщинах. Хвастают, острят, говорят пошлости. Взрывом хохота сотрясают дом, а один из людей Тугайсары, схватившись за живот, громко стонет от смеха...

Пройдя под навес, Курбан покормил Гнедого куском лепешки, понаблюдал за снующими по двору людьми. В углу двора в нескольких котлах готовилась пища, в воздухе стоял аппетитный запах жареного мяса. Была темная ночь, но от костра, зажженного на середине двора, было светло. Курбан стоял за толстым стволом старого тутовника, около навеса, когда появился Муртаз и подозвал хозяина дома.

— Молодого ишана видел? — спросил он.

— Только что коня проведал... направился во-о-он туда, в угол. Там у нас...

— Ясно, что там! Если выйдет за ворота, дай знать. Только мне! Пока он тут — глаз не спускай!

«Вот она, слезка, — подумал Курбан. — Опять Муртаз мне мешает. Надо бы его убрать. Как?.. В тумане на перевале можно было прижать его к краю, двинуть Гнедым... Нет! Помни, что сказано Аркадием Ивановичем: «Твоя забота — только информация. Заметишь, кто-то мешает — сам не лезь, скажи связному — уберет...» Где он — связной? Муртаз следит — это надо ему самому или выполняет чье-то поручение? Ладно, пускай следит. Хорошо уже то, что ты о нем знаешь. Не будет его — будет другой, это куда хуже. Пускай следит...»

21

Кукташ...

С вершины холма Курбан увидел долину, на ней пятнами разбросанные поля, прочерченные речками низины, сады и рощи; дома вдоль улиц кишлака, казалось, медленно, устало поднимались на противоположную гору. Над долиной стлался сизый дым, его горьковатый запах доносился сюда с мычанием коров, блеянием овец, детскими голосами. Кто бы мог подумать, что это место — средоточие зла и насилия, жестокости и измены, что здесь гнойником вызревает заговор, готовится война против всего, что дала бедноте Советская власть.

Положив руку на луку седла, Тугайсары задумчиво смотрел вниз, на причудливо вытянутые тени. «Неужели и вправду этот человек «правая рука» Ибрагимбека?» — глядя на его осунувшееся за день лицо, подумал Курбан.

— Отдохнули!.. Пошли вниз по одному... интервал десять шагов! — скомандовал Тугайсары и первым пошел вниз по крутой узкой тропе, держа коня за повод.

Когда все собрались, Тугайсары взобрался на седло и, мрачно поглядывая по сторонам, усмехнулся.

— Доложишь сам! — бросил Гуппанбаю и погнал коня.

Ни ночью в пьяном гвалте, ни в дороге Курбан не услышал ни одного слова о задании, которое выполнил Тугайсары.

Около рощи тутовника Тугайсары встретил всадника в лохматой шапке.

— Где сейчас бек? — спросил Тугайсары.

— Все там же, — ответил всадник, пристроившись рядом.

По узкой улочке сотня выехала на просторную поляну, где размякший снег был основательно перемешан конскими копытами с грязью. Тугайсары, приказав всем отдыхать, дал знак Курбану остаться.

— Пойдете с нами. Представлю Ибрагимбеку. Юлдаш, возьми коней! — приказал телохранителю.

Курбан выглядел растерянным.

— Но я, ваше превосходительство, в этой одежде... — бормотал он. — Для меня это большая честь... Но в таком виде...

— Ничего... — не останавливаясь, буркнул Тугайсары. Гуппанбай подбадривающе улынулся.

Полгода, без выходов, по многу часов Василий Васильевич занимался с Курбаном. Были рассмотрены десятки вариантов, детально изучены любые возможности проникновения разведчика в стан врага. Но такого варианта, чтобы вот так сразу, из седла — к Ибрагимбеку, в самый центр исламской армии. Не было такого варианта. Что это — неслыханная удача?.. Ловушка?..

Войдя во двор, по деревянной лестнице поднялись на крыльцо.

Тугайсары неожиданно для себя разнервничался: сейчас он явится пред очи Ибрагимбека... и должен рассказать во всех деталях о своей встрече с Энвером-пашой. А он... не был на берегу Илыккуля. Не был! И точка! Когда они были уже совсем близко от Илыккуля, на горбатом холме, он сказал Гуппанбаю: «Я не желаю раскланиваться с каждой сволочью. Иди. Скажи, что велел бек!» «Что ты теперь скажешь беку? — тосковал Тугайсары. — Что бек скажет тебе?..»

В прихожей, где дежурили двое из охраны, под пристальным взглядом Тонготара все сняли сапоги, Тугайсары и Гуппанбай повесили на деревянные колышки свое оружие.

— Вы побудьте здесь... вас пригласят... — сказал Тугайсары Курбану и вместе с Гуппанбаем ушел в комнату. Тонготар плотно прикрыл дверь. И все-таки Курбан слышал голоса.

— Не захотел я встречаться с ним! — выкрикнул Тугайсары. И еще говорил что-то — горячо, зло — с трудом угадывались отдельные слова, но не складывались в фразу.

Голос Гуппанбая:

— Энвер-паша, ваше превосходительство, остановился в доме туркмена Мурадберды. Очень богатый дом. Встретились мы с ним... Все, что мне наказал уважаемый Тугайсары, я ему изложил слово в слово. Когда прощались, еще раз повторил: «Его превосходительство Ибрагимбек ждет вас», — Гуппанбай замолчал. Опять глухое бормотание, ни слова не разобрать. Гуппанбай: «Разговаривал он на турецком языке, но я все понял... После завтра будет здесь... Последние слова: «Прошу передать его превосходительству Ибрагимбеку мои искренние извинения»...

«Значит, Энвер-паша... Они не ожидали его... Они не знакомы с ним... Почему?... После завтра сюда приезжает Энвер-паша...» — спокойно поглядывая на Тонготара и двух его джигитов, думал Курбан.

Из комнаты временами слышался хохот. Что ж, похоже, для Тугайсары все обошлось. Как-то будет с тобой? — мысленно усмехнулся Курбан. В этот момент распахнулась дверь и Гуппанбай жестом позвал его.

— Я приветствую вас, ваше величество! — сказал Курбан, слегка склонив голову и приложив руку к сердцу. — Давно мечтал увидеть вас... вот так близко...

Ибрагимбек встал и, подойдя к Курбану, пожал ему руку.

— Счастлив принимать у себя ученика великого хазрата, принца-шейха. — Ибрагимбек усадил Курбана рядом с собой при растерянном молчании Тугайсары и Гуппанбая. — Не удивляйтесь, господа, этого молодого человека я повстречал в незабываемые прекрасные дни во дворце всеми

нами почитаемого Саида Алимхана. — Ибрагимбек умышленно опустил «эмира» после обращения Курбана к нему со словами «ваше величество». — Принцем-шейхом... Я не оговорился. Саид Алимхан считает нашего дорогого гостя, несмотря на его молодость, выдающимся богословом. Разумеется, после великого хазрата... Именно за это он назвал юношу принцем-шейхом...

То, что Тугайсары сам не встретился с Энвером-пашой, нисколько не огорчило Ибрагимбека. Настороженность и подозрение вызвала готовность Энвера-паши прибыть и принести ему личные извинения. «Что это? — раздумывал Ибрагимбек. — Или он так умен — мгновенно оценивая опасность, или — кто-то подсказал? Саид Алимхан? Нет».

С потолка свисала большая керосиновая лампа, заливавшая ярким светом всю мехманхану.

Тугайсары, Гуппанбай, Абдукаюм-парваначи, мулла Раджаб тем временем рассматривали Курбана. Переглядывались: «Вот вам и «беглый красный». А он, оказывается, принц-шейх. Его принимали во дворце эмира!»

Курбан, хотя и сидел, скромно опустив глаза, изредка поглядывал на Ибрагимбека, словно бы запоминая его продолговатое смуглое лицо, длинный прямой нос, тяжелый взгляд. Благосклонность бека и пауза в беседе подсказывали: самое время объявить, зачем он здесь.

— Ваше величество, — заговорил он, подняв ясный взгляд на бека. — Мне сказали, что мой великий учитель находится при вас. С намерением найти его я и приехал в вашу временную (он сделал упор на это слово) столицу... Я, — Курбан кивнул в сторону Тугайсары, — с благосклонного согласия его превосходительства присоединился к сотне, и вот — ваш гость, ваш слуга — как вам будет угодно, ваше величество. Если я смогу быть полезным вам, буду безмерно счастлив.

— Благодарю вас, благодарю... Дорога утомила вас, дорогой шейх, — Ибрагимбеку доставляло удовольствие произносить это духовное звание, — и мы вас долго держать не будем... Скажите, что думает о нас в политическом и военном плане красное командование?

Курбан не спешил с ответом. Помолчал, перебирая четки.

— В политическом плане... — наконец негромко начал он, — они пока боятся вас. Почему «пока»? Большинство народа неграмотно, запугано, слепо исполняет ваши приказы. Советы делают ставку на слово. У них много таких, кто умеет говорить. Агитирует за народную власть. Чтобы жили свободно, трудились, учились. Чтобы женщины были наравне с мужчинами. А кровопролития — не надо. Так говорят. Они на словах против кровопролития — а на деле стягивают в отдельные районы Восточной Бухары, в том числе и в Байсун, крупные подразделения пехоты, конницу, артиллерию. Что я видел — в Байсуне сосредоточена конная бригада, усиленная пехотным полком. Чем занимаются? Отрабатывают свои действия в наступательных операциях в условиях горной местности... Вот, пожалуй, и все.

Краткость информации, трезвый, четкий анализ обстановки понравились Ибрагимбеку. «Рассудителен, умен, — подумал о Курбане. — Много знает. Не все сказал».

— Относительно вашего разговора об Энвере-паше... Тугайсары рассказал мне. Может, еще что вспомнили? — спросил он. — Что говорят красные об Энвере-паше?

— Что я слышал? Мало... Ну, что он втянул Турцию в войну и поставил страну на грань гибели. Да, и за то его выслали. Вот об этом говорили, это точно: пашу выслали, и никто не знает, где он теперь. И тут уже споры, одни говорят одно, другие кричат другое. Скажу откровенно: мне такие разговоры не по душе. И если я что-то слышал — не вникал, про что кричат. Одно могу сказать: если бы они знали, где теперь Энвер-паша, не стали бы кричать. Кто знает, где он?..

— Завтра он будет здесь! — неожиданно проговорил Ибрагимбек и при этом глянул на Курбана так, словно ставил это себе в заслугу.

Курбан растерянно смотрел на Ибрагимбека, даже четки замерли в руках. Эта весть для него — точно гром среди ясного неба.

— Вы его обязательно увидите, — сказал Ибрагимбек. — А теперь пора вам отдохнуть. — И приказал Гуппанбаю: — Распорядитесь, чтобы прово-

дили к его преосвященству! — Потом задумчиво посмотрел на Курбана.— Если верно послужите нам, нашему делу... Мы умеем ценить добро.

— Благодарю, ваше величество, за теплую встречу, за доверие... Слуги аллаха на земле умеют ценить предложенную дружбу.

Когда Курбан вышел, бек повернулся к Тугайсары.

— Я слышал, ты был груб с принцем-шейхом?

— Откуда мне было знать, что он принц? А что он пришел от красных — это я знал точно.

— От кого узнал?

— Да он сам сказал!

— Вот. Если бы он тебе сказал, что он принц-шейх, а про то, откуда он теперь, промолчал, тогда другой разговор.

— Да что я ему такого...

— Теперь помолчи! — строго поднял руку Ибрагимбек, обрывая его.— Ты не слышал о принце-шейхе? Ладно. Его величество сам назвал так любимого ученика ишана Судура... И это — не в шутку! Скажешь, зачем это ему? Эмир заигрывал с хазратом... потому что тот вот где держит души всех людей! Всех! — бек сжал, подняв вверх, кулак. — Стоит ему слово сказать... и эта темная масса диких людей, эта туча сметет напрочь все, что есть на ее пути! Бог нам нужен всегда! Во все времена и эпохи... эта темная масса, это стадо, да-да, и дехкане, и чабаны, и воины, — все должны быть покорны богу и хозяину! — Помолчав, успокоился, взял с подноса, полного восточных сладостей и фруктов, горсть очищенных орешков фисташки и стал по одному бросать в рот, медленно двигая крепкими челюстями. Отпуская Тугайсары, вяло махнул рукой.

Оставшись один, Ибрагимбек думал о предстоящей встрече с Энвером-пашой, медленно вышагивал из угла в угол просторной мехманханы. Отчего-то подумалось: «А ведь Курбан уже сегодня, и непременно в деталях, расскажет ишану Судуру о своей встрече со мной. Верный ему, как собака. Или, как сын», — зависть больно кольнула Ибрагимбека. В такие минуты, обычно в конце дня и особенно ночью, овладевала им тоска, он боялся остаться один. Расстегнув ворот английского френча, он стремительно прошагал через комнату, где обычно ожидали приема посетители и постоянно торчал преданный Тонготар, вышел на крыльцо и, прислонившись плечом к прохладной деревянной колонне, смотрел на ночной Кукташ. От бессонницы обычно бек выпивал две пиалы русской водки, которую хранил Тонготар. Но сегодня, перед встречей с Энвером-пашой, решил попытаться заснуть без нее.

Окончание следует

Анвар Ходжи

К свету

I

Случилось так:
В один из вешних дней
Вдруг хлынул дождь,—
И сразу мрачно стало.
Все гуще мгла, а небо все темней,—
Жестокая тоска мне сердце сжала.

Но тучи разогнал небесный свет.
Под солнцем засияли глубь и дали.
Подумал я: как в прошлом столько лет
Во мраке люди жили и страдали?

II

Веками черный гнет был их удел,
И беды их терзали, и печали.
Но грозный гнев в сердцах людских созрел,
И за свободу смелые восстали.

Герои штурмовали мрак и зло,
Зажгли рассвет для наших поколений.
И знамя Красное над миром расцвело,
И путь нам указал великий Ленин.

Идет борьба

День пасмурный порой похож на ночь.
Восходит солнце тучи превозмочь
И побеждает — мрак уходит прочь,—
Таков закон, мой сын: идет борьба!

Бурлят потоки, скачут стаи волн,
Из берегов выходят реки вон.
Мы усмирим их, закуем в бетон,—
Таков закон, мой сын: идет борьба!

Любовь и ревность спорят меж собой,
Они враждуют, как огонь с водой.
Ты победишь, избрав любовь судьбой,—
Таков закон, мой сын: идет борьба!

Боевое знамя

Славою в боях оно покрыто,
Цвет его, как кровь бойцов, багрян.
Пулями насквозь оно пробито,
Как войну прошедший ветеран.

Сквозь огонь прошло оно и битвы,
Но не стерли красный цвет года.
Пулями в боях оно пробито —
Только не сдавалось никогда.

Мечта дерева

Прохладу в знойный день дает моя листва,
Дарю плоды и осенью, и летом.
А высохнув, я превращусь в дрова,
Чтоб согреть людей теплом и светом.

Быть нужным людям — вот мечта моя,
Не стать бы лишь прикладом для ружья!

* * *

Мы землю, дружище, засеем не раз,
Чтоб был этот мир молодым и зеленым.
Пусть весны цветущие радуют нас
Дождем благодатным и солнечным звоном.

Пусть солнце веселое блещет в листве.
И будут деревья, возвращенные нами,
Стоять по колено в прохладной траве,
Обнявши родимую землю корнями.

Случится, гроза прогремит в небесах —
И молния горы и доли осветит.
Быть может, деревья почувствуют страх,
И вздрогнут они, словно малые дети.

Но снова бессмертное солнце взойдет,
И будет весь мир и сиять, и лучиться,
Под жаркою лаской наш сад оживет,
Зальются счастливыми песнями птицы.

Не сдается

Морозный ветер зол, жесток,
Природу красит в цвет печали.
Все листья с яблони опали,
Один лишь держится листок.

Бушует ветер-властелин
И шквалом о деревья бьется.
На злом ветру листок один
Дрожит — и все же не сдается.

Мир после дождя

Омыт дождем природы храм,
Блестят деревья и кусты.
Ручьи смывают разный хлам
С лица извечной красоты.

Сердца и души осветя,
Пришла к нам с неба благодать.
Мир стал прекрасным, как дитя,
Когда его умоет мать.

Жребий

Дни мои наполнены стихами,
Ночью сон бежит усталых глаз.
Вдохновенье в сердце бьет крылами,
До рассвета мучает подчас.

Видно, выпал жребий мне несчастный,
Не могу я сердцем отдохнуть.
Но когда в нем этот жар погаснет,
Лучше бы навеки мне уснуть.

Перевод с узбекского Николая Стрижкова

Мирпулат Мирзаев

Насиба

ПОЭМА¹

КАК ДУМЫ, СЫПЛЕТСЯ ПОРОША

Зима. Природа впала в сон,
вчера лишь солнцем залитые,
бесмысленно со всех сторон
поля таращатся пустые.
Земля безмолвствует во сне,
подергиваясь мелкой дрожью.
Спят горизонты.
В тишине,
как думы, сыплется пороша.
Надеждой тщетной обуян
всегда укладываться в сроки,
грохочет поезд — сквозь туман —
чудовищный и многоокий.
В сомкнувшихся тисках времен
(здесь не бывает «либо-либо»)
год корчится.
Скрипит вагон.
О прошлом думает Насиба.

СТЕПНОЕ НЕБО

Развернула свой трактор, на крайнюю карту въезжая.
Было время рассвета, когда это вдруг началось...
Тьма накликала ужас — и стала душа, как чужая.
Тьма накликала ливень — и небо, как щель, раздалось.
Тяжело провернулись и в глине увязли колеса.
По щекам,
по щекам
дождь хлестал, будто иглами жег.
Не могла не смотреть,
и глядела, глядела бесслезно,
как цветущие грядки, бушуя, смывает поток.
Если здешнее небо исполнится силой до края, —
так «одарит». — Эй! Кто там? Явись! Отврати!

¹. Печатается в сокращении.

Град дупил по росткам, с материнского тела срывая.
О, младенец хлопчатник!

Спасти! Непременно спасти!

...Соскочила с сиденья
склонилась, ростки прикрывая. —
Каждый помощи просит и жметя:
— Меня пожалей!
Если здешнее небо исполнится силой до края...
Ненавидит насилие, кто видел страданье полей.
Ах, как гложет обида, как поздние слезы горючи,
вся усталость столетий на женские плечи легла.
Оскользаясь в грязи и мотаясь печальной колючкой,
неуверенно, робко, безжизненно как-то пошла...

«ВЫ СЧАСТЛИВЫ?»

Лихой вопрос был задан ей собкором
и уточнен: «В чем счастья суть для Вас?»
Задумалась. Ответила нескоро.
— Скажу всю правду. В следующий раз.
И до сих пор вопрос ее тревожит.
А вы, друзья? Кто мучил сам себя
подобными задачками? Кто может
ответить людям, словом не кривя?
Один живет, как нервный собиратель
вещей и денег,
он родную мать,
а вместе с ней и родину продаст,
другой — он просто мот и ловелас,
тот — с головой ушел в свою карьеру,
а этот взял подслушивать манеру, —
его под дверью вижу каждый раз.
О, как они друг друга презирают,
те, что «живут» и те, что «прозябают»!
Я их встречал и в нынешние дни...
Где ты, Насиба? Руку протяни.

ОДНАЖДЫ НА РАССВЕТЕ

— Да ты влюблен, — заметит мой читатель, —
Что говорить, девчонка хороша,
но без изъяна? Нет таких...
— Приятель, в ней безупречно чистая душа...
«Прекрасен путь борьбы и непокая», —
мы повторяем, вызубрив урок.
Но все ли знают, что это такое,
когда в пути обманет огонек.
...Ей показалось, что они знакомы,
и сердце: Тук! — забилося невпопад.
Там, в институте, далеко от дома,
следил за ней такой же теплый взгляд...
Явились сваты,
им не отказали:
пора и сестрам путь освободить.
Ах, если б ей заранее сказали,
что с нею будет, — лучше бы не жить!
— Мне не нужна районная прислуга, —
как будто гром ударил за спиной.
— Сыта? Одета? С деньгами не туго?

Чего еще? Из дома — ни ногой...
Она молчит, головку наклоняет,
уклад чужой пытается принять
и по ночам сама себе внушает:
— Терпи... Терпи... Ты — женщина, ты — мать.
Зазря судьбу испытывать не надо.
Мечты? Восторги? — Юношеский бред.
В таком дому любая будет рада
безбедно жить, больших не зная бед.
А муж — есть муж. Унизит — не заметит:
Уж видно так ведется в их роду.
И — сорвалась... однажды на рассвете:
«Верните мне свободу. Я уйду».

ПЕРВАЯ КОРОБОЧКА

Ночная степь совсем не та, что днем.
Степная ночь обманет совершенством,
поймает сердце и шаманит в нем,
как женщина, дарящая блаженство,
и все звенит в истерике цикад,
волнуя воздух, кровь смущая в венах.
Издаലെка к ней лапы тянет сад,
от стука слив подрагивая нервно.
Как в детской спальне, тихо на бахчах,
но ты спешешь (так шар стремится в лузу)
туда, где вздрагивают по ночам,
коробочки с бесценным белым грузом.
Вот это поле, темное пока,
ты по нему проходишь ежедневно.
Оно — родное, как твоя рука,
и где-то здесь коробочка-царевна.
Да вот она! Земля пустилась вскачь,
и сердце — в пляс, и жизнь твоя прекрасна,
и где-то там, в созвездии удач,
твоя звезда горит светло и ясно.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Приснилась степь... без края и конца.
Зачем нужна дорога без лица?
Куда иду? Откуда я пришла?
Кто я теперь и прежде кем была?
Знакомый голос. Кто меня зовет?
Я знаю все, о чем он мне поет...
Я твой закон нарушила, Восток.
За мной бежит обидный шепоток.
Промеж людей — ходячая вина,
я никому на свете не нужна.
На этот голос... Он меня зовет,
и белый сад навстречу мне плывет.
Я отвести пытаюсь влажный взгляд
и вижу поле белое, как сад.
— Скажи мне, голос, что за белый край?
— Твоя судьба, — ответил, — не страдай.
— Но кто же ты, душе подавший весть?
— Да это я, душа твоя, и есть...

ЗДЕСЬ БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ...

«Салом, звезда!»

«Звезде — большой привет!»

Старался хор подруг звонкоголосых.

— Случилось что?

— Да вот же, твой портрет!..

— Жди женихов! Слетятся, словно осы...

Придумал же корреспондент залетный,

назвал «звездой»,

к тому же — «путеводной»...

С такой «рекламой» стыдно оплошать!

И, как могла, лукаво отвечала

пытаясь путь насмешкам преградить:

— Здесь быть звездой!

Веселенького мало, —

за всех сестер приходится светить...

— Уж будто бы, — послышалось из «хора», —

сверкнет, и нет... Попробуй, ухвати...

— Я погляжу, и ты от разговора

спешишь уйти...

— Ах, девочки! У «тех» — своя забота:

набить карманы, порх, и — улететь.

А целину иначе как работой —

не одолеть...

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОСТЕР

Ночная стѣпь лежит, молчит

под гнетом темных дрем,

но кто там бродит, гомонит,

стрекочет ни о чем?

...Роились искры над костром.

Забыв о трудном дне,

сердца искрились озорством

в щекочущем огне.

Насиба, помнишь,

до утра

трескучих сучьев хруст,

себя, студентку, у костра

в смятенье жарких чувств?

Надежды — риск,

волненья — власть,

испуга — торжество...

Одно желание: пропасть,

сбежать

от глаз его...

Те взгляды, полные тепла,

открыли ей Любовь.

Как дорога она была,

о том не суесловь.

Горит костер, редеет мгла,

поет в долине саз.

Не говори: — любовь ушла, —

любовь таится в нас.

Точь-в-точь под накипью морщин

таится чистота,

наивность, радость без причин, —

святая простота!

Нас жизнь хлестнет в недобрый час,
протянет на ветру,
но мы вернемся, и не раз! —
к поющему костру.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Колокол радости тронул звонарь,
и лучезарится весность.
Вот и сменила недолгую хмарь
сочная звездная росность,
Слышу моторы тяжелых машин,
женщин бесшумные вздохи,
слышу забитые бронхи мужчин,
братьев моих по эпохе.
Вижу Насибу в рассветной дали,
— Счастья тебе и покоя!
В светлых просторах целинной земли
мы расстаемся с тобою.

Перевод с узбекского Аллы Широной.

Николай Красильников

Читая «Слово о полку Игореве»

Ветерок в окне колышет ветки,
Колокольный древнерусский стих
Оживляет в тенях наших предков,
Пахарей в доспехах боевых.

Лисьи малахаи да шеломы,
Звон мечей, мелькание знамен...
Так вершится таинство большое —
Единенье россов и времен.

Трамвай № 10

О детства памятный трамвай,
Звени в лучистый колокольчик!
Тоску и лень разгоняй,
Неси по сиящим рельсам строчек.

Мелькнет в окне цепочка гор,
Плеснет листва речной прохладой.
Лабзак, Шейхантаур, Анхор —
Звучит таинственной усладой.

И никаких обиняков —
Я счастлив, как никто на свете,
За пару стертых медяков
Увидеть город на рассвете!

На Учсае

Т. КАИПБЕРГЕНОВУ

Нету в мире ничего печальней...
Где когда-то пролетал борей,
Занесло поземкою песчаной
Остовы и мачты кораблей.

Что же, как же все-таки случилось,
И кому на радость или зло
Море голубое рассердилось
И от нас обиженно ушло?..

И ни волн высоких, и ни чаек,
Только соль вспухает под ногой.
Да палящий саратан качает
Горький куст полыни вековой.

Видно, о добре мы помним мало...
И куда ни брел бы в эти дни,
Мне ракушка каждая шептала:
«Человече, море нам верни!»

Старая Бухара

О пиалу чайханщик ножик точит,
Арык у ног его в тени бормочет.

Гудит, пылит, волнуется базар —
Здесь шумный торг. Торгуют мал и стар.

Щекочет ноздри специй аромат,
И зноем жжет лепешечников ряд.

Пусть чертит реактивный самолет —
Здесь важный люд и глазом не моргнет.

Для них дела земные поважней —
Арбузы, дыни, кручи овощей.

Любой прилавок здесь — посланник рая.
Все, что душе угодно, выбираю!

И, словно благодушья добрый знак,
Застыл в гнезде на куполе лайлак.

Бабка Нюра

Бабке Нюре — старушке древней —
Скоро уж девяносто лет.
Для нее, наверно, деревни
И милее, и краше нет.

Огородик. Сад. Пятистенная
На отшибе скрипит изба.
Здесь покоятся неизменные
Радость, грусть...
Словом, жизнь-судьба.

Лайлак — аист (узб.)

К неудобствам вовсе не стрóга.
— Где же, бабка, твои сыновья?
— Чай тропинок на свете много,
Разлетелись во все края.

Обойдет дом с кривой клюкою,
Снова сядет, вздохнув, на крыльцо.
И какой-то нездешней тоскою
Опечалится вдруг лицо.

На насесте кудахчут куры,
На лужайке траву клюют.
— Как здоровьице, бабка Нюра?
— Слава богу!
Еще скриплю...

Улыбнется солнцу над хатой
И разгладит морщины у глаз:
Не беда, что
Жизнь на закате,
Если все ж она удалась!

На могиле отца

Забывать стал отцово лицо,
А ведь этого я не смею.
Над могилою его
Деревцо
За меня
На ветру краснеет.

Забывать стал отцовы слова,
Что таили и грусть, и радость.
Мне напомнила их
Листва
Из-за низкой
Чугунной ограды.

Забывать стал улыбку, шаги,
Незаметные сразу причуды.
Память, память!
Мы — не враги...
Но забывчивость эта
Откуда?

Из ведерка полью деревцо,
Чтоб могло
С отцом пошептаться.
Это страшно — забыть лицо:
Навсегда
С родством распрощаться...

Утро в предгорье

Это пики снежного Тянь-Шаня
Расплескали солнце по земле,
И рассвета светлое дыханье
Сойка принесла мне на крыле.

Пел о жизни скоротечной ветер
И сшибал с травинок искры рос,
Не мечтая о своем бессмертье,
У ручья бессмертник желтый рос.

И летели пчелы за пыльцую
В блеске занимавшегося дня.
Сколько солнц я встретил над землею!
Сколько их в запасе у меня?..

* * *

Г. ЗАЙЦЕВУ

Сегодня в Бурге снег, как в Кинешме,
Летит пушистый голубок.
И верить хочется, что кинешь мне
Издавна тугой снежок.

Слегка руки моей касается,
Но скоро буду им согрет...
Спешит снежок, и представляется
Далекой Родины привет.

И ясно вижу в стылой сини —
Поля, деревни у реки.
Летят снежки по всей России —
Мои седые голубки.

В домике егеря

Здесь облако, как борода аллаха,
Сползает с кручи к самому окну.
Летит ручей, не ведающий страха,
И эхом разбивает тишину.

Струится дым дорической колонной.
Кипит похлебка вкусно над огнем.
И две звезды, мигая с небосклона,
Пусть погреться просят в старый дом.

Молоко

Зеленеет мята по откосу,
Над откосом облака плывут.
И, тряся рогами, щиплют козы
Майскую пахучую траву.

После смены отдохнуть приятно,
Мать поставит крынку молока —
Ледяного, пахнущего мятой,
Белого, как в небе облака...

СТУЖА

РАССКАЗ

Не успел растаять под неярким зимним солнышком выпавший на той неделе снег, как снова посыпались белые хлопья. Похолодало, наст под ветром затвердел — лом не проваливался. Прутья могильных оград вспухли, облепленные снегом, налились, словно стебли перестоялой кукурузы. Тополь у выкрашенной в голубое терра-сы нахохлился, побелел — сделался похожим на фотографический негатив.

Одинокий домик под тополем, беспечно обернувшийся к кладбищу слепой, без окон, задней стеной, принадлежит Закиру-могильщику. Прозрачный слабый дымок под трубой, словно не зная, куда плыть в безветренном сейчас небе, тихо тает в холодном воздухе.

Этот, теперешний, дом с железной кровлей Закир поставил недавно. Раньше на его месте был старый — в одно оконце, под глиняной крышей, на которой весной буйно расцветали маки. В том домике под старой шелковицей даже летом бывало темновато: рассыплется с подноса урюк — половины не доищешься, зато до утра сквозь тонкую курпачу чувствуешь под боком твердые косточки.

Зеби-хола, покойная жена Закира-могильщика, бывало, и летом не убирала танчу — столик над жаровней, покрытый одеялом, — возле него можно было согреться; прятала до холодов лишь одеяла — курпачи, а на столик-танчу стелила скатерть, и ребятишки делали здесь уроки. Пятидесятые годы... жизнь еще тяжелая была, на двух девочек — одна пара калаш: в первую смену в них идет в школу старшая, во вторую — младшая. Платье старшая, Салима, носила до тех пор, пока длинный рукав не делался коротким, до локтя; потом платье отдавали младшей, Халиме.

Зеби-хола частенько наведывалась на базар — но не ради той или другой выгоды, нет: по праздникам и еще в поминальные дни в четверг люди приносили и оставляли у ворот узелки с лепешками, сладостями, касы с пловом или сумалаком — традиционным весенним блюдом из проросшей пшеницы и муки. Большая часть приносивших так и оставляла здесь свою посуду. Зеби-хола выжидала некоторое время, если хозяин чашки не объявлялся, хорошенько отмывала ее с золой и потом несла вместе с остальными такими же на базар, по дешевке отдавала скупщику, на вырученные же деньги покупала то мыло, то веник, то иную нужную в хозяйстве вещь. При этом она каждый раз не забывала о гостинце для детей — приносила сушеный урюк, или жевательную смолу — сакич, или леденцовых петушков на палочке. Ребятишки прыгали от радости, не обращая внимания на долетавшие из-за стены их дома горестные вопли: «Ой, мама!», «Ой, папа!» и похоронные причитания. Плач за домом, на кладбище, был для них привычным, и с ранних лет они научились не бояться кладбища. Бегали вокруг могил наперегонки, играли в прятки, ловили бабочек, косили траву для коровы. Если отец забывал у вырытой могилы свой чапан, Салима без страха шла за ним, находила и приносила домой, даже если уже и темно. И когда девочки в школе говорили о кладбище с суеверным страхом, Салима не понимала их боязни.

Как-то Салима вернулась из школы не одна, с подружкой. Быстро заварила чай, принесла молочные лепешки, шоколадные конфеты, сливки, нарезала дыню-хандаляшку. Но подружка не притронулась к угощению, взяла нужный учебник и, сославшись на какую-то причину, быстро ушла.

Закир-ака увидел печальные глаза четырнадцатилетней дочери, ее взрослую

задумчивость, и сердце его сжалось. Однако он ничего не сказал. Когда же из школы вернулась после второй смены младшая, спросил ее:

— Как дела в школе, доченька? У тебя есть подруги?

— Не-а, — беспечно отозвалась Халима. — Меня девчонки ведьмой зовут, я одна за партой — никто не хочет со мной сидеть.

Закир-ака снова почувствовал, как больно сжалось сердце.

— Почему же они тебя так зовут?

— А мы ведь на кладбище играем.

«Значит, и к Салиме в школе относятся так же, — решил Закир-ака. — А она молчит, бедная, терпит».

Наутро Закир-ака надел свою лучшую одежду и пошел в школу.

Симпатичная молодая учительница, выслушав его, сказала:

— Я позову Халиму и ее класную руководительницу, вместе и поговорим.

Оставила Закира одного в пустом классе, да так и не вернулась. Прозвенел звонок, смолкли шум и беготня в школьном коридоре, Закир-ака посидел-посидел в одиночестве, вздохнул и вернулся домой. «Да, брезгают моим занятием, — понял он. — Добро бы сами не умирали — нет ведь, каждому в конце концов понадобится могильщик. И мужья, что обнимают вас в постели, тогда ведь не посмеют обнять, чтобы опустить тело в могилу, вот в чем штука. Вот так вот и получается: труд ишака — чистый, а сам он — поганый».

Сам Закир-ака никогда не жалел, что стал могильщиком, особенно, когда увидел и понял, что работа его необходима людям в тяжелый час и правильное исполнение этой работы люди придадут особое значение. Только теперь, после того, как Салима чуть не плача ушла в свою комнату, обиженная поведением подруги, а сам он зря потратил время на ожидание класной руководительницы, не сразу сообразив, что та попросту избегает встречи, только теперь Закир-ака впервые пожалел о том, что стал могильщиком. «Люди сторонятся меня, — думал он. — Случись у кого беда — спешат с просьбой, а на свадьбы приглашать забывают. И соседи мои — не как соседи: на улице обходят, вот и детей моих обходить стали. Ладно уж я, но дети-то при чем! И для этих людей, если теряют близких, в палящий зной, в зимнюю стужу я рою могилы, помогаю предать земле мертвые тела... А моим детям из-за меня приходится плакать!

Нет уж, по мне — так хоть валяйтесь на улице мертвые, обойдетесь без меня!»

Закир-ака отправился в свою похоронную контору, сослался на ревматизм и попросил освободить его от работы. Но там, в конторе, его пристыдили, стали упрекать, отговаривать и упростили... Закир-ака съезжился, перестал спорить и вернулся домой.

Вскоре после окончания войны в здешней чайхане появился парень в шинели, одинокий и бесприютный. Идти ему было, как видно, некуда, он тут же, в чайхане, и ночевал, помогал чайханщику — колол дрова, носил воду.

Через небольшое время с ним завел разговор Кабул-ака, человек лет пятидесяти, уже не очень здоровый, с изжелта-бледным лицом.

— Я вижу — вы человек одинокий, — начал Кабул-ака. — А у меня во дворе комната пустует. Если хотите — живите. Чего вам мыкаться в чайхане?

Закир поразмышлял немного и пошел. Он понимал, что Кабул-ака, человек уже немолодой, ищет помощника.

— Кто-то знает заговор от болезней и лечит, кто-то обмывает усопшего, а еще кто-то роет могилы, — говорил Кабул-ака, протягивая гостю пиалу с чаем. — Доброе дело, угодное богу. Ведь это общая забота — каждому суждено умереть в свой срок, и нас кто-то хоронить будет. Брезговать работой на кладбище нехорошо, браток. Ну и к тому ж, какой-никакой, а доход — деньги никогда не помешают. У вас ведь, наверное, есть какие-то желания.

Вначале Закир боялся покойников, рыл могилу — руки дрожали. Без Кабула-ака не ходил на кладбище. Ученик и мастер все делали вместе. Но пришло время, и Кабул-ака начал ссылаться на болезни: то ревматизм замучил, то баня расслабила... в общем, постепенно дело Кабула-ака перешло к Закиру. Но прежде, недели через две после переезда Закира в его дом, Кабул-ака позвал муллу, тот прочитал молитву — и таким образом мастер выдал за помощника свою дочь Зеби, красивую, недавно достигшую совершеннолетия девушку. Свадебный той устраивать не стали: Кабул-ака знал, что на свадьбу в дом могильщика никто не придет. И еще он знал, что никто не станет свататься к его красивой дочери — потому и женил на ней, долго не раздумывая, своего молодого помощника. Как оказалось, к счастью.

Послевоенные годы были нелегкими, недоедание и тяжелый труд рано старили людей, ослабевшие, они плохо справлялись с хворями. Так и отошел от дела Кабул-

ака. А работы на кладбище хватало. Закир с утра до вечера рыл могилы, потом возвращался домой к молодой жене и, усталый, спал крепко, без прежних тревожных сновидений. Когда трудишься не разгибая спины, бояться некогда, и он перестал бояться кладбища и своей работы.

Шло время. В доме зазвенел голос младенца. Потом друг за другом умерли Кабул-ака и его жена, мать Зеби. Закир сам похоронил их, исполнил все обряды, прочитал положенную обычаем заупокойную молитву.

Теперь он был старшим в семье.

Когда Салиме исполнилось два годика, жена подарила ему еще девочку, ее назвали Халимой. Третьим родился мальчик — Эргаш.

Вот и все главные события в жизни семьи.

Катились годы, Закир-ака потихоньку старел.

Изменилась жизнь, изменилось время, люди узнали достаток, появилась возможность осуществлять свои желания. Это коснулось и кладбища, всей работы Закира-ака. Похороны постепенно сделались богатыми, торжественными. Теперь каждый мог установить на могилу близкого человека мраморную плиту. Вошло в обычай «не обижать» и могильщика, стали «умасливать» служителя кладбища, как бы отдавая тем самым памяти ушедшего родственника. У одного умирал престарелый отец, у другого — маленький ребенок. Смерть оживляла, особенно у пожилых людей, религиозное чувство, заставляла забывать о скупости. Раздавленные горем люди угождали живым, причастным к обряду похорон, чтобы хоть как-то облегчить дальнейший путь дорогого, ушедшего из жизни человека, вымаливали для него место в раю на небе — и при этом не останавливались перед расходами здесь, на земле.

Кое-какие крохи от вошедших в обычай щедрот перепали и рядовому могильщику. Случалось и так, что приходили прямо к нему в дом:

«Наш дорогой, незабвенный скончался, чтобы выздороветь ничего не жалели — и не помогло... Что же делать — перед смертью мы бессильны, что суждено, того не избежать... да упокой господь его душу и прими в рай! — Потом переходили к цели посещения: — Дорогой ака, сами понимаете... — тут рука с зажатыми в пальцах бумажками опускалась в карман Закира-ака: — Пожалуйста, выройте могилу собственными руками... и чтоб во время похорон все было на высоте — ну, вы понимаете, дорогой ака...»

«Конечно, все будет, как требуется, достойно», — говорил Закир-ака. Ну, вы роет он могилу поглубже — пусть утешаются люди.

У него сложилась привычка не запрашивать какую-то определенную сумму. Давали мало — он не отвергал, брал, молился за упокой души. Давали много — он возвращал лишнее. «Надо совесть иметь», — так говорил сам себе.

Заработка вполне хватало на ведение хозяйства, постепенно появились и излишки. Тогда Закир-ака разобрал старый дом и поставил на его месте новый, в три комнаты, с большой верандой. В самую лучшую, самую большую комнату думал привести невестку.

Ребятишки выросли, все трое окончили школу и пошли в институты. В учебе и при поступлении в институт им никто не помогал — влиятельных родственников и знакомых Закир-ака не имел.

Салима окончила текстильный, ее оставили в лаборатории при институте, сейчас она завершала работу над диссертацией. Халима полгода тому назад окончила фармацевтический, работала в большой аптеке на Кара-Камыше. Эргаш учился на последнем курсе железнодорожного.

Минуло два года, как умерла Зеби-хола. Семейный их склеп находился тут же, на кладбище, где работал Закир-могильщик.

Закира давно уже не трогали горькие слезы провожающих в последний путь. Но тогда... Он сам с помощью Эргаша внес в могилу обернутое в саван тело жены, бережно уложил в нише.

Эргаш плакал, не мог остановиться. Закир молча сидел у изголовья жены, и из глаз его, давно сухих для чужого горя, катились слезы.

Обычно человека по мусульманскому обычаю хоронят быстро, не успеешь оглянуться — уже вырос могильный холмик. Как будто, если не поторопишься, где-то там, наверху, захлопнутся вратарая... Однако теперь Закир-могильщик и сын его Эргаш не торопились подниматься из могилы. Наконец наверху послышались беспоконные голоса. Тогда отец и сын прикрыли нишу широкими глиняными кирпичами, сделанными их же руками, поднялись из ямы и начала засыпать ее землей. Мулла приблизился, прочитал заупокойную молитву, подняли в мольбе руки сидевшие вокруг могилы на корточках люди, и кладбище опустело.

Теперь, через два года после смерти Зеби, когда горе улеглось и отодвинулось, семья Закира-могильщика жила спокойно и в достатке. Закир-ака приносил в дом неплохие деньги, дочери Салима и Халима получали приличную зарплату, на себя им хватало. Да еще и стипендия Эргаша прибавлялась.

Минувшим летом Закир-ака купил сыну подержанные «Жигули» — предмет мечтаний многих молодых парней. Эргаш теперь ездил на машине в институт, отвозил сестер на работу, а в плохую погоду, в дождь или снег, и привозил их, ездил на базар за продуктами.

Одним словом, семья была, как говорится, без изъяна, вполне благополучная. Только... Если бы не это «только» — ничего больше не желал бы в этой жизни Закир-ака. Только не было счастья у его девочек. Никто не стучался в двери их дома. То есть, люди, конечно, приходили, и много, но лишь по делу — насчет похорон и рытья могил.

Салима и Халима, да и Эргаш, все пошли в мать, все были красивы. Девушки обе были белолицые, густые ресницы оттеняли большие сияющие глаза, черные брови красивой формы, прямой носик, розовые припухлые губы, благородная осанка — в общем, на сестер оборачивались на улице. Все, как говорится, было при них — только вот счастье обходило.

Не один парень потерял покой из-за этих девушек, многие мечтали хотя бы о взгляде, слове, мимолетной улыбке. Был такой Раджаб — долго, очень долго ходил за Салимой, подстерегал на улице, преследовал. Салима устала его избегать... да и сердце, если откровенно, билось при виде его сильнее. Желая проверить силу и чистоту чувства Раджаба, девушка согласилась на свидание. Сходила в кино. Встретились еще — гуляли у Анхора, сидели на скамейке. Парень попытался обнять ее, Салима уклонилась. В разговоре будто невзначай упомянула, что отец ее — могильщик. Раджаб, не раздумывая долго, дал понять, что пережитки, старые предрассудки ему безразличны и чужды, так и сказал: «Ну и что, работа позорной не бывает». Проводил Салиму до дома — она позволила, — но больше не появился. Салима поняла: как Раджаб ни выказывал безразличие к предрассудкам, перебороть себя не мог: ему-то лично, может, было и все равно, чьим зятем стать, да вот что люди скажут... А мнение окружающих для Раджаба, как и для каждого, было весьма важно. И, поняв это, Салима решила, что никому больше не позволит играть собой, а решив, захлопнула книгу сердца, и все свое время и внимание отдавала работе, научным исследованиям. Эргаш был красив даже по сравнению с сестрами. Зеби, бедная, говорила про него когда-то: «Как бы не сглазить». Высокий, темные густые волосы, сияющие, как у сестер, глаза, гордая осанка. Самые независимые и недоушные девушки терялись, если случалось встретиться с этим парнем.

Эргаш, подобно сестрам, еще со школьных времен знал, что люди сторонятся семьи могильщика, поэтому никогда не старался сблизиться с кем-то, понравиться, никому не угождал и даже не заговаривал сам: спросят — ответит.

Курсом младше его в институте училась молоденькая девушка Шахло — красивая, стройная, всегда со вкусом одетая. Дочь какого-то начальника — ее иногда привозили в институт на «Волге».

Так вот, красивая эта Шахло давно засматривалась на Эргаша, искала повод завести более близкое знакомство. Частенько кивала, кокетливо улыбалась. Поднималась в тот же вагон трамвая, всем своим видом показывая — ждет, что юноша заговорит с нею. Поняв, что Эргаш не из болтливых, начинала разговор сама. И в конце концов добилась желаемого.

Как-то Шахло пожаловалась, что ей не дается сложный технический курс. Эргаш предложил свою помощь, и девушка, краснея, тут же согласилась.

Договорились встретиться завтра после занятий в свободной аудитории.

Следующего дня Шахло ждала с восторгом и мукой, надеялась, сладко мечтала. Сразу после занятий побежала в аудиторию — там было пусто, в беспорядке стояли стулья.

Девушка уселась за стол, достала учебник, нашла нужную страницу — но глаза не различали строк, пальцы дрожали, горели щеки.

Когда вошел Эргаш, сердце ее замерло.

Эргаш чувствовал волнение девушки, видел ее глаза, слышал прерывающийся голос, все его существо постепенно охватило чувство смятения. Он понял, что нравится девушке.

Они позанимались немного, но будто во сне потом вышли на улицу.

Осень, прохладное синее небо без облаков, падают желтые и красные листья, промчавшиеся машины закручивают их вихрем, уносят. Солнышко еще пригревает, но в тени свежо.

Разговаривая, молодые люди не заметили, как дошли до центра города. Сели на скамейке в аллее — и тут только заметили, что уже вечер, кругом зажглись огни.

Эргаш взял руку девушки, потянул к себе. Шахло судорожно вдохнула и прижалась лицом к его щеке.

После этого они встречались каждый день. Эргаш стал наконец более разговорчивым, и, естественно, Шахло очень скоро узнала, что отец его — могильщик. Известие ошеломило ее. Однако она любила Эргаша, и вначале никак не переменялась. Но позднее в ее душе возникли и лишили ее покоя противоречивые чувства. А тут еще мать выговорила ей: «Другого не нашлось для тебя, кроме сына могильщика? Прикажешь нам с отцом к родственникам на кладбище ездить, так, что ли?» И девушка растерялась. Она чувствовала опасность, угрожающую ее любви, и постаралась поторопить события.

Примерно через месяц после ее первого свидания с Эргашем Салима пришла в дом Шахло сватать ее за брата. Мать девушки даже не пригласила Салиму в комнаты. Правда, пораженная красотой гостьи, она на минутку усомнилась, правильно ли поступает, отказывая жениху, но все же высокопоставленному своему мужу ни слова не сказала о сватовстве.

Сырая стужа. Провода обросли инеем, сделались похожими на лохматые веревки.

Закир-ака с трудом закончил погребение, вернулся домой усталым и больным. Сорок лет уже, как копает он землю, сырость ее пропитала кости. Время от времени бунтует ревматизм — тогда кости будто шилом пронзает, хоть ложись да помирай. Хорошо еще, помощник есть у него — Хайдар-палван, уже третий год работают вместе. Прежде Хайдар-палван рыл могилы на «Минаре», потом получил участок для дома в этом районе — и перешел сюда на работу. Но любит вспоминать «Минар». «Привлекательное кладбище», — говорит. Хайдар-палван, бедняга, тоже страдает ревматизмом. А у кого из могильщиков его нет? Сколько ни знает их в городе Закир-ака, все чем-нибудь да больны — работа такая. Все они не ведают ни суббот, ни воскресений, у них не бывает отпусков. Сколько могил вырыл за сорок лет Закир-ака — под нещадным солнцем, под проливным дождем, по пояс в глине, в сырости! Добро хоть Эргаш помогал понемногу. А теперь вот на Хайдара можно надеяться — хороший человек. Если случается, Закир-ака занеможет, заменяет Хайдар его, работает один. Эргаш, когда свободен, помогает.

В прошлом году Хайдар хотел даже породниться — попросил замолвить словечко перед младшей, Халимой, хотел посватать ее за своего сына. Закир-ака обрадовался, сказав старшей, а уж Салима поговорила с сестрой.

Однако Халима без долгих раздумий решительно отказала.

— Не пойду за сына могильщика! — так прямо и выпалила.

— Сама-то ты — чья дочь?

— Помню, чья. Этого с меня достаточно. Пусть хоть наши дети ни в чем не будут ущемлены!

— Разве не видишь, меня уже никто не сватает, — старалась убедить ее Салима. — Мое время ушло, теперь хоть ты обзаведешься семьей!

— Не хочу потом слышать упреков, — упорствовала Халима. — Уверена — когда-нибудь да придется услышать от мужа: «Другой бы не взял тебя».

Закир-могильщик опечалился, сник. И дочь было жалко, и что сказать другу своему Хайдару — не знал.

Сейчас, усталый, промерзший, Закир-ака вошел в баньку, снял вымазанную в глине одежду, искупался в горячей воде, насухо вытерся — тело теперь горело, переоделся в чистое и отправился на кухню. Заварил чаю, выпил, потом вернулся в свою комнату и лег, укрывшись чапаном. Все же, видимо, здорово простыл — лихорадило, не было сил подняться и взять одеяло, накрыться потеплее.

В дверь постучали, послышался мужской голос, но Закир-ака не смог заставить себя встать и впустить человека, хотя понимал, что того скорее всего привела необходимость. Прощло несколько минут, человек потоптался у двери, потом заглянул в окно, загордившись ладонью от света, пытаясь разглядеть, есть ли кто в комнате. Впрочем, разглядеть не мог, Закир-ака не включал света. Однако незнакомец не ушел, видать, действительно нужда заставила.

— Заходите, — еле слышно прозвучал голос Закира-ака.

Человек вошел в комнату, огляделся.

— Могильщик — это вы, ака?

— Да.

— Дядя у нас умер, — виноватым голосом объяснил незнакомец. — Мы из махалли Чалчик. Меня вот послали к вам... Завтра в полдень будут выносить покой-

ного, утром ждем сына его — служит в армии, но должен успеть, должен. Дядю нашего Садыком звали — вы, верно, слышали, Садык-мясник.

— Болен я, видите сами, жар у меня, — пробормотал Закир-ака; он сейчас был как в тумане. — А напарника моего нет, уехал ревматизм лечить в Чартак.

— Йе! — поразился человек. — Что же теперь будет? Вынос-то в двенадцать...

— Братец, да благословит вас аллах! — Закир-ака с трудом поднял долову. — Достаньте из ниши одеяло, что-то никак я согреться не могу.

Незнакомец тут же поднялся, взял одеяло, заботливо укрыл Закира-ака, потом присел на низенький подоконник и задумался.

Посидел, вздохнул и молча вышел.

Вечером, после работы, пришла Халима, измерила температуру, дала лекарство, подбросила угля в остывшую печку, взялась готовить обед. Сварила рисовый суп с острой приправой — мастау, накармила отца.

Наевшись, Закир-ака задремал. А когда проснулся, увидел стоящего рядом сына. Эргаш наклонился к нему:

— Как себя чувствуете, папа? — Помог ему подняться, проводил до туалета, принес в кувшинчике теплую воду, полил на руки, протянул полотенце. Помог дойти до дома, уложил.

— Эргаш, — сказал могильщик. — Садык-мясник ушел из этого мира. Семья из махалли Чилчик, склеп их за белой решеткой. Со мной сам видишь что. И Хайдара нет. Обязанность наша такая, кроме нас, некому больше сделать. Надо место, подготовить, сынок. Ты уж займись, а утром я сам как-нибудь...

— Вы же еле на ногах держитесь!

— Что же делать, сынок. Долг наш... Подготовь место, сынок...

Эргаш знал, что означает «подготовить место». Сейчас он пойдет в хлев, возьмет пять-шесть припасенных заранее чурбаков, отнесет их туда, где предстоит рыть могилу, обложит щепой, обольет керосином и подожжет. Промерзшая земля до утра должна оттаять под костром, и тогда можно будет выкопать яму.

Закир-могильщик проснулся в тревоге. Глянул в окно — там сверкал под солнцем свежевывапавший снег, слепил глаза. Посмотрел на часы — уже десять. Испугался: как же, если вынос в полдень, когда же он успеет вырыть могилу! Сил-то нет. Ноги-руки дрожат, голова кружится. Но что же остается делать? Покойник ждать не будет.

На столе был приготовлен завтрак, чайник с горячим чаем ждал, укрытый.

Аппетита не было, но могильщик заставил себя поест — иначе лопату не поднимешь. Напившись чаю, вроде пришел в себя.

Надо было торопиться.

Он собрал все силы, вышел из дома, шурясь от снежного сверкания, и, держась за стену, добрался до баньки. Надел еще не просохший с вечера ватный халат, крепко повязал пояс платком. Взял лопату, кетмень и, преодолевая слабость, двинулся по кладбищу.

В той части кладбища, где предстояло копать, в последние дни никого не хоронили, туда и дорожки протоптано не было — лишь следы Эргаша отпечатались на снегу.

Стараясь попасть в след сына, Закир-ака, пошатываясь, брел в сторону семейного склепа Садыка-мясника.

Со вчерашнего дня еще похолодало, усы могильщика покрылись инеем, жгло лицо.

Но надо, надо спешить! Хорошо, он вчера предупредил Эргаша, чтобы тот подготовил место. Но это — в последний раз. Больше он не станет просить сына никогда — у того своя жизнь, другая, не имеющая общего с кладбищем. Его сын не должен быть могильщиком.

Как тяжело идти... но надо, надо! Закир-ака приблизился наконец к склепу и опешил.

Словно гора свалилась с плеч, отпустила тревога.

Могилка была приготовлена. От вынужденной свежей земли поднимался парок. Это Эргаш! Ах, зачем он...

Закир-ака, без сил опустился на корточки. Надо было передохнуть.

Скоро предстоит работа.

Ольга Шевчук

Рубежи

Ускорьте бег по кругу, стрелки!
Развейте пыль степей, стрижи!
В каких он будет переделках,
Полк, что идет на рубежи?

Но шире шаг, но плечи круче —
Круты у жизни виражи!
...А жен судьба годами учит
Брать расставаний рубежи.

«Черный тюльпан»

Не скоро воронки травой зарастают...
Не вытравить долго афганский жаргон.
В Кабуле жилет, нашпигованный сталью,—
Надежда на жизнь. Пренебречь — не резон.

В Кабуле судьба дожидаться не станет,
Когда ты обстрелянным будешь вполне.
В одном ты уверен: не в Афганистане
Останешься спать, коль убьют на войне.

Меж жизнью и смертью стираются грани,
Смердят апельсины в руках мертвеца.
За голову русского платят афгани,
И кажется, крови не будет конца.

И «Стингеры» небо дырявят, дуря,
Садистские пули свистят там и тут.
От вихря ночного качнутся деревья,
И «черный тюльпан» отстреляет «салют».

И в небе повиснут ракеты-приманки,
Как в море взволнованном стая медуз.
Качая крылами, уйдет спозаранку
Нагруженный лайнер в скорбящий Союз.

И нет тяжелей расставаний, чем эти.
И души бунтуют от чувства вины.

Но видятся лайнеры мне на рассвете,
Живые солдаты летят в них с войны.

Им грезится: травы покрыли воронки,
Им снится: райки раздают «шурави».
Чтоб их матерям не пришли похоронки,
Прибавилось сколько могильной травы...

На дыбе

А год по-драконьи ощерился,
А месяц увертлив по-рыбьи...
Судьба изуверкой пришелицей
Колдунью пытала на дыбе.

«Дружна ль с сатаной, с черной магией?
Верна ль колдовскому призванию?»
Чьи тайны блюла на бумаге я,
Кого обольщала признаньями?

«Опомнись пред взором всевидящим,
Покайся!»— взывали сподручные.
«Надеешься, вызволят витязи?
С костра уведут братья-лучники?»

Картавя (в глазах — тьма кромешная),
А губы — сплошь раны-зазубрины,
Клялась, что пытаются безгрешную,
Наветами злыми загубленную.

«В строках откровения вольные —
Твоею рукой они писаны!»
Удары, удары... Как молнии.
Поругана я и освистана.

Но нету во взгляде прощения.
Лишь мысль обжигает усталая:
Не будет в одном мне прощения —
Так мало о воле писала я.

* * *

У любви не слыла подопечную,
Не качалась на крыльях судьбы.
Но не сбросила ношу заплечную,
Сроду сор не несла из избы.

Я судьбе докучала дотошностью
И, любви затаенной стыдясь,
Злилась вновь, что слаба перед пошлостью,
Боевой не слыла отродясь.

Что слепа пред убогостью встречною,
Сею рожь там, где место хвощу.
Что не сбросить мне ношу заплечную,
А любви лишь крылатой хочу.

Всходы порослью душатся сорною,
Груз согнуть норовит — не сдаюсь!
Стану злей, прозорливей, проворнее,
С тяжкою ношей на крыльях взвьюсь.

Бетховен

«Как равнодушен свет... Мир алчен и греховен...
В пустыне горстку не подаст песка...
Я пробужу его!» — кричал больной Бетховен,
И страстно билась жилка у виска.

В саду аела выпренно калина...
О, злая тишь! О, страстный бунт души!
И тлеи грустно уголья в камине...
Грянь, буря звуков, радуйся, круши!

И вдруг вскочив в порыве созиданья,
Презрев мгновенно немощь и покой,
Он разбивал законы мирозданья,
Как громовержец, вещею рукой.

И музыка, остервенев, в накале,
Жгла разум, отлетала от листа.
Подвластны были ей любые дали!
И мысль была упряма и чиста.

Земля под звуки все быстрее вращалась,
Громами откликались облака...
А он, иные смуты предвещая,
Приветствовал грядущие века.

* * *

Запретных нет отныне тем.
Поговорим о сексе,
О низвержении богом,
И все — в открытом тексте.

Постыдных нет отныне тем.
Осудим культ кровавый.
Его клеймят теперь и те,
Кто одобрял расправы.

Кто разворовывал страну,
Толок и в ступе что-то...

Им вознести хоть сатану,
Хоть бога сделать чертом.

Пустить церквушку на дрова,
Травить леса, озера.
И, в грудь стуча, качать права,
Не сознавать позора.

Им дело потопить в словах.
Им ползать... Ненавижу их!
Как сквозь асфальт растет трава,
Россия правдой выживет!

Март

Расплакались сосульки-горемыки,
Что проводы зимы уже в разгаре,
И оглушают парк вороны крики,
А солнце по-весеннему в ударе.

Лужайки с плеч стряхнули полушубки,
Оглядывает мир подснежник робкий.
Как дедов самосад в восточной трубке,
Костер дымится на предгорной тропке.

И, радуясь теплу и аромату,
Росток под вербой вылез, точно гномик.
Готовит можжевельник кудри к марту,
А март уже въезжает на пароме.

* * *

Года, словно сено, скошенное
Косой беспощадной — временем.
Летят с быстротой непрошеной,
На плечи ложатся бременем.

От месяца и до месяца,
От старого года к новому
Жизнь видим порой кудесницей,
Себя подчас — ее клоуном.

Не знаем, что напророчено,
Не чувствуя, тихо старимся.
До самой косы отточенной
Все ищем, мятемся, маемся.

И в небо, до боли юное,
Все чаще и дольше вглядываясь,
Приветствуем весны бурные,
Безумно грустя и радуясь.

* * *

Стуча нещадно каблуками,
Шла над взволнованной Невой.
Как чутко вторил сердцу камень,
Не пробиваемый травой,
Не избалованный цветами...
Я шла, рассерженная вами,
Гонимая сама собой.
Кусала губы в злом бессилии,
Кляла себя за слепоту.
О, лучше быть мне вечной ссыльною,
Чем пережить свою мечту!
Любовь из сердца — на погост...
О, облака, качайте скальпами!
Отныне — стыд мой вечный гость...
Вдруг катер килем, словно скальпелем,
Прорезал грудь реки больной,
И рана заросла волнами.
Мне чудилось: идет цунами
За обанкротившейся мной.
Путь заживленья раны прост:
Затянет молодая кожица.
Но отчего мой средний рост
Мне нынче карликовым кажется?

Крушись, ломайся, рухни, мост!
Грянь ливнем, дождь, а не накрапывай!
«Он лгал!»— упрямо помнил мозг.
«Он не любил...»— сжимались клапаны.

Над колыбелью

Мой сын — взхлеб...
Наросты ледяные,
И те б от крика, кажется, оттаяли.
Как много женщин ночи слюдяные
У детских колыбелей коротали!
Роняли косы сонно на подушки
И негой озарялись материнской.
И подрастал под пенье няни Пушкин,
Былины слушал маленький Белинский.
Певуњи и кормилицы безвестны!
Хранительницы вещего фольклора!
Издrevле славилась Россия песнями,
А с песней ладилась работа споро.
И в век ракет, баюкая младенцев,
Наморщив лбы, усталые донельзя,
Студентки-мамы чтут законы Ленца,
Над чертежами бьются подле мензул.
И удивляют в совмещенье дерзком,
И покоряют жизнеутвержденьем.
А после лекций нежный лепет детский
Снимает с мам усталость, треволненья.
И ныне в такт качаю я кроватьку.
Зубрю конспект, сонливо горблю спину.
И веки опускаю в дреме краткой,
И, вздрагивая, наклоняюсь к сыну.
В окне сутулится ствол вишни белой,
Дом спящими томится голосами...
Как много женщин с песней колыбельной
Встречали свой рассвет и угасанье!

ПО БЕДУ...

РАССКАЗ

1

Заспанный, только что поднявшийся с постели, я вышел утром из избы. Солнце било по глазам смеющимся светом и будто стыдило: эх ты, засоня! Само оно давно выкатилось из-за Уральских гор, отделяющих наши оренбургские степи от Сибири.

Чуть слышно трепетали верхними листочками осокори, словно негромко переговаривались с вороньем. В палисаднике замерли мальвы, а под ними в копаных гнездах чутко дремали куры. Тишина.

За нашим огородом, за ветлами и кленами, окружавшими колхозную пасеку, слышались детские голоса. Там озерцо, где мы обычно купались.

На берегу как попало разбросаны рубашонки, штанишки — вся ребятня в воде: плещутся так, что вздыбилось озерцо брызгами. Меня звали в воду, торопливо сообщили новость:

— ...с большой ветлы...

— ...прыгнул Левка!

Известие ошарашило. С Левкой Суриным у нас давнее соперничество, и это значило, что я тоже должен прыгнуть с большой ветлы. Об этом многозначительно говорили лукавые взгляды ребят, об этом же говорил и Левкин взгляд.

И я полез...

С ветлы, склоненной над озером, хорошо просматривались огороды, пасека, дворы хуторян. В одном из них я заметил что-то непривычное и присмотрелся — чужой человек мелькал в зарослях крапивы, густо облепившей заколоченный дом умершей зимой бабки Пелагеи.

Он косил крапиву, только делал это не с вольной размахистостью, как надо, а какими-то резкими, злыми рывками то вправо, то влево, стараясь расширить покос.

— Трусит... — донеслось снизу.

Помогли пчелы. Здесь, на высоте, между ветлами, была их воздушная дорога. Как золотые искры, проносились они мимо. Одна ударила мне в затылок, завозилась в волосах. От страха быть ужаленным я ринулся вниз, на миг увидел перед собой стремительно приближающуюся темень воды и на ней двух водомеров, скользивших в разные стороны. Врезался в воду и тут же инстинктивно изогнулся. И еще в омуте обрадовался и испугался одновременно — от мелькнувшей мысли, что мог воткнуться головой в тину: животом-то и коленями пропахал я ее. Вынырнув, стал смотреть по сторонам, чтобы увидеть, какое впечатление произвел мой прыжок. Радостно кричали только самые маленькие. Левка Сурин сразу поплыл к берегу, выбрался из воды и стал одеваться.

— А Левка солдатиком прыгнул, — сказал Коленька Попов.

— Солдатиком?! — удивился я и с превосходством победителя посмотрел на Левку.

Теперь я понял, почему он так торопливо вылез из воды и сейчас не может попасть ногой в штанину. Мне стало жалко его, и я сказал про увиденное с высоты:

— У бабки Пелагеи во дворе кто-то крапиву косит.

— Ее сын вернулся из тюрьмы, — сказал Левка.

Ребята, видимо, обсуждали новость, но знали не все. Левка поднял свой веснушчатый и костистый кулак, силу которого знал здесь каждый, и пригрозил:

— ...Кто проболтается — во! — И понизив голос до шепота, сказал таинственно и грозно: — Он враг народа.

Новость была тревожная, и все мы притихли, озираясь, — словно нас окружило, близко подступив, что-то страшное. Каждый из нас читал про Павлика Морозова, которого убили кулаки, смотрел кино, как враги народа устроили обвал в шахте, когда Балун и Ваня Курский захотели стать стахановцами. Эти истории тут же были пересказаны. Дошла очередь и до меня. Все знали, что у нас в сенцах забит в стену настоящий штык, которым враги народа, кулаки, пытались заколоть моего дедушку Василия, и я рассказал, как он спасся, а штык этот вколотил в стену, чтобы вешать на него хомут и всякий раз вспоминать про свое спасение.

— Надо следить за ним, — сказал Левка. Незаметно как-то он опять стал главным и командовал ребятами, как и до моего прыжка. — Пойдем подкрадемся, — предложил он и, уверенный, что все пойдут за ним, направился к хутору.

— Стойте! — крикнул я.

Ребята оглянулись, чуть помедлили и пошли за Левкой.

Обида обожгла меня, как крапива. Я догнал ребят, остановил их и, грозно хмурясь, пошел на Левку. Теперь оставалось только драться.

— Я сказал: стойте! Обдумать надо.

— А чего думать-то? — спокойно возразил Левка, всем своим видом выражая, что понимает причину моей задиристости.

— Чего? Вооружиться надо! — пришла ко мне спасительная мысль.

Мальчишки оторопело уставились на меня, но тут же согласились с предложением. Всех охватил азарт новой, необыкновенной игры, интересной и опасной, и теперь они безоговорочно подчинились мне. Я был командиром и как командир выслушивал ребят. Чем они могут вооружиться? Я отпустил их по домам за палками, косырями, рогатками. Сам же решил вооружиться штыком. Прежде чем пойти вытаскивать его из стены, я огородами пробрался ко двору бабки Пелагеи и, прячась в лопухах, стал разглядывать мужчину. Был он невысок ростом, одет в темное. Веревка вместо пояса поддерживала его золотанные штаны, на босых ногах — женские глубокие галоши. Наверно, бабкины, — догадался я. Мужчина косил, стоя ко мне спиной, и я видел его короткую шею и наголо стриженный затылок. С кошой он управлялся хоть и резко, но мастерски, ловко обкашивал кустики смородины возле плетня. Уложив последнюю крапиву, он повернулся и пошел к избе; приставил там к стене косу, а сам сел на порог; свернул сигарку, закурил и привалился к косяку двери, закрыв глаза и подставив лицо солнышку. Он отдыхал, раскинув руки, и было в его лице столько покоя, что мне стало боязно пошевелиться, чтобы шорохом не потревожить его.

А потом вспомнилось, что он враг народа, что его надо ненавидеть, следить за ним, и я попятился из лопухов, чтобы бежать домой вооружаться.

2

Во дворе меня уже ждали Левка и Борис Сморчков. У Левки был отцовский сапожный нож. Ножи и перочинные ножички были у нас у всех — без них не срежешь уделишку, не сделаешь кукан. Мы их оттачивали, но такой остроты, какая была у ножа Левкиного отца, безногого Лексаши, никто не добивался. Я подержал нож в руке, грозно помаhal им и вернул Левке: годится!

Ловкий и драчливый Борис Сморчков принес маленький плотницкий топорик. Махая им перед собой и сверкая отточенным лезвием, он пошел на нас с Левкой, и мы невольно отпрянули: вот это да!

И я пошел в сенцы вытаскивать штык. Он был вбит в бревно плотно и глубоко. Я принес из кухни ухват, которым бабушка ставила в печку чугульки, и зацепил за штык, потянул его, но он даже не качнулся. Вокруг меня собрались ребята. Я осматривал их оружие, что-то браковал, что-то хвалил. Миньку, например, заставил почистить и наточить косырь — большой нож, которым в доме скребут пол до белизны досок, — и он сидел теперь перед камнем, шаркал по нему косырем. Вася Копылов заменил кожуцу на рогатке и, подвесив на ветку осокоря прожженный чайник, стал стрелять по нему. В это занятие вовлеклись вскоре все мальчиши. Ребята делали луки, стрелы, копья, дубинки. А штык мой не поддавался. Левка предложил привязать за конец ухвата веревку, мы это сделали и все взялись за нее. На счет «раз-два-три» дернули и куча-малой повалились на пол: штык остался торчать, а черенок — толстая подпаленная огнем и отшлифованная руками бабушки Марфы палка —

переломился. С мыслью, что потом можно будет сделать новый черенок, я принес другой рогац, самый большой — с его помощью в печку по катку вкатывался вердерный чугун. Левка надел на него петлю, я подсунил его под втулку штыка. Дружно взялись: раз-два-три! И вновь треск переломившегося черенка, и общее веселое падение. Почему-то Левке показалось, что штык чуточку поддался и теперь его вытащить будет совсем не трудно. Я принес третий, последний, ухват и железную кочергу. Но ухват с треском переломился, а кочерга согнулась. Проклятый штык сидел в бревне непоколебимо.

— Лом надо, — сказал я Борису, у которого, я точно знал, в доме был лом.

— Он тоже согнется, а потом мне дед задаст...

— Не задаст. Для борьбы же надо, дурень!

Но применить лом не довелось: пришла бабушка, увидела во дворе все наше воинство и заохала, запричитала:

— Ба-аюшки! Да с кем же вы собрались воевать? Только-только война закончилась, вы опять накликаете ее хотите?! Мало ль там кровушки пролито! Я вот сейчас по домам пройду, расскажу родителям, чтоб вам задали. Ишь, вояки!

Ребята разбежались. Сбежали и мои помощники, оставив меня с кучей переломанных рогачей. Прятать их было поздно: бабушка приблизилась к распахнутым в сенцы дверям и все увидела.

— Господи! Царица небесная... — Она потянула руку креститься, но ноги подкосились, и она опустилась прямо на землю перед дверью, беспомощно взирая то на свои переломанные ухваты, то на меня, измазанного сажей.

— Зачем же ты поломаешь рогачи? — проговорила она наконец.

— Штык вынимал. Я сделаю тебе, бабушка, новые черенки, лучше этих. Завтра пойду на Ик и вырублю там...

— Зачем те штык зандобился?

Я рассказал, что в деревне появился враг народа. Теперь и бабушка задумалась, покачала головой. Лицо ее стало темным, настороженным. Поднявшись с земли, она отряхнула свою долгополую, как у цыганки, юбку, швырнула ногой поломанные рогачи и прошла в избу.

Она долго молчала, на вопросы мои отвечала невпопад и вообще была не похожа на себя. Взглянула на меня испытующе пристально. Будто бы хотела что-то сказать, да только вздохнула и опять смотрела куда-то в пустоту.

Пришла бабка Нюра Сокольская, остроносая и быстрая, как ворона. Она рассказала, как вражина приходил к ней брать косу, чтоб выкосить крапиву, и теперь она не знает — как быть, не заявить ли в сельсовет?

— Чего заявлять?! — оборвала ее бабушка.

— Так ведь враг...

— Пелагеи, свояченицы твоей сын... Нянчила как, помнишь?

— Дык и... Как не помнить... С Петенькой моим играли. — Покосилась она на меня, притихшего за столом, подняла фартук и стала сморкаться в него и вытирать слезы.

— Какой же он тебе враг?

— Все так говорят, — виновато глядела бабка Нюра на мою бабушку.

— Так уж и все?

— Войну, говорят, отсидел в лагерях, а теперь приполз жив-здоров, без царапинки.

— Мертвым, что ли, надо было? — еще больше сердилась бабушка.

Я не понимал ее. Может быть, она забыла про Павлика Морозова, о котором я читал ей?

— Помнишь, как Веру Копылову из горящей фермы он вынес? — спросила бабушка.

— Так он же, сказывали...

— Вынес, — продолжала бабушка, не обращая внимания на ее слова. — А сейчас у них трое детей. А Сурина женил как? Ни в какую не отдавали за Сурина Надю, говорили — голодранец. А Коленька сапоги ему дал, да еще лисью шкурку. С моим Данилкой они неделю за лисой гонялись и, чтоб не делить, Сурина ее отдали.

— Вон что... — удивленно качала головой бабка Нюра, словно изна́в большую новость. — Вон как было-то... Да, да, да... Та шкурка-то хорошо их поддержала в войну: полмешка муки за нее взяли.

— А ты говоришь — вражина.

— Да, Марфа... Писано...

На это бабушка ничего не ответила. Упрямо и вольно тряхнула головой, но забот с лица не скинула.

Когда Нюра ушла, я стал расспрашивать бабушку про врага народа. Почему он враг, если хороший, как она говорит? Бабушка отмахнулась, сказала, что я еще маленький, ничего не пойму и потому нечего мне лезть в дела взрослых.

Я побежал на озерцо. Там уже были наши ребята, они мне сообщили, что Левка прыгнул с большой ветлы вниз головой пять раз подряд. Левка был здесь и, слушая рассказ о себе, невозмутимо, словно речь шла и не о нем вовсе, точил на оселке нож. Другие ребята тоже имели при себе оружие. Вооружение продолжалось.

— Молодец, — похвалил я Левку, но он презрительно дернул веснушчатым плечом: мол, не нуждается в моих похвалах. Его маленькие быстрые глазки стали следить за мной, отыскивая повод придраться. Я понимал, что после того, как он пять раз прыгнул с ветлы вниз головой, драки нам не избежать. Только вот из-за чего, я пока не знал.

— Он Сталина бил кнутом, — сказал вдруг Левка, сурово оглядев нас. — Вошел в правление — и кнутом по портрету.

Мы все онемели.

Я не мог поверить, весь сжался, меня охватил такой ужас, будто сейчас сам получил эти удары кнутом.

— Вот гад, а! — сказал Васька Копылов и, выхватив из кармана рогатку, стал натягивать ее. — Я глаз ему выбью!

— Окна ему перебьем, чтоб убирался с хутора, — предложил Левка и стал распределять ребят, кому с какой стороны дома подойти и какие бить окна.

Тут я уже не вытерпел.

— Ну-ка ты, помолчи! — оборвал я его. — Прыгнул пять раз с ветлы и решил командовать? А сам не знаешь...

— Чего я не знаю? Чего? Ну скажи... — наскაკивал Левка.

— А вот то... Выскочит он с ножом, что будешь делать?

— Разбежимся.

— Ты убежишь, быстрее всех бегаешь, а малышам как? — Я оглядел притихших малышей и предложил: — Мы закроем его. Подкрадемся к двери, петлю на пробой и палкой заткнем. Тогда хоть что можно делать.

— Спички у меня есть. — Минька Сухоручкин вытащил из кармана коробок спичек и потарахтел ими.

Ребята вопрошающе уставились на меня, а мне вдруг почему-то стало жалко «Колюшку». Я вспомнил, как он спасал из горящей фермы Минькину мать, и подумал, что если бы тогда он не спас ее, то не было бы сейчас Миньки и не тряс бы он корбочком спичек.

— А чо? — торопил меня Левка. — Подождем и разбежимся.

— Он мать его спас, — сказал я, кивнув на Миньку. — Из горящей фермы вынес. И твоего отца женил, — уставился я на Левку. Противен он был мне тогда, так бы и дал по морде. Говорил ему со злостью: — Отец твой тогда в лаптях ходил, а Колюшка ему свой сапог отдал, чтоб мог жениться. И лисью шкуру он вам отдал, на которую вы муки выменяли в войну.

— Врешь, — пошел на меня Левка. И не успел я ответить: «Сам врешь!», как он со всего размаха влепил мне в ухо. Я рухнул на землю, и тут же на меня бросились Левка и Минька, били, визжа от злости. А избив, ушли. Потянулись за ними и другие ребята. Борис хотел помочь мне дойти до дома, но я прогнал его: не вступился за меня, хоть был двоюродным братом, а теперь — провожать... Поскуливая от обиды, я побрел домой.

Бабушка опять начала охать и ругать меня. Я дождался, когда она успокоится, и опять стал приставать к бабушке с расспросами про врага народа, из-за которого пострадал.

— За что он Сталина бил кнутом? — Я старался привести ее в смятение, какое испытывал сам. — Вошел в правление — и кнутом по портрету.

Бабушка нахмурилась, повела осторожным взглядом по избе, словно боясь, что нас мог кто-то подслушать, и сказала:

— Мы тогда собрание проводили на общем дворе, а теленок зашел в контору. Колюшка ожег его кнутом, да по портрету задел. Стекло треснуло — вот и вся беда.

Рассказ бабушки обескуражил меня, но не надолго. «Жалеет его», — понял я и преподнес новые примеры, слышанные от ребят:

— А две скирды сгорели? А скот сдох? А ферма?

— Вот-вот все и приписали. Скирды сопрели — на него. Падеж скота от бескормицы — тоже на него. А какой он враг? Какая-то черная душа прикрылась им, послала на муку.

Это совсем уж было непонятно. Если он не враг, за что тогда его посадили? Кто прикрывался им? Что-то пугает бабушка или выгораживает его, решил я. Еще раз по-

пытался спорить с ней, но она сказала, что еще мал для таких рассуждений и пока должен все смотреть, запоминать, а потом истина сама откроется.

— А она мне уже открылась,— кричал я.— Он враг народа, и ему надо мстить. Мы окна ему выбьем и дом спалим, чтоб убирался с хутора.

— А если он не враг вовсе?

— Если бы не враг, не сидел бы в тюрьме.

— Ну, раз отсидел — значит, теперь не враг уже. За что же еще мучить?

— За Сталина!

— Намучился он за Сталина.

— А пусть еще помучается,— упорствовал я, хотя постепенно начинал понимать правоту бабушки Марфы. А упорствовал потому, что сам предложил мстить ему. Пока я придумывал что-то новое, ребята слушали Левку, а не меня.

Углубившись в мои мысли, бабушка повязала платок и вроде бы разогнулась. Снова стала она решительной и гордой. Мельком взглянув на меня, распорядилась принести из погреба сало и кринку молока. Сказала так, что я не мог послушаться, хотя лезть в сырой погреб не хотелось.

4

Бабушка собрала в разложенный на столе белый платок всякую снедь: каравай хлеба, яйца, луковицы, вареные картохи. Развернула сало, отрезала половину бруска и положила его на каравай хлеба. Связав концы платка, кивнула на кринку молока и сказала мне:

— Бери, внучек. Пойдем по беду.

По беду мы ходили с ней в войну, когда кому-то приносили похоронки. Ходили к Паше Сойкиной, когда ей отрезали ноги. Остаться в ту пору без ног, да с двумя малышками на руках — это была всем бедам беда. Еще после войны было... Сгорел дом у Кузякиных, и мы тоже ходили поделить беду, отнесли погорельцам кое-что из одежды, муку, посуду. Потом была какая-то беда у Тоси Сенцовой, но на ту беду бабушка меня не брала, а на расспросы не отвечала: мал еще знать. Но я-то знал, что Тося погуляла с Васькиным отцом, и теперь у Васьки будет братик или сестренка в соседней избе. Эта беда мне казалось какой-то незначительной, но бабушка долго переживала за Тосю, отнесла ей занавеску на пеленки, окрестила младенца, чтобы он был русским, и часто его нянчила.

И вот пришла на хутор еще беда. Только к кому? Какая? И почему не бегут все туда, где беда,— как бывало?

Был тот предзакатный час, когда хутор наполнялся голосами и движением. Тарахтели брички, привозившие с работы голосистых баб и смешливых молодок; басисто перекликались мужики, договариваясь об утренних делах, и звонко кричала ребятня; тут и там во дворах пылали костерки под таганками, накаляя прокопченные чугуны, и аппетитные запахи затирухи и кондера — жидкой кашицы из пшена и картошки, приправленной салом,— разливались по улице. Все как обычно.

У колодца нам встретились две женщины с коромыслами на плечах, они что-то оживленно обсуждали, но, заметив бабушку, шествующую с белым узелком, замолчали, виновато пригнули головы и, кивнув ей, опять зашептались, когда мы прошли. Почему-то примолкли сидевшие на бревнах возле строящегося дома Копыловых мужики. Они тоже поприветствовали бабушку и долго смотрели нам вслед, должно быть гадая, куда мы идем. А бабушка вдруг повернула к дому бабки Пелагеи, прошла двор и, толкнув дверь, вошла в сенцы. К врагу народа! Я оторопел от неожиданности и, держа обеими руками кринку, смотрел то на проем двери, в котором скрылась бабушка, то на мужчин, прекративших дымить сигарками и молча смотревших на меня. С ними сидел Левка Сурин и таращился на меня с испуганным удивлением. Я растерялся. Мелькнула мысль поставить кринку на тропинку и сбежать. Но тогда — как же бабушка? Ведь не в гости пришли — по беду,— подумал я и бросился к дому.

Я вбежал в сенцы, когда бабушка нашарила ручку и открыла дверь в избу. Вошел и я.

Колюшка сидел за столом и, вытянув руки на столешнице, смотрел в окно, через которое были видны сидевшие на бревнах мужики. Наверно, разглядывал их, потому что не услышал, как мы вошли, а когда бабушка поприветствовала его, он вздрогнул, застигнутый врасплох, смутился, убрал под стол руки и посмотрел на нас, словно ожидая удара.

— Колюшка, меня-то помнишь? Тетка Марфа я...— Бабушка подошла к нему, стала обнимать Колюшку, прижимая к себе его стриженую голову.

И вдруг его голова стала дергаться.

Я много раз видел плачущих женщин, но мужчину плачущего — первый раз. Все вернувшиеся с войны хуторские мужики могли хмуриться только, но не плакали.

— За что?.. За что... меня?!— выкрикивал Колюшка. Я стоял у двери и слушал. Бабушка сказала, поглаживая его, как маленького.

— Поплачь...Поплачь немножко, душа отмякнет. Нельзя в народ с камнем идти.

— А им... можно? Двенадцать лет... За что? Кто он этот гад?!— рванулся Колюшка, сверкнув злобным взглядом. Бабушка осадила его, вновь прижав к себе, и он всхлипывал ей в подол.— Уб-бил бы... с-суку!

— Кто сделал — не скажется, а зачем же всех-то клеймить?! Вон дружки-приятели твои. Зови да потчуй.

— Не идут.

— Юрка,— отыскала меня взглядом бабушка.— Зови мужиков, скажи, чтоб шли сюда.

Колюшка, наверно, впервые заметил меня, прижавшегося к косяку двери, и брови его удивленно дернулись.

— Чей?

— Ванюшкин,— ответила бабушка, вздохнув.

— Мой тоже был бы такой,— сказал Колюшка.

Он приподнялся, может быть, хотел подойти ко мне, чтобы положить руку на голову, как делали обычно взрослые, но я толкнул дверь и вышел из избы. Побежал к мужикам, выпалил:

— Вас зовет всех... этот... И бабушка сказала, чтобы шли. Гулянка будет.

Мужчины нахмурились. Копылов дремотно потянулся и, сказав, что ему завтра рано вставать, пошел к своему дому. Ушли братья Суховы, сказав, что не праздник — напиваться. И даже Левкин отец, безногий Лексаша, любивший выпить, и тот покрутил головой, оглядываясь на расходившихся по разным сторонам мужиков, матерно выругался, заявив, что не намерен пить со всякой сволочью. И Сурин укатил на своей тележке, отталкиваясь специальными колодками, зажатými в мускулистых руках. Левка торжественно оглядел меня и побежал за отцом.

Я вернулся в дом. Тут уже лежало на столе все принесенное бабушкой в узле, а Колюшка вынимал из своего заплочного мешочка, с веревками вместо лямок, бутылку водки. Увидев меня одного, с тревогой глянул за окно.

— В общем, с тобой будем пить, тетя Марфа,— сказал Колюшка, горько усмехаясь. Выбил пробку из бутылки и налил в два стаканчика.— Одна ты тут человек. Спасибо тебе.

— На народ не сердись,— сказала ему бабушка так строго, что он сразу притих, уставившись на каравай хлеба.— От одного человека понес беду, а ты за народ держись, не за человека.

О каком человеке они говорили тогда, я не понял. Но когда мы возвращались от Колюшки и шли с бабушкой Марфой вдоль улицы, я видел и понимал, что на хуторе произошло что-то необычайное. Со всех дворов на нас смотрели женщины и мужчины, некоторые выходили за изгородь к дорожке и заговаривали с бабушкой про разные дела, улыбались при этом легко и радостно. Их робкую радость я понял через много, много лет.

М. Бабинцев

ЖАЖДА У КАНАЛА

В семидесятых годах началось бурное освоение Каршинской степи. По долговременной программе, рассчитанной до конца века, было намечено ввести в оборот около миллиона гектаров земель. Наряду с увеличением производства продукции сельского хозяйства, освоение целины предусматривает решение и другой важной проблемы — социальной — обеспечения рабочими местами переселенцев из густонаселенных районов Узбекистана. Первая очередь вновь освоенных земель в двести с лишним тысяч гектаров уже дает стране хлопок. В степи созданы десятки новых совхозов. Но принесла ли целина ожидаемую отдачу от вложенных в ее освоение огромных средств и насколько гостеприимно встретила она первых переселенцев?

Не дала она пока обещанного количества хлопка. А печальнее всего то, что сегодня в Каршинской степи значительно меньше производится на душу населения молока, мяса, овощей, чем в средней полосе страны. Это в южной-то области! Отстают от потребностей темпы строительства жилья, больниц, школ, детских садов.

Что же стало тормозом в экономическом и социальном развитии большого района Узбекистана?

ОБДЕЛЕННОЕ ПОЛЕ

Худайкул Эргашев, передовой бригадир колхоза имени XXII съезда КПСС Касанского района, отправлял свой «красный караван» с хлопком, однако радости при этом особенной не испытывал. Был недоволен полученным урожаем, хотя и знал, что не только его наказало знойное лето. Из-за необеспеченности водой тридцать-сорок тысяч гектаров хлопковых полей в Каршинской степи вот уже много лет фактически не дают всходов, почти на такой же площади растения «подгорают», хлопкоробы не получают ожидаемого урожая. Как это ни удивительно, основные потери приходится на целинные, недавно освоенные земли. Почему? Ведь современные хваленые проекты водохозяйственного строительства должны предусматривать все непредвиденные сюрпризы природы. Тем более, что в основе их лежат самые передовые методы мелиорации.

Именно в этом меня пытались убедить специалисты Главсретадирсовхозстроя. Точнее, в то время, когда они на ВДНХ Узбекской ССР организовали выставку новейших достижений ирригационного строительства, где Талимарджанский гидроузел, обслуживающий Каршинскую степь, предстал как самая совершенная техническая система. Красок и эпитетов специалисты не пожалели, да и в самом деле есть чем восторгаться!

Водоохранилище на полтора миллиарда кубометров воды способно орошать до 350 тысяч гектаров пашни. В расчет берутся и те 85 тысяч гектаров земель, освоение которых намечено на двенадцатую пятилетку. Однако в первый же маловодный семьдесят шестой год этого источника не хватило и на существующее поле. Правда, предприимчивые руководители ряда хозяйств, оказавшиеся в критическом положении, проявили инициативу, в спешке начали бурить скважины, и подземные воды помогли решить проблему.

И вот еще что примечательно: мне довелось проехать по таким целинным районам, как Нишанский, Усман-Юсуповский, Касанский, Ульяновский, и убедиться,

что при тех же жестких условиях лета не все поля пострадали от жажды. Уберегли их от этого хозяйская рука, рачительное использование имевшегося скудного запаса воды. (Точнее, того количества, что доходило до поля. А вот почему так получалось, об этом разговор пойдет дальше.) Но, как видно, капля инициативы потерялась в океане бесхозяйственности. Недобор урожая в 1986 году составил треть от планового задания, или 200 тысяч тонн хлопка-сырца. В минувшем году он был меньше, но все равно значителен. И вот какой парадокс: Каршинская степь испытывала жажду даже в год наводнений по республике, в пору частых дождей. Однако, если послушать объяснения министра мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР К. С. Сапаева, удивляться здесь нечему.

— В регионе два основных источника поливной воды: Сырдарья и Амударья. Доля Узбекистана в их стоке, или так называемый лимит, составляет свыше 50 кубокилометров, — рассказывает Каландар Сапаевич. — По расчетным данным, этого должно хватить почти на пять миллионов гектаров пашни. Лимит воды мы выбираем полностью, а орошаем... лишь четыре миллиона гектаров. Более чем на 800 тысяч гектаров не хватает около 10—11 кубокилометров. Точнее, они теряются из-за несовершенства ирригационных систем, их неправильной эксплуатации. И особенно эти огрехи заметны в Каршинской степи...

Признание министра еще раз подтверждает, что в последние десятилетия орошаемое земледелие в республике развивалось главным образом за счет освоения новых массивов. В то же время подразделения того же Минводхоза забывали о мелиоративном улучшении старопахотных земель, реконструкции ирригационных сооружений. Гнались за валом, стремились ухватить те объекты, что подороже. Принятая Минводхозом СССР «Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов рек Амударья и Сырдарья» долгое время находилась в бездействии.

По первоначальным расчетам, Каршинская степь должна была уже в начале двенадцатой пятилетки давать стране до миллиона тонн текстильного сырья, но, увы, не достигла и половины этих наметок!..

— Имея столь огромное и в общем-то перспективное орошаемое поле, мы не обеспечили на нем учет и объективный анализ использования воды, не навели порядка на земле, — откровенно признался секретарь Кашкадарьинского обкома партии Абдухалил Муминов. — По сути дела почти треть массивов надо доводить до ума, реконструировать, создавать для хозяйств надежную систему водообеспечения. Для того, чтобы вложенные в мелиорацию средства, а они исчисляются миллиардами рублей, быстрее давали отдачу, считаем, что все силы Главредазирсовхозстро Минводхоз СССР должен в первую очередь направить не на орошение новых земель, а на восстановление уже освоенных. Разговор об этом ведем постоянно, министерство много раз нас заверяло, но до сих пор гнет свою линию...

Деликатно поправляя секретаря обкома партии, можно сказать, что речь идет об устранении последствий головоутиательства, очковтирательства, приписок в строительстве, когда все было подчинено громкой славе плана любой ценой. Были годы, когда перекрывали плановое задание в два раза, сдавали до 32 тысяч гектаров новых земель. Но что за этими цифрами скрывалось в действительности? Оросительные каналы, проложенные в грунте, поля без элементарной планировки, голые фундаменты вместо жилых домов и производственных помещений. Особенно много сюрпризов было с закрытым дренажем. С первых же дней ввода земель выяснилось, что он нигде не работает. Вскрывая сеть, не находили труб. В бумажных же отчетах все было в ажуре!

В совхозах Нишанского района, например, такие «потери» дренажной сети насчитывают сегодня около двухсот километров. На ряде массивов катастрофически развивается вторичное засоление почвы. А ведь с этого района две пятилетки назад началось освоение Каршинской степи. Можно было давно навести здесь порядок, так же как и в других районах области, но велико желание строителей сваливать свои грехи на кого-то другого. А если смотреть правде в глаза, то суть не только в этом. Средства по программе, утвержденной Госпланом СССР, отпускаются ныне только на освоение новых и реконструкцию старопахотных земель. А эти земли, сданные несколько лет назад под шум аплодисментов и принесшие не одну премию мелиораторам, должны давать урожай, запрограммированный в проекте, и никаких дополнительных затрат здесь не предусмотрено. На самом же деле урожай получают мизерно малый, а недоделок на объектах хоть отбавляй. Взять, к примеру, совхоз «Москва» Ульяновского района, больше десяти лет назад переданный Каршистроем Агропрому. Директору хозяйства А. Усманову не хватило пальцев на руках, чтобы перечислить все недочеты.

— Лотковая система сдана наполовину, но и из этой части шесть километров уже не работают. Из 46 скважин вертикального дренажа пробурено 11. Два канала бездействуют. Из трех тысяч гектаров земли мы получили ровно половину, да и на той планировку практически не делали... Много раз мы обращались в управление

«Каршистрой», требовали устранить недоделки, но там и слушать не хотят: у нас, мол, свой план, а вы обходитесь своими силами...

Что может дать такое обделенное, необустроенное поле? В последние годы оно принесло хозяйству свыше двух миллионов рублей убытков. И люди покидают совхозы в поисках лучшей жизни. О тех же бедах поведали мне в совхозах «Кашкадарья» и имени 50-летия комсомола Узбекистана. Вот уже семь лет подряд они не выполняют планы по продаже хлопка, из чего можно сделать вывод, что людям жить здесь несладко. Явные приметы безответственности мелиораторов можно встретить еще в двух десятках хозяйств Каршинской степи. Однако и сегодня еще находятся руководители, которые пытаются под эту вопиющую бесхозяйственность подвести чуть ли не научную основу, подменяя действительную перестройку в делах хилыми демагогическими рассуждениями.

Здесь самое время снова обратиться к мнению министра мелиорации и водного хозяйства республики К. С. Сапаева.

— Недавно разработана и уже начала осуществляться программа комплексной реконструкции свыше 60 тысяч поливных гектаров земель, — сказал министр. — На площади более ста тысяч гектаров второе рождение получат дренажные системы, будет построено и реконструировано около трех тысяч километров водоотводящих трактов и межхозяйственных коллекторов — это десять процентов от имеющихся. Под неослабным контролем — освоение новых земель. Здесь предусматривается строительство оросительной сети только в железобетонных лотках и закрытых трубопроводах, бетонированных каналах. Осуществляется перевод ирригационных систем на автоматику и телемеханику. До сих пор, признаюсь честно, прогресс в мелиорации мало ощущался. Ныне все научно-исследовательские и проектные организации Минводхоза страны ориентированы на поиск принципиально новых решений. Ищет их и наше научно-производственное объединение САНИИРИ. Хотя, если откровенно, реальная отдача этой мощной организации пока недостаточна...

Я не случайно столь подробно привел слова руководителя Минводхоза республики о последних преобразованиях в отрасли. Сравнивая сказанное со сделанным на примере хозяйств Каршинской степи, можно прийти к тривиальному выводу: еще очень часто слова расходятся с делом. Все программы сводит на нет первое же засушливое лето...

Несомненно, маловодье, неподготовленность к нему в течение ряда лет сказались на экономике Кашкадарьинской области. Но если рачительно, по-хозяйски использовать воду, то и существующего источника хватало бы с лихвой, чтобы напоить все 460 тысяч гектаров земли в области. А минувшим летом, как и предыдущим, здесь расходовалось на каждый гектар 14—15 тысяч кубометров воды, в полтора раза больше, чем в Голодной степи. Представьте себе незабетонированное дно канала, куда влага фильтруется, как сквозь сито. И наконец, представьте себе поле, на котором, из-за его неровности, в одном месте вода скапливается, а в другом не задерживается — где густо, а где пусто.

Капитальная планировка земель — «болевая точка» большинства хозяйств региона. Смотришь на хлопковую карту или рисовые чеки, на кукурузную плантацию и видишь: в одном месте растения пожелтели от водного голода, в другом — страдают от многоводья. И это при общем дефиците влаги! Вывод не нов, но на сегодняшний день особо актуален: немедленно и основательно браться за планировку земель, ибо данные науки и практики убеждают, что этот прием позволяет поднять урожайную силу полей на 20—30 процентов. Тут и особый спрос с мелиораторов. Не секрет, их нередко тянет к «валу» в кубометрах перемещенной земли, а до кропотливой планировки полей руки доходят как бы во вторую очередь. Вот почему недавно освоенные хлопковые плантации Кашкадарьи видятся с самолета сильно побитым молью ковром, все в проплешинах. В ряде хозяйств Ульяновского района, например, из головного канала выходит до 18 тысяч кубометров воды на гектар, а до поля доходит в три раза меньше.

Время решительно требует повернуть заботы водохозяйственников к конечному результату — урожаю. У них огромные мощности, крепкие кадры, но не изжита еще практика брать объемами, а не качеством. Мелиоративно неблагополучные поля сдерживают внедрение интенсивных технологий.

Очень важно принять все меры к снижению уровня минерализации грунтовых вод, не допускать засоления почвы. Лечить землю! Это дренаж и промывка, расширение сети коллекторов, скважин вертикального дренажа. В закрытом горизонтальном, вертикальном и комбинированном дренажах особенно остро нуждаются орошаемые массивы Каршинской степи, Каракалпакии, а также Бухарской и Хорезмской областей.

Все начинается с научной идеи, с хорошего проекта. Большинство же местных

специалистов единодушно в мнении: проект освоения новых земель в Каршинской степи, подготовленный институтом «Средазгипроводхлопок», далек от совершенства. Он во многом не учитывает климатических условий и особенностей здешних почв. Хотя бы потому, что все водоводы выполняются в открытом виде и нередко без бетонной облицовки. Все это, в совокупности с крупными просчетами и недоделками в мелиоративном строительстве, и привело к весьма низкой отдаче поливного гектара, большим неучтенным потерям воды. Справедливости ради отметим, что не на уровне пока служба эксплуатации ирригационных сетей, не отвечает требованиям само отношение хозяйств к воде как к народному богатству.

— Хозяином воды должен быть тот, кто создает продукцию, — считает директор совхоза имени У. Юсупова Нишанского района Хайдмурад Фарманов. Как ни трудно ему было, но он все же до конца попытался отстаивать эту позицию. Переведя все бригады и звенья на коллективный и семейный подряд, за хозяйством вместе с землей и техникой закрепили и воду, то есть узаконили ее нормированный расход на гектар пашни. Правда, исходили лишь из этого количества воды, что доходило до хозяйства от головного сооружения. Логика была проста: дашь воды больше нормы — поле «зажирует», а то и соль поднимет — потеряешь урожай, а значит и хороший заработок. Ставили вопрос о том, чтобы в хозяйстве, а также и в каждой бригаде был счетчик расхода воды. Но этого пока не добились. «Счетчиком» выступает совесть дехканина. Ныне, когда вводится плата за воду, возможно, и учет будет наладить легче.

Уже первый опыт дал хороший результат. В минувшем сезоне экономия воды на каждом гектаре составила две-три тысячи кубометров. Совхоз два года подряд выполняет план хлопкозаготовок, получает около миллиона рублей прибыли. В то время, когда у соседей большинство полей продолжает «гореть» от маловодья. Такой опыт, несомненно, надо брать на вооружение. Пример совхоза имени У. Юсупова подсказывает и решение очень важной проблемы: контроль за использованием воды должен осуществлять Госагропром республики.

Пора, наверное, менять стиль работы и самому Главсредазирсовхозстрою. Сегодня как получается: его подразделения сами проектируют объекты, строят их, принимают и частично эксплуатируют. Каковы здесь контроль и ответственность, можно судить по такому факту. Фиктивные документы о якобы введенной в оборот и обустроенной земле, к которой была лишь подведена вода в грунтовом русле, подпisał в свое время со спокойной совестью начальник дирекции по строительству Каршинской степи Б. М. Танис. Заказчик и должен был бить тревогу о выявленном очковитирательстве управления «Каршистрой», но он давал дутые парадные рапорты. В оправдание старых грехов Б. М. Танис, который, кстати, до последнего времени остается в прежнем ранге, пожимает плечами, загадочно поднимает палец вверх:

— Мы были бессильны перед указанием свыше. Нам говорили: землю надо сдать, и мы ее сдавали... Нам прямо указывали: объект надо принять, и мы его принимали, хотя действительно были факты, когда вместо домов — одни фундаменты...

Времена сегодня изменились. А вот отношение?.. Руководитель дирекции по строительству убежден, что их дело осваивать капвлжения, в сроки сдавать объекты, намеченные планом Минводхоза СССР, а там... И трава действительно плохо растет на обделенной земле. Истинной заботы о земле, о ее плодородии проявляется мало. В минувшем году едва ли набралось три тысячи гектаров, на которых было улучшено мелиоративное состояние. Если и дальше идти такими темпами, то потребуются еще не менее двух пятилеток, чтобы вернуть к жизни те 40 тысяч гектаров целинных массивов, которые стали жертвой громких рапортов.

Сегодня подразделения Каршистрою стоят перед дилеммой: строить или реконструировать, осваивать новые земли или доводить до ума старопахотные? Что возьмет верх, если учесть, что улучшение одного гектара мелиорированных земель в четыре-пять раз дешевле, нежели освоение нового? Госплан и Госстрой СССР требуют от союзного Минводхоза выполнения программы по освоению новых земель, а оно еще не довело до ума десятки тысяч гектаров недавно введенных в оборот массивов. К слову сказать, просчеты, выявленные в Каршинской степи, характерны и для целинных совхозов Джизакской, Хорезмской областей и Каракалпакской АССР. Но поскольку это все же явные ошибки Минводхоза СССР и его Главсредазирсовхозстрою, им их и исправлять. Стоит прислушаться к мнению тех, кто выращивает хлопок на этой земле, разводит сады и виноградники. Они предостерегают от ошибок, которые могут повториться при освоении новых массивов, повлечь за собой, как это сейчас и подтверждается, дополнительные затраты на многие миллионы рублей. Во главу угла должно быть поставлено истинно комплексное освоение целинных земель, а не лоскутное, поэтапное, когда распыляются средства и снижается контроль исполнения.

Конечно, многое зависит и от самих хозяйственников, специалистов колхозов и совхозов. Насколько бережно мы относимся к воде, к полю? Признаемся, таких ру-

ководителей, как Х. Фарманов из совхоза имени Усмана Юсупова, пока немного. Прямо сказать, там и тут фактические поливные нормы значительно превышают расчетные. При этом, чего греха таить, в любой год жалуемся на маловодье. Но разве можно считать нормальным, когда многие поля получают влагу по удлинненным бороздам в течение двух-трех суток, вместо 10—16 часов по научно обоснованной технологии? Поверхностный сброс достигает чуть ли не трети, что неизбежно вызывает эрозию, смыв гумуса. Дефицит воды требует перехода на полив по коротким бороздам, внедрения дождевания, широкого использования трубопроводов, лотков. Время диктует решительно устранять потери воды, начиная от головного водозабора и кончая корнем растения! Ясно, сколь расточительна так называемая «дамбовая» промывка, которая, к сожалению, за последние годы получила довольно широкое распространение. Поливные нормы устанавливаются произвольно, без учета конкретного состояния поля. И здесь опять же свое веское слово должны сказать ученые САНИИРИ.

Анализируя обстановку на Каршинской целине, стоит отметить, что в ошибках строителей и мелиораторов во многом повинны Кашкадарьинский обком партии и облагропром. Им, как говорится, пора и власть употребить, а не уговаривать руководителей подразделений Главсредазирсовхозстроя, которые выступают сегодня в роли благодетелей. Спрос с людей, допустивших в свое время преступную халатность, безответственность, должен быть самый строгий. Но многие из них и сегодня продолжают занимать командные посты, являются воспитателями больших коллективов.

НА НОВОЙ УЛИЦЕ

Наступило время идти не от административных предписаний, а от экономики, от чаяний людей. За последние годы число новоселий в Каршинской степи увеличилось, но все равно проблема жилья остается острой. Тесно в детских садах, больницах, школах, хотя средства на строительство выделяются немалые. В минувшем году снова не освоены сотни тысяч рублей. А благоустроенный быт способствует ускоренному развитию экономики. Тут прямая взаимосвязь, что давно подтвердила жизнь.

Мечта всегда опережает реальность. Вот и этот молодой совхоз в Касанском районе назвали «Гульбаг», что в переводе с узбекского означает «цветущий сад». Именно таким хотят видеть свое село люди, приехавшие на целину из обжитых мест. Но неуютна пока здесь единственная улица, только чуть зацепилась за землю молодые тополя, и не выветрился еще из домов запах краски. Проходя по новой улице, я вспоминал другое село — в Голодной степи. Переселенцы из плодородной Ферганской долины так и нарекли его «Фергана». В этом названии были заложены и мечта, и цель их переселения. Сделать полупустынный, дикий край цветущим. Теперь на центральную усадьбу совхоза-техникума «Фергана», что в Сырдарьинской области, едут гости со всех концов страны и даже из-за рубежа. Здесь образцовыми стали быт, культура села. Вот, к примеру, центральная усадьба сырдарьинского колхоза «Ленинград», возглавляет который Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики Кузикабар Синдаров. Во всем облике поселка четкость, продуманность. Ровные асфальтированные улицы. Кирпичные коттеджи с гаражами. Правление колхоза на полмиллиона рублей закупило отличной мебели и обставило ею каждую квартиру по вкусу хозяев. Стоимость обстановки колхозники выплачивают в рассрочку. Поселок полностью газифицирован, имеет теплоснабжение и все прочее, как в городе. И проблемы с кадрами не существует... Таких сел в Голодной и Джизакской степях сегодня много.

«Гульбаг» тоже заселяют жители Ферганской долины, а точнее — Наманганской области. Но статистика здесь обратная. Из 165 человек, прибывших сюда два года назад, половина вернулась домой. Люди встретили в новом совхозе совсем не то, что им обещали. Жилья не хватало, и приходилось размещаться в одной квартире двум-трем семьям. Клуба и бани нет, под школу приспособили общежитие, о коммунальных услугах и мечтать не приходится. Трест «Бахористанцелинстрой» только на две трети выполнил работы по обустройству, в то время как земля уже давно числится освоенной. В совхозе только приступили к строительству мастерских, животноводческой фермы, и четыреста голов крупного рогатого скота негде размещать на зимовку.

Понятно, при таком хозяйствовании, низких урожаях хлопка трудно обеспечить хороший заработок, который пока является не последним стимулом для целинника. Любой энтузиазм должен подкрепляться конкретной заботой, хотя бы минимумом удобств или хотя бы надеждой на хорошую перспективу. В «Гульбаге»

(он находится еще в ведении Главсредазирсовхозостроя, а не агропрома) как в капле воды отразились все проблемы, характерные для всех сорока молодых хозяйств Каршинской степи.

— Строительство жилья, объектов соцкультбыта значительно отстает от ввода новых земель, — говорит председатель Кашкадарьинского облисполкома Александр Гаврилович Кадин. — За этим стоят крупные просчеты планирования, а также очковирательство, приписки. Такое понятие, как комплексное освоение целины, существовало лишь на бумаге. В последние годы мы усилили внимание социальному обустройству совхозов, но отставание еще слишком велико, надо в корне перестраиваться всем подразделениям Главсредазирсовхозостроя. В первую очередь стоит пересмотреть все проекты, от поля до типов домов для целинников. Полным ходом идет освоение уже второй очереди Каршинской степи, и старые ошибки надо учитывать...

Проектировщики головного института «Средазирсовхозстрой» объем жилищного строительства определили по освоенным площадям земли из расчета десять гектаров хлопчатника на одного работника. Основывались они, скажем прямо, не на реальных, а на лабораторных данных, когда за основу брались полная механизация всех процессов, новейшая мелиоративная техника и прогрессивная технология обработки полей. В жизни дело обстоит совсем по-иному. Главным орудием труда хлопкороба так и остается кетмень. В Узбекистане 80 процентов посевных площадей поливаются пока бороздковым методом. Не стала исключением и целина. Собственно, три самых трудоемких процесса приходится выполнять вручную: прополку сорняков, полив и уборку урожая. Да, и уборку тоже! Процент съема урожая хлопкоуборочными машинами пока еще очень мал. Вот и получается, что фактическая норма выработки равна лишь пяти гектарам посевов хлопчатника на человека. Выходит, людей требуется вдвое больше. В этом одна из причин массового привлечения горожан на уборку хлопка. Управление «Каршистрой», согласно своим нормам, ежегодно сдает около 130 тысяч квадратных метров жилья, перевыполняет программу, получает большие премии, а квартир для целинников не хватает. При этом проектировщики не учли еще и особенности Узбекистана, где на селе живут в основном многодетные семьи.

Недальновидность подобного планирования несет в себе не только экономические, но и не малые моральные издержки. Скажем, в совхозы на уборку урожая ежегодно привлекают людей со стороны, в основном из городов, с промышленных предприятий. Земледелец свой заработок возьмет только с выращенного урожая, который частенько не оправдывает ожиданий. Ведь неухоженный, обделенный гектар пашни никогда не принесет хорошей отдачи. Тем самым создается почва для развития психологии «наемного», а не полноценного — настоящего хозяина земли. А ведь люди должны прийти на целину не временщиками и квартирантами, а истинными хозяевами этой земли. И только в этом случае можно вскрыть глубинные резервы производства, поднять инициативу и смекалку дехканина, повысить тягу к внедрению науки, всего нового, передового. Пока же нет такого целинного хозяйства, где бы не ощущалась нехватка кадров. Заметен дефицит на главных специалистов и даже на руководителей. Характеризуя одного директора совхоза как инертного, безынициативного хозяйственника, первый секретарь Ульяновского райкома партии Фарман Аманов сетовал:

— Хотя завтра бы заменили, некого поставить... Да и не каждый согласится такую ношу везти, куда, куда ни кинь, везде клин! Добавлю, что у нас примерно треть таких «неперспективных» директоров, не совсем ладно со средним звеном руководителей. Тем более, что после вскрытия приписок в хлопководстве командный состав заметно потрясли следственные органы.

Вот так хозяйственная проблема перерождается в остросоциальную. Земля должна быть в надежных, заботливых руках, только тогда она будет приносить хороший урожай и все блага для человека. В хозяйствах Каршинской степи из-за острой нехватки кадров приходится пользоваться услугами случайных людей, тех самых «временщиков».

Посмотрим теперь, насколько гостеприимно встречают новоселов те квартиры, что так спешно сдает управление «Каршистрой». С виду дома вполне приличные: просторные, особенно последние серии, разработанные институтом «Средазипроцелинстрой». Здесь и планировка удобная, кухня и коридор предусмотрены для большой семьи. Но нередко случалось так, что жильцы отказывались от таких хором, просили ссуду и строили свои дома — из кирпича, а то и из глины — по опыту отцов и дедов. Разгадка проста: проектировщики опять же не учли местных условий, а именно — резко континентального климата узбекистанской целины, где летом — сорокаградусная жара, а зимой столбик термометра опускается ниже 15°. Панельные же железобетонные дома по нормативам, неизвестно откуда взятым, не рассчитаны на такие морозы.

Может быть, стоит в таком случае взять в расчет и индивидуальное строительство, наиболее удовлетворяющее потребности сельского жителя. Вспомним, к концу столетия каждая семья на селе должна иметь отдельную благоустроенную квартиру. Для Узбекистана с его быстро растущим населением эта проблема особенно остра. Объемы сельского строительства в нашей республике в ближайшие годы выйдут за полтора миллиарда рублей, из них львиная доля отводится на жилье, соцкультбыт. И, конечно, будет обустриваться целина, появятся новые совхозы. При таком размахе важны и принципиально новые методы управления строительством. В планировании немалую роль могли бы сыграть районные и областные агропромы. Когда они создавались, то все надежды были на их Советы: они могли бы не только контролировать работу таких подразделений, как Каршистрой, а концентрировать средства, расходовать их более рационально и целесообразно. В первое время так и было, затем роль РАПО в строительстве как-то поблекла и отошла на второй план. Возможно, в проектировании, в снабжении стройматериалами нужны прямые договорные связи. Есть деньги — развивай хозспособ. Чувствуешь необходимость — иди на кооперацию с соседом, вместе разрабатывай карьер и производи стройматериалы. В общем, горизонты для инициативы должны быть широкими.

Известно, что до последнего времени хлопок вытеснял из сознания отдельных руководителей чуть ли не все остальные проблемы региона. Не потому ли так мало плодов и овощей в магазинах целинных областей, не говоря уже о мясных и молочных продуктах? Решить эту проблему во многом поможет подворье. Для сельского жителя ведь очень важно, какова будет его усадьба, чтобы обязательно помещение для скота и птицы, чтобы погреб и даже гараж. В большинстве каршинских совхозов все это заменяет наспех сколоченный из досок или сложенный из тех же бетонных бракованных плит небольшой сарайчик, который годится разве что под курятник. Зато ведь какую картину пришлось наблюдать мне однажды при заселении новых домов. Жильцы тут же разбирали санузелы, выносили ванны и другие атрибуты на улицу, а освободившееся помещение оборудовали под кладовку. И вовсе не потому, что они не хотели пользоваться привилегиями горожан. Не было еще случая, чтобы Каршистрой, сдавая дома, одновременно вводил очистные сооружения, подключал канализацию и воду. Все это откладывается на потом и, как правило, остается в забвении. Здесь уж не до широкого сервиса. Так, в совхозах «Аль-Хорезми» и «Бухара» Мубарекского района нет до сих пор даже питьевой воды, не хватает ее и для орошения приусадебных участков. Миллионы рублей (ежегодно расходуют строители на установку бытовых коммуникаций, заранее зная, что люди не смогут пользоваться ни теплым туалетом, ни ванной. Так не лучше ли направить эти деньги на обустройство усадьбы новосела?

До последнего времени здешнему целиннику для приусадебного участка выделяли лишь шесть сотых гектара — столько же, сколько городскому дачнику! Если учесть, что, кроме огорода, небольшого сада, целиннику надо бы еще иметь и кормовое поле — корову и овец надо чем-то кормить, — то этого очень мало. Когда уже были построены десятки новых совхозов, поняли свою ошибку проектировщики и строители, правда, после многочисленных жалоб, и увеличили приусадебный участок в два раза. А как же быть старожилам? Проходя сегодня по новым улицам поселков, видишь бетонные канавки арыков, забитые мусором, по ним никогда не пробегала живительная вода, чтобы напоить те самые приусадебные участки. Ржавеют во многих местах и трубопроводы, предназначенные для полива заложённых парков и цветников. Конечно, нельзя за год и даже за пять лет на дикой, недавно совсем пустынной земле создать цветущий сад, тот самый Гульбаг, но основы его заложить можно, создав людям такие условия, чтобы неприветливая эта земля привязала крестьянина к себе.

Время, несомненно, изменит облик целины. Но ведь его можно и приблизить, это время. Я видел прекрасные обжитые уголки в той же Кашкадарьинской области. Взять, к примеру, совхоз-завод «Китаб». В хозяйстве, особенно в последние годы, широко развернулось строительство жилья, объектов социально-культурного назначения. «Китаб» имеет сегодня три детских сада городского типа, в перспективе будут построены еще два, причем на собственные средства. Хозяйство ежегодно получает свыше двух миллионов рублей прибыли.

Но подобных светлых пятен на общем фоне запущенности в сельском строительстве пока еще очень мало.

Зато слишком много просчетов, чтоб их можно было отнести к случайным. Статьи, от них же пострадали новые целинные совхозы не только Узбекистана, но и Таджикистана, Туркмении. В таком случае речь, видимо, надо вести о порочной системе так называемого комплексного освоения целины, когда функции проектировщика, заказчика и подрядчика оказались в одних руках.

— Ведь было время, когда те же организации Минводхоза СССР выполняли только роль подрядчика, — вспоминал секретарь Кашкадарьинского обкома пар-

тии Абдухалил Муминов. — Потом, возможно из соображений концентрации сил, более эффективного использования капитальных вложений, им дали полные права контроля за их расходованием. И на первых порах такая мера вроде бы казалась целесообразной. Но жизнь, как Амударья, меняет свое русло, сейчас появился агропром, который располагает силами проводить в жизнь интеграцию и интенсификацию, строить и решать все социальные проблемы на целине...

— Честно признаться, Главсредазирсовхозстрой по своей структуре и назначению больше заботился о строительстве, выполнении плана по капиталовложениям, нежели о качественном вводе земель, росте отдачи поливного гектара, — поддерживает мнение секретаря обкома и председатель Кашкадарьинского облисполкома Александр Гаврилович Кадин. — Так возникли диспропорции в комплексном освоении целины, а если точнее, то понятие комплексности вообще потерялось. Поэтому мы считаем, что подразделения Минводхоза СССР должны при высоком качестве выполнять все объемы работ, обусловленные проектом, а Госагропром республики принимать их, добиваться, чтобы земля быстрее приносила высокий урожай, а не ждать, как это делается сейчас при этапном освоении. Разумеется, сюда входит обустройство новых совхозов и решение всех проблем, связанных с этим. Даже правильнее будет сказать, что все начинать надо с этих самых проблем...

Такого мнения не только партийные и хозяйственные руководители областного масштаба, но и те, кому постоянно приходится залатывать многочисленные прорехи, оставляемые Каршистроем и другими родственными ему организациями Главсредазирсовхозстроя. Сегодня в Каршинской степи накоплен огромный потенциал стройиндустрии. Достаточно сказать, что она на 90 с лишним процентов обеспечена всеми материалами и конструкциями собственного производства. Здесь работают многотысячные строительные коллективы со значительным опытом преобразования пустыни, сложившимися традициями. Видимо, дело лишь в том, как эту большую силу использовать эффективно, целенаправленно. Агропромышленный комплекс же, с его не менее разветвленными звеньями, новыми принципами управления, призван действительно стать хозяином на преобразованной земле. Уверен, будет когда-нибудь и Каршинская степь прекрасным оазисом. Только зависит это полностью от нас.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Мы все чаще слышим настойчивые призывы: ломать старые привычки, быстрее исправлять былые перекосы. Все это выражается в одном емком слове — перестройка! Как реально перестроить свое отношение к земле и воде? Вопрос этот чрезвычайно актуален для Узбекистана, где вода означает жизнь в самом прямом смысле этого слова. Свыше 90 процентов сельскохозяйственного производства здесь базируется на орошаемой пашне. И весьма отрадно, что в последние два года к решению этой сложнейшей проблемы привлекается большое внимание. В прошлом году ЦК КПСС принял специальное постановление «О неудовлетворительном использовании природно-экономического потенциала агропромышленного комплекса Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР».

— Это не рядовой документ, которых и раньше принималось немало, а конкретная программа, — считает первый заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР И. Х. Джурабеков. — Она потребовала от республики осуществления резкой переориентации структуры капитальных вложений и пересмотра многих позиций по агропромышленному комплексу. Разумеется, мы должны думать и о новых землях, ведь это наша надежда и в общем-то плацдарм для дальнейшего развития производительных сил республики. Ну и, конечно, самая ближайшая цель — как можно эффективнее распределять водные ресурсы. В ближайшие три года на улучшение технического состояния имеющихся ирригационных систем выделяется полтора миллиарда рублей — три четверти от общего объема капиталовложений.

Работа по наведению должного учета поливной воды наконец-то начата. В конце прошлого года образованы два межреспубликанских управления водного хозяйства бассейнов Амударьи и Сырдарьи. Их задача — контролировать водные ресурсы этих основных источников, прогнозировать водообеспеченность региона, распределять поливную воду и добиваться рационального ее использования. Все это должно осуществляться на базе широкого применения электроники. Уже в текущем году, как заверили в Минводхозе республики, под ее контроль будет взято несколько участков Сырдарьи — начнет действовать автоматизированная система управления бассейном реки.

Но вернемся к хваленому Талимарджанскому гидроузлу. Как показала недавняя проверка, он пока не готов к работе в условиях автоматизации. Сколько можно говорить об использовании алюминиевых и гибких трубопроводов, и переносных

распределителей, и самозаряжающихся трубок-сифонов, мощных дождевальных установок и т. д. Пока это только слова, а дедовский бороздковый полив применяется на 80 процентах посевых площадей республики. В Каршинской степи — на всех 90. Это на новых-то землях, там, где самой жизнью предначертано внедрять все новое, передовое.

До конца двенадцатой пятилетки, как заверили в Минводхозе республики, почти на восьми тысячах гектаров будут применяться дождевальные и поливные установки, на 42 тысячах гектаров будут использоваться гибкие шланги, на восьми тысячах гектаров монтируются системы капельного орошения. Конечно же, перечисленные тысячи — совсем немного на четыре миллиона поливной пашни Узбекистана. Но даже и этот «золотник», который и мал, и дорог, надо направить в первую очередь на целину. Просторы ее полей, острая нехватка кадров — предпосылки для внедрения здесь достижений научной мысли, прогрессивных технологий.

Руководители Главсредазирсовхозостроя и Минводхоза республики авторитетно заверяют, что двенадцатая пятилетка внесет коренной перелом в освоение целины. Основной упор якобы сделан на улучшение мелиоративного состояния старопахотных земель. Будем верить в добрые перемены. Но не будем закрывать глаза и на реальные факты: прошло уже два года пятилетки, а суть работы мелиораторов остается прежней. Основным показателем для них так и остался вал: чем больше израсходовал выделенных средств, тем лучше сработал. А вот какими усилиями и с какими затратами будет на этих землях получен урожай, это уже не их забота!

Такой установки придерживается Минводхоз Узбекской ССР. В последующем году его подразделения полностью переходят на самофинансирование и самоокупаемость. Хорошее дело! Но как это будет конкретно привязано к земле, урожаю, интересам тружеников села? Если эта система станет основываться только на выгоде мелиораторов, то, как говорится, овчинка выделки не стоит. Конечно, прибыль водникам, как и земледельцам, жизненно необходима, надо перевооружать производство, развивать свою стройиндустрию. Но вот и опять напрашивается мысль: надо ли было прокладывать ведомственную колею между землей и водой? Тем более в Средней Азии, где практически вся пашня орошаемая. Не будем предугадывать события, но хочется верить, что однажды и этот узел будет развязан в пользу тех, кто знает истинную цену земли и воды.

Абдумаджит Фазылов

ЛЮДИ ОДНОЙ МАХАЛЛИ

ИЗ ЗАПИСОК ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ТОВАРИЩЕСКОГО СУДА

Автор настоящих записок — журналист, в прошлом педагог. Около 15 лет он возглавлял товарищеский суд в махалле имени Абу Али ибн Сины города Бухары. По понятным причинам имена многих своих героев автор изменил.

— Вот, председатель, принимай дела, — сказал мне глава квартального комитета Хуссин Абубакиров. — Десять неразобранных заявлений и «Положение о товарищеских судах». К сожалению, больше ничего нет. Смотри, дела просроченные... Давай на завтра назначим разбор, а?

— Как, все сразу? — удивился я.

— Ну, не все, а пять-шесть...

Я послушался его, и заседание нового состава махаллинского товарищеского суда назначили на следующий день. Меня не оставляли сомнения: справлюсь ли? Сколько споров предстоит рассудить. Но отступать поздно. Завтра...

ПЕРВОЕ ДЕЛО

Жалоба жителей улицы Фурката на семидесятилетнего Кулдаша-бобо. Дескать, скандалист.

Вот он сидит перед судом. На облысевшей голове — круглая, как голубые купола Бухары, бархатная тюрбетейка. Белоснежная аккуратно расчесанная борода. До чего приятное лицо! Старик чем-то напоминает «Всадника из Джайпура» Верещагина. Женщины, что подали на него жалобу, громко, размахивая руками, перебивая друг друга, рассказывают всякое.

Он молча качает головой: возмущается. А когда старика попросили говорить, ответил:

— Как могли вы подумать? Аллах свидетель... Я ни в чем не виноват!..

И больше ни звука.

Все смотрят на меня. А я не знаю, что предпринять. Кулдаш-бобо ни слова не сказал в свое оправдание. Как быть?

Посоветовавшись, мы решили отложить рассмотрение жалобы. Заседание закрыто, но никто из членов суда не двигается с места.

— По-моему, поспешили мы с разбором этого дела. Надо бы кому-то из нас побывать там, где живет Кулдаш-бобо. Расспросить самого, поговорить с соседями, — говорит, наконец, один.

На следующее утро до работы я направился к старику.

— А, сынок, пришел? Мархамат, — встретил меня он. Пригласил к чаю. Заговорили о вчерашнем суде. — Не все правда в жалобах женщин, но виноват и я, — поглаживая бороду, признался старик. Он дал слово, что скандалы больше не повторятся. А мне было досадно, что никто из нас не догадался побывать заранее на «месте происшествия», не поговорил с людьми. Может, и суда-то не потребовалось бы. Я взял за твердое правило — не выносить на заседание ни одного дела, предварительно не разобравшись в нем.

ПЛОВ ПРИМИРЕНИЯ

Яраш оши — плов примирения. Так называют у узбеков специально приготовленный обед по случаю прекращения ссоры между враждовавшими. Сколько таких пловов приготовлено за последние два-три года!

Вот и Муяссар-апа вместе с Мукаддам-апа пригласили соседей на яраш оши. Долго они враждовали между собой. А ведь когда-то Муяссар-апа не могла выпить и пиалу кок-чая, пока не посадит рядом задушевного подружку. Поругались из-за детей: восьмилетний сын Муяссар стукнул шестилетнюю дочь Мукаддам. Та прибежала к матери. Ну разве Мукаддам-апа допустит, чтобы ее дочь избила! И пошло.

Не раз и не два разбирали товарищеский суд дела бывших подружек. И казалось, ссоре не будет конца. А прекратили конфликт не мы. Это заслуга одной из свидетельниц — Нелли Хан.

На очередном заседании, куда Муяссар-апа пригласила ее в качестве свидетельницы, Нелли рассказала, как было дело, а потом в сердцах говорит:

— Соседки, я каждый день вижу ваших детишек, они давно помирились и дружат. А вы? Как вам не стыдно?

Те опешили от такого аргумента. Да и мы, признаться.

Дело кончилось тем, что Мукаддам-апа и Муяссар-апа в присутствии всех членов суда и многочисленных свидетелей обняли друг друга и прослезились, расцеловались и пригласили всех на плов примирения.

У ДРЕВНЕЙ МЕЧЕТИ

На многовековом поприще эксплуатации человеческих заблуждений иногда появляются люди весьма изобретательные.

Трудятся они не покладая рук, по доброй воле, без инструкций или устных указаний какого-либо начальства. Прибыль не делят ни с кем, налогов не платят. Бродячие муллы, ишаны, знахари в своих молитвах благодарят всевышнего за то, что наделил он людей легковерием.

Появились «табибы» и «знахари» и в нашей махалле. Жители начали жаловаться, что их обманывают, производят какие-то непонятные заклинания, а эти «лекарства» не помогают.

При разборе таких дел мы старались не оскорблять чувства верующих.

В самом центре махаллы есть памятник древнего зодчества, каких немало в Бухаре. Мечеть как мечеть. Рядом стоял высокий шест с привязанным наверху конским хвостом. Правoverные так привыкли к памятнику, что давно уже не обращали на него внимания.

Но вот жителей махаллы стало удивлять таинственное явление. Каждое утро у шеста появлялась горсть свежeverкопанной земли. К чему бы это?

Прошел слух, что земля — целебная. К сожалению, всевышний не выписывает рецептов на свои лекарства, будь то вода, земля или еще какой-либо подручный материал. Тут надо самому догадываться, какой метод лечения применить. Обычно или натираются целебной землей, или прикладывают к ранам, или разводят в воде и принимают мутную жижу внутрь для укрепления желудочно-кишечного тракта. Каждый действует на свой страх и риск.

Кто-то подсказал страждущим, что неприлично брать целебную землю бесплатно. Слава аллаху, убеждать в этом не потребовалось, с правoverного мусульманина всю жизнь требовали: ребенок родился — плати, жениться хочешь — плати, заболел — плати, умираешь — плати, в рай надеешься попасть — тоже плати.

Поэтому люди оставляли у шеста деньги, мясо, фрукты, лепешки — кто что мог. Приношения ночью исчезали. Это было обнадеживающим признаком, хотя никто еще ни от чего не исцелился.

Так бы и шла успешная торговля целебной землей, если бы в дело не вмешались члены товарищеского суда и атеисты махаллы — студенты, учителя, врачи. Однажды ночью они подстергли троих мошенников, которые до восхода солнца приносили к шесту сырую землю и брали приношения.

Курс лечения прекратился.

СЕКРЕТЫ РЕМЕСЛА

Не желая, чтобы ремесло чудо-лекарей окончательно забылось, члены товарищеского суда рещили сообщить доверчивым некоторые секреты.

Во-первых, шарлатану, решившему исцелить от болезней своих братьев по вере, совсем не нужно учиться медицине. Что тут будет удивительного, если он сможет разобрать и собрать больного по косточкам — это и обыкновенный врач умеет. В том-то и чудо, что лекарь ничего в лечении не понимает, и все же берется лечить. Именно это и внушает больному веру в благополучный исход.

Во-вторых, главное в чудесном исцелении — взимание денег. Чем выше гонорар, тем лучше для обеих сторон — и для исцелителя, и для исцеляемого, у которого уверенность в успехе лечения возрастает прямо пропорционально уплаченной сумме.

В-третьих, и это очень важно, следует помнить, что за результат лечения перед больным отвечает только аллах, ибо все совершается по его воле. Недаром же иной правoverный и без лечения выздоравливает, а другой даже после полного курса знахарских процедур отправляется в рай...

Усвоив эти правила, можно смело приступить к делу. Так и поступил житель махаллы Джамалов.

- У вас суставы опухли?
- Не можете разогнуться?
- Что у вас с ногами — больно на них ступить?

Все эти вопросы заканчивались обычно советом обратиться к Джамалову — он молитвами лечит правверных ревматиков.

Этот чудесный лекарь особенно налегал на второе правило. Вскоре Джамалов построил себе дом и купил корову. Клиенты не только обеспечивали его деньгами, но и преподносили откормленных баранов, коз, кур. Дело процветало.

И опять помешали атеисты махалли. По просьбе членов товарищеского суда они провели вечер ответов на вопросы. Врач Хабиб Саиджанов выступил с лекцией «Ревматизм, его предупреждение и лечение». Потом попросили Джамалова объяснить свои методы лечения. А тот перед скоплением народа почему-то смутился, растерялся и прямо признал, что обманывал больных.

Наша махалля, как и другие кварталы Бухары, многонациональная. Есть и многонациональные семьи. Живут у нас русские и узбеки, таджики и казахи, татары и корейцы, украинцы и грузины.

Разные национальности. Разные характеры. Разные взгляды на жизнь, семью. Есть люди, которые, к сожалению, видят вокруг себя только плохое, есть паникеры, скандалисты, матершинники. Бывают и хулиганы, карманники, «гулящие» женщины, пьяницы. Бывают, нечего скрывать!

Мне уже за пятьдесят. Но с каждым днем убеждаюсь в том, что у нас в махалле, как и во всем городе, совсем другие люди «делают погоду». Трудолюбивые, заботливые, добрые, ласковые, гостеприимные, живущие интересами общества, готовые всегда прийти на помощь тому, кто в беде.

Наш товарищеский суд опирался на помощь этих замечательных людей.

По образованию я — учитель. Был пионервожатым, завучем, долгие годы директором школы, теперь — журналист. И всегда мне помогал опыт передовых педагогов, учился у хороших семей, где сумели воспитать дисциплинированных, трудолюбивых детей. Так и в махалле. Когда разбирали жалобы супругов, не ладивших между собой, я приводил примеры из жизни супругов, которые живут в согласии. Обращал внимание «истцов» и «ответчиков» на жизненный опыт примерных соседей, живущих рядом, на той же улице.

О людях, чей пример помогал нам, я и хочу рассказать.

ИДЕТ ПО УЛИЦЕ МАРИЯ-АПА...

Было холодно. Очень холодно. Холодные иглы кололи глаза, лицо, руки. Рашид почти бежал — хоть как-нибудь согреться.

Куда идти? Кто поможет? Дом, где он родился, рукою мачехи закрыл за ним дверь.

Вдруг Рашид увидел свою учительницу. Он бросился бежать от нее: нельзя же попасться ей на глаза в таком виде. Одет он в старую отцовскую фуфайку. На голове старая тюбетейка, а ноги... без ботинок, лишь порванные носки да старые галоши.

— Рашид, стой! Куда в таком виде?

В тот день в натопленной маленькой, но уютной, чистой комнате Рашид, кажется, впервые пил чай с вареньем да с лимоном.

На следующее утро в школу он шел в новом пальто, в новых ботинках и шерстяных носках.

— Ого, — обратили внимание одноклассники, — расщедрилась твоя мачеха или перестала пить?

— Нет, не она, — еле слышно отвечал Рашид.

А тем временем в товарищеский суд пришла его учительница Мария Владимировна Савченко с рассказом о мачехе Рашида. Мы, члены суда, да и активисты махалли, знали эту мачеху, не раз ходили к ней, но почти всегда заставали ее пьяной.

— Он не мой... Мне и самой не хватает... Оставьте меня в покое, — говорила она.

Зрело решение: эту алкогольчку надо лишить родительских прав. Приход учительницы ускорил дело.

— Я решила усыновить Рашида. Прошу помочь, — сказала нам Мария Владимировна.

Дети нашей махалли, которые когда-то учились у нее или учатся ныне, всегда восхищались ею. Это она научила и автора этих строк читать и писать на русском языке. За все годы учения мы ни разу не слышали, чтобы она на кого-то повысила голос.

Мне часто приходилось оставаться на дополнительные занятия. Ходили некоторые из нас и домой к ней — спросить непонятное слово, взять книгу из ее огромной библиотеки.

Учился я у нее в годы войны. Мы, школьники, знали, что Мария Владимировна потеряла мужа, что погиб под Сталинградом ее единственный сын.

— Вы теперь одна? — как-то я, уже окончив школу, задал ей неуместный вопрос.

— Нет, вон, поглядите, — показала она через окно на девочку лет двенадцати, — дочь моя.

Я узнал, что девочку зовут Лариса. Родители ее — евреи, были расстреляны фашистами. Лариса в числе эвакуированных детей прибыла в Бухару...

Недавно в одном из кварталов города была свадьба инженера Эркина Мурадова и врача Мухаррам Джумаевой. Рядом с женихом и невестой сидела она, Мария Владимировна Савченко. Один из гостей поднял тост:

— Больше половины присутствующих здесь — ученики Марии Владимировны. Мы все ее любим, как родную мать. Спасибо ей за русский язык, за заботу и внимание, за все!

Идет по улице Бухары полная женщина среднего роста, с белыми, как хлопок, волосами.

— Куда, Мария Владимировна?

— В гороно, по делу.

Значит, идет к одному из своих бывших учеников, заведующему городским отделом народного образования. Знающие ее могут без труда предсказать, что Мария Владимировна серьезно поговорит с ним с глазу на глаз о недостатках в работе школы.

...Идет по улице Бухары седая женщина, которую многие зовут матерью.

— Как здоровье, Мария-апа?

— Спасибо, ничего...

Из-за болезни Мария Владимировна вынуждена была уйти на пенсию. Но и сейчас она не перестает бывать в школах и своими советами помогает молодым учителям, прививает им любовь к своей профессии.

...Идет по улице Бухары невысокая, строго одетая седая женщина. Правда, по торжественным дням она выглядит иначе. Тогда на лацкане жакета сияют ордена и медали. А сегодня рядом с ней шагает Рашид, любимый сын, нашедший потерянную было материнскую заботу и ласку.

ГАВРИИЛ-АКА

Это рассказ об одном из членов товарищеского суда махалли.

...У станков — десятки девушек и женщин. В горячей воде плавают коконы. Из них надо получить шелковую нить, и это совсем нелегко. Чуть ошибешься — обрыв. Но работницы уверенно связывают нити.

В этом цехе — лишь один мужчина. Старик уже. Средний рост. Редкие волосы. Уверенный шаг.

— Кто это?

— О, это наш мастер, Гавриил-ака. Разве вы не слышали? Гавриил Сионович Фаттахов, один из основателей фабрики, учитель многих шелковиков Бухары!

— Родился я в так называемом Гузари-джугут — еврейском квартале «священной» Бухары... А кем был еврей в эмирские времена? Вы, наверно, слышали, а я-то знаю по опыту. Самые дальние, самые грязные улицы отводились нам. Отдельные дома, отдельно — так называемые школы. А женщины наши? «Из комнаты — в кухню, из кухни — в комнату, из дома — в баню, из бани — домой, из дома — на кладбище». Вот так тогда говорили. Несколько таньга зарабатывал мой отец, портной Сион. Еле-еле кормились и ходили полуголодные.

А в двадцатом году, когда рухнул этот проклятый эмират, я был мальчишкой. Люди говорили: все нации будут равны, будут бесплатные школы, будем работать восемь часов... Все люди равны? Я не знал, что это такое. Но новые слова «Ленин», «Совет», «Большевик» — запомнил.

Ну и быстро же менялась жизнь. Помню, первый раз пошел в школу вместе с узбекскими, таджикскими мальчишками. Эта школа носила имя Розы Люксембург. Ну, потом вступил в комсомол, и меня направили на эту фабрику. Вот и все...

Нет, Гавриил-ака, не все. Мы знаем о ваших героических делах и рассказываем о них всем в махалле.

Вместе с первыми комсомольцами Гавриил-ака сражался против остатков «воинства эмира». Создал молодежный клуб. Агитировал против паранджи. Организовывал субботники. Когда в окрестностях города появилась банда басмачей курбаши Ибрагим-бека, он с винтовкой в руках шел в бой с врагами Советской власти.

В 1928 году шелкомотальная фабрика была скорее маленьким кустарным цехом. К началу 1929 года она расширилась вдвое. Растет до сих пор. А простой рабочий парень Гавриил Фаттахов стал сначала мастером, а потом и начальником цеха.

Вместе со всеми добровольцем ушел на войну. Многие тысячи фронтовых дорог прошагал он. Дрался под Гомелем и Бобруйском, Жлобином, Минском... Ордена Отечественной войны, Красной Звезды, шесть медалей, десятки благодарностей Верховного главнокомандующего... Четыре раза пролил кровь за Родину Гавриил Фаттахов и четыре раза возвращался в строй.

Вернулся в строй он и в пятый раз — на свою фабрику после войны. Сейчас, как и всегда, его цех перевыполняет задания: отсюда поступает нить только отличного качества. Продукция этого цеха идет на экспорт во многие страны.

Так пусть знают все, чьими руками сделан чудесный бухарский шелк. К его рождению больше многих причастен этот пожилой человек. Любимый в коллективе, обремененный его доверием, уважаемый в махалле. Коммунист, ветеран. Бывший мальчишка из грязного квартала...

Теперь Гавриил-ака живет в добротном доме в нашей махалле. Здесь ни одно событие, ни одно торжество не проходит без его участия. А на свадебных вечерах, на именинах — он всегда на почетном месте.

Немало запутанных, сложных дел помог он разобрать. Вот одно из них.

Я ВЕРНУ ЕЕ!

Поздним вечером солдат Негмат Сагдуллаев возвращался из увольнения.

— Помогите, помогите! — вдруг услышал он. Обернувшись, увидел силуэт женщины, а за ней — фары настигающей машины. Раздумывать не было времени. Он молниеносно выхватил ее почти из-под колес и бросился в сторону.

Очнулся в больнице.

— А к вам тут гости, молодой человек, — улыбнулся врач. — Пригласить?

В палату вошла тоненькая белокурая девушка. Он как во сне смотрел на нее, на это удивительное, прекрасное создание. Смотрела на него и она. Он не мог оторвать взгляда от легкой фигурки в белоснежном платье, от удивительно приветливых голубых глаз.

— Я пришла... Вот принесла вам цветы... и листья березы, — сказала она. — Я еще приду, хорошо? — наклонилась и поцеловала Негмата в лоб.

Потом он узнал, что случилось. Уля, так звали девушку, возвращалась домой. По дороге ее нагнала машина.

— Садись, дивчина, подвезу, — предложил шофер.

Не проехав и полкилометра, шофер затормозил. Вышел. Посмотрел вокруг. Затем начал приставать к девушке. Потянул ее к кустам. Собрав все силы, она оттолкнула пьяного шофера и побежала. Тот погнал машину за ней. Негмат подошел вовремя.

...Шли месяцы. Негмат демобилизовался, вернулся в родные края. Вернулся с Улей.

Целый вечер, всю ночь праздновали его приезд друзья, родные, соседи. Весь вечер мать Негмата — тетушка Шарафат — глядела на сына счастливыми глазами, целовала то его, то милую невесту.

На этом вечере Уля впервые попробовала знаменитый ароматный плов, приготовленный умелыми руками тетушки Шарафат.

— Вкусно? — спрашивала она. — Ешь, доченька, будь как дома!

Тетушка Шарафат не пожалела шелковых и атласных одеял, бархатных подушек. Но все же спать на полу — странно...

— Уля, милая, слушай, — говорил Негмат, — у нас тебе непривычно. Да и младшие ребята. Отпа, как знаешь, нет. Будет тебе трудно. Не пожалеешь?

— Молчи... Мне поможет любовь к тебе. Будем жить, как живут другие. Будем работать.

Нелегко жилось молодоженам, но весело и дружно. Негмат работал шофером. Поступила на работу и Уля, техником-строителем. Она оказалась большой мастерицей, одевала младших братишек Негмата, шила им костюмчики, штанишки. Радовалась тетушка Шарафат. Счастье, казалось, прочно поселилось в доме. Комнату, где когда-то стелили на полу, невозможно стало узнать. Появились мебель, посуда, книги.

Но однажды, когда Негмат вернулся с работы, он услышал в соседней комнате такой разговор:

— Как ты, мусульманка, могла допустить такое? Аллах покарает тебя за это. — Негмат узнал голос старушки-соседки.

— Сын любит ее. Она хорошая, — отвечала тетушка Шарафат.

— Разве мало хороших девушек у нас в махалле? Зачем ты нарушила обычай? Откуда ты ее знаешь? Кто ее родители? Ты должна очистить свой дом от греха. Этого требует шариат! Негмат стоял и слушал, сжимая кулаки. Злые, темные законы шариата. Неужели они так живучи?

— Мама, сделайте так, чтобы эта старуха больше не приходила к нам, — сказал потом Негмат.

Старое иногда пользуется нашей добротой, снисходительностью или равнодушием, находит наши слабые струнки. Ни единого слова не сказал Негмат старухе: неудобно. А ведь это само проклятое прошлое, цепкие щупальца религиозного дурмана начинали рвать на части молодую семью. Старое постоянно и упорно ищет жертву среди наших современников, ищет пути борьбы с новым. Пусть не повезет тысячу раз, старое радуется, когда повезет хоть однажды.

— Ее видели в ресторане с другим мужчиной.

— Ее видели под мостом. С кем-то выходила оттуда.

— Да что говорить. Была бы хорошая, родители бы не отпустили из дома.

Слухи ползли по махалле. Злые языки доносили их до Негмата.

А Негмат молчал. И постепенно его отношение к Уле изменилось.

— У нас будет ребенок, — сказала однажды Уля.

— Ребенок? Чей ребенок?

Уля впервые заплакала.

— Я не могу больше...

— Как хочешь.

— Я уеду!

— Как хочешь.

И Уля уехала.

...Кто из отдохнувших на Миргородском курорте, что на Полтавщине, не бывал в березовой роще, близ тихой речки? Сюда, в этот чудесный уголок, приходят люди всех возрастов поиграть, побегать, как дети, почитать книгу или просто подышать ароматом украинского леса. Пришел и Негмат. Он любит березками, прислушиваясь к шороху листьев.

Мир тесен: к Негмату, приехавшему на курорт по выделенной ему путевке, вдруг подходит земляк, да еще из родной махаллы — Гавриил-ака Фаттахов.

— Гавриил Сионович, как вы очутились здесь?

— Как и ты. Путевка в Миргород, — ответил старик. — Немного подлечусь и поеду к родным. Дочка и зять у меня в Полтаве. Ведь она вышла замуж за украинца.

— А как вы отнеслись к этому? Ведь вы старый человек, и наверное...

— Должен был воспротивиться? Но разве это разумно? Она училась в медучилище имени Абу Али ибн Сины. Он — в автодорожном техникуме. Познакомились. Полюбили друг друга. Решили пожениться. Сначала жили у нас, а после учебы приехали сюда, на Украину. Не одна махалла — вся страна наш родной дом...

Негмат не дослушал, уходил по тропинке к реке.

...Долго искал его Гавриил-ака. Наконец увидел одинокую фигуру под березами.

— Негмат, — позвал он.
Они долго беседовали. И Негмат сказал:
— Я найду ее, Гавриил-ака. Я найду мою Улю.
— Правильно сделаешь, — ответил Гавриил-ака.
Негмат с Улей вновь нашли друг друга.

РОЗЫ И ШИПЫ

Расскажу о двух событиях, происшедших в нашей махалле, которые заставили задуматься даже самых умудренных.

— Слышали, Нуриддин женится! — Это известие молнией распространилось по всему кварталу.

— А кто невеста? Не слышали, чтобы он с кем-то встречался, — говорили соседи.

Но как бы то ни было, свадьба так свадьба! К ней начала готовиться вся махалла.

Хорошо было на свадьбе, хороша была и невеста. В национальном платье из яркого хан-атласа, в блестящей бухарской золотошвейной тюбетейке, она напоминала героиню газелей Навои. Чудесное торжество! — так говорили потом все: друзья, соседи, родные и близкие жениха и невесты.

Прошел месяц.

Учителя школы, где работал Нуриддин, начали замечать, что этот обычно веселый, жизнерадостный человек стал задумчив, сторонится людей. А потом я встретил его в чайхане «Ро-хат», что на берегу всемирно известного Ляби-хауза. Он сидел один на чорпоа, не обращал внимания ни на кого.

— Не обижайте меня, прошу вас, — сказал он, протягивая пиалу и мне.

— Хорошо, только сначала ты расскажешь мне все...

Более двух часов длилась наша беседа.

— Не хотел говорить... Думал... Скрывал... Искал пути... Я ведь, Абдумаджит-ака, не живу с женой. И вообще не жил с ней...

...В свадебную ночь, как принято, жених и невеста вступили в приготовленную им комнату. Невеста как вошла, так и села на пол. Нуриддин подумал, что она стесняется. Стал ласково уговаривать ее. Она молчала. Словно каменное изваяние, не шевельнулася до рассвета. А тогда тихо произнесла:

— Извините, Нуриддин-ака, я не могу с вами жить. — И заплакала.

— Знаете, я любила вас, — твердила Сарахон сквозь слезы, — люблю и сейчас. Но жить с вами не могу... Не имею права... Я узнала только на свадьбе...

— Что вы узнали, Сарахон? Скажите, прошу вас.

— Неужели сами не догадались?

— Нет, ничего не пойму.

— Вы прекрасно... все... знаете... Я не хочу иметь детей-калек. Вы же — учитель, поймите меня правильно...

Ах, вот в чем дело... На свадьбе кто-то шепнул невесте, что у молодого мужа будто бы туберкулез легких.

Проходили дни. Под одной крышей, в одной комнате жили они как законные супруги (зарегистрировались за неделю до свадьбы). Но были чужими. Развод? Но что скажут соседи? И что сказать суду? Тогда что же — жить вот так? До каких пор? Правда, в последнее время Сарахон стала привыкать к Нуриддину, но как только приходила ее мать, она быстро менялась. Искала повода для ссор, стала придираться к мужу по мелочам, почти каждый день ругалась и со свекровью.

— Вы обманули мою дочь! Вы скрыли, что у вашего сына гнилые легкие, — кричала мать Сарахон.

А Нуриддин молчал. Что мог он сказать? Оправдываться — унижительно.

...На повестке заседания товарищеского суда — дело семьи Нуриддина. До этого закрытого заседания я не раз бывал в их семье, не раз беседовал с Сарахон, ее матерью. И я, и члены суда доказывали, что у Нуриддина нет туберкулеза, что он здоров. Разве иначе врачи допустили бы его в школу? Но Сарахон была неумолима:

— Я не буду с ним жить.

Дело этой семьи перестало быть тайным. Представители школы, депутаты райсовета, члены женсовета беседовали, разбирали, убеждали. Не помогло. Супруги развелись.

В этой истории виноват и сам Нуриддин. В чем? В том, что последовал старым обычаям. В том, что женился на девушке, которую до свадьбы не видал ни разу. В том, что не узнал до свадьбы человека, с которым намеревался прожить жизнь.

А вот вторая история...

Стройный, как тополь, сильный, как легендарный Рустам, красивый, как Аполлон, — таков Файзулла. В нашей махалле, пожалуй, не было девушки, которая не любовалась бы им, не мечтала бы стать его женой.

Но был Файзулла на редкость застенчив. При встрече с девушкой опускал голову, еле слышно отвечал на приветствие. А мать его, Кудрат-хола, давно мечтала увидеть сына женоатым.

Файзулла любил маки. В теплые весенние дни уходил далеко за город за этими чудесными полевыми цветами, приносил их матери.

— Когда же, сынок, ты порадуешь престарелую мать? Может, подыскать тебе невесту?

— Нет, нет, мама. Не беспокойтесь. Я найду сам.

В двадцать шестую весну своей жизни Файзулла неожиданно сказал:

— Мама, радуйтесь, я решил жениться! Вы ее знаете, мама. Мы вместе росли, вместе учились. Давно-любим друг друга... Боялся, что она не согласится... Сейчас...

— Не тяни же, говори...

— Робияхон!

Мать от неожиданности присела. Нет, этого не может быть. Правда, она красива. Умна. Приветлива. Но вся махалля знает... О аллах, уж не заколдовала ли она моего сына?

— Да ты знаешь ли, ведь у нее большие легкие.

— Но, мама, я люблю ее. Я твердо решил...

— Я не допущу этого!

Мать Файзуллы обратилась в товарищеский суд. Старушка была уверена, что Робияхон, ее родные и близкие заколдовали сына. Иначе быть не могло. Ведь в дни ее молодости, чтобы получить понравившегося юношу, девушки шли к фолбинам — гадалкам, за бешеные деньги покупали у них заклинания, талисманы.

— Накажите Робию! — требовала тетушка Кудрат. — Пусть это послужит уроком для других девушек!

Нелегко было разубедить ее. Членам суда, активистам махалли пришлось несколько раз беседовать со старушкой, доказывать нелепость ее суждений. Помогли нам в этом и учителя-атеисты.

Через день после свадьбы тетушка Кудрат подозвала к себе сына, протянула ему букет красных маков.

— Прости, — сказала она.

Вот так закончилась эта история. Да, забыл сказать, на свадьбе Робияхон и Файзуллы присутствовали Нуриддин и Сарахон. Не как супруги — как чужие. Вам интересно узнать, как живут Робияхон и Файзулла? Хорошо, очень хорошо живут. Робияхон теперь здорова, у них двое крепких, здоровых сыновей.

По махалле поползли слухи: скоро состоится вторая свадьба Нуриддина. Девушка из Каттакургана, из «интеллигентной семьи». Там и состоится свадьба, на которую приглашены многие соседи из нашей махалли, в их числе и я с супругой.

Откровенно говоря, не хотелось идти на эту свадьбу. Но разве откажешь семидесятидвухлетнему почтенному аксакалу, отцу Нуриддина? К тому же, я подружился с Нуриддином, хотел видеть его таким, как прежде, — жизнерадостным.

Опять свадьба. За столом — человек триста гостей. Больше половины — мужчины. Через узкий проход между столами идут жених и невеста. Вдруг до ушей доходит шепот:

— А ведь она ему не пара!

Неприятно стало. Сидел бы, молчал, раз пришел на свадьбу. Бывают же такие вот люди, даже в торжественный момент ляпнут черт знает что!

Уловив момент, я тихо спросил Нуриддина:

— Ты ее хорошо знаешь? Встречался с ней?

— Нет, но... После расскажу.

Через два дня мы вновь встретились.

— Хорошая она! Приветливая, ласковая. — Его глаза блестели от радости.

— Будь счастлив, Нуриддин! — сказал я.

Почти месяц не видел Нуриддина. Я знал, давно он вернулся в родную Бухару, но что-то не показывается. Значит, все хорошо? Ошибся я... Жизнь готовит иногда такие сюрпризы, что и в остродраматическом романе не встретишь.

Брачную ночь молодожены провели вместе. Несмотря на различие в возрастах (ей было 32 года, на пять лет старше Нуриддина), казалось, их посетила любовь. А через три дня Нуриддин не застал дома свою жену. Не появилась она и на другой день. Где пропала? Жила у подружки. Зачем ушла? Не хочет с ним жить. Почему? Он серьезно болен. Откуда узнала? Рассказала Сарахон...

Я не понимал, что же все-таки происходит? В наши дни врач (вторая жена Нуриддина была хирургом) и учитель женятся, почти не зная друг друга, по сватовству. До меня это не доходит. А вы понимаете?

Она появилась через месяц. Пришла, чтобы забрать свои вещи.

Итак, супружеская жизнь длилась всего одну ночь. Словно кадр из другого фильма случайно попал в демонстрируемую ленту. Заметил это киномеханик, остановил фильм, убрал кадр...

Чем мог помочь товарищеский суд Нуриддину? Мы высказали ему слова осуждения. За то, что и на этот раз послушался родителей и сватов, женился на какой-то незнакомой дальней родственнице. А ведь сколько добрых советов давали ему при первой жизненной неудаче!

— Что мог сделать? Не хотелось обидеть своих стариков, — оправдывался он. — Я, как слепой, дважды потерявший свою палку.

Хорошо, что они не успели зарегистрироваться. В суд не пришлось обращаться.

РАСПЛАТА

«...Решил написать вам, дорогие члены товарищеского суда, об одном дебошире и хулигане. Это Рузи, или, как его зовут у нас в махалле, «Рузи-бурут» (у него длинные, густые, черные усы). Два дня назад он из двустовки хотел убить жену... Вчера его овчарка чуть не разорвала сынишку соседа... Рузи избил сына Мелибая. По ночам так избивает свою собаку, что невозможно слышать душераздирающий стон. Просим вас призвать к порядку хулигана...»

Вот какое письмо получил я по почте. Оно было анонимное. «Извините, не подписываюсь, но все сказанное — правда», — заканчивал неизвестный автор.

Да, Рузи Мурадова мы знали. Неужели он стал таким? Мысли прервал телефонный звонок — Рузи дерется! Опять! — кричал в трубку кто-то. — Идите посмотрите!

Я поспешил на «место преступления». На мой вопрос: «Что здесь произошло?» — очевидцы ответили, перебивая друг друга:

— Один усатый дяденька победил пятерых...

— Ну и задал же им!

А один из мальчишек, то и дело кулаком вытирая нос, начал даже показывать, как все произошло.

— Где они, куда пошли?

— Участковый и два дяденьки повели их.

Рузи дрался?

В нашей махалле немало можно услышать об этом человеке. Несколько лет назад в чайхане я был свидетелем такой беседы:

— Я с ним познакомился вот как: моей семье выделили новую квартиру. На четвертом этаже. Погрузил на машину свое хозяйство... А перетаскивать вещи на четвертый этаж оказалось не под силу: быстро устали. А надо еще сундук, набитый посудой, и холодильник «ЗИЛ» отнести.

Неожиданно подошел человек среднего роста, богатырского сложения, с загорелым лицом, большими черными глазами, длинными усами:

— Здравствуйте, значит, будем соседями? Разрешите помочь. А ну, дайте одеяло, погрузите мне на спину холодильник...

Так вот, товарищи, один, сам он поднялся с холодильником на четвертый этаж, занес в квартиру... Когда это я рассказываю, многие говорят, что ложь тоже должна иметь границы... А ведь и сундук он занес!

Я не знал, как его благодарить. Протянул десятирублевку. Он осуждающе посмотрел на меня.

— Нехорошо, ака. Я не ради денег... Ведь мы соседи...

Я узнал, что его зовут Рузи-бурут.

— Да, удивительный человек Рузи, — сказал другой. — Он всегда появляется там, где нужен. Вы слышали о проделках Асадуллы? Ну, того, который бросился на жену с ножом? Услышав крик женщины, Рузи ворвался в их дом, отнял у Асадуллы нож...

Немало теплых слов, произнесенных от души, я услышал в этот день о Рузи. А что же случилось на этот раз?

Из магазина выходила старушка. Только ступила на крыльцо, какой-то парень, видно пьяный, толкнул ее. Она упала и застонала. Это увидел Рузи, проходивший мимо.

— Что ты делаешь... Нехорошо... Ведь она тебе в матери годится...

— А тебе какое дело! Катись своей дорогой, — сказал тот и ударил Рузи кулаком в грудь. Мгновенье, и из магазина выбежали еще четверо, вероятно, дружки, накинулись на Рузи. Но через несколько секунд все пятеро лежали на земле...

Рузи не так-то просто застать дома.

— Он у Салихи-хола, пенсионерки. Ремонтирует ей крышу.

— Соседка, у которой болен муж, просила привезти мешок муки...

А сегодня вечером он был дома. Увидев меня, встал, и я заметил у него на глазах слезы. Только что по телевизору показывали фильм «Ко мне, Мухтар!»

— Застрелил все же, сволочь... Как мучилась собака... — тихо произнес Рузи.

Я вспомнил строки из анонимного письма: «Рузи избивает свою овчарку».

Мы не стали разбирать этот донос. И вот почему.

...Десять часов вечера. Удобно растянувшись на диване, я читаю «Униженные и оскорбленные». Вдруг звонят в дверь.

На пороге — сынишка Нурмурада. Озабоченное лицо. Он даже не поздоровался, сразу объяснил цель визита:

— Папа просил, чтобы вы сейчас пришли к нам на той.

Однако почему-то не видно гостей. Вернее, сидят за столом человек двадцать, наверно, родственники. Я не вижу ни соседей, ни других жителей махаллы.

— Прошу, прошу к столу, будьте почетным гостем, — стараюсь улыбнуться, дрожащими губами сказал Нурмурада.

На следующее утро, идя на работу, я увидел Нурмурада. Он сидел недалеко от огромного котла с пловом и... плакал. Значит, и утром никто не пришел к нему.

Я понял все: люди наказали его. Наказали за то, что вот уже более двадцати лет он пишет анонимные доносы на них. Одного называет вором, другого — взяточником, третьего — спекулянтом... Как рассказывали, у него дома есть специальная тетрадь, куда он заносит все «грехи» жителей махаллы. Он с точностью может сказать, кто, когда, в какой час совершил что-то. У кого когда ушел муж, кто встречается с таким-то... Словом, Нурмурада из тех редких в наше время людей, которые любят рыться в чужом грязном белье, замечают только черные стороны жизни.

Он плакал. А сколько людей заставил он проливать слезы из-за своего злословия? Скольким испортил доброе настроение, во сколько семей принес беду? Он плакал. Но понял ли Нурмурада, почему отвернулись от него? Даже заботливый, добрый Рузи не пришел. Ведь не зря в народе говорят: «Не трогай котла, измажешься сажей».

Так наказали люди Нурмурада. Без всякого суда.

Эмиль АМИТ

ПОЛУПРАВДА — ТОЖЕ ЛОЖЬ

«Иылдыз» — литературно-художественный и общественно-политический журнал — орган Союза писателей Узбекистана, выходящий с 1980 года и объединяющий вокруг себя литераторов, пишущих на крымско-татарском языке. Выходит один раз в два месяца.

Мы попросили писателя Эмиля Амида поделиться своими впечатлениями о публикациях в журнале «Иылдыз» за последние два года.

Советская многонациональная литература — историческое достижение нашего общества, и крымско-татарская литература в лучших своих произведениях всегда была проникнута идеями интернационализма. Перечитав журнал «Иылдыз» за два года (1986, 1987 гг.), я лишний раз убедился в этом. Объективности ради надо признать, что крымско-татарские писатели в силу известных причин на протяжении десятилетий были поставлены в совершенно особые условия. Нельзя не учитывать этого обстоятельства, желая всерьез разобраться в процессах, происходящих в крымско-татарской культуре и, в частности, в литературе. Крымско-татарским представителям того или иного вида искусства до самого последнего времени приходилось сталкиваться с некоей «двойной моралью». Не секрет, что даже самое существование крымско-татарского языка, а следовательно, и народа (несмотря на то, что на этом языке издаются в Ташкенте книги, газета, журнал), долгие годы ставилось под сомнение. Сложившаяся ситуация, разумеется, не могла не наложить особого отпечатка на их творчество. Как правило, критикой замечались и отмечались произведения откровенно конъюнктурные, которым присуждались даже литературные премии. Возрос интерес читателей к публицистике, что

нашло свое отражение и в журнале «Иылдыз». Публицистические материалы занимают довольно большую часть в целом ряде его номеров за 1986—1987 гг. Назову лишь некоторые, наиболее запоминающиеся: Ш. Алядин «Дело совести и долга», Э. Хатипов «Требование времени», Ф. Сефершаев «Время перемен», Ф. Дервишев «Во имя новых побед», З. Джавтобели «Программа успеха», Э. Умеров «Свежий ветер», Р. Фазыл, С. Нагаев «Тема Октябрьской революции в крымско-татарской литературе» и др.

Статья старейшего прозаика Ш. Алядина «Дело совести и долга» (1986 г. № 1) написана в период, когда проходило обсуждение новой редакции программы КПСС. Писатель делится своими мыслями о литературе, о тех высоких требованиях, какие предъявляет к ней новое время. Ш. Алядин приводит данные относительно числа работающих литераторов — членов Союза писателей. В настоящий момент их больше, чем было в довоенное время, и, следовательно, «недостатка в кадрах нет». Автор статьи как бы подводит итог достижениям крымско-татарской литературы за последние 28 лет (с 1958 года, когда стала выходить газета «Ленин байрагы» на крымско-татарском языке в Ташкенте) и констатирует, что за этот период написано 8 романов. Ш. Аля-

дин имеет в виду романы Юсуфа Болата «Чистые сердца» и «Алим», «Соната гор» Решида Мурада, романы «В объятиях зари» и «Мужество» Черкеза-Али, два своих романа — «Если любишь» и «Фонари горят до рассвета» и роман автора этой статьи «Последний шанс», который в нынешнем году выйдет в свет в издательстве «Советский писатель».

За этот же период написано 18 повестей, множество рассказов и очерков. Однако, по мнению Ш. Алядина, художественный уровень большинства этих произведений относительно невысок. И, к сожалению, с ним трудно не согласиться.

В редакционной статье «Требование времени», которой открывается «Йылдыз» № 3 за 1986 год, говорится о задачах, поставленных перед советскими литераторами и работниками культуры XXVII съездом КПСС, подробно анализируется Отчетный доклад М. С. Горбачева. Особое внимание уделяется роли критики в развитии литературы.

Привлекает внимание статья «Свежий ветер» прозаика Э. Умерова. Он отмечает освежающие перемены, которые ощутили на себе писатели после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года, и это позволяет под иным углом зрения взглянуть на тот путь, который прошла в своем развитии и крымско-татарская литература. Говоря о ее достижениях, автор не умалчивает и о том, что «ни для кого не является секретом, что в силу известных причин крымско-татарская литература значительно отстала в развитии от литератур других народов». И что особенно ценно, автор пытается осмыслить причины этого, называя в первую очередь отставание некоторых литераторов от своего времени, несовременность мышления, нежелание учиться, перенимать опыт у виднейших русских и зарубежных мастеров слова. Сказывается, конечно же, и недостаточно высокий уровень крымско-татарской литературной критики. Однако главная, по моему глубокому убеждению, причина застоя в крымско-татарской литературе — в некотором отчуждении этой национальной литературы от литературы общесоюзной. А корни этого отчуждения кроются в негативных явлениях нашего недавнего прошлого.

«Йылдыз» № 1 за 1987 год открывает редакционной статьей «Нужны зрелые образы». В ней справедливо говорится о том, что «гласность и демократизация общества создали для литературы широчайшие возможности. Однако наши авторы не могут воспользоваться этими возможностями как подобает...» Иллюстрацией к сказанному может послужить очерк А. Давлетова «Ветеран партии» о партизанском комиссаре Рамазане Куртумерове, героически сражавшемся с немецкими оккупантами в Крыму, и которого «парус судьбы пригнал в Бекабад». Насколько очерк был бы полнее, художественно полноценнее и насколько вырос бы авторитет автора в глазах читателей, если бы он не ограничился недомолвками, а доступными ему художественными средствами поведал бы об этом самом «парусе судьбы»!..

Даже в период гласности большинству крымско-татарских писателей недостает смелости быть открытыми, и, как следствие этого, в их произведениях не хватает жизненной правды. Они все еще живут в плену старых представлений, пишут только то, что напечатает без хлопот, без препятствий. В этих произведениях есть правдоподобие, но нет правды. Эти невыразительные копии с действительности ничего не добавляют к постижению жизни и к подлинной литературе имеют лишь отдаленное отношение.

На писательских собраниях сегодня («Вечер

«Йылдыза» № 2, 1987 г.) преобладает критический подход к уже напечатанным и печатающимся произведениям, проводится их анализ с участием авторов и читателей. Прозаики и поэты отдают себе отчет в том, что уже не могут, не имеют права работать, как прежде, ибо требования, предъявляемые к творческой интеллигенции, значительно выросли. Они отдают себе в этом отчет, но... продолжают трудиться по-прежнему, не преодолев инерции собственного мышления. Привыкнув эксплуатировать одну и ту же схему романа, повести, рассказа, очерка, они превращают собственное творчество в ремесленничество, не ищут новых форм, способов выражения, художественного воплощения образов, пренебрегают работой над словом. Отсюда и масса безликих, похожих одно на другое произведений, словно написанных одной рукой.

И когда на этом фоне возникает такая повесть, как «Не упустит Птицу Счастья...» И. Абдураманова (№№ 3, 4, 5 — 1986 г.), то трудно сдержать радостный возглас. Известно немало произведений о творческой интеллигенции — художниках, журналистах, поэтах — о том, как бесталанные завистники строят им козни, ставят палки в колеса, пытаются лишить возможности проявить свой дар... В повести же И. Абдураманова, словно он писал ее «в пику» упомянутым произведениям, все наоборот. Герой ее, поэт Хаялий, — работает на стройке и учится на вечернем отделении института. Он не ценит свой талант, не придает ему никакого значения. Зато близкие друзья знают наизусть почти все его стихотворения, он ими любим и оберегаем. Друзья собирают его стихи, издают отдельной книгой и преподносят в подарок автору. Возможно ли такое?... Чувствуется, что автору повести, который и сам поэт, очень хочется, чтобы в жизни имел место хотя бы один такой случай. Однако описана эта история с такой завидной психологической достоверностью, что поневоле проникаешься уверенностью, что все рассказанное автором — правда.

Безупречна ли повесть? Наверное, нет. Главный герой ее показался слишком вялым и безынициативным. Но, главное, повесть состоялась, читается легко, и ее вполне можно было бы рекомендовать к переводу на русский язык.

Привлекательна маленькая повесть А. Османова «Такыр» (№ 6, 1986 г.) о любви. А если быть точным: о любви женской. Деликатно, с большим чувством меры описывает автор зарождение чувства у героини — воспитательницы детского дома, отдающей все свое время детям. Писатель проводит в повести любопытную, хотя и дискуссионную мысль: в сердце женщины не может родиться настоящего высокого чувства, если она, и сама, быть может, не сознавая этого, в предмете своей любви не предполагает будущего отца своего ребенка...

Заслуживает высокой оценки повесть Э. Умерова «Надежда» (№№ 2, 3 — 1987 г.). Творчество Э. Умерова, выпускника Литературного института им. А. М. Горького, выделяется в общем потоке крымско-татарской литературы своей зрелостью. Он много работает над формой своих произведений, стиль его письма строго индивидуален.

Э. Умеров рассказывает в повести о своих земляках, живущих в Москве. Каждая глава посвящена отдельному герою, который сам повествует о себе, а все они, в свою очередь, неразрывно связаны с главным персонажем повести Юрой Меметовым, появляющимся во всех главах. Смысл жизни, предназначение человека — основные проблемы повести.

Юра Меметов, по профессии физик, кандидат наук, ослеп в результате автомобильной катастрофы. Но он не опустил рук и не сдался. На протяжении долгих лет он работает над изобретением устройства, которое могло бы предотвращать аварии на дорогах и, следовательно, оберегать людей от увечий. И вдохновляет его, поддерживает в нелегкой работе мысль о том, что в это же самое время где-то в другом месте кто-нибудь, быть может, работает над тем, чтобы вернуть зрение незрячим. Каждый человек выполняет свою миссию и тем самым двигает прогресс, цивилизацию...

Особое, наиболее значительное место в публикациях журнала «Йылдыз» отводится документально-художественной повести, очерку. Именно они своей правдивостью, объективным отражением событий собирают наибольшее количество читателей. Используя ценные архивные материалы, непосредственно общаясь с героями своих произведений или на основе свидетельств очевидцев, строят свои повести и очерки Дж. Амет «Песня, прерванная пулей» (№ 5, 1986 г.), С. Нагаев «Фарадей на льдине» (№ 6, 1986 г., № 1, 1987 г.), Э. Эмиров, С. Арифов «Мосты» (№№ 3, 4, 1987 г.), Ю. Алиев «Пожелтевшие бумаги» (№ 3, 1987 г.), Ш. Алядин «Шалевная пуля...» (№ 3, 1987 г.), Ф. Сахтара «Была война давным-давно...» (№ 4, 1987 г.). Читатель почерпнет из этих произведений доселе неизвестные ему сведения, узнает, например, некоторые подробности о подпольной работе молодого композитора Абибуллы Каври в период оккупации Крыма фашистами и о его трагической гибели; о жизни и творческой деятельности известного ученого, участника последней экспедиции на «Челюскине» И. Г. Факидовой; о многих неизвестных эпизодах времен Великой Отечественной войны, о полной риска и опасностей работе саперов, о подвиге Героя Советского Союза Узеира Абдураманова; о боевых буднях крымских партизан — их боевом командире М. Македонском, комиссаре М. Селимове, разведчике О. Ибраимове, Герое Советского Союза Я. Чапичеве и многих других. Судьбы отдельных людей складываются по прочтении этих очерков в судьбы народные.

Осталось сказать несколько слов о поэзии. Бросается в глаза, что ветер перемен еще не коснулся крымско-татарских поэтов. Они все еще с привычной многозначительностью продолжают изрекать очевидные истины. Почти все авторы напечатанных на страницах «Йылдыза» стихотворений и поэм до сих пор пребывают в состоянии умиления и безграничного оптимизма: воспевают красоты благодатного солнечного края и «белое» золото на полях, в то время как по всему фронту наступает химия, от которой гибнет все живое; услаждают собственный слух хрустальным звоном прозрачных рек и арьков, словно и не умирает на глазах у них Арал; поют дифирамбы мужской чести, благородным чувствам — и будто не замечают процветающего в республике бесчестия и коррупции.

Дохнуло, правда, свежим ветерком от поэмы Ш. Селимова «Во всю силу...» (№ 6, 1986 г.). Она несет в себе высокий эмоциональный заряд. Автор обращается к В. В. Маяковскому, которого считает своим учителем, раскаивается, что не всегда следовал его наставлениям, случилось, оставался равнодушным, когда не имел на это права, когда обязан был бить в набат, проявлял малодушие, кривил иной раз душой, уступая обстоятельствам. Но теперь!.. Теперь дает слово автору «Левого марша» — встать в один ряд с ним, в ряды активных бойцов развернувшейся в

стране перестройки... Поэма Ш. Селимова предельно искренна по своему звучанию и заслуживает высокой оценки. Она бессюжетна и потому не поддается пересказу. Это поэма-раздумье, поэма-исповедь. Приведу в качестве примера несколько строк. Итак, автор обращается к В. В. Маяковскому, перед которым преклоняется:

Псы сторожевые
охрипли,
Охраняя покой
чиновничьих реп.
Из-под грязи
выволочь
Это сколько ж
самородок Правды,
надо
лошадиных сил?
Нет,
не время строчек
Когда
причесанных и гладких,
социализма
загажена ось.
Не годятся
небесные
пернатые лошадки.
Нужен
рабочий
Пегас-тяжеловоз.
Пусть в дела,
не в учебники,
будет Маркс
вцитирован.
Мы за жизнь человечества
сражаться должны.
Путь обратный закрыт.
Давайте условимся:
Говорящий «А»
пусть скажет и «Б».
Перестройка начинается
с обновления чести,
С обновления верности
времени
и себе.
(Перевод Г. Резниковского).

Запоминаются и такие стихи Ш. Селимова, как «Пусть родина тебя не забудет...», «Очень хорошей привычкой», «Лист белой бумаги» (№ 4, 1986 г.), и, пользуясь случаем, не могу не назвать одно из лучших стихотворений поэта — «Мне исполнилось сорок», опубликованное в газете «Ленин байрагы». В этом стихотворении автор сумел, пусть еще недостаточно смело, но глубоко индивидуально излить в стихах давно копившиеся в сердце чувства, словно материализовавшиеся в слабом малиновом звоне, который изо дня в день, из месяца в месяц креп, и в поэме «В полную силу» уже обрел мощь колокольного перегуда.

Думаю, журналу «Йылдыз» необходимо решительно избавляться от чисто газетных материалов. Некоторые номера настолько перенасыщены ими, что невольно возникает мысль: журнал испытывает дефицит в настоящих, действительно заслуживающих чести быть напечатанными на его страницах произведениях. Не украшают журнал, не поднимают его авторитета такие заметки (другого определения не подберешь), как «На путях развития агропрома» М. Сахтарева, «Главная задача — прогресс» Э. Джемилева, «Требование времени» Э. Хатинова, «Время перемен» Ф. Сефершаева, «Во имя новых побед» Ф. Дервишева, «Я коммунист» Ф. Зевриева, «Инженеры — пятилетке» С. Абляева, «Нет времени стареть» Я. Мустафаева (№№ 1, 2, 3, 4, 1986 г.). Примеров можно при-

вести гораздо больше. Нельзя снижать требований к художественному уровню публикации лишь потому, что авторы их не профессиональные литераторы. Но если редакцию все же заинтересовала тема, то работники ее обязаны помочь автору довести материал до требуемого художественного уровня, определить жанр и т. д. И уж конечно, недопустимо печатать в высшей степени слабые материалы, представляющие в плане информации, которую они несут, интерес лишь для узкого круга специалистов, да еще и с фотографией их авторов.

Следует приветствовать публикацию на страницах журнала «Йылдыз» произведений братских литераторов. Одно перечисление произведений, переведенных с других языков, займет немало места. И приходится с сожалением признать, что произведения эти по художественному уровню заметно превосходят большинство произведений крымско-татарских писателей, печатавшихся в «Йылдызе» за последние два года. Особенно высокой оценки заслуживает рассказ Э. Агзамова «Кокельдаш из Багбаль» (№ 2, 1986 г.), очерк А. Ершова «Сарычелек» (№ 4, 1986 г.) — об экологическом состоянии узбекской республики, о проблемах охраны территории Сарычелекского заповедника; стихотворения Р. Парфи (№ 3, 1987 г.), очерки Вл. Козлова «Директор музея» (№ 4, 1984 г.) — о создателе и первом директоре музея в бывшем Дворце ханов Гиреев в Бахчисарае Усеине Боданинском, Л. Климовича «На службе просвещения» (№ 6, 1987 г.), посвященный виднейшему просветителю конца XIX — начала XX веков, основателю всемирно известной газеты «Терджиман» Исмаилу Гаспринскому.

Авторы двух последних материалов заслуживают особой благодарности, ибо самым непосредственным образом исследуют крымско-татарскую историю и культуру.

В «Йылдызе» (№№ 2, 3, 1986 г.) напечатаны материалы о крымско-татарской литературе послевоенного времени, написанные Сервером Арифовым.

Прежде чем начать разговор о современной крымско-татарской литературе, автор делает небольшой экскурс в ее прошлое. Возникновение литературы в Крыму С. Арифов относит к XIII веку, к тому времени, когда в Солхате (Старом Крыму) вошли в свет (отпечатанные типографским способом) «Кодекс Куманикус» — кумано-латинский словарь, дастан Махмуда Касыма «Юсуф и Зулейха», философский трактат Эбубекира «Календарнаме» и сборник стихотворений Абдулмеджита. К сожалению, автор упускает из внимания, что уже задолго до этого существовало устное народное творчество и по рукам ходило немало книг, переписанных вручную.

Кстати заметим, что в настоящее время крымско-татарские литераторы и лингвисты не имеют ни одного современного словаря и нередко для получения справок прибегают к помощи старинного «Кодекс Куманикус» (благо, язык крымских татар с тех пор не претерпел почти никаких изменений) и словаря, изданного еще до революции.

С. Арифов приводит далеко не полный список средневековых крымских поэтов, таких, как Ашык Умер, Мустафа Джевхерий, Эдип-эфенди, Джанмухаммед, Эшмырза-карт, Исметий.

Упоминаются имена и поэтов, творчество которых относится к началу нашего века: Усеин Шамиль Токтаргазы, Асан Чергеев, Мемет Нузет, Осман Акчокраклы, Абдулла Лятыф-заде. Называются поэты, творчество которых достигло расцвета уже при Советской власти: Умер Ипчи, Зия-

дин Джавтобели, Абдураим Алтанлы, Эшреф Шемьи-заде, Гафар Булганаклы, Керим Джаманаклы, Ыргат Кадыр, Шамиль Алядин, Амди Алим, Осман Амит, Юсуф Болат, Максуд Сулейман. К сожалению, автор не называет виднейшего поэта послереволюционного времени, крупного ученого-тюрколога, языковеда Чобан-заде.

С. Арифов справедливо считает, что «...успех, судьба, будущее нашей современной литературы зависят от таланта, трудолюбия, духовного роста и зрелости молодых литераторов». По его мнению, еще не полностью раскрыли свои возможности литераторы послевоенного поколения: Таир Халилов, Шукри Аппаз, Венера Ибраимова, Айше Кокиева, Решид Мемши, Юсуф Алиев, Юнус Кандымов, Сейяре Меджитова и многие другие.

Более подробно автор останавливается на творчестве Амета Адила, Шакира Селимова, Исы Абдурамана, Мустафы Ибраимова. Он странно говорит об интересующей каждого из названных авторов теме, передает содержание некоторых стихотворений, но, увы, нет в статьях С. Арифова подлинного художественного анализа рассматриваемых произведений, ничего не говорится о тех художественных средствах, с помощью которых эти авторы добиваются наибольшей выразительности слова, ничего также не сказано о своеобразии современных крымско-татарских поэтов, о том, что их, собственно, отличает друг от друга.

Столь же схематично в статье рассматриваются произведения прозаиков: повесть Р. Фазылы и Л. Софу «Звезда Аметхана», романы Черкеза-Али «В объятиях зари» и «Мужество», сборник повестей и рассказов Э. Умерова «К звездам», документально-художественная повесть А. Эмирова «Палатки с красными крестами», книга воспоминаний А. Ислямова «Годы и дороги».

Безусловно: С. Арифов проделал немалую работу, и если я в чем-то и упрекаю исследователя, то лишь потому, что настала пора более всерьезно отнестись к творчеству современных крымско-татарских писателей, привлекших в целом к похвальным отзывам и довольно нервно реагирующих на любые критические замечания и уж тем более на объективный критический анализ их произведений. Хочется надеяться, что и наши критики используют в самом скором будущем возможности, предоставленные им демократизацией и гласностью, порадуют читателя интересными и зрелыми статьями и обзорами.

В «Йылдызе» (№ 2 — 1987 г.) начинающие поэты, думаю, не без пользы для себя прочли небольшую статью поэта Решида Мурада «Поэзия и молодость», в которой автор делится с молодежью своим опытом, обращает их внимание на примеры высокой поэзии В. Маяковского, М. Светлова, Э. Селямета, призывает учиться у них.

А на следующей странице этого номера дана подборка стихотворений молодых поэтов. И что же? Стихи бесконечно далеки от того, что называется поэзией: бесцветные слова, банальные рифмы и отсутствие глубоких мыслей и оригинальных поэтических образов.

Нет сомнения в том, что будущее крымско-татарской литературы в огромной степени зависит от того, как скоро наши писатели осознают, что должны говорить народу всю правду, ибо правда — это тоже ложь. Время, в которое мы живем, поистине переломное. Идущая в стране перестройка — долгожданная, масштабная — касается всех и каждого.

В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

Владимир Соколов. Остров для большой охоты. Повесть, рассказы. Ташкент, «Еш Гвардия», 1988.

С легкой руки популяризаторов науки в обиход вошло понятие «черный ящик». Так в системотехнике называют устройства, конструкция которых и процессы, в них протекающие, неизвестны и непонятны наблюдателю. Изучают подобные закрытые системы по тем реакциям, которые они проявляют в ответ на внешние воздействия. Самым таинственным «черным ящиком» несомненно является человек. Вспомним, как часто поступки даже самого близкого и вроде бы досконально известного человека оказываются неожиданными. Да ведь порою и свои собственные действия смущают непредсказуемостью, когда обычной логике они никак не поддаются.

Многомерность человеческой души всегда была объектом самого пристального интереса писателей. Только в очень плохих книгах герои безупречно понятны и одноцветны: положительные — так ангелы, отрицательные — так исчадия ада без единого светлого пятнышка. В произведениях, составивших новую книгу Владимира Соколова «Остров для большой охоты», почти все персонажи — воистину «черные ящики», постичь их глубинную суть — задача не из легких. И автор предпринимает серьезные попытки добраться до этой сути.

Герой рассказа, давшего название сборнику, Кирилл Валерьянович Жариков по первому впечатлению вряд ли способен пробудить острый интерес окружающих его людей да и читателей тоже. Человек он средних лет, средних, видимо, способностей, заурядных страстишек и жизненных целей, эдакий неразличимый в потоке прохожих середнячок. У него, как у многих, — семья, квартира, машина, работа. Кирилл Валерьянович заведует каким-то крупным отделом. Каким? Где? Кто он по профессии? Ни разу не вспомнил он об этом своем отделе, о сотрудниках, о своей работе. Но зато есть у героя, как у большинства нынче, пресловутое «хобби». Это — охота. Раз в году покидает Кирилл Валерьянович свой дом, отдел, семью и мчится к далекому степному озеру, где ждет его тот самый облюбованный им остров для большой охоты. Там сбросит он все городские заботы и обязанности, забудет обо всем, обретет одиночество и свободу.

Однако на этот раз Кириллу Валерьяновичу не повезло — его остров занят. На нем расположились молодые влюбленные Даша и Борис.

Да к тому же у Бориса есть брат-близнец Богдан, который вскоре объявился на острове. И охота не радует уже, отдых испорчен, все пошло вверх тормашками. Ну а уж когда выяснилось, что этот самый близнец Богдан тоже влюблен в Дашу и что парень он отчаянный, способный на бездумный и безжалостный поступок, Кириллу Валерьяновичу остается одно — бежать. И ночью он удирает на лодке со своего острова. Но в темноте замечает где-то сзади огонь. Почудилось страшное — бесшабашный Богдан поджег сухой камыш, чтобы спалить Дашу и своего брата-соперника.

И вот здесь-то выясняется, что душа благополучного, себялюбивого, земного Кирилла Валерьяновича — это тоже «черный ящик». В сокровенных тайниках его души сохранились островки доброты и естественного сочувствия к чужой беде. «Заведующий каким-то отделом» разворачивает лодку и спешит на помощь.

Верить ли в эту метаморфозу? И тут всплывает в памяти начало рассказа. По дороге к заветному острову Кирилл Валерьянович взял попутчицу — молодую женщину по имени Валя. Взят вроде бескорыстно. Или не совсем уж и бескорыстно? «Просто в дальнюю дорогу до разливов он всегда кого-нибудь подсаживал, не имея в машине приемника». Значит, лишь для того, чтобы оградить себя от дорожной скуки? Но вот еще один, ненавязчивый штришок, еще одна малозначащая, на первый взгляд, деталь. Попутчица рассказала герою историю своего неудачного замужества. «На это Кирилл Валерьянович как-то уж небывало искренне брякнул, что и сам не так давно претерпел аналогичную драму и очень хорошо потому понимает Валюшину ситуацию. Между тем, он был женат, и счастливо женат, и брякнул исключительно в плане сочувствия...» Да, да, он посочувствовал, однако потратить еще десять минут и довезти Валю до райцентра, где она жила, уже не хватило сочувствия. Такими вот словно противоречащими друг другу вешками намечена тропинка к потаенным закоулкам души героя. И в результате веришь, что мог этот охотник в минуту тревоги высвободить свою душу из плена самодовольной ситности, мог поддаться искреннему порыву.

Только ведь никакого пожара на самом-то деле не было, пламя далекого охотничьего костерка Кирилл Валерьянович принял за сигнал беды. Значит, весь этот порыв оказался напрасным? Пожалуй, что нет — вряд ли Кирилл Валерьянович забудет мгновения, когда из-под житейского мусора забил в его душе чистый родничок доброты.

Негромкая мелодия доброты звучит и в рассказе «Продается полдома». Фабула его незамысловата. В большом деревянном доме, когда-то заселенном несколькими поколениями одной семьи, остался один-единственный жилец — старик Викентий Павлович. Неумолимое время

унесло его родителей, братьев, жену. Дети упорхнули в столицу. Решил Викентий Павлович, уступив настоятельным просьбам дочери, продать полдома. И вот по объявлению пришел к старику покупатель — некий Бурлакин.

Викентию Павловичу далеко небезразлично, кто поселится в его родовом гнезде. Твердо предупреждает он: «Спекулянту продавать не буду... Не то что полдома, сарай во дворе не продам». А кто же этот претендент? Малосимпатичен он старику своим назойливым любопытством, бесцеремонностью, самоуверенностью. Да к тому же профессия у него какая-то сомнительная — экстрасенс. Викентий Павлович считает слово «экстрасенс» синонимом слова «жулик».

Не поладил старик с покупателем, отказался продать ему полдома. Разгневанный экстрасенс предсказывает старику, что тот буквально сегодня же умрет. Викентий Павлович, пытаясь понять этого странного человека, этот «черный ящик», рассуждает вроде бы вполне логично: «Был мелкий человек, кругом от начальства зависел, от жены и даже от соседей, работя своей не любил и сам презирал ее. И вдруг обнаружилась в нем способность, да такая, что сильному немудрено свихнуться, господом богом себя ощутить и возвыситься в собственном представлении над страждущим, алчущим от тебя исцеления человечеством. Что же от мелкого можно ждать?» Однако не так-то все просто. Неисчерпаемо сложен человек. И в последних строках рассказа происходит крутой поворот, который опровергает ранее выстроенную цепочку логических построений. У Бурлакина в глубине души еще остались, оказывается, крупинцы честности и доброты. Однако, к сожалению, Бурлакин для читателя остается загадочным, «черным ящиком». Никаких подступов к его душе нет. Почему вернулся, почему вдруг так круто сменил гнев на милость? Поле для домыслов тут необъятное.

Повесть «Отчество» напоминает о далеких уже годах испытаний, выпавших нашему народу. Давно отгремели сражения Великой Отечественной войны, но и сегодня ее отдаленные последствия вторгаются в жизнь новых поколений. Герой повести, инженер из Новосибирска Валерий Любимов, по служебным делам оказался в Минске и решил навестить селение Березичи. Это родина его матери, там когда-то жил его отец, которого он не знал. Тот, уже после окончания войны, работая на поле, подорвался на mine. И вот для Любимова в Березичах словно бы тоже взрывается мина: тот, кого он считал отцом, на самом деле не был им. А кто же отец? И здесь Любимов узнает страшную весть — он, оказывается, сын вражеского офицера, который влюбился в его мать и за эту любовь поплатился жизнью. Думается, что эту драматическую ситуацию исследовать с убедительной художественной проникновенностью удалось не до конца. Валерий Любимов остался для читателей неразгаданным «черным ящиком». Ведь подобное открытие для любого человека — потрясение. Как же прореагировал на него Валерий Любимов? Что ощутил он в минуты жестокого прозрения? Какие мысли и чувства терзали его? «Не чувствовал Любимов ни обиды, ни горечи и злости, он просто не желал сейчас знать ничего о каком-то фон Ларе». Бесчувственность? Или шок? Но и все последующие чувства героя словно бы принадлежат кому-то постороннему, кто из чистой любознательности решил узнать обстоятельства давней истории. А ведь коллизия давала простор для глубоких исследований загадок души челове-

ческой. Но автор почему-то остался в стороне, он словно бы предложил читателю вести самостоятельное исследование. А может, стоило бы более щедро расставить путевидные вешки и в этой повести?

Неотъемлемая особенность творческого почерка Владимира Соколова — пейзажные зарисовки. С зоркостью живописца рисует он белорусский лес, подмосковные липы, узбекистанские степи и озера. Пейзаж становится своеобразным индикатором, способствующим более полному опoznанию уголков души. Однако порою чувство меры изменяет автору, и тогда пейзаж, отрываясь от дум и чаяний героев, превращается в красивый, но посторонний довесок, отвлекающий повествование.

Сборник «Остров для большой охоты» составлен из произведений разного уровня. Однако лучшие рассказы свидетельствуют о том, что от В. Соколова можно ждать новых книг, в которых он еще глубже проникнет в «черные ящики» человеческих душ.

К. МИХАЙЛОВ.

СЛАГАЕМЫЕ САМОБИТНОСТИ

Ольга Лебединская. «Белый август». Стихи. Ташкент, издательство им. Гафура Гуляма, 1987.

Сытого накормить труднее. Именно такова сейчас ситуация в двуединстве: поэт — читатель. Последние два года обрушили (другого слова не подберешь) на читателя лавину стихов, судить которые, как выражался Виктор Шкловский, можно по гамбургскому (то есть высшему) счету.

«Моим стихам, как старым винам, настанет свой черед» — эти вещие слова большой поэтессы наконец-то сбылись. И на фоне имен Цветаевой, Ахматовой, Гумилева, Заболоцкого, Ходасевича, Бальмонта, Северянина выдержать «конкурентную» за читателя, ох, как непросто. Как часто теперь мы проходим мимо сборников тех авторов, которых раньше считали талантливыми.

Ольга Лебединская известна как поэтесса с будущим. В ее первых двух сборниках ощутима серьезная заявка на самобытность. Новая книга покажет, насколько «выросла» поэтесса.

В литературе не может, не должно быть расщепления на столичные и периферийных авторов. Это либо поэзия, либо нет. С той высоты, которую задает настоящая, большая литература, попробуем взглянуть на сборник «Белый август».

Книга эта энергоемка по содержанию и хорошо продумана по форме. Ее составляют четыре цикла: «Дом и сад», «Урок танца», «Репетиция», «Белый август», каждый из которых — грань не только творческих интересов, но и таланта. Циклы эти своеобразны и легко отличимы своим поэтическим миром, но при этом одно в них общее и неизменное — отточность техники. Будь то рифмованное стихотворение или верлибр, одинаково легко и технически чисто они сделаны.

Душа должна передохнуть!
Но — жалки доводы рассудка —
Вещей волнующую суть

Она — сквозь боль — уловит чутко.
Душа должна передохнуть?..
Горячий сглатываю ком,
Во всем угадывая песню,
И строчку — от себя тайком —
Вынашиваю над болезнью.
Душа должна передохнуть...

Читая «Белый август», начинаешь думать, что книга эта для ее автора — пора мастерства. Но тут же невольно приходит и другая мысль — странное впечатление она оставляет. Почему? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

О чем книга? О сложной, напряженной жизни души, о нравственных исканиях, непрерывном стремлении к самопознанию. Но искания эти разворачиваются все по той же, что и в первых двух сборниках Лебединской, формуле — «Я и мир». Вся поэтика ее — сложный ряд ассоциаций. Да, поэтесса способна подметить и отобразить мгновенные состояния души, тончайшие душевные движения, но это становится как бы самоцелью. Делая упор на духовном, Лебединская, похоже, намеренно избегает реальности быта, нигде не означая себя женщиной с конкретными работами и проявлениями.

И в общем-то это не вызывало бы сомнений в правомерности именно такого способа самовыражения, если бы поэтесса ограничилась в этом плане определенным количеством работ. Но когда страницу за страницей листаешь сборник и находишь одни и те же душевные движения, испытываешь внутреннее сопротивление.

Тем более, что эти всплески ассоциаций, тайны души и таинство творчества не всегда сочетаются с ясностью мысли и точностью образа. Размыто по смыслу, к примеру, следующее стихотворение:

Идет мой конь — который день — по кругу,
Заворожен — едва видна — строкой.
И не стряхнет — куда веду я? — руку.
И не всхрапнет, измучен, под рукой.
Идет мой конь...
Товарищ терпеливый,
Я слышу звон взлетающих копыт,
Ковыльный шелест невесомой гривы
И шум пиров (! — по кругу же! С.Т.)...
Мы вырвемся —
И завтра — оба — живы,
Прогнозам и запретам вопреки.
И ты, мой пленник, вольный и счастливый —
Передохнешь у найденной строки.

Уже первые две строки вносят невнятицу в текст (и далее перебиваемый необязательными строками), призванный, как нам кажется, сказать о нелегком труде поэта, оседлавшего-таки Пегаса (правда, у автора — конь — в поводу?).

Согласимся (испытывая, правда, некоторое внутреннее сопротивление) и с таким образом Пегаса. Но тут возникает еще один нюанс. Если это не Пегас — тогда к чему бы все?.. А если Пегас, то не слишком ли запанибрата О. Лебединская с ним, со своим равным? И даже несколько строптивым даже в отношении к великим.

Подчас, чтобы расшифровать то или иное стихотворение, требуется дважды-трижды прочесть его, а иногда смысл поэтического образа так и остается по ту сторону вашего понимания. И чудится порой, что и самой поэтессе нужно иной раз напрячься, чтобы вспомнить ту мгновенную душевную вспышку, что заложена в строках.

Вновь и вновь мы соприкасаемся с игрой ассоциаций, которые словно бы завораживают поэтессу, и нигде — даже намек на реальные проблемы и противоречия. И в конце концов стихи, зашифрованные до состояния ребусов и шарад, становятся скучно читать.

Давайте вместе внимем, к примеру, хотя бы в это стихотворение, в котором, конечно же, есть некий знак к понятийному ряду. Но как скоро мы отыщем этот знак и отыщем ли?

Не телу тело.
Там лес их игл,
И в воздухе песок,
И звери рук и в кожу не одеты,
Там совы слов у гнезд мышиноухих,
И ягоды голов во мхах голодных гадов,
Там волковол в икринках мертвых львят...
Не телу.
Львы — у звезд,
Бездонны родники в разнеженных ладонях звона-рей,
И в тишину луча мерцающие крыл и строчек,
И золоту зеленому земли
И теплый след листа...

Такое впечатление, что Ольга Лебединская знает об этом своем свойстве — быть непонятной, и пытается оградить себя от нареканий. Есть у нее стихотворение, которое не знаешь как и расценить — как программное или как прошение на индальгенцию.

Я знала некогда дрозда,
Он пел.
И был он бел,
Была душа его нежна.
И песнь — прекрасна и сложна.
А он не знал о том и пел,
Как Бог ему велел.

Не правда ли, есть уже серьезная заявка? Но вот что происходит далее. Соседи: черный дрозд, дрозд серый и старый (надо полагать, ретрограды-критики) — подступают к нашему белому дрозду с советами. Один просит его петь понятней, другой громче, а третий выразился так: «Пой, миленький, попроще». Всем советам следовал он, и кончилось это крахом:

Но песни разлетались в прах,
Под утро он уснул в слезах,
А встало солнце — он запел,
Как Бог ему велел.

Нет, мы не настолько одержимы смысловой выпрямленностью, чтобы советовать: «Пой, миленький, попроще!» Мы помним о парадоксе, открытом Тютчевым: «Молчи, скрывайся и тай, но ведь сами слова-то эти произнесены.

Мы за то, чтобы стихи несли в себе тайну души и таинство творчества, но надо так сказать об этом, чтобы «и смысл был ясен, и душевное движение было передано, а тайна осталась».

Не так ли писали Ахматова и Цветаева — литературные ориентиры Ольги Лебединской?!

Вот мы и подошли к вопросу — что же есть самобытность поэта? Ее, как нам кажется, составляют два основных слагаемых: талант и обязанность. Итак, талант налицо. Что же касается обязанности, понимаемой как ответственность за свой талант, то здесь вопрос сложнее. Твардовский в свое время писал: «Получив этот дар (талант) из духовной сокровищницы народа, ты обязан отдать его народу». То есть обязан жить по формуле: «Мир — и я», а не «Я — и мир».

Если поэтесса попытается привести жизнь души в более тесное соприкосновение с реальным миром, талант ее от этого только выиграет и выведет ее на орбиту истинной самобытности.

С.ТАРБЕЕВА.

БОЛЬШЕ ПРАВДЫ ЖИЗНИ

Нгуен Минь Тяу. Женщина в скором поезде. Москва, «Радуга», 1987.

Литература социалистического Вьетнама рождалась и развивалась в трудных условиях длительных антиколониальных и антиимпериалистических войн. Неудивительно, что ведущее место в ней заняли произведения военной тематики, проникнутые пафосом патриотизма. Романтическая приподнятость присуща произведениям Нгуен Минь Тяу, созданным в 50-е — 70-е годы.

В повестях и романах «Устье» (1967), «След солдата» (1972), «Огонь в каждом доме» (1977), «Выжженный край» (1977), «Те, кто вышел из джунглей» (1982) и других прозаик стремился, по его утверждению, «найти жемчужину, скрытую в глубинах человеческой души», отвлечь читателя от будничности, прекрасное представить очищенным от всего дурного.

Восстановление единства страны в 1975 году обозначило новый этап в истории вьетнамского народа, дало толчок развитию экономики, культуры, более эффективно использованию производительных сил и богатых природных ресурсов. Вместе с тем Вьетнам испытывает немало трудностей. Переход от мелкотоварной, отсталой экономики, к тому же разрушенной войной, к социализму осложнился невиданными стихийными бедствиями — тайфунами, наводнениями, засухами, — а также действиями враждебных сил: экономической блокадой и саботажем. Сказываются также ошибки в руководстве экономической и обществом, просчеты в идеологической и организационно-кадровой работе...

На этом сложном этапе истории заметна качественная эволюция вьетнамской литературы, в которой ведется ныне художественное исследование наиболее волнующих проблем современного общества, в правдивых образах отражается его противоречивая действительность. На этом трудном пути важными для вьетнамских писателей оказался опыт советской литературы. В последнее время на вьетнамский язык переведены «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Бессонница» А. Крона, «Выбор» Ю. Бондарева, «Буранный полустанок» Ч. Айтматова, «Алмазный пояс» П. Кадьева, «Завещаю тебе» В. Александрова и другие произведения, затрагивающие важные социально-нравственные проблемы.

Вышедшие в 1983 и 1985 годах новые сборники Нгуен Минь Тяу «Женщина в скором поезде» и «Деревенская пристань» ознаменовали новый этап в развитии творчества писателя и привлекли внимание критиков и читателей своим новаторским подходом к исследованию действительности. Еще в 1985 году редакция еженедельника «Ван нге» («Литература и искусство»), органа Союза писателей Вьетнама, организовала их обсуждение за круглым столом. «После войны» я много раз ездил в творческие командировки, встречался со многими ветеранами-бойцами и командирами; таким образом, я довольно-таки основательно подготовился к работе над романом о событиях 1972 года — сражении при старинной крепости Куангчи, — сказал на обсужде-

нии Нгуен Минь Тяу. — Но когда я взялся за дело, то наряду с событиями недавней войны меня оступили проблемы нашего сегодняшнего дня. Наверное, вы согласитесь, что есть нечто такое в образе жизни, нравственном облике, в воззрениях окружающих нас людей, особенно молодежи, что не может не вызывать и интереса, и беспокойства».

В новых произведениях Нгуен Минь Тяу, с которыми познакомились советские читатели, заметно стремление к многомерности. Например, герой рассказа «Автопортрет», талантливый художник, корысти ради не выполнил обещания, данного воину, выручившему его из беды. В результате случилось непоправимое несчастье с матерью бойца, и художника, оказавшегося перед судом собственной совести, не покидает чувство раскаяния. В рассказе «Ханг» бывший политрук батальона сумел приспособиться к жизни, сделал карьеру и, поступившись принципами, оставил без поддержки вдову своего товарища и его детей. Его бывший начальник — политкомиссар Кинь не укоряя его, живет, сохраняя верность идеалам, а Ханга оставляет наедине с совестью. Обывательское отношение к тем, кто живет рядом, жестокость домохозяек, которые оклеветали, затравили человека, исследуются в рассказе «Женщина нашего дома».

Изменился сам строй писательского мышления Нгуен Минь Тяу, который, сохранив непоколебимую веру в душевную красоту человека, романтичность мировосприятия, стремится вскрыть «изнутри» живучие проблемы формирования характера нового человека Вьетнама. Психологизм, тонкая наблюдательность писателя обуславливают неоднозначность, многогранность художественных образов. Излишняя строгость, суровость старого Тхья из рассказа «Новогодняя ночь» во взаимоотношениях со взрослыми детьми объясняются не только его патриархальностью, но и глубоким нравственным чувством. «Когда мы на что-то затрачиваем мало усилий, то и наша ответственность невелика, но если мы этого достигаем высокой ценой, то тут и ответственность, конечно, огромна!» — рассуждает о характере друга старей Дам.

Острую полемику на страницах еженедельника «Ван нге» вызвали рассказы «Печать профессии», «Джонка вдалеке» и особенно повесть «Женщина в скором поезде». Положительно отмечая в целом новаторские поиски Нгуен Минь Тяу, некоторые писатели и критики сочли, что в этих произведениях остаются непроясненными замыслы писателя, а образ Куи в повести «Женщина в скором поезде» нетипичен и неправдив. Здесь, пожалуй, проявилась стереотипность мышления: привычное и даже канонизированное еще недавно требование воспитательного, мобилизующего начала в художественных произведениях. В рассказе «Печать профессии», например, раскрывается психология старого вратаря, вспоминающего накануне смерти о «звездных часах» своей молодости, а новелла «Джонка вдалеке» рассеивает романтическую дымку, которая окутывала долгое время ставший привычным образ рыбацкого суденышка под парусом, маячившего в морской дали, — хозяин джонки, озверев от безысходности существования, ежедневно избивает свою безропотную жену.

Героиня повести «Женщина в скором поезде», красавица Куи по окончании средней школы отказалась поехать учиться за границу, вступила в армию, когда началась война против агрессии США. Всю войну она пробыла в джунглях Чьюншон, где шли ожесточенные бои. Была она и артисткой

в ансамбле, и машинисткой, освоила профессии снабженца и типографского рабочего, оказывалась и связным-проводником, и сестрой милосердия, и фотографом, и корреспондентом, и шофером, охраняла кладбище погибших бойцов... И, как все молодые девушки, любила. Куи «не была стеснительной и чересчур скромной, как большинство ее подруг, но не стала такой развязной, как некоторые». Она «всегда всем была довольна и к людям относилась с открытой душой». Именно поэтому в нее часто влюблялись, баловали ее, как «лесную королеву». Со свойственной молодости пылкостью она полюбила талантливого и храброго командира полка Хоа. Но в том-то и дело, что любит Куи выдуманной ею некий романтический идеал, а не реального человека, который может порадоваться повышению в звании и хорошей еде. И уж совсем прозаическая деталь — руки его всегда потливы. Они расстаются. «Я не хотела мириться с тем, что даже лучшие из лучших все равно люди — нет, мне подавай святы!» — горько вспоминает Куи, когда Хоа уже нет в живых. После восстановления мира во Вьетнаме Куи выходит замуж за старого друга Хоа, но и этот жизненный шаг — скорее дань памяти погибшему, запоздавшая попытка исправить ошибку, а не стремление обрести личное счастье. Образ Куи необычен для литературы Вьетнама, в которой сильна еще традиция изображать женщин

самоотверженными, но в какой-то степени покорными существами. Впервые возникает здесь образ женщины с сильным характером, сознающей свое личное достоинство, самостоятельной, способной стать хозяйкой своей судьбы. Возможно, Нгуен Минь Тяу предвосхитил явление, которое станет массовым в современном Вьетнаме, идущем по пути строительства социализма. Непривычной, но жизненно правдивой предстает эволюция Куи, ее освобождение от романтических иллюзий, которые, как справедливо отмечает литературовед Лай Нгуен Ан, смыкаются с проявлениями субъективизма и voluntаризма недавнего прошлого.

Не все произведения Нгуен Минь Тяу, с которыми знакомится советский читатель, художественно равноценны. Чрезмерно тенденциозным представляется повествование в рассказе «Роль», явно недостаточно психологическое проникновение в духовную жизнь героя рассказа «У военной дороги».

И все-таки сборник интересен. Причастна к этому и переводчица И. Зимонина, подарившая читателям хорошую книгу, хотя в тексте порой встречаются и неоправданные отклонения от оригинала.

ЛЕ ВИНЬ КУОК.

Тулепберген Каипбергенов

Перевод с каракалпакского Е. Сергеева

НАЧАЛО

ИЗ РОМАНА-ЭССЕ «КАРАКАЛПАК-НАМЭ»

В январе 1945 года произошло событие, которое переменяло всю мою жизнь и открыло мои давнишние мечты. Меня вызвал к себе директор школы:

— Вот что, Каипбергенов, — сказал он. — Сделаем так: до обеда ты — ученик шестого класса, а после обеда — учитель в начальных классах.

Надо пояснить, что в нашей школе «начальными» были не классы, а всего два класса — первый и третий (один класс), второй и четвертый (еще один класс), в них вместе занимались ребята разных возрастов. В нормальной школе они были бы распределены по разным классам — со второго по четвертый. Но то в нормальной школе, а в нашей глинобитной межколхозной они сидели рядом, хоть и проходили разные программы. Вот в том смешанном (втором-четвертом) классе мне и предстояло учительствовать.

Новость эта вошла в наш дом, как солнечный луч. У всех сразу засветились лица. И только по лицу моей матери пробежала небольшая тень.

— Ведь учителю нужна приличная одежда, а заявляться в класс в твоей...

Она не договорила, потому что моей одежке и впрямь трудно было подыскать хоть какое-нибудь название. Когда-то она считалась фуфайкой, но именовать ее так ныне можно было только по старой памяти. Когда-то фуфайка была черной, однако давно уже облиняла и выцвела, к тому же десятки штопок и заплат превратили ее в пестрое рубище.

Купить новую одежду? Но на это же деньги нужны, а в доме их давно уже не имелось. Продать что-нибудь на базаре? Но что? Еды и самим не хватало. Скотины в хлеву тоже давно уже не было. А каких-либо ценных вещей (ковров, украшений) в нашей семье никогда не водилось. К тому же все, что можно сменить или продать, за годы войны уже сменяли и продали. Прошлой зимой пришлось отдать за полбатмана риса свадебный наряд моей матери, который она надевала лишь раз в жизни, а все остальное время хранила на дне сундука, берегла для будущей невестки.

— Нежданная радость всегда приводит с собой и нежданную беду, — вздохнула бабушка.

А дедушка долго сидел молча, потом решительно встал и сказал:

— Что-нибудь придумаем.

Я с надеждой и сомнением поглядел на него. Да что тут придумаешь, если известно, что из ничего ничего и не выкроишь. Но все же хотелось верить, что выручит он меня и на этот раз.

Дедушка помолчал, помолчал и медленно так, раздумчиво произнес:

— А шинель-то, которую в прошлом году купил на базаре наш сосед-старик, кажется, была недраной...

— Ты что надумал? — всполошилась бабушка.

— Ничего. Просто умер этот старик сегодня поутру.

— Уж не собираешься ли ты взяться за то, чем в жизни никогда не занимался? Неужто пойдешь обмывать мертвеца?

— А почему бы и нет? Уж лучше мертвого обмыть, чем ходить клянчить по соседям. А обмыть — что ж тут такого? Это дело доброе по отношению к умершему человеку. А потом все по правилам, все по обычаю: одна из вещей покойника принадежит тому, кто его обмывает. Вот я шинельку-то и возьму.

— Да ведь умер-то он не от старости! — закричала моя мать. — От болезни он умер! От такой болезни, что не только соседи, а родственники брезгают подойти к нему. Не позволю, — закричала она еще громче, — не позволю, чтобы его заразную шинель надел мой сын!

— Уймись! Божья кара тебе на голову! — прикрикнул отец и даже в сердцах стукнул ладонью по колену. В доме моментально воцарилась полная тишина, потому что отец повысил голос, кажется, впервые в жизни. Все удивленно глядели на него, а он вдруг успокоился так же внезапно, как и осерчал, и ровным голосом пояснил: — Разве не знаешь, что стоит промыть вещь в золе карабараха¹, и она станет незаразной?

Моя мать молчала обиженно. Отец тоже замолчал. Он редко сердился, но если это случалось, то потом долго злился на себя. Молчал и дедушка, он, видимо, обдумывал предстоящее дело. Бабушка молча глядела на дедушку и только медленно и равномерно покачивала головой. Младшие братья тоже попритихли, когда братья взрослые, лучше не напоминать о себе. Молчал и я, а что тут скажешь?

Радость, которую я принес в дом, оказалась не лучом света, а вспышкой молнии. Теперь прогрехотал гром и наступила тревожная тишина. В тишине все разошлись по своим постелям, и утром каждый молча отправился по своим делам.

В обед я вернулся из школы. Меня встретил улыбающийся дедушка и сразу повел в глубь двора, где на веревке висела мокрая шинель, простиранная в золе карабараха. С нее еще капала вода, но дедушка снял шинель и передал мне. Передал торжественно.

— На, внук, носи. Бедности стыдиться не надо. Одежда умершего, это как память о человеке. Когда я помру, кто-нибудь и меня обмоет и тоже будет носить мою одежду.

Хоть шинель и была еще мокрой, но я все же накинул ее на плечи, уж больно не терпелось дедушке посмотреть, как она сидит на мне. Покойный старик не отличался ростом и дородностью, так что шинель его пришлась мне как раз впору. Была она еще крепкой, без заплаток, но, правда, рукава уже пообмахрились на обшлагах и в локтях протерлись.

— М-мда-а, — протянул дедушка, — надо бы подлатать, но у невестки совсем нет времени, все на работе и на работе, а бабушка наша вовсе расхворалась, и на глаза совсем плохая стала, еле-еле видит. А мы — мужчины — с иголкой управлять не умеем. Топор, лопата — вот это да, а иголка для наших пальцев мелковата. Значит, тут остаются два выхода: либо вовсе обрезать рукава, либо подогнуть их до локтей. Как думаешь? По мне-то лучше подвернуть. Когда у джигита рукава засучены, он всегда как-то веселее смотрится, лихости в нем больше.

На следующий день, обрядившись в обнову, я отправился в школу.

Шинель! Это же не просто одеяние, это — мечта и предмет зависти всех мальчишек военной поры.

Директор школы Каипбек-ага глянул на меня и поначалу вроде бы не узнал, а после радостно воскликнул:

— Вот молодчина! Теперь ты настоящий боец педагогического фронта!

Однако с шинелью этой связаны у меня не только приятные воспоминания. Как-то пришли мы в один дом на поминки. Нас, молодежь, посадили отдельно. А было нас (молодежи то есть) — десять девушек, работавших в колхозе, да я — ученик-учитель. Единственный представитель сильного пола в этом кругу. И как таковой по обычаю я должен был вынуть мясо из бульона и разделить его на всех. Подали глубокую миску. Только я приступил к выполнению своей почетной обязанности, как рукава шинели вдруг развернулись и обмахренными обшлагами — прямо в бульон.

Ой, как стыдно-то! Господи, чуть не сгорел со стыда. Но девушки тем не менее все съели. А что им еще оставалось? Ведь другого блюда нам никто бы не предложил в те годы.

Хоть и осрамила меня эта шинель, оконфузила, но носить ее все равно пришлось, и рукава все равно подвергивал. А куда денешься? Другой одежды не достанешь.

Мою учительскую зарплату мать откладывала и сберегала. Это были единственные «живые» деньги в доме. Они с отцом за работу в колхозе получали натуроплатой, но это только так называлось, а на деле зарабатывали они тогда в основном «галочки» на трудовни. Пенсий для колхозников в те годы не существовало, потому

¹ Карабарак — степное растение.

бабушка с дедушкой не получали ни копейки. А деньги-то были нужны. Не на прокорм, кормились в основном с огорода. Нужны они были для того, чтобы на следующую зиму купить обувь и одежду для меня и младших братьев и сестер.

* * *

К весеннему севу предстояло расчистить новые земли, поднять целину. Людей в колхозе поприбавилось, стали возвращаться с фронта солдаты. Людей-то прибавилось, а вот количество рабочих рук не увеличилось. Почти не увеличилось. Те, кто возвращался из армии, были не работники, они могли помочь только советом, а к тяжелому физическому труду не годились. Почти сплошь инвалиды, здоровых с фронта не отпускали. Война хоть и шла к концу, но еще не окончилась. Основной силой в колхозе оставались, как и прежде, дети, женщины да старики.

Учителя ходили в поле вместе с ребятами. Не только для того, чтобы помочь колхозу. В поле одновременно с работой шла и учеба. Успевали и опросить ребят, и новый материал объяснить. Трудности были лишь с математикой. И то не столько потому, что этот предмет сложно изучать в полевых условиях, сколько из-за того, что учителем математики в нашей школе был фронтовик, вернувшийся без руки. Для него одного сделали исключение, и уроки математики проходили в классе.

В эти дни я вновь стал сочинять стихи, и сочинял их во множестве. Нет, не от какого-то особого прилива творческих сил или всплеска вдохновения, а по поручению директора школы. По его настоянию я писал о колхозных обязательствах, воспевал передовиков, высмеивал лодырей и лежебок.

Каждый день во время обеденного перерыва на полевом стане одной из бригад выступал наш школьный агитколлектив, и я читал свои стихи. Порой зарифмовывал даже сводки посевных работ или очередное сообщение Совинформбюро.

Меня принимали тепло. Воодушевленный таким приемом, я вновь стал посылать стихи в редакцию.

Еще один ответ из редакции.

«Уважаемый Тулепберген Каипбергенов!

Ты опять начал бомбардировать нас своими стихами. Раз уж тебе не лень писать, то нам не лень их читать. Однако хотим сделать три замечания.

Во-первых. Мелкий арык всегда громко журчит. Выступления молодых стихотворцев часто напоминают именно такой арык. Ты, конечно же, еще молод. Стихи, присланные тобой, слишком наивны и к тому же недостаточно отшлифованы. Они напоминают дом, который выстроен наспех, тяп-ляп.

Во-вторых. Поэзия — это кладезь мудрости. Но не встречал ли ты некоторых торопыг, которые, бросив ведро в глубокий колодец, стремятся тут же рывком потянуть его обратно? Так ведь недолго и веревку оборвать. Тогда останешься и без ведра, и без воды. Говорим тебе это потому, что в кое-каких стихах ты напоминаешь этих торопыг.

В-третьих. Порой малообразованные люди доходят до каких-нибудь простеньких истин своим умом и тут же спешат оповестить весь мир о собственных открытиях. Не подозревают даже, что открытия эти всем давно известны. Мы не хотим называть тебя малообразованным. Как-никак, ты не только сам учишься, но и других учишь. Однако литература требует особых знаний, специальной подготовки.

Продолжай писать, но постарайся дольше держать стихи в голове, тщательнее их отделявать и реже заносить на бумагу.

С приветом. Редакция газеты «Кызыл Каракалпакстан».

Это письмо стало еще одним ведром холодной воды, вылитым на мой поэтический пыл.

Мой дедушка говорил: «Когда тебя ругают, то прикуси нижнюю губу, чтоб не дрожала от злости и обиды. Тогда лучше поймешь и того, кто тебя ругает, и самого себя».

* * *

Все мы очень рано уходили, кто на работу, кто в школу. Дома оставалась одна бабушка. Она присматривала за малышами. Но бабушка совсем расхворалась. Однажды утром она почувствовала себя так плохо, что не смогла подняться с постели.

Моим младшим сестренкам-близнецам не исполнилось еще и двух месяцев (они родились 14 марта). Сестренки голосили в два горла, а я собирался в школу, почти не обращая внимания на их совместный плач, поскольку уже привык к нему. Стоило только одной из них запищать, как другая тут же просыпалась и подхватывала тот же мотив. Вдвоем они задавали нам бесконечные концерты. Но в конце концов обычно замолкали сами, без укачиваний и утешений.

Бабушка, поняв, что я собираюсь уходить, окликнула меня:

— Внучек, я не могу подняться. Ты отнеси сестренку матери, пусть она их покормит грудью. Или лучше сам посиди с ними и покорми их. Пожуй хлеба с водой и положи им в рот.

Вчера вечером я принес домой нашу школьную стенгазету и до ночи оформлял ее. Если сегодня опоздаю, то смогу оправдаться перед директором, сказав, что возился с газетой. Лишь бы не опоздать на вторую смену, где я должен преподавать. До обеда можно посидеть дома с сестренками.

Бабушка вынула из-под подушки маленький кусочек сахара. Он был круглый и плотный — иссосан бабушкой. Был он грязный, мокрый — бабушка прятала его под подушку, и к нему липли песчинки, крошки, ворсинки.

— Ты с сахаром, — сказала она, — с сахаром пожуй. А то, если не сладко, они, капризуньи, есть не станут.

Делать нечего. Пришлось нажевать хлеб с этим куском сахара, другого в доме не было. Кое-как накормив и перепеленав сестренку, к обеду, наконец, отправился в школу.

Поднявшись на насыпь канала «Октябрь», увидел, что возле школы танцуют, прыгают и кричат ребята. Они размахивают руками и швыряют вверх все, что падетса.

От школы к аулу бежала Рахима — моя двоюродная сестра. Наши матери родные сестры. С Рахимой мы учимся в одном классе и даже сидим за одной партой, хотя Рахима на два года моложе меня, но она не пропускала учебу (девочек ведь не брали на борьбу с половодьем и на рытье канала).

Рахима явно торопилась и, похоже, не разбирала дороги. Она несколько раз падала на бегу. Обычно она переходила арык по мосту, а теперь побежала напрямик и хотела перепрыгнуть через арык, но, поскользнувшись, упала в воду. Я кинулся ей на выручку.

— Что? Что случилось? Куда ты так летишь? — спрашивал я, вытягивая ее из воды.

Она глядела удивленно. Я понял, что она меня не видела, хотя и бежала прямо на меня.

— Братья возвращаются!.. Братья...

— Где? Где ты видела своих братьев? Да говори же толком!

Она отдышалась и выпалила:

— Война кончилась!.. Понял?.. Война кончилась. Теперь они вернуться... Спешу мать порадовать... И отца...

Вырвалась и вновь побежала. Я хотел броситься за ней, но передумал и поспешил к школе. А она все бежала. Падала, вставала и вновь падала...

9 мая 1945 года.

Наш аул находился примерно в двадцати пяти километрах от райцентра. Радио еще не было. Телефона — тоже. Как только в райцентр пришла весть о победе, районные власти тут же разослали конных нарочных во все аулы. Вестовой подсккал к нашей новой глинобитной школе и, не слезая с коня, стукнул в стекло. Но не рассчитал силы — стекло разлетелось вдребезги. Однако директор даже нахмуриться не успел.

— Войне конец! Конец войне! Все джигиты возвращаются! — заорал вестовой что было силы.

Невозможно описать, что в тот день творилось в ауле. Все, кто способен был двигаться, — все кричали, прыгали и танцевали. Из каждого двора неслись песни. Разные. Они перебивали друг друга и сливались в общий невообразимый и радостный шум...

Рахима — тихоня, скромница, молчунья, четырнадцатилетняя Рахима смеялась и резвилась, как трехлетний ребенок. Она пела громче всех и выше всех подпрыгивала. Ни секунды не могла устоять на месте. Ее мать и отец, ее сестры тоже плясали и пели, а люди прятали глаза от них, не решались взглянуть в их сторону, а если и взглянут мельком, то тут же отворачиваются, чуть не плача.

Вся семья тети Бибиixon — родной сестры моей матери — ожидала возвращения с фронта двух братьев — Калиллы и Ибадуллы. Недавно — буквально два дня назад — в аулсовет пришло извещение об их гибели. Весь аул уже знал об этом, кроме семьи тети Бибиixon. Все никак не решались сообщить им эту горькую весть. А тут вдруг Победа и праздник, ликование. Кто же решится в такой день сказать людям, что должны они сменить смех на слезы?

«Моя сестра — удивительная мать. Этой страшной вести она может и не пережить. Надежда удлиняет жизнь. Пусть ждут...» — говорила моя мать старейшинам аула, убеждая аксакалов не сообщать пока Бибиxан о гибели ее сыновей. А вот уже наверное года два — два с половиной, как эту печальную обязанность в нашем ауле

исполняли аксакалы, почтальон не решался с «черной бумагой» приближаться к дому и приносил похоронки в аулсовет.

Легенда, рассказанная гегушкой.

Как только сотворил Аллах из глины первых людей, так сам долго не мог налюбоваться на творение рук своих и на радостях решил каждому из этих первых людей отпустить срок жизни подольше, чтоб с лихвой, значит: кому сто, кому двести, а кому от щедрости и все триста лет. И каждого из них наперед известил: «Ты в своей жизни проживешь столько-то годов».

Минуло сколько-то лет, и вот вдруг замечает всевышний, что вконец обленились люди, в полное запустенье приходят и поля их, и жилища. Они не строят дома, не роют арыков, не сеют хлеб и не пасут скот свой, а день-деньской валяются в тенечке и пальцем пошевелить не желают.

— В чем дело? — спрашивает господь одного из тех первых людей.

— А зачем мне трудиться? — отвечает тот человек.

— Как зачем? — недоумевает бог. — Разве ты не хочешь позаботиться о пище для живота своего и о крыше над своей головой?

— Ничего, — отвечает тот человек, — я без еды и крыши как-нибудь перебуюсь. Ведь не помру же. Ты мне отпустил двести лет, а из них я прожил покада только сто. Значит, еще столько же протяну, и ничего со мной не случится.

Аллах идет к другому человеку и тот же вопрос ему задает:

— Почему лень тешишь?

А человек ему в ответ:

— Нет нужды мне спину гнуть. Ты мне отмерил сто лет, я их и прожил. Не сегодня-завтра помирать, так зачем перед смертью лишний раз утруждаться?

Растерялся господь, не знает, что и сказать. Стоит, шею чешет. Тут приблизился к нему один из свиты господней и шепчет на ухо:

— Делать нечего. Этих придется оставить в покое. Но впредь никому из смертных не сообщай, когда отнимешь у него душу.

Подумал, подумал всевышний да и решил последовать этому совету.

«Малый народ жив большими надеждами».

«Родители, не видевшие гибель своих детей, никогда не хотят верить известиям об их смерти».

«Надежда удлинит жизнь. Мертвых не воскресить, но пусть живые проживут подольше».

О «черных бумагах», которые придут после Победы, никому не сообщать.

Так решили старейшины аула. Может, сегодня кто-нибудь и скажет, что они были не правы. Но это сегодня, а тогда никто не осудил решение аксакалов.

* * *

Весна Победы. За ней началось трудное лето. В ауле ждали солдат с фронта. Но возвращались не все. Одни вернутся через полгода, после победы над Японией. Другие никогда не постучатся в дверь родного дома. А те, кто возвратились, в большинстве были люди изувеченные, израненные. Редко кому удалось выйти из войны целым и невредимым, но и они уже отвыкли от сельской работы. А работы в колхозе все прибавлялось и прибавлялось.

В это лето я как-то сразу, почти в одночасье, вдруг понял, что детство кончилось, надо решать, что делать дальше: учиться в седьмом классе, или становиться учителем, или идти работать в колхоз? Подумав, решил, что надо подзаработать денег и поехать на учебу в город.

Мысль эта пришла сперва как бы случайно, но довольно быстро она накрепко засела в мозгу, а потом и всего меня захватила. А тут как раз...

Но лучше по порядку.

Это произошло в середине лета. В один из дней, когда я приглядывал за сестренками-близнецами, вдруг прибежал мальчик — мой ученик из второго класса, и сообщил, что меня срочно вызывает инспектор районо, прибывший к нам в школу. Срочно — так срочно. Но сестренки тоже оставить было не на кого. И вот, как был босой, в грязной залатанной фуфайке, в мятых дырявых брюках, отправился я на визит к инспектору, усадив сестренку себе на плечи.

Инспектора узнал я сразу по одежде. В то время всякий, кто хотел, чтобы в нем видели начальника, непременно носил френч. Но он не признал учителя начальных классов в босоногом пареньке. Не только не спросил меня, кто я такой и почему пришел, но сразу же строгим голосом прикрикнул:

— Эй, мальчик! А ну-ка иди отсюда. Живей, живей! Быстрее уходи и уноси своих сестреночек, а то они еще разревутся здесь.

Я хотел было что-то объяснить, но сестры, заслышав грубый окрик инспектора, и впрямь начали реветь в два голоса, как это у них было принято. Инспектор не стал даже слушать меня, только махнул рукой, мол, проваливай, да побыстрее. Я повернулся и зашагал к дому. По пути сильно злился на него: еще бы — сам меня вызвал и сам же не захотел даже выслушать.

Вечером, когда мать вернулась с работы, я рассказал ей обо всем. Думал, она успокоит меня. Но вместо этого она осерчала не на шутку.

— Безмозглый ты чурбан! — бранилась она. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Инспектор прождет тебя весь день и уедет обиженный. Что он скажет о тебе в районо? Ты думаешь, что после этого они позволят тебе быть учителем? А если тебя исключат из учителей, то с какими глазами будешь ходить по аулу? И всему нашему дому позор. Как мы-то будем на людей смотреть? Ты подумал об этом, безмозглый чурбан?

Не успокоилась она и на следующий день.

— Придется тебе уходить из аула. Отправляйся в город и поступай там учиться. Не поступишь — домой не возвращайся.

Обидно, конечно. Но, с другой стороны, ведь я давно уже мечтал об этом.

Мы с дедушкой сходили в районный загс, взяли мою метрику. В школе мне выдали справку об окончании шести классов, и через неделю мать напекла лепешек, стоговила еще кое-что на дорогу, собрала мешок и сама пошла проводить меня до конца аула, словно хотела воочию убедиться, что я действительно ушел.

Из поучений моей матери: «Первенец в семье должен стать не подпоркой дома, а мостом, по которому смогут пройти другие дети».

Легенда, которую рассказал мой дедушка.

Когда Адам-ата решил отделить подростов своих, то захотел прежде оделить их всем необходимым. В хозяйстве ведь многое нужно.

И вот вызывает он сыновей к себе и перед каждым по очереди открывает четыре мешка. В одном мешке доверху золото. В другом — зерно. В третьем — кинжалы. В последнем — книги. И каждый из сыновей должен взять из этих мешков по желанию.

Но был у него и любимый сын, которому Адам-ата подарил черную шапку. И захотел отец выделить любимого сына. Но прародитель человеческий ничего не навязывал своим детям. Сыновья сами должны были выбрать долю свою, однако, чтобы помочь Черношапочнику, Адам-ата спрятал мешок с кинжалами. А мешок с зерном закрыл и сам на него уселся. Золото же и книги он, наоборот, раскрыл, чтоб они, значит, повиднее были и сразу к себе внимание привлекли.

Но Черношапочник не понял замысла отца своего. На золото и на книги даже не глянул, а прямо он пошел к мешку с зерном и попросил отца привстать. Потом насыпал полную шапку зерна.

Тогда отец ему и говорит:

— Не одним лишь хлебом насыщается человек.

Подумал Черношапочник и отвечает:

— Спасибо, отец, вы правы.

После этого нагнулся и поднял с земли несколько прутьиков.

— Для чего они тебе? — удивился Адам-ата. — Этими розгами я порол вас в детстве, когда вы не слушались.

— Если хлеб не родится, — пояснил Черношапочник, — то я буду пасти скот, а пастуху пруттик пригодится. Ты верно сказал, что одним хлебом сыт не будешь. Надо позаботиться и о мясе.

Вздыхнул тяжело Адам-ата, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Любимый сын сам выбрал себе долю.

Когда бы наш предок сразу потянулся к книгам, тогда бы и мы с тобой, Тулек, были потомками образованных людей.

И вот еще что запомни: когда наследники продолжают дела отцов и дедов — это хорошо, но когда они исправляют ошибки предков — это еще лучше.

* * *

«До своего порога ведет одна дорога. От порога — тысяча дорог» — говорили мудрецы.

До райцентра я брел в грустном одиночестве. И казалось мне, что отныне я просто обречен на такое одиночество. Но в райцентре довольно быстро выяснилось, что ребят вроде меня, решивших искать свой путь в жизни, не так уж мало.

Не прошло и дня, как у нас образовалась маленькая, но дружная компания: Асен Карамов (ныне он врач, работает в Кегейлийском районе), Толыбай Рсекеев (стал учителем, преподает под Нукусом) и я. Обсудив наше положение и прикинув возможные варианты, мы решили вместе отправиться в Чимбай и поступить в педучилище.

Как только заговорили о Чимбае, у меня в груди потеплело. Если бы там разыскать Узакбергено-ага, моего первого жожаго, вот то-то было бы счастье. Он наверняка вспомнит меня и, конечно же, поможет. С Узакбергеном не пропадешь.

— А если он не вернулся с фронта?..

Мысль мелькнула, но я ее старался прогнать, поскольку от нее становилось так тошно, что ноги слабели, не хотели идти в Чимбай.

— Слушай, Тулепберген, — перебил мои мысли Асен, — а есть у тебя свидетельство об окончании семилетки?

— Нет, — удивился я, — откуда оно возьмется?

— В педучилище без семилетки могут не принять.

Ну вот. Час от часу не легче. Куда же деваться, если не примут в педучилище?

— У меня лишь свидетельство об окончании шестого класса, — вступил в разговор Толыбай. — Я его закончил еще в тот год, когда война началась.

— Я тоже, — грустно поддержал Асен.

Молча мы поднялись на мост через канал «Майжап», что на полпути от Кегейли к Чимбаю. С тоски решили подзакусить. Развязали мешки. Жуют лепешки, думаем-гадаем, как же теперь быть? Без свидетельства не примут. А возвращаться ни с чем по домам — срам да и только.

— А что, джигиты, — вдруг озорно глянул на нас Толыбай. — Хватит смелости самим исправить свидетельство?

— Это как? — удивился я. — Шестерку на семерку заменить?

— Не мелочись, Тулепберген. На семерку переправлять трудно. А вот на восьмерку — можно.

— Ну, голова! — воскликнул Асен. — Да с такой головой тебе надо быть министром! А что? Эта проклятая война украла у нас с тобой по четыре года. Ну, Тулепберген помоложе. Он всего два года потерял. Так разве мы с тобой не можем вернуть хотя бы половину того, что украла война?

Это объяснение показалось нам убедительным.

Быстренько нырнув под мост, мы достали свои свидетельства и вытащили химические карандаши.

В те годы документы не печатались на машинках, а писались от руки. Об авторучках тогда в наших краях никто и не ведал. Для простых перьевых ручек тоже чернил не хватало. Писали химическими карандашами.

— Только не слюнявьте карандаш — слюна след оставляет. Лучше в воду макнуть, — предупреждал опытный Асен.

По осени воды в канале было уже мало. Она не текла как летом бурным потоком, а почти стояла и оказалась прозрачной. Мы дружно макнули в нее огрызки своих карандашей.

— Начали, — дал команду Толыбай.

Лишь несколько дней назад я получил на руки первые в своей жизни документы. И вот уже подделываю их. Примостив листок на колене, аккуратно подрисовываю к шестерке недостающий полукруг.

— Ну, теперь, глядишь, и могут принять сразу на второй курс.

Асен весел и, похоже, совершенный подлог его ничуть не пугает.

— Только, чтобы каждый — молчок! Чтоб ни один не проболтался. Договорились?

Толыбай серьезен. Он, видимо, лучше нас представляет, чем это все может грозить.

— Договорились! — подхватывает Асен.

— Договорились! — присоединился я.

Человек, который принимал наши документы, придирчиво осмотрел печати, а сами бумаги проглядел мельком. Исправленных цифр он не заметил.

— Вы должны быть зачислены на второй курс. Однако вам предстоит письменный экзамен по каракалпакскому языку.

Мы приуныли. Я приуныл потому, что боялся, что в седьмом и тем более в восьмом классе могут изучаться такие правила родного языка, каких я еще не знал. Ребята же приуныли оттого, что вот уже четыре года они не брали в руки перьев, и на родном языке умели только изъясняться устно, а правописание многих слов уже и забыли.

В конце концов я экзамен выдержал и был зачислен на второй курс. А Толыбай с Асеном провалились, и их приняли на первый курс.

Неудобно получилось. Во-первых, они оба были старше меня на два года, а оказались на курс младше. Во-вторых, мы не хотели разлучаться — вместе, так вместе. К тому же великая мысль изменить шестерку на восьмерку пришла в голову не мне, а Толыбаю. И вот получается, что, воспользовавшись его идеей, я оказался в большем выигрыше, нежели сам автор идеи. Как-то все это несправедливо вышло. Поэтому, посоветовавшись с ребятами, я решил учиться тоже на первом курсе.

Два дня все шло хорошо. А потом вдруг является завуч училища. До сих пор помню его имя: Халиназар Юсупов. Является и говорит:

— Эй, Каипбергенов. Как у тебя с мозгами? Они у тебя в голове или в животе? Ты что, не можешь отличить первый курс от второго?

Я обиделся.

Вся группа рассмеялась.

Пришлось мне вернуться на свой второй курс.

Учеба, как ни странно, не была трудной и сложной. Похоже, что со своим шестиклассным образованием я уже знал половину того, что объясняли нам в педучилище. Свободного времени оказывалось с избытком. Я сперва просто шаялся по городу, меня, аульского паренька, многое в нем интересовало и манило. К тому же город не только удивлял, но, похоже, еще и вдохновлял. Все свои новые переживания, чувства и мысли я по привычке стремился превратить в строки стихов. Но скучными, либо, напротив, чересчур смешными и корявыми. А то и вовсе не рифмовались.

Все чаще вспоминал вожатого. Мне почему-то сперва казалось, что, бродя по улицам Чимбая, я должен непременно встретиться с ним. Но дни шли, а встречи все не было. Тогда я понял, что Узакбергенова надо разыскать.

Порасспросил старых преподавателей училища, помнят ли они его. Помнить-то они помнили, даже знали, что из училища он ушел на фронт (ну, это и я знал), а вот о дальнейшей судьбе Узакбергенова Бекниязова им ничего не было известно. Наконец, в секретариате училища мне удалось узнать, из какого аула был мой первый вожатый. Он из колхоза имени Андреева, из десятого аула Караузякского района. Это километров двадцать-двадцать пять от Чимбая. Я выбрал день, свободный от занятий, и отправился туда пешком. Идти пришлось часов пять.

Печальным оказалось мое путешествие. Дом родителей Узакбергенова я разыскал довольно быстро, но, переступив порог, узнал, что моего первого вожатого уже нет в живых. В сорок третьем пришла «черная бумага» на него, а в сорок четвертом — на его младшего брата, моего тезку Тулепбергенова. Старики остались одни — больные, немощные, разбитые тяготами минувших лет и обрушившимся на них горем.

Вспоминая сына, мать Узакбергенова постоянно плакала, у меня тоже слезы подкатывали к горлу, а вот его отец держался стойко. Он не то успокаивал нас, не то нам приказывал:

— Не оплакивайте их. Джигиты, которые за Родину погибли, погибли в сражении, — приняли святую смерть. Ими гордиться надо, а не слезы по ним лить.

Мать Узакбергенова приготовила чай. За чаем я стал рассказывать, как и когда познакомился с их старшим сыном. Объяснил, кто я сам таков, из какого рода-племени, чей сын, чей внук.

— Ой-бой, — перебил меня Бекнияз-ата. — Да ты, выходит, внук Хакимнияз? Вот ведь как получается. А мы-то с твоим дедушкой давние друзья, соратники-соратники. Когда Советская власть настала, меня избрали аксакалом¹, а дедушку твоего определили ко мне старшим. Сколько мы с ним вместе по степи поездили, сколько раз за врагами гонялись — и сосчитать невозможно.

— Тулепберген, а разве вы с нашим Узакбергеном не рассказывали друг другу о своих родителях и близких? — удивилась его мать.

Я вспомнил, что действительно о родственниках мы, кажется, не говорили, хотя, по старинной народной привычке, в наших краях у человека первым делом спрашивают, чей он и откуда.

— Знаешь, старуха, — медленно произнес Бекнияз-ата, — у наших детей уже другой нрав был. Они у друзей не выспрашивали, кто кому кем доводится. Они все хотели ценить человека самого по себе... А может это и верно.

Я попросил, если можно, показать мне последние письма моего вожатого. Его

¹ Председатель аулсовета.

мать открыла сундук и достала две аккуратно сложенные и перевязанные стопки треугольников.

— Вот, это от Узакбергена, а это — от нашего Тулепбергена.

Я постеснялся и развязывать, но она сама вынула из стопки два последних письма и протянула мне. Письма были в стихах.

Заметив мое удивление, мать Узакбергена сказала:

— Да. Они оба у нас были поэтами.

— Но старший вроде бы посильнее меньшого был, — добавил Бекнияз-ата. Мать Узакбергена извлекла из сундука несколько толстых тетрадей.

— Вот, все это его стихи, — сказала она, бережно прикрывая тетради ладонями и слегка поглаживая их. — Хоть и пришла на него «черная бумага», но я все еще не верю, будто он погиб. А он, уезжая, просил: «Мама, береги это». Вот и берегу.

— Пусть Тулепберген посмотрит, — разрешил Бекнияз-ата, — раз он знал нашего Узакбергена и раз он внук Хакимнияза, то ему можно.

Старуха придвинула тетради ближе ко мне, но все время следила за мной внимательно-настороженным взором, словно боясь, что я ненароком испачкаю, помну, а то и порву какой-нибудь листок. Читать в таком случае я, конечно, не мог. Сумел лишь просмотреть несколько страничек, и то бегло, как говорится, «по диагонали».

На обложке тетради, что лежала первой в стопе, значилось «Дневник У. Б.». Я тут же начал вспоминать все, что диктовал мне когда-то мой вожатый, и, открыв первую попавшуюся страницу, прочитал:

«Только теперь каракалпакская молодежь начинает дотягиваться до настоящей науки. Пока мы лишь прикоснулись к великим знаниям, накопленным человечеством. Чтобы овладеть ими, нам придется переделывать самих себя, придется приучивать себя к напряженному душевному и умственному труду. А потом придется переучивать и весь народ, прививать ему привычку доверять точным знаниям, а не просто поверьям и обычаям. Без этого не обойтись. Могут быть отдельные ученые и поэты, но не может быть науки и литературы у необразованного народа. Это, конечно, трудно, но медлить некогда. Далеко отстали. Надо торопиться, догонять человечество, а то у всех в хвосте...»

В другой тетради — переводы. Была отдельная тетрадка с переводами пьес Шекспира. Видимо, Узакберген не только говорил о необходимости создать общий учебник мировой литературы, но и сам активно готовил этот учебник.

В последней тетрадке были его собственные стихи. Я успел пробежать глазами лишь несколько страничек. Сначала удивился и обрадовался. Таких великолепных строк на каракалпакском языке я еще не слышал и не читал. Но потом приуныл: куда ж я стремлюсь в поэты, со своим-то талантишком. Вот как надо слагать стихи! Вот как. А у меня не стихи, а стыд один...

...Сколько раз в жизни приходилось жалеть о том, что свое время упустил или потерял по нерасторопности и бестолковости. Но самому себе еще можно простить собственные просчеты, за которые потом сам же и расплачиваешься. Тут вроде бы сам с собой и поквитался. А как быть, если твоя оплошность дорого обошлась другому человеку? А если — многим людям?!

До сих пор не могу простить себе, что не выпросил тогда у родителей Узакбергена его стихов, хоть на время, чтобы переписать их. Не выпросил, не вымолил, не убедил, что это необходимо. Его мысль, его чувства, стихи его необходимо не в сундуке хранить, а распространять, публиковать. Эту оплошность я до сих пор простить себе не могу.

В 1947 году, то есть через два года после того, как я посетил родителей Узакбергена, Амударья снова вышла из берегов. На этот раз она затопила и десятый аул Караузьякского района. Скорее всего, тетради Узакбергена Бекниязова погибли во время половодья. Но может быть, старикам и удалось спасти хотя бы часть записей сына? Не знаю. Вскоре после наводнения оба они умерли.

* * *

Сколько ссор, сколько распрей, сколько взаимного непонимания меж людьми из-за того, что говорят они на разных языках.

Но ведь языки-то потому и различаются, что различаются народы, различаются мировоззрения народов.

Судя по последним данным, люди планеты говорят на 2796 языках. И это только основные языки, а еще существует около восьми тысяч диалектов. Для каждого из этих языков его словарный запас — это поистине золотой запас культуры. Тут

даже единым словом поступиться нельзя. Язык может обеднеть, лишившись всего одного слова.

Даже ценнее, чем золотой запас. Поскольку золото мертво, а слова живы. Они рождаются, действуют и умирают. Да, и умирают тоже. Не стоит искусственно поддерживать, превращать в мумию слова-трупы, но смерть слова должна быть естественной, убивать слово, насильственно закапывать его живьем — это преступление.

Слова живы, и, как все живое, они тоже необходимы для жизни, как еда, тепло, воздух, свет...

Помню, мой дедушка заставлял нас выходить навстречу гостям. Он говорил:

— На нашем дастархане может не хватать горячей еды и сочных плодов, но гостя можно порадовать и горячей встречей и сочным словом.

Каждое слово — это загадка. Оно вроде бы тебе с рождения ведомо, но если вдруг откроешь для себя истинный смысл того или иного слова, то в мире будто бы светлее станет, ты словно бы яснее увидишь все, что знал давным-давно и видел тысячу раз.

Но слово не только загадка, оно еще и ключ к отгадке мира. Многие в этом мире кажутся смутным и непостижимым, пока не подберешь ему название, пока не подберешь слово, которым его надо обозначить.

Лишившись слов, мы стали бы не только немые, но и глухие. Не понимая языка людей, вряд ли сумели бы мы понять язык птиц, зверей, язык природы, тайный язык законов мироздания.

Но разве всегда могут понять друг друга и договориться друг с другом люди одной национальности? Те, кто во всех анкетах одинаково отвечает на вопрос: «Какой язык считаете для себя родным?» Разве в мире и согласии живут друг с другом люди, говорящие по-арабски, по-английски, по-испански?

Разве до революции не враждовали меж собой народы, говорящие на родственных тюркских языках: узбеки, казахи, киргизы, туркмены, азербайджанцы, татары, башкиры, каракалпаки, нагайцы, кумыки?..

Значит, для взаимопонимания нужна не столько общность языка, сколько общность мысли.

Из рассказов аксакалов

...Как только наш Аллаяр Досназаров добился автономии для каракалпаков, так сразу и трудности начались. Потому что если уж автономия, то и все бумаги, особенно казенные и важные, надо писать на каракалпакском языке. А как их писать, если по-каракалпакски «Алипбе»¹ еще нет. И кто их сможет читать, те бумаги то есть, если, наоборот же, никто из каракалпаков даже «Алипбе» не прочитал. Вот загвоздка-то какая вышла.

Опечалился наш Аллаяр Досназаров. Не знает, как ему быть. Нсужто от автономии отказаться? С такими тяжелыми думами поехал он прямо в Москву.

Ну, в Москве его встретили как и положено встречать уважаемого человека, который стоит во главе самостоятельного народа, имеющего автономию. Поделится он своими тревогами и печальями, а ему говорят:

— Не унывайте, уважаемый товарищ Досназаров. У вас еще есть хоть сколько-то людей, которые по-арабски писать и читать могут. А вот в Сибири и такие народы имеются, среди которых от века ни единого грамотного не бывало. Но и они все скоро будут уметь читать и писать, потому что в стране начинается ликвидация безграмотности. Так что, уважаемый товарищ Досназаров, не надо вам кручиниться и переживать, а надо вам ворочаться в свою республику и приступать к созданию собственной азбуки.

Вернулся Досназаров, собрал умных грамотных людей и поставил перед ними несколько разных словарей. И стали они думать о том, по какому примеру составить им азбуку своего языка.

Еще ... В двадцатых годах сыскались такие «мудрые» головы, которые порешили создать для всех тюркских народов один общий тюркский язык. Зачем, мол, десять азбук писать, десять грамматик сочинять. Сочиним одну, это, мол, и послужит сближению народов.

— Э, нет, не годится! — сказал Аллаяр Досназаров. — У нас, каракалпаков, семья многодетная. Но попробуй войти в семью и приказать, чтоб из всех детей лишь один говорил, а остальные девять только поддакивали. Да тебя враз из дома выгонят за такие слова.

— Если в саду срубить все деревья и при этом думать, что одна оставшаяся яблоня даст больше урожая, чем весь сад, так это сплошная глупость. И всякий узбек

¹ Букварь.

вам то же скажет. Точно так же и один язык, даже самый цветущий и плодovitый, не сможет заменить сад языков, — заявил Файзулла Ходжаев.

— Лишить народ родного языка — это все равно, что живьем его закопать, — сказал Сакен Сейфуллин. — Разве сможем мы, казахи, петь свои песни на чужом языке?

— Никто не вправе заставлять туркменов, которые ушли за границу, не поняв революции, забыть свою родину. Когда они возвратятся, а истинные сыновья своей земли обязательно возвратятся, тогда на каком языке мы будем с ними говорить? И что мы им скажем? Как мы ответим, почему не сберегли родную речь? — спросил Кайгысыз Атабаев.

Свой вкус у винограда, выросшего в горах. Свой вкус у винограда, вызревшего в долине. Свое звучание у каждого из тюркских языков. А те «умники», что хотели создать единый тюркский язык, давно уж помалкивают, чтобы не позориться.

Из уроков учителя литературы и языка

...В старину ханы, шахи и султаны, чтобы укрепить дружбу с соседними державами, отдавали своих дочерей в жены властелинам соседних держав и сами женились на их дочерях.

В наше время дружбу укрепляет литература, поэтому ее уместно назвать дочерью своего народа. А если книга не стоит того, чтобы ее переводили, то книга эта может быть уподоблена засидевшейся в девицах невесте-вековухе, которую никто не полюбил...

...Поэзия и любовь — это синонимы. Объясняю: синонимами называются слова, которые различаются звучанием и написанием, но одинаковы по смыслу. Смысл каждого стихотворения, его сердцевина, его корень — это любовь! О чем бы оно ни было написано...

...Сюжет произведения может быть простым и ясным, а может быть и осложненным, запутанным, точно так же и путь человека к любви может порой осложняться. В то же время сложным может быть и путь человека к литературе...

...Любой человек хоть раз в жизни, но испытывает чувство любви. И — обратите внимание — любой человек хоть раз в жизни испытывает влечение к поэзии...

...Слово «Адебият» состоит из двух слов. Разбирая его, мы с вами начинаем изучать тему «двухкорневые слова». Итак, «Адебият» состоит из «адеб» («честь», «достоинство») и «ият» («позор», «стыд»). Честь и стыд — вот основа и литературы, и любви...

Учительница литературы говорила: ...Разумной женщине тяжело жить с глупым мужем. Так же, наверное, и умному мужчине трудно ладить с глупой женой. Я думаю, что и мудрому читателю плохо с глупой книгой, а может быть, и мудрая книга страдает от глупого читателя?..

...Только не надо все связывать с литературой. Есть вещи, которые и без поэзии понятны, ну, например, неудовлетворенность. А есть вещи, которые никакая поэзия не объяснит...

...Находятся же два глаза на одном лице, хоть они друг друга и не видят. Даже муж с женой могут жить в одном доме и не обращать внимания один на другого. А на чужой взгляд все будет казаться нормальным...

Учитель литературы рассказывал: ...Однажды великий Навои собрал в тени огромного дерева своих многочисленных учеников и читал им стихи.

Тем временем мимо проходила одна красивая женщина, которая была известна своим непристойным поведением. Увидела она поэта с учениками и крикнула:

— Эй, Навои! Что бы о себе ни думал, сколько бы ты ни старался, а мне стоит лишь бровью повести, лишь подмигнуть, и все твои ученики побегут за мной!

Тогда великий Навои сказал ей:

— Что ж, это и неудивительно, если многие из них побегут за тобой. Вниз бежать всегда легче, чем подниматься на вершину.

* * *

В день переходных экзаменов со второго курса на третий к нам вошел сам директор училища Адылов. Он сначала по журналу произвел перекличку и, убедившись, что все на месте, предложил:

— Кто согласен на среднюю оценку по языку и литературе? Средняя выводится по пяти последним оценкам. Поднимите руки.

Мы их, конечно же, дружно подняли, ведь бывший учитель литературы не скупился на высокие баллы.

Адылов, кроме должности директора педучилища, занимал также и пост заведующего гороно, был он также и народным судьей первого участка города Ход-

жейли. В те годы дельные и образованные люди частенько занимали сразу несколько постов, это началось еще с войны, когда в тылу явно не хватало квалифицированных и опытных людей. Теперь ко всем должностям и обязанностям Адылова прибавилась еще одна. Он начал вести у нас каракалпакский язык и литературу. Кое-кого это пугало (идти на урок как на суд — страшновато), но многие и обрадовались (что ни говорите, но если твой учитель в одном лице являет весь педагогический Олимп города, то тут есть чем гордиться).

Адылов говорил: ... Учиться литературе — значит учиться жизни. Для тех ребят, кто этого хочет, всегда откроется дверь моего кабинета, вернее, все двери моих кабинетов и в педучилище, и в гороно, и в суде...

...Язык — основное жизненное имущество народа. Много есть расхитителей этого имущества, но вы — будущие учителя — обязаны его охранять. Учитесь грамоте по книгам и газетам...

Из газет: «...Литературный каракалпакский язык как язык письменный стал формироваться, начиная с 1924 года. С этого времени начала выходить и первая газета. Печаталась она арабскими буквами».

«...В 1930 году арабский алфавит был заменен латинским...»

«...В 1940 году вместо латинского алфавита был принят русский. С принятием его открывались большие возможности — пользуясь одним алфавитом, люди могли читать и писать сразу на двух языках...»

Адылов говорил: ...Вместе с русским языком к нам прибыл большой караван культуры. Грузом этого каравана были лучшие книги всех стран мира и всех республик Советского Союза. Ясно, как солнце днем и как луна ночью, что с тем же караваном вернулось к нам и знание своей истории, отраженной в летописях других народов, и саженцы будущей культуры. Если говорить, применяя не древние образы, а сегодняшние сравнения, то можно сказать, что русский язык стал для нас мостом, который связывает нас со всем миром...

...Переводы несомненно обогащают и нашу литературу, и наш язык. Да, и язык тоже, потому что переводчик в поисках подходящего слова вынужден и вспоминать слова древние, полузабытые, и придумывать слова новые...

...Не надо бояться новых слов, если они понятны людям. Не стоит бояться и слов иноязычных, чужеродных. Если другой народ придумал название для предмета или явления, то почему бы и не воспользоваться этим названием. Говорят, что не нужно заново изобретать велосипед, но и тем более не нужно заново изобретать название для велосипеда.

...Но и слишком переменчивыми быть не пристало. Не нужно подлаживаться под других, подстраиваться, обезьянничать. Есть у нас поговорка: «Если твой приятель крив, то и ты зажмешь один глаз». Ну а что делать, если приятель лыс, — волось на себе повьдэргивать? От подобных поговорок, от подобных вековых мудростей нам пора отказываться. Больше они нам не понадобятся...

* * *

Для меня до сих пор загадка: почему это району выдало мне направление в школу-семилетку, что находилась в пяти километрах от моего родного аула, когда в нашей десятилетке как раз не хватало учителей? Но логика казенного мышления неисповедима. Сколько я ни убеждал, сколько ни доказывал. Нет. Уперлись и все тут.

— Нам виднее, — говорят, — куда вас направить на работу. А для вас должен быть один закон — трудовая дисциплина.

Директор той школы, куда меня определили, издал приказ, согласно которому я полностью брал четвертый класс, а еще из-за нехватки учителей вынужден был преподавать математику в 5—6 классах. Через полгода меня назначили также и старшим пионервожатым. Но мало того, на меня же возложили обязанности вести литературный кружок, хотя сам директор преподавал каракалпакский язык и литературу, и казалось бы, ему заниматься кружком сподручнее.

Впрочем, я и не противился. Во-первых, вести литкружок — это совпадало с моими интересами. А во-вторых, чем сильнее меня загружали, тем более значимым и ценным работником я сам себе казался. Одно плохо, свободного времени практически не оставалось.

Притча, которую поведал мой гегушка

В давние времена один многодетный отец больше всех своих детей любил младшего сына. Всюду-то он брал его с собой и доверял ему таскать самые тяжелые вещи, и только ему позволял прислуживать себе за столом, и даже собственную посуду мыть разрешал только ему. Такое доверие радовало парня, и он старался

А братцы его меж тем женились, хозяйством обзавелись. Кто в учебу пошел, кто по торговым делам, но все преуспели и каждый стал славен и знаменит. А любимый сынок все при отце крутился. Но однажды опомнился и говорит отцу:

— А когда же мне начинать жить своим домом?

— Наконец-то, — обрадовался отец. — А я уж боялся, что ты так никогда за ум и не возьмешься.

Отвел отец сына на берег Аму, в то место, где впадает она в Аральское море, и сказал:

— Вот, живи здесь. Строй дом. Лови рыбу. — А сам пошел погостить к другим детям, да так больше и не вернулся.

Уж не мы ли потомки того старательного сына?

К чему я говорю тебе это, Тулек? А к тому, что, может, и твой директор ждет, когда же ты сам за ум возьмешься.

Легенда, рассказанная моей матерью

Давным-давно у одного шаха тоже был любимый сын. Остальным сыновьям стало завидно, и начали они клеветать на него и, наконец, добились того, что шах поверил той клевете и возненавидел сына, которого прежде любил. Так возненавидел, что решил его казнить.

Однако для родителей сын — всегда сын, и захотел шах дать ему возможность спастись. А для этого позвал к себе судью, отсыпал ему монет и говорит:

— Предложи моему сыну две бумажки. На одной пусть будет написано «казнить», а на другой — «помиловать». Не хочу, чтобы я стал виновником его смерти. Пусть сам вытянет бумажку и сам решит свою судьбу.

Судья обещал так и сделать. Но другие братья узнали о том и тоже подкупили судью. И дали ему денег больше, чем шах. Попросили они, чтобы и на одной бумажке и на другой было написано слово «казнить».

Настал день суда. Судья протягивает шахскому сыну две бумажки и говорит: — Выбирай. Сам решай свою участь. Что вытянешь, то и будет.

А парень догадался о том, что замыслили братья против него. Подошел он, взял бумажку, да не разворачивая и сунул ее в рот. Разжевал и проглотил. А потом обращается к судье и говорит:

— Я вкусил то, что уготовила мне судьба. Теперь разверните другую бумажку и прочтите, что там.

Судья разворачивает другую бумажку. А его люди окружили, при них наврать он не может, а потому читает то, что там написано. А написано там — «казнить». Значит, парень вынул и проглотил ту, на которой было написано — «помиловать».

Его и помиловали.

Помни Сере: из любого положения всегда есть выход. Не зря люди говорят, что одно верное слово может отвести сразу тысячу сабель, нависших над твоей головой.

Случай, который рассказал мой отец

— Тут недавно провожал я нашего председателя. Да что там «провожал», если честно, то пьян он был вдребезги. Еле дотащил его. А он всю дорогу бубнил:

— Я с чего напился? — говорит. — Я с тоски напился. А тоска с того, что чую неладное, а откуда беду ждать — не знаю.

Когда, — говорит, — председателем сделался, так я враз приструнил всех, кто был мною недоволен. Кого вовсе от дел убрал, кого припугнул, и все они замолкли. Теперь против меня никто и слова не скажет.

Когда о чем ни спрошу, все одно талдычат: «Слава богу, под твоим руководством дела идут отлично».

Какое там к шайтану — «отлично». Я ведь вижу, сколько кругом неполадок. Я ведь чую — а нюх у меня ой-ей-ей какой, — чую, что ошибок у меня навалом. А какие именно — понять не могу. И никто ведь не подскажет, чтобы исправить успел. Так вот и влипну. И загремлю. Ох, влипну...

Говорил он это, а сам чуть не плакал.

Сынок, начальство — оно, конечно, несогласных не любит, но уважает, если умное. Потому уважает, что чувствует: без них оно и само пропадет. Так что ты уж будь поежистей, позанозистей.

Я, конечно, как и подобает, со вниманием выслушивал старших — и отца с матерью, и бабушку с дедушкой, и аксакалов с коше-бием, но, признаюсь, не очень-то задумывался над всеми этими притчами, легендами и рассказами их жизни. Просто времени для размышления над ними не было.

Дел невпроворот. Встать с утра пораньше и спешить за пять километров в школу. Там — уроки, пионерские собрания и слеты, заседания педсовета и литературного кружка. Вечерами — проверка тетрадей и подготовка к завтрашним урокам. И так день за днем и без конца.

А если и выдавалась свободная минута, то голову я загружал не размышлениями да преданиями и поверьями, а строчками и рифмами ненаписанных стихов.

Бросить это занятие я не мог. Сколько уже потерпел на нем? Сколько обидных слов из-за него выслушал и вычитал! Ни единой похвалы не удостоился. Но одно доставляло мне какую-то тайную радость. Было почти что манией. Почти что скрытой болезнью.

Стихи я писал и писал. Некоторые из них продолжал посылать в редакцию, продолжал, несмотря ни на что. И ждал, ждал, когда же опубликуют. Если по какой-то причине я не успевал с утра просмотреть хоть один из номеров газеты, то моментально закрадывалось сомнение-надежда: а может, именно в этом-то номере их и напечатали? В такие дни, входя в класс, я с нарочитым спокойствием спрашивал:

— Ну как, дети, что в сегодняшней газете пишут? Поднимите руки, кто читал?

Я ждал, что вот сейчас они дружно загалдят и я пойму по их голосам и лицам, что они уже видели мое стихотворение и, конечно же, оценили его по достоинству.

Пусть не все, пусть хоть кто-то встанет и скажет, что сегодня с утра он прочитал мое стихотворение. Пусть даже не хвалит его, пусть только скажет: «Учитель-ага, я прочитал ваши стихи».

Но нет. Ответы были, как и всегда. Я их уже наизусть помнил:

— К нам в аул газета опаздывает...

— А у нас в доме ее не выписывают...

— Я не успел прочитать, утром читал отец...

* * *

На следующий год ушел из школы мой директо и на его место пришел Тажетдин Сейтжанов. Теперь он народный поэт Каракалпакии, но уже в то время писал стихи. Не просто писал, а еще и публиковал их в республиканской газете. Я, конечно же, многие годы внимательно следил за поэтической рубрикой газеты, а потому не только имя, но и произведения Сейтжанова были мне знакомы.

Школу будет возглавлять поэт. Еще достаточно молодой, но уже и достаточно известный. Эта новость обрадовала меня, что само собой разумеется. Она — более того — вдохновила, вселила надежду.

Писали мы с ним почти наперегонки, словно бы соревнуясь. Но если уж совсем по-честному, то надо признать, что это я соревновался, а он, видимо, слагал стихи, как и всегда, с той скоростью, с какой мог и как считал нужным.

Мне его стихи нравились. По душе пришлись они и слушателю. А мои... Да что тут говорить. Кажется, они не трогали никого, кроме меня. Даже Тажетдина Сейтжанова, хотя он и не говорил мне об этом — не хотел огорчать.

Но зависти к нему у меня не было. Правда — не было. И работали мы дружно.

Помню, посоветовавшись, решили создать в школе драматический кружок, нечто вроде школьного театра. Ставили с учениками одноактные пьесы и отрывки из знаменитых классических пьес. Это для нас было не просто «культурной работой». Мы таким способом сами приближались к постижению большой литературы, как бы пробовали слова «на вкус», испытывали их «на жест».

Но наши поиски и начинания, как и сама наша совместная работа, скоро завершились. На следующий год по решению все того же заведующего местным районом меня перевели в другую школу. Километров за двадцать от нашего аула. Зачем перевели — не могу понять, ведь мое место (вернее — мои места: преподавателя, пионервожатого, руководителя кружков) долго еще пустовало. Я ходил, пытался убедить, вразумить, но все без толку.

Новая моя школа находилась на самом берегу Амударьи. Я частенько прогуливался по берегу, потому что времени свободного у меня тут было с избытком. Никаких дополнительных нагрузок, никаких преподаваний в старших классах. Да и откуда им взяться этим старшим классам, школа-то была начальной.

Гулял я по двум причинам.

Потому, во-первых, что нравилось. Здесь, на берегу Амударьи, рос редкий по красоте, стройный турангиловый лес. Вообще-то турангил коряв и сучковат. Он изгибается и стволом и ветвями, словно норовит разогнаться, едва приподнявшись над землей. Но здесь деревья росли так густо, что от тесноты вынуждены были, спрямая стволы, тянуться ввысь к солнцу. Лес этот называли — «золотым». И недаром. Он был и впрямь великолепен.

Во-вторых, мне нечем было заняться. Все книги, вышедшие по-каракалпакски (какие только сумел достать), я уже прочитал. Четыре дастана, записанных из уст сказителей, несколько сказок, стихи некоторых поэтов прошлого (тоже, кстати, не академические издания, а в записи «из народных уст»), две-три повести наших авторов (повести эти правильнее было бы назвать рассказами или отрывками, авторы начали их писать еще до войны, но не окончили, так в неоконченном виде их и печатали), сборники стихов и рассказов. В общей сложности томиков десять-пятнадцать, каждый страниц по пятьдесят-шестьдесят. Долго ли их прочесть?

Я мечтал о переводных книгах, поскольку в то время о них приходилось лишь мечтать: тоненькие сборники стихов, рассказов и отрывков из классики — вот и все. Хоть по пальцам перечти.

Я злился на наших писателей и издателей. Уж коли сами не пишут, так хоть переводили бы побольше. Впрочем, так думал тогда не только я. Мы — учителя — часто говорили об этом меж собой, и все высказывали то же самое, только, пожалуй, в более резких выражениях.

Отец не раз говорил: «Если можешь сделать сам, то не жди, пока это сделают другие...»

Бабушка поучала: «Свою ношу сам и неси, и нечего кивать на других, чего это они, мол, порожняком разгуливают...»

Моя мать напоминала каждую неделю: «Не больно-то ты образованный. Знаний у тебя пока маловато. Ехал бы ты снова учиться...»

...На следующий год летом отправился я в Нукус, поступать в педагогический институт.

* * *

Чего только не случается в человеческой жизни! Иногда мечты сбываются самым невероятным образом. Так и произошло со мной.

1 сентября 1950 года студенты первого курса филологического факультета Нукусского пединститута, собравшись в аудитории, ждали, поглядывая на дверь, гадали, с лекции по какому предмету начнется их учеба, кто из преподавателей окажется первым.

Дверь распахнулась, и в аудиторию вошел директор — Турдымурат Бекимбетов. Он молча оглядел всех, а потом пошел по аудитории, пошел медленно, присматриваясь к каждому и изредка тыча пальцем, приказывал:

— Ты. Вот ты, парень. И ты тоже. И вы, двое. Встаньте. Так. А теперь все марш за мной.

В числе тех, на ком остановился перст директора, оказался и я. Всего нас набралось человек пять-шесть. Не понимая, в чем дело, шли мы за директором по коридору и вдруг свернули в одну из аудиторий. Там уже сидело человек сорок. Директор велел нам рассаживаться, а сам взошел на кафедру и произнес краткую, но памятную для меня речь:

— Все вы будете учиться на факультете русского языка и русской литературы. Если кто не желает, можете забирать документы и возвращаться домой.

После этого он повернулся и вышел, считая, что разговор окончен.

Такой оборот был для меня полной неожиданностью. В первую минуту я даже не понял, что мне делать — радоваться или тужить.

Вроде бы радоваться. Я ведь помню, как мой вожатый Узакберген-ага говорил, что русский язык для нас — крылья. То же самое втолковывал нам и Адылов. Давно уже хотел я заняться изучением русского языка, а главное, давно уже хотел познакомиться с русской литературой, которую все уважаемые мною люди называли «великой», а в чем ее величие, я все никак не мог уразуметь, поскольку толком знаком с ней был только по переводам, скверным, надо прибавить, переводам, и к тому же переводам не произведений, а всего лишь отрывков.

И так, значит, — радоваться. Но я скорее опечалился. Вернее сказать — испугался. Ведь в русском я был полный профан. На вступительных экзаменах по русскому языку я чуть не провалился с треском, поскольку заявил, что Пушкин — имя женского рода.

Мне для разбора досталось предложение: «Мы любим Пушкина».

Я помнил, что если русское слово оканчивается буквами «а» или «я», то это слово женского рода. А падежи забыл, конечно, ведь в моем родном языке их нет. Еле-еле сумел умолить экзаменатора и выклянчил себе тройку. И вот, нате вам, пожалуйста, с такими-то познаниями я оказался студентом факультета русского языка и русской литературы.

Нужно было срочно наверстывать отставание. Занимался днем и ночами. Хорошо, если в сутки спал по три часа. Порой не успевал и поест. Впрочем, если бы и

было времени в достатке, то досыта поесть мне все равно не удалось бы, поскольку, кроме черствых лепешек и жареного проса, привезенного из дома, у меня в запасе не было ничего, и в карманах тоже пусто.

Не знаю, сколько бы я протянул при такой нагрузке и таких харчах, но 18 сентября — слег. Началась долгая, изнурительная, трудноизлечимая болезнь. Сказались и недели, проведенные по грудь в бешеной Амударье, и месяцы строительства канала, и годы военной и послевоенной голодухи.

Я слег. Словно слетел с коня на всем скаку и угодил точнехонько в глубокий ров, будто специально для меня и вырытый.

Я понял: если помру, то моим родителям будет трудно отсюда, из города за сорок с лишним километров, везти меня на наше аульное кладбище. Решил, что, пока могу ходить, обязан облегчить им мое дело. Больной, с пустым желудком и тяжелыми думами вернулся я домой.

Родные встретили меня как всегда — обрадовались. Но по моему виду поняли, что со мной что-то стряслось. Вернулся я под вечер и тут же завалился спать. Утром, когда моя мать увидела, как я кашляю и харкаю кровью, спросила грустно и строго:

— Почему ты уехал из города, где столько врачей? Кто будет тебя здесь лечить? Ни я, ни отец, ни дедушка с твоей болезнью не справимся.

Или ты думаешь: вот, мол, помру и все будут плакать. Конечно, когда помирает молодой, то каждому жалко и все аульчане придут пособолезновать. И потом еще неделю только об этом и будут толковать.

Но ты лучше бы подумал о своих братьях и сестренках. Если у тебя чахотка, то она заразная. А у меня ты не единственный сын. Я должна заботиться и о младших.

Мне показалось, что мать была сурова и несправедлива со мной. Вместо того, чтобы пожалеть, она меня отчитала.

Мой дедушка говорил: «Как бы сильно мать ни замахнулась на сына, она все равно не ударит больно...»

Коше-бий поучал: «Наподобие того, как тигр-джульбарс не меняет направление избранного курса, так и настоящий джигит не должен уклоняться от своей цели...»

Легенда, рассказанная моим отцом

Жил-был когда-то один знаменитый мудрец. К его советам все прислушивались. Люди даже издалека приходили, чтобы слово его услышать. И сам он этим очень гордился. Но однажды напал на мудреца страшный недуг. Язык отсох. Тыщу способов он перепробовал — и ни в какую. Не может говорить, и все тут.

Тогда решил он, что никому больше не нужен на всем божьем свете. А коли так, то пора кончать с этой жизнью никчемной. И отправился он в горы. Далеко забрался, все место такое отыскивал, где можно повеситься, но так, чтобы ни птица, ни зверь его не тронули. Не хотел он после смерти доставаться ни ворону, ни шакалу.

Наконец в самой густой чаще нашел-таки подходящее дерево. Взобрался на него, уже и веревку к суку приладил, вдруг видит — гнездо. И чудное такое гнездо, каких он еще не видывал. Любопытству человеческому нет предела. Ведь вроде вешаться собрался, а нет, хоть и перед смертью, а охота ему узнать, чье это такое гнездо.

Ну, полез он по дереву, добрался до того гнезда и видит в нем трех птенцов. Один — слезами заливаается. Другой — спокоен. А третий — смеется.

Глядит мудрец и понять ничего не может. Заметил третий птенец, что лицо у человека недоуменное, и говорит человеческим голосом:

— Не удивляйся. Наша мать улетела невесть куда, и вот уже третий день не возвращается. Два дня мы ее ждали спокойно, а вчера вползла на дерево большущая змея. Всех нас оглядела и сказала: «Я съем вас, но не всех сразу, а по очереди». Вон того, который плачет, она съест сегодня вечером. А этого, который спокоен, — завтра. Ну а меня — послезавтра. Вот я и смеюсь от радости. Наша мама всегда нас учила: «Не должен унывать тот, у кого впереди хоть день жизни». А у меня — целых три.

Выслушал все это мудрец и ничего не ответил, ведь язык-то у него отсохший. А слез он с того дерева и в кустах притаился, змею решил подстеречь.

И точно — в полночь змея тут как тут. Ползет без опаски. Только она вокруг дерева обвилась, чтобы, значит, на него вползти, как человек — хватить палку, да ею змее по голове. Так с одного удара змею и убил.

Утром, откуда ни возьмись, прилетает мать этих птенцов. А матерью их была сама птица Семург¹. Стала она благодарить спасителя своих детенышей. А тот в

¹ Мифическая птица.

ответ молчит да лишь улыбается. Поняла все птица Семург и вновь улетела. Но вскоре и воротилась, а в клюве у нее травка такая — ханский цвет. Пожевал ту травку человек, и сухотку с языка как рукой сняло.

Так вот, сынок, аксакалы говорят, что человек тот — наш предок и будто он всем своим потомкам завещал:

— Живите с верой в завтра. Выживает тот, кто надеется.

Все соседи уже знали о моей болезни буквально на следующий день с утра, спозаранку. И это, несмотря на то, что вернулся я в аул затемно, почти ночью, и тут же улегся в постель. С рассветом аульчане по одному, по двое стали наведываться к нам в дом и осведомляться о моем здоровье. Но моя мать встречала их отнюдь не радушно:

— Нашли чем утешить парня — расспросами о хворобе. Вы бы еще рассказали ему, что перед смертью говорили ваши бабушки и дедушки. Расскажите, расскажите. Не стесняйтесь, — понуждала она.

Соседи недоумевали, но с матерью моей не спорили, зная ее характер. И рассказывали. И порассказали...

Из рассказов соседей

— ...Мой дедушка вздохнул перед смертью и говорит бабушке. (А она как раз тут у него в изголовье и сидела.) «Эх, — говорит, — кабы я без тебя на воле хоть недельку пожил, так мне бы сейчас и сожалеть было не о чем...»

— ...А мой дедушка попросил пиалушку чая. Я бросилась заваривать. Только хотела выплеснуть остатки, ополоснуть чайник, как он замахал руками и закричал: «Ты что? Не делай этого. В доме и так мало чая. Разве не знаешь, что крепкий чай вреден для...» — не успел договорить. Это и были его последние слова...

— ...Моя бабушка, вы все помните, никогда не горевала, что бы ни случилось — она не предавалась унынию, всегда веселая была. А вот перед тем как ей умереть, вдруг тихо так говорит вроде не кому-нибудь а самой себе: «Жаль, что ни денечка в радости не прожила...»

«...Дети мои, — сказала наша бабушка, — я пошла, а вы оставайтесь с миром...»

— ...А мы тогда дом для себя новый строили. И вот дед дождался-таки, пока его закончили, и велел ему постройку показать. Я его повел. Он все за меня держался. «Вот в этой комнате, — говорит, — и я буду жить. Полы здесь больно хлипкие, — говорит и ногами еще по доскам потопал. — Перестелите, — говорит, — чтобы толще были». Начали мы перестилать. Потом заглянули к нему, а он уже не дышит...

— ...А мой сказал: «Вот бы заново родиться, да чтобы сызмальства знать, что такое жизнь...»

Я тоже не понимал, почему моя мать заставляла соседей знакомить меня с исповедями и завещаниями их дедушек и бабушек. Подобные рассказы не очень-то жизнеутверждающи и не настраивают на оптимистический лад. Я злился на мать. И на соседей тоже. В конце концов мне это попросту осточертело, и как-то утром, пораньше, чтобы никто не заметил, втихую, чтобы никого не разбудить, я выбрался из дома и пошел к городу. Когда стоял у дороги, дожидаясь попутной машины или арбы, вдруг увидел, что от аула бежит моя мать. Она подбежала, сунула мне сверток и, не сказав ни слова, пошла обратно. В свертке были лепешки и жареная курица. Сегодня с утра курицу зажарить она не могла. Значит, уже вчера знала, что я уеду. Откуда? Вчера я еще и сам не знал об этом.

В городе пошел по врачам, и они уложили меня в больницу. Пролежал месяц. Полностью они меня, конечно, не вылечили (да и сегодня — через тридцать с лишним лет — не могу сказать, что я окончательно исцелился), но на ноги поставили. И через месяц я вернулся в пединститут...

* * *

Мой дедушка рассказывал: «Помню, как впервые увидел Аральское море. В арыках и каналах я плавал хоть куда. Никто со мной наперегонки в мелкой воде даже и не думал тягаться. А тут решил окунуться, подошел к морю и чувствую — коленки дрожат...»

Лишь только начал я слушать лекции на факультете русского языка и литературы, сразу же почувствовал себя, как мой дедушка перед морем. И ведь вроде бы

тоже не новичок: успел и почитать кое-что, и даже написать (хоть и не публиковал), успел уже окончить педучилище, и даже других поучить успел, а вот коленки от неуверенности все равно дрожали.

На меня, как волны в шторм, обрушивались десятки имен незнакомых мне писателей, сотни книг, тысячи стихотворных строк. Я тонул в этом море, но, главное, отчетливо понимал, что моя мечта стать поэтом — смехотворна и несбыточна. Ну, куда мне, не то чтобы тягаться, а хотя бы мало-мальски приблизиться к таким, как Гомер, Данте, Омар Хайям и Шекспир, Пушкин и Гете. Однако и расставаться со стихами я по-прежнему не мог.

Единственным, кто понимал мое тогдашнее состояние, был Аган Никифорович Сидоров. Он преподавал у нас историю литературы, а еще устное народное творчество.

И до Сидорова, и после него я встречал много хороших лекторов и преподавателей, но у него был особый дар — казалось, будто он говорит для тебя одного. Такая «интимная» педагогика привязывает ученика к учителю, и еще благодаря ей я начал относиться к литературе как к своему личному делу.

Привязавшись к Сидорову, стал заходить к нему домой. Он давал мне книги, и хотя я половину не понимал из того, что читаю, но проглатывал их залпом и постепенно начал замечать: помаленьку постигаю и русский язык, и мысли авторов. Через какое-то время мог смело сказать, что не понимаю всего лишь треть, а то даже, может быть, и четверть прочитанного. А это уже большой прогресс.

Из советов Агана Никифоровича Сидорова — преподавателя литературы

...Любому делу можно научить. В любой профессии можно добиться того, чтобы подопечный усвоил все, что знает и умеет наставник. Но писательству научить невозможно. Если ученик станет писать так же, как учитель, то его писанина никому не нужна...

...Во всяком деле надо уметь держать мысли и чувства в узде и направлять их на верный путь. Только не в литературе. Здесь с мысли снимают узду, и она вырывается на волю. Гнаться за свободными мыслями, даже собственными, невероятно трудно, потому что они уносятся аж до звезд и забираются в такие пределы, куда человеку и вступать-то боязно...

...У великих писателей великая интуиция. Предвидение, предчувствие. Прошли века, а книги их до сих пор современны. Это потому, что они не подсматривали за жизнью, а предусмотрели все, что может в ней произойти даже через столетия...

...Жизнь не делится на две половины — вот хорошее, а вот плохое. Все в ней переплетено. Да и сами понятия «хорошо» и «плохо» неоднозначны. Чтобы отделить плохое от худшего и хорошее от лучшего, чтобы разобраться, что хорошего в хорошем и что плохого в плохом, необходима железная логика. Интуиция писателю нужна, но логика ему нужна не меньше...

* * *

Я учился литературе. Учился старательно, честно и трудно. Пытался понять великих мастеров и радовался, если понимал, радовался, если их мысли и чувства оказывались сродни моим собственным. Изумлялся тому, как могут они достигать таких глубин и высот, как могут проникать и в душу героя, и в душу читателя.

Учился.

Однако, в отличие от некоторых моих нынешних коллег, не рискну сказать: — Мой учитель Пушкин (или Лев Толстой, Достоевский, Шолохов).

Не рискну потому, что если ученик не достигает уровня своего учителя, то лучше бы ему и не поминать имени наставника (благодаря никому из них нас в ученики не приглашал, лучше не поминать, дабы ненароком не запятнать это имя. Во всяком случае, мне так кажется.

* * *

Верно говорят: «Глаза трусливы, да руки смелы». Чем лучше я узнавал литературную классику, чем отчетливее представлял всю ее глубину, тем страшнее мне становилось. Но глубина манила, и я хоть и не надеялся вскорости познать все «до дна», но уже погрузился с головой. Писать начал еще больше.

Однажды летом 1951 года сидел я в читальне центрального парка Нукуса. Зашел туда от безделья. Каникулы, занятий в пединституте — никаких. Вот и решил в свободное время полистать газеты и журналы. Вдруг...

Да, да, именно. Я и глазам не поверил... Еще раз перечитал. Нет, все верно. Они! Мои стихи. В молодежной газете «Жас Ленинши»¹ на последней странице, ближе к левому нижнему углу — мое стихотворение «Желание», а под ним моя фамилия и даже имя полностью.

Наконец-то! Свершилось!!

Я, кажется, воспарил вместе со стулом, на котором сидел. Радость распирала грудь. Лицо сияло. Наверняка в этот миг от меня исходило какое-то невероятно мощное излучение. Свет какой-нибудь. И хотя солнце и так стояло в зените, но свечение, испускаемое мною, наверняка ищутил бы любой. Будь в это время хоть кто-нибудь в читальне.

Но, увы, не было никого. Даже библиотечарша забилась поглубже в тенек и на меня внимания не обращала. Хотел было уже подбежать к ней и заорать: «Это мое стихотворение! Видите! А Тулепберген Каипбергенов — это я! Вот, смотрите! Я!» Но еле сдержал себя.

Впрочем, из-за того, что читальня была пуста, я — признаюсь — совершил то, чего ни раньше, ни позже не делал. Не сделал бы и тогда, будь рядом хоть кто-то. Я украл газету. Свернул ее аккуратно и, сунув за пазуху, вышел в парк, надеясь хоть там отыскать знакомых. Но куда там. Жара. Каникулы. Ни единого знакомого лица.

Но вдруг! (опять «вдруг» — день сплошных неожиданностей) у самого выхода наталкиваюсь на нашего аульского коше-бия. Я даже не успел удивиться, не спросил его, какими судьбами он в городе оказался, не осведомился ни о его здоровье, ни о том, как там в ауле поживают мои домашние. До того горел желанием хоть перед кем-нибудь похвастаться, что тут же без всяких предисловий сунул ему в руки газету и, ткнув пальцем в стихотворение, выпалил:

— Мое! — Переведя дыхание, добавил: — Здравствуйте!

Коше-бий, казалось, тоже ничуть не удивился моему появлению. Он словно заранее дожидался меня здесь у входа и ждал будто бы именно затем, чтоб первым из всех людей почитать мое стихотворение. Впрочем, любой уважающий себя коше-бий уверен, что именно он и должен обо всем случившемся с любым жителем аула (нынешним жителем или бывшим, не имеет значения) узнавать первым, из первых рук, из первых уст.

Читал он медленно. То ли наслаждался, то ли грамоту подзабыл, то ли видел уже плоховато, и мелкий, бледный газетный шрифт был ему «не по глазам». Пока прочитал, казалось, прошла целая жизнь. По крайней мере, за это время я успел поведать ему не только всю свою трагическую творческую судьбу, но даже поделиться и планами на будущее.

Дочитав, он, вместо похвалы, произнес какую-то несуразную фразу:

— А разве ты еще не оставил намерений стать поэтом?

— С какой это стати я должен оставлять свое намерение, если — вот, видите, — оно уже осуществляется?

Я вдруг заметил, что начинаю говорить не литературным слогом, а языком коше-бия.

— Неужели ты не осведомлен об анекдоте касательно поэтов?

Я ответил, что в институте мы изучаем теорию и историю литературы, а также биографии таких писателей, как Шекспир, Гете, Пушкин...

— Значит, ты не имеешь представления касательно этого анекдота, поскольку он целиком посвящен не каким-то там поэтам, а нашим, каракалпакским. Ну так слушай внимательно.

Анекдот, рассказанный коше-бием

В недавно минувшие годы Великой Отечественной войны наши местные власти нукусского городского масштаба решили организовать воинскую часть в составе одних поэтов, поскольку все поэты — люди, патриотически настроенные, граждане высокосоциальные и боевые. Как вышестоящие инстанции, так и нижеследующие поэты выразили по поводу этого решения свое принципиальное согласие.

И вот все поэты пришли к военкомату и расположились общим фронтальным строем одной шеренги. Выступил из военкомата командир и приказал:

— По порядку номеров рассчитайсь!

Но они вопреки команде приказа начали на свой манер рассчитываться следующим образом:

¹ «Молодой ленинец».

- Первый.
- Первый.
- Первый...

Тогда командир, взяв в расчет особенности их творческой психологии, решил прекратить дальнейший расчет и, перестроив их в две шеренги, повести прямо на вокзал. Согласно принятому решению, он отдает им следующую команду:

— На «первый» и «второй» рассчитайсь!

А они опять:

- Первый.
- Первый.
- Первый...

На основании вышеизложенной причины сформировать из них отдельную часть не оказалось возможности, потому их распределили по одному.

Коше-бий рассказывал с таким азартом и так громко, будто хотел рассмешить не только меня, но и весь город. Действительно, двое-трое прохожих приостановились, чтобы послушать этот анекдот. А мне он показался пасквилом, и я почел личным долгом вступить за честь коллег, особенно теперь, когда я сам опубликовал стихи и уже могу смело говорить, что принадлежу к славному племени поэтов.

— Такой анекдот можно рассказать о ком угодно, — сердито возразил я. — Разве только одни поэты хотят быть первыми в своем деле? А рабочие разве не рвутся в передовики? А бригадиры не хотят разве выйти на первое место? Разве не военные сочинили поговорку: «Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом?» И вы наверняка тоже захотите быть лучшим среди коше-биев. Я вот прямо говорю: «Хочу стать первым среди поэтов!» И ничего плохого в том нет. Вполне естественное желание.

Коше-бий подумал и изрек:

— Действительно, граждане всех специальностей соревнуются промеж собой в достижении первенства результатов своей профессии. Но никто, как поэты, не вступает из-за этого в конфликт при помощи ссор и мелкой грызни.

— Они не ссорятся, — вразумлял я, — они выясняют отношения. Оружие поэта — слово. И слово многозначное. Я могу назвать вас «худым человеком». А вы можете понять это двояко. Если вы поймете это как оскорбление, что, мол, вы плохой человек, то обидитесь. А если поймете это как похвалу, что в ваши лета вы еще стройны и худощавы, то обрадуетесь.

У каждого поэта свой выбор образных слов, своя образная система, — пояснял я научно и, как мне казалось, доходчиво, — но бывает, что один поэт не принимает образность другого и неверно понимает его слова.

Поэты не ссорятся, они критикуют друг друга. Обычно критикуют публично, в печати. Но это вовсе никакая не грызня. А, напротив, так они стараются помочь своим коллегам избавиться от ошибок и достичь большего совершенства.

— А почему бы им не проводить взаимный обмен критическими ошибками с глазу на глаз?! Без посредства печатной помощи?

— Можно и так, — соглашался я. — Но если критикуется опубликованное произведение, то и критика должна быть публичной. Когда стихи напечатаны, они становятся всеобщим достоянием, — вымолвил я не без гордости. — И в таком случае все должны знать, что их общее достояние имеет тот или иной недостаток.

Коше-бий глянул на меня хитро и сказал:

— Не соглашаясь с твоим выступлением, я полагаю, что вопрос сути в ином аспекте плоскости дела. Скажи, сколько платят за стихи?

— Пока я еще не получал гонорара, но один из знакомых поэтов говорил, что платят десять рублей¹ за каждую строчку. И это самое малое.

— Ой-бой? — удивился коше-бий.

— А как же? — Меня обрадовало его искреннее удивление. — Это еще не предел... Все зависит от стихов. За хорошие дают и больше, двадцать один рубль за строку.

— За каждую?

— Конечно, за каждую.

— А какое количество строчек можно написать в течение срока одного рабочего дня? Если взять персонально лично тебя, то за какой временной отрезок написал ты эти двадцать строк?

— За один вечер.

— Ой-бой!! — еще громче воскликнул он. — А за критику тоже платят?

— Разумеется.

¹ На «старые» деньги.

— Вот и вопрос сути, — заявил он. — Свои стихи пишешь — идет получка зарплаты денег, чужие стихи критикуешь — обратно деньги берешь.

Коше-бий торжествующе поглядел на меня и ни с того ни с сего предложил:

— Пойдем-ка пообедаем.

Не хотелось мне никуда идти после такого разговора, да и денег, честно говоря, не было.

— Ладно, ладно, — успокоил он. — Не впадай в состояние тревоги по поводу наличного отсутствия денег. Вернешь, когда станешь получать по двадцать один рубль за каждую строчку. Говорят, что студенту легче сдать десять экзаменов, чем один раз досыта поесть. Идем, — потянул он за рукав, — и примем обеденную пищу внутри помещения ресторана.

В ресторане весело играла музыка. Мы поискали места и нашли их почти у самой эстрады. Коше-бий подошел к руководителю оркестра, дал ему тридцать рублей и попросил, чтоб они не играли, пока мы едим. Музыканты молча вышли.

Мы заказали обед.

— Эти музыканты занимались исполнением туркменской музыки, — пояснил коше-бий. — А я предпочитаю только нашу каракалпакскую мелодию. Настоящая музыка только у нас, у каракалпаков! Ты разделяешь мое мнение?

Я, конечно же, тоже любил и люблю свою народную музыку. Но в тот день мне хотелось беспрестанно перечить коше-бию. Во всех его словах слышалось неумеренное самолюбование.

— Нет, — ответил я. — Наши композиторы сильно поотстали от всех других. Будь наши мелодии лучшими в мире, так ведь их бы исполняли по всему свету. Разве не так?

Он не захотел отвечать и сменил тему разговора. Вернее, вернулся к прежней теме.

— А за рассказы сколько платят денег?

— Не знаю. Там считают как-то иначе. Не за строку, а за страницу, наверное.

— А что легче, сочинять стихи или рассказы?

— Рассказы писать пока не пробовал, боюсь, у меня ничего не получится. А что до стихов, то их сочинять очень трудно.

— А ты предприми попытку попробовать с рассказом, — настаивал он. — Может, это легче и дороже ценится.

Я принялся втолковывать ему представления о специфике таланта.

— Есть борцы — палваны, — пояснял я, — сильные на правую руку, а есть — левши. Бывают и такие, у которых равно развиты обе руки. Так и писатели: одни сильные в поэзии, другие в прозе. Некоторые одинаково сильны и в том и в другом.

— Хе! — воскликнул он. — Значит, Жолмурза Аймурзаев — самый сильный палван литературного мастерства. Он ведь равномерно пишет с обеих сторон: и со стороны поэзии, и со стороны прозы. Теперь я понимаю. Значит, ты проходишь науки, чтобы стать подобным Аймурзаеву.

— Нет, — возразил я. — Если я стремлюсь походить на кого-то, то уж на Льва Толстого или Шекспира, на Лермонтова или Бальзака.

— Ой-ой, — замахал руками коше-бий. — Зачем ты хочешь держать равнение на таких неизвестных людей.

Он искренне желал мне добра и старался остеречь от дурных примеров.

Тем временем снова появились музыканты. Руководитель оркестра подошел к нашему столику и, протянув коше-бию шестьдесят рублей, попросил его не разговаривать, пока они будут играть. Коше-бий покраснел, как перец.

— Какая невоспитанность у этих музыкантов, — сказал он и, расплатившись с официантом, поспешил к выходу.

На улице нас поджидал памятник великому классику прошлого. На голове у бронзового классика сидела ворона. Она по-хозяйски осмотрелась и принялась деловито и не спеша чистить перья.

— Эх, сынок, — с грустью промолвил коше-бий, — лучше бы ты не продолжал свои стремления в области литературы. Ну чего там положительно хорошего? Тебя будут подвергать печатной критике в газете и непечатной по углам кулуаров. А если и добьешься степени известного звания, то поставят тебе памятник, чтоб стал ты для ворон местонахождением. Ничего положительно хорошего. Ничего! — повторил он. — Я могу предоставить в твое распоряжение некоторые советы из своего жизненного опыта. Если хочешь, конечно.

Я не возражал. Советы не камни, их принять не тяжело.

Из советов коше-бия

...В этой жизни огромное число количества разных хитростей. Тебя, может быть, не раз обманут. Но не вводи самого себя в обман надеждой обмануть обманщика и перехитрить хитреца. Поступай прямо по долгу чести собственной совести.

...Не отказывайся поднять на плечи своего тела груз чужой ноши. Сильным становится тот, кто поднимает тяжести веса, а не тот, кто от них отказывается...

...Замечай себя в положении состояния других людей и соответственно противоположному замечай других людей в себе...

...Горячее отведай сам, если не жжется, предложи другому. Ход этой мысли надо понимать так: сперва проведи пробу испытания на себе.

...Не давай никаких советов человеку с глупым умом, потому что если он начнет заблуждаться в своих ошибках, то тебя же обвинит...

Так с разговорами и советами добрались мы до автобусной станции. Автобус уже стоял и, видимо, давно стоял, потому что народу в нем было битком. Люди свисали из обеих дверей. Но коше-бий все же как-то втиснулся. И когда автобус поехал и двери все же закрылись (непонятно как), одна пола коше-биева халата осталась снаружи и трепетала на ветру, будто махая мне на прощание. Я глядел вслед уходящему автобусу и чувствовал, что коше-бий за этот день стал мне чуточку ближе и роднее.

Масако Тогава

ЯПОНИЯ

ВАМПИР

РАССКАЗ

1

В ставни раздался стук. Сначала Джиро показалось, что стук послышался ему во сне, но он не спал. Значит, стучат на самом деле. Должно быть, поступил новый вызов от вампира. Вероятно, требуется кто-нибудь из группы А-Б. Обычно Джиро угадывал правильно, он даже уверился в том, что никогда не ошибается, хотя вернее всего — просто запоминал случаи, когда был прав, и начисто забывал о других.

В группе А-Б их было только двое: сам Джиро и Тацуя Ямане. Хорошо, если бы Ямане оказался на месте. Если его нет, то придется идти Джиро.

Стук в ставни был настойчивым и повелительным: должно быть, вампир проголодался. Ему не терпелось высосать пару стаканов крови — почти поллитровую молочную бутылку. Джиро предчувствовал, когда вампир начинает испытывать голод. Кто-то из великих ученых сказал, что предчувствие — это нервный рефлекс, основанный на опыте прошлой жизни. У Джиро выработался такой рефлекс.

Затем ему в голову пришла другая мысль: вот уже месяц, как его не возят к вампиру. Месяц — большой срок. Сколько же крови он высосал бы из Джиро за это время? Если у него брать по стакану каждый день, это составит примерно семьдесят три тысячи кубиков за год — такого количества хватит, чтобы наполнить ванну. У Джиро голова закружилась, когда он представил себе ванну с кровью, высосанной вампиром из его тела. «Мы больше не люди, — подумал он, — а бурдюки с кровью».

Обата, заведующий лечебницей, вышел из палаты, вероятно, для того, чтобы узнать, кто стучит. Теперь вызовы делались через ставни — парадную дверь заколотили досками и прихожую стали использовать как кладовку. Так сделали для того, чтобы пациенты не убегали на улицу. Посланцы от вампира стучали в ставни большого окна на первом этаже. Стук приводил сердца пациентов в трепет, у них подскакивало давление. Это помогало вампиру сосать их кровь.

Пронзительный голос Миёты, ассистентки вампира, достиг слуха Джиро:

— Скорее, направьте сразу двоих. — Миёте было за тридцать, она наводила на глаза темно-синие тени и ходила, сильно вихляя бедрами. Если она явилась сюда сама, дело, видимо, серьезное.

Еще не совсем очнувшись от сна, Джиро все же сообразил прокрасться на лестничную площадку и заглянуть в коридор. Там он увидел Обату, крупного жирного мужчину, который подошел к окну на стук. Из-за своей толщины Обата ходил раскорякой. Вампиру следовало бы пососать кровь этого борова, но Джиро был уверен, что Обата ни разу не побывал у вампира.

— Сразу двух? — спросил Обата. — Что случилось? У вампира скверное настроение? Или произошел несчастный случай?

На шоссе номер семь, где находился госпиталь, часто случались дорожные аварии, и в госпиталь доставлялись окровавленные жертвы. Когда вампир видел сильное кровотечение, он терял покой и сразу требовал к себе кого-нибудь из пациентов лечебницы.

— Нет, на этот раз не авария, а самоубийство на любовной почве.

При словах «самоубийство на любовной почве» с Джиро сразу слетела сонливость, словно кто-то облил его холодной водой.

Обата глухо спросил:
— Мужчине и женщине?

Миёта весело ответила:

— Да, женщина была нагая. Мужчина ударил ее несколько раз кухонным ножом. Потом ударил себя в грудь и живот. Его вряд ли удастся спасти. — Когда речь заходила о кровотечении, Миёта всегда говорила весело, и сейчас она радостно добавила: — У мужчины группа О, а вот у женщины кровь группы А-В с отрицательным резусом. Это редкая группа.

Предчувствие Джиро оправдалось — у него была кровь группы А-В с отрицательным резусом. Очень редкая. Такая кровь бывает примерно у одного человека из двух тысяч. Вампир иногда любил сосать редкую кровь, у него, очевидно, был другой вкус, а так как он считал ее редкой и дорогой, то не очень часто присылал за Джиро. Проще уже месяц с тех пор, как за ним присылали последний раз.

Подобно остальным членам донорской группы вампира, Джиро фактически был тюремным заключенным. Из-за редкой группы крови за его здоровьем тщательно следили. Его вызывали гораздо реже, чем других пациентов. Иначе его кровь давно стала бы жидкой и желтой. Если бы у него ежедневно высасывали по двести кубиков крови, как у других, то он стал бы скоро таким же анемичным и слабым, как остальные.

Ползком добравшись до своей кровати, Джиро привязал искусственную ногу — его собственную отрезали по колену после автомобильной катастрофы. Он уже привык к этой повседневной процедуре, но вампир терпеть не мог сосать кровь у калека, поэтому Джиро старался скрывать свою искусственную ногу.

— Номер восьмой, Токумото! Номер третий, Ямане! — крикнул Обата. Он любил отдавать команды по-военному. Тот, кто не откликнулся громким и отчетливым голосом, подвергался побоям.

Джиро громко ответил: «Сейчас иду!» Ямане, номер третий, пробормотал что-то едва слышное. Последнее время у него сосали кровь почти ежедневно. Не удивительно, что у него было бледное, желтое лицо и тусклые глаза.

Джиро спустился по лестнице, становясь на каждую ступеньку обеими ногами. Их уже поджидали Обата и Курашики, надзиратель палаты. Курашики, весь татуированный бывший громилла, выполнял обязанности охранника. Он и не думал прятать пистолет и нож, хотя ему запрещалось иметь при себе оружие. В случае побега пациентов ему рекомендовалось пользоваться дубинкой.

Выпятив грудь насколько возможно, Джиро отрапортовал:

— Номер восьмой Токумото к выходу готов! — Когда вампир вызывал к себе, они надевали белые халаты с красным сердцем, вышитым на отвороте. Вампир любил церемониал.

Взглянув в лицо Джиро, Миёта ослабилась и довольно кивнула: очевидно, здоровый, бравый вид Джиро ей понравился.

У вампира был длинный клюв, который заканчивался трубочкой с острым тонким концом. Высасывая кровь из вены, он сгибался в поясе так, чтобы клюв вошел туда, куда требовалось. Вампир был покрыт длинной волнистой шерстью. Когда он сосал кровь, его шерсть становилась ярко-багровой и начинала блестеть, как стекло. Для облегчения высасывания Миёта перевязала руку Джиро резиновым жгутом. Чтобы проверить, все ли у него в порядке, она отсосала немного крови в маленький клювик с острой иглой. Измерив кровь гидрометром, погладила Джиро по щеке.

— У тебя кровь богатая и густая, — сказала она. — Ах, если бы и у других была такая кровь. Вампир посчитал бы ее восхитительной. Он похвалил бы вас всех. — Она покачала головой и задумчиво добавила: — А у них кровь слабая и желтая, словно ее развели водой.

— Но они все стараются сделать кровь богаче, насколько возможно, — сказал Джиро. — Как вы знаете, они не работают, а только отдыхают и поглощают еду, содержащую много протеина.

Он говорил, разглядывая пациентку, лежавшую рядом. Это была девушка из той пары, которая совершила попытку самоубийства. Она была покрыта по грудь белой простыней — кровотечение, очевидно, было остановлено, хотя ее внешний вид свидетельствовал, что она потеряла много крови.

Когда вампир видел обильное кровотечение, он становился сам не свой и не успокаивался до тех пор, пока не высасывал от двухсот до четырехсот кубиков крови из пациентов своей лечебницы, таких, как Джиро.

В комнату вошел вампир, таща за собой тяжелый шланг, который извивался и гремел вслед за ним. Джиро боялся взглянуть в лицо вампира, но опаснее всего было глядеть ему в глаза, скрытые за стеклами.

Миёта бросилась навстречу вампиру и стала льстиво увиваться вокруг него. Джиро тайком сунул руку под простыню, чтобы дотронуться до тела пациентки. Кожа у нее была холодной и влажной. Однако это не вызвало у него беспокойства — возможно, у всех женщин такое тело, холодное, как у трупа. Откуда ему было знать, у него совсем не было опыта. Приподняв простыню, он увидел, что грудь и нижняя часть живота у нее были перебинтованы повязками из марли. Должно быть, здесь были самые тяжелые раны. Чуть пониже повязки на животе он увидел черный куст, похожий на водоросли, колыхавшиеся на морском дне. Внезапно ему захотелось дотронуться до него. Он не знал, почему у него возникали такие безотчетные желания.

— Что ты делаешь? — резко сказала Миёта, ударяя его по руке.

Вампир заговорил. Он говорил редко, ограничиваясь чаще всего короткими приказаниями Миёте.

— Вот видите, я же говорил вам, что этого типа нельзя использовать. Он опасен: у него пробуждаются инстинкты, как у нормального человека.

Когда Джиро понял, что речь идет о нем, он замер в ужасе.

— Ничего страшного, — ответила Миёта вампиру. — Зато у него кровь богатая. Не беспокойтесь, я присмотрю за ним.

Вампир не стал терять время. Он резко шагнул к Джиро и вонзил свой клюв ему в вену. Вскоре весь стеклянный клюв наполнился кровью Джиро.

Джиро закрыл глаза. Как только вампир начинал высасывать его кровь, у него слабели и немели руки. Некоторые пациенты ослабевали настолько, что теряли сознание. Но они были вынуждены отдавать вампиру свою кровь и даже были счастливы, потому что тот давал им немного денег. Если бы они не служили вампиру, им пришлось бы покинуть лечебницу, где им предоставляли еду, одежду и жилище.

Подошла Миёта и сняла с руки Джиро резиновый жгут. Потом она сказала: — Пойди вон туда и отдохни немного.

А Джиро не мог оторвать взгляда от землистого лица девушки, лежащей рядом. На ее щеках сейчас показался румянец. Если все пойдет хорошо, то ее можно еще спасти. У нее было пухленькое лицо, из тех, которые очень нравились Джиро.

Миёта отвела Джиро в маленькую комнатку на втором этаже, предназначенную для отдыха ассистентов вампира. Другие обитатели обычно отдыхают в другой, более просторной комнате.

Миёта была доброй. Она ласково погладила Джиро по плечу, помогая ему лечь в постель.

— Сегодня ты проведешь ночь здесь. У меня к тебе есть дело, — сказала она многозначительно. «Верно, она тоже будет высасывать мою кровь», — подумал Джиро.

Миёта вышла в зал и вскоре вернулась. На старых часах, висевших на стене, стрелки показывали три часа — в это время дня все вампиры Японии заняты работой.

Миёта принесла с собой кружку молока и кусок хлеба, густо намазанный маслом.

— Ну-ка, покушай, — сказала она, — ты сразу почувствуешь себя лучше.

Пока Джиро поглощал еду, она присела на стул рядом с кроватью. Дождавшись, когда он покончит с едой, она расстегнула халат и, наклонившись над Джиро, сунула ему в рот розовый напрягшийся сосок. Джиро зачмокал, чувствуя, как ее прохладная рука стала шарить по его телу.

На следующее утро из лечебницы прислали машину, чтобы забрать Джиро. Курашки любил заезжать в госпиталь, потому что приударял за Миётой. Он часто приглашал ее в кино, только она не хотела иметь ничего общего с бывшим бандитом.

Миёта поздоровалась с Обатой.

— Он был немного слаб, так что мне пришлось поухаживать за ним, — сказала она радостно. — Но сейчас он в порядке, можете забрать его.

Джиро понял, что говорят о нем. Он знал, что ему не следует никому рассказывать о том, как он сосал грудь Миёты, иначе вампир или сама Миёта убьют его. Перед поездкой они выпили чаю. Толстый Обата, прихлебывая чай, спросил:

— Ну, а как дела с парочкой самоубийц?

Миёта лениво ответила:

— Мужчина умер в четыре часа утра. Он перерезал себе сонную артерию бритвой. Странно, но обычно первыми умирают женщины.

— Ну а что с женщиной?

— Та может оправиться. Она все еще в тяжелом состоянии, которое может ухудшиться. Но пока жива.

— Ее родители приезжали? Они заплатят нам за то, что мы доставили для их до-

чери? — Обата говорил о крови, которую вампир высосал из Джиро. Его кровь была редкой группы и, вероятно, дорогой. Здесь всегда набивали цену вздорными доводами, такими, как: «Очень трудно было найти донора с отрицательным резусом, это обошлось нам дорого».

— Не беспокойтесь, родители парня приезжали. Скоро заплатят и родители девочки. — Миёта скривила кроваво-красные губы. Теперь она была совсем другой: довольной и доброй.

Когда они сели в машину и отъехали от госпиталя, Курашики сказал угрожающим тоном:

— Эта дешевка положила на тебя глаз. Что она нашла в таком жалком сморчке, как ты, не могу понять? Вы там случайно не занимались любовными играми? — Курашики питал интерес к Миёте, поэтому ему не нравилось внимание, которое та уделяла Джиро.

— Ничего между нами не было, — пробормотал Джиро, напуская на себя храбрый вид.

— Советую тебе не врать, идиот! — грубо сказал Курашики и, повернувшись, хлестнул Джиро ладонью по щеке.

Обата сразу же вмешался:

— Прекрати, Курашики, отстань от него.

Из глаз Джиро полились слезы.

2

Прошла спокойная неделя. Джиро не вызывали к вампиру, хотя других пациентов лечебницы возили к нему почти ежедневно. Он сосал у них кровь и взамен давал деньги.

Однажды заведующий Обата был в ужасном настроении. Джиро валялся на постели, глядя пустыми глазами на картинки с обнаженными женщинами в журнале с оборванной обложкой. Он слышал, как Обата ругал Курашики сердитым шепотом:

— Ты что, ослеп? Как ты думаешь, зачем мы держим здесь охранника? Если в газеты просочатся сведения о нашей лечебнице, нам несдобровать. Достаточно председателю узнать о побеге, как ты полетишь с работы.

— Я не виноват. Я не смыкал глаз. Тот парень, что сбежал, донес на нас газетам.

— А почему он сумел сбежать? Потому что ты, негодяй, проспал его побег! Только и знаешь, что тарашиться на Миёту, а до остального тебе нет дела! Вот почему так случилось.

Джиро услышал звук удара — должно быть, заведующий дал хорошую затрепину Курашики. Всякий раз, когда Курашики доставалось от заведующего, он отыгрывался на Джиро и других пациентах. Умишком он был недалеко, зато силой бог его не обидел. Теперь, когда он появился в палате, настала очередь пациентов дрожать от страха.

— Что ты читаешь? — напустился Курашики на соседа Джиро.

— Журнал, — ответил тот.

— Какое на нем число?

Пациент номер шестой из группы О лежал, читая журнал, который ему дал Джиро. В доме вампира было полно старых журналов, и Миёта тайком давала их Джиро. Она считала, что они не принесут ему вреда, поскольку он будет рассматривать в них комиксы.

Тон у Курашики был угрожающим и в то же время довольным.

— Ага, журнал недельной давности, и на нем нет штампа с дозволением от заведующего. Ты знаешь, что бывает за чтение журналов без разрешения?

— Простите меня, я думал, он разрешен для чтения.

— Не лги. Скажи, кто тебе дал его? Мне нужно, чтобы вы все лежали с закрытыми глазами. Черт бы вас побрал, неужели вы не можете часик полежать и подумать, как важна ваша служба для вампира, и о том, что вы ни к черту не годитесь.

Курашики выкрикивал слова, которые он слышал от заведующего лечебницей, а заведующий говорил то, что слышал от председателя, приехавшего в лечебницу раз в месяц. Во время своих визитов председатель ворчал, что пациенты — обуза для лечебницы и не ценят того, что им предоставляют возможность служить обществу и стране.

— Кто сказал тебе, что ты можешь читать этот журнал? — спросил Курашики с угрозой, вытаскивая из брюк ремень. — Признавайся!

Джиро закрыл уши ладонями, чтобы не слышать, как ремень хлыщет по телу шестого номера. Ему очень не хотелось, чтобы побили и его. Если Курашики узнает, что журнал получен от Миёты, то из ревности совсем рассвирепеет. Джиро сунул журнал под подушку, надеясь, что Курашики не заметит этого.

Номер шестой зарыдал, но в его плаче не было ни силы, ни злости. В то утро вампир высосал у него двести кубиков крови.

Курашки тяжело дышал: он закончил избивание и теперь водил взглядом по комнате, словно отыскивая новую жертву. Его взгляд остановился на двери в туалетную комнату.

— Где те двое из группы А? — прорычал он.

Четверо или пятеро обитателей палаты хранили молчание, словно воды в рот набрали.

— Не надейтесь, что покроете их, все равно я знаю, где они. Эти паршивцы из группы А — хитрющие бестии, но от меня они не скроются. — Он подошел к туалету и распахнул дверь: двое пациентов жались по углам, пытаясь спрятаться в сумерках.

— Ага, голубчики, попались, — заревел Курашки. — Чем это вы тут занимались? Имейте в виду, парни, вам запрещается все, что разжижает вашу кровь. Смотрите у меня, не то я посажу вас в карцер на хлеб и воду. — Он грозно хлопнул ремнем по полу. Когда младший из двух пациентов из группы А хотел проشمгнуть мимо, Курашки больно ущипнул его острыми ногтями за тощий костлявый зад.

Вдруг из угла палаты до Курашки донесся тонкий воющий звук. Он бросился в угол и откинул одеяло с головы одного из пациентов.

— Ты чего воешь?

— Я боюсь... У меня взяли столько крови, что меня всего трясет. Я боюсь умереть.

— Ну и балда! У тебя одного, что ли, сосут кровь? Замолчи, не то отведаешь моего ремня!

Курашки поднял ремень, пациент отчаянно заверещал. На шум с нижнего этажа прибежал заведующий Обата.

— Что тут происходит? — спросил он. — Курашки, брось валять дурака. Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не наказывал пациентов по своей воле! — Обата сделал строгое лицо. — Для нас важно, чтобы пациенты были в хорошей форме, когда они поступают к вампиру. Так что умерь свой пыл. — Успокоившись, он обратился ко всем обитателям палаты: — Все имеют право на два часа для чтения, на две прогулки по полчаса каждая — утром и после обеда. Остальное время вам полагается лежать в постелях при закрытых ставнях. Вы должны дать отдых своему телу и просветление своим умам. А еще учтите, скоро сюда поступят две девушки-пациентки. Поэтому строго следите за соблюдением правил.

Джиро понял, что приход заведующего спас его и других от побоев — в его присутствии Курашки не посмеет драться. А еще он заинтересовался, какие будут новые пациентки. В прошлом здесь проживало несколько девушек, но они не задерживались долго. Ходили слухи, что молоденьких пациенток забирал к себе домой председатель.

Заведующий Обата подошел к кровати Джиро и заговорил с ним ласковым голосом:

— Номер восьмой? Девушка, которая выжила после самоубийства, будет лежать рядом с тобой. Ты должен выхаживать ее вместо нас. Хорошо?

3

Вечером привезли девушку. На ней была мужская полосатая пижама. Она совсем не походила на ту, что лежала обнаженной рядом с ним в комнате вампира.

Девушку привезла Миёта. Уложив ее на постель, она тщательно подоткнула ей под бока одеяло и проворковала:

— Вот так, теперь хорошо. Если что случится, дай мне знать.

Девушка не ответила. Едва слышным шепотом Миёта обратилась к Джиро:

— Она еще не проронила ни слова с тех пор, как мужчина ударил ее ножом. Она может снова покуситься на свою жизнь. Так что смотри за ней в оба. Внимательно наблюдай за ней и не пробуй делать глупости. Усек?

В комнату вошел Обата, он спросил:

— Как она чувствует себя? Все еще не говорит?

— Нет, но она в сознании и потихоньку поправляется. — Миёта склонилась надоу набок, словно размышляя.

— Что, если она потеряла память?

— Этого нам пока не дано знать.

— Пусть Джиро следит за ней. В случае чего, он нам скажет.

Обата надел на Джиро белый медицинский халат. Другая пациентка, женщина лет сорока, имела кровь группы О. Вампир высосал у нее столько крови, что она немного помешалась. Обата сказал, что эта беспомощная, выжатая, как лимон, кляча годится только для работы на кухне.

В отличие от нее, девушка, пережившая самоубийство, получала отличное питание. Каждый день ей приносили три бутылки молока с медом. В каше у нее было много масла. Сам Обата приходил в палату, чтобы сделать ей укрепляющий укол. Не стеснясь Джиро, он стянул с нее пижаму и втыкал в пухленькое округлое бедро тонкую иглу шприца. На ней было столько ран, что бедра были единственным местом, пригодным для уколов.

Джиро глянул на Обату.

— Как ее зовут?

— Откуда мне знать. Ее номер пятьдесят первый. Здесь не нужны имена. Вот ты, например, номер восьмой, правильно?

Джиро согласно кивнул, но про себя с горечью подумал: «А на самом деле меня зовут Джиро».

Через некоторое время щеки девушки покрылись румянцем. Вероятно, из-за молока с медом. Теперь цвет ее лица не был восковым, каким его запомнил Джиро, когда она лежала на белом столе в комнате вампира. Дождавшись, когда в палате никого не было, Джиро протянул руку, погладил кончиками пальцев ее нежную мягкую щеку и тихо спросил:

— Ты кто? Спящая красавица?

Девушка не ответила. Казалось, она все еще была без сознания. Осторожно он сунул руку под ее одеяло. Он подумал о том, как своевольна его рука, но ничего не мог с ней поделать. Ощувив прикосновение одеяла, он удивился, какое мягкое у нее одеяло. Те, которыми укрывались Джиро и другие обитатели лечебницы, были такими грубыми, что царапали кожу, словно они были изготовлены из соломы. Погладив мягкое одеяло, Джиро подумал, что волосы вампира, верно, такие же мягкие. Джиро обычно правильно угадывал. «А что, если она дочь вампира?» — подумал он.

С большой осторожностью он сунул руку под ее пижаму, туда, где ей делали уколы. Он хотел отыскать тот странный дрожащий куст черных волос. Женщины на картинках в журналах обычно прикрывали эту часть тела руками или куском ткани.

Осмелев, он протянул руку дальше, но тут его ожидало разочарование: вместо тела его рука наткнулась на жесткий металлический пояс. Быстрым движением он сбросил с нее одеяло.

Что бы это значило? Когда он видел ее в госпитале, на ней не было этой штуки. Тогда он видел черный куст, колыхавшийся, как водоросли на дне моря. Кто надел на нее этот железный пояс?

Он попытался припомнить картинки, которые видел в журналах, и припомнил: одна из прекрасных дам в журнале носила железный пояс, называемый «поясом целомудрия». Разве так уж необходимо ограждать дочь вампира поясом целомудрия? У него отвисла челюсть, он уставился вытаращенными глазами на девушку, пытаясь понять, в чем дело. «Может быть, она покрыта длинными рыжими волосами, как вампир? Все же она его дочь!» — думал Джиро. Он теперь окончательно уверился, что номер пятьдесят первый — большая прекрасная кукла — была дочерью вампира. Он потихоньку расстегнул пуговицы на ее пижаме.

Ему захотелось узнать, все ли тело покрыто волосами. Может быть среди многочисленных ран сохранились целые участки кожи, покрытые волосами, свидетельствующими о том, что она действительно дочь вампира? При мысли об этом Джиро почувствовал желание снять ее повязки. Не сумев побороть искушение, он сдвинул с плеча марлевый бинт. Но там, где он ожидал увидеть раны, кровь, гной и длинные рыжие волосы, он увидел гладкую, безупречно белую кожу, такую же красивую, как на бедрах. Он не верил своим глазам. Где же раны? Может быть, на груди?

Весь дрожа, он снял марлевую повязку с правой груди, но и здесь не было ничего, кроме гладкой розовой кожи. Не понимая, что делает, он провел ладонью по груди, чувствуя, как напрягся под его ладонью темный сосок. Она застонала. Это была первая реакция, первый звук, который она издала. Испугавшись, Джиро вернул бинт на место, застегнул пижаму и накрыл ее одеялом. Едва он успел покончить с этим делом, как в палату вошел Обата.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Она застонала, она хочет чего-то, — запинаясь, ответил Джиро.

На его удачу номер пятьдесят первый издала в этот момент еле слышный стон. Заведующий лечебницей покачал головой, но ничего не сказал.

Выйдя однажды на прогулку, Джиро повстречал человека лет тридцати. На нем был плащ с поднятым воротником, на плече висел фотоаппарат. Он подошел к Жи-

ро и завязал разговор. Джиро получил разрешение гулять в соседней роще, чтобы рисовать с натуры. Его картины были все одинаковы: на них был вампир, покрытый мягкой рыжей шерстью, в окружении темного мрачного леса. Сегодня он не рисовал вампира, настолько его поразила белая, как фарфор, кожа номера пятьдесят первого. Он до сих пор не мог оправиться от удивления: на ее теле не нашлось ни единой раны — так быстро и без всякого следа они могли зажить только у дочери вампира.

— Вы один из новых клиентов лечебницы? — спросил незнакомец, предлагая Джиро плитку шоколада.

Джиро глянул ему в лицо. Незнакомец широко улыбнулся, чтобы развеять у Джиро подозрения. Но Джиро не терпел людей с фотоаппаратами. Когда он лежал на сером асфальте, истекая кровью после аварии, они фотографировали его, вместо того чтобы помочь.

— Да, один из новичков, — сказал Джиро.

— Я знаю, вы — номер восьмой. Джиро Токумото. Правильно? Кровь группы А—Б с отрицательным резусом.

— Правильно, — сказал Джиро, запинаясь. Он взял шоколад, поэтому был обязан отвечать вежливо, хотя обитателям лечебницы запрещалось общаться с посторонними. Однако этот человек знал о нем все.

— Сколько официальных доноров проживают у вас в лечебнице?

Джиро хотелось убежать от незнакомца, но его удерживало любопытство. В лечебнице иногда попадались образованные люди с культурной речью, которые называли себя донорами, а работников госпиталя — врачами. Но для Джиро они все были пациентами и вампирами.

Человек сказал:

— Не хотите говорить — не надо. Все равно нам известно, что в данное время там двадцать два человека, а две недели тому назад привезли еще двух женщин. Джиро промолчал.

— Вам запрещено говорить? Не бойтесь, я никому не скажу. И без того мы располагаем точной информацией. Вы живете в лечебнице по собственному желанию? Вас не держат там насильно? Или вы хотели бы вернуться в мир людей?

— Нет, мне нравится в лечебнице, — сказал Джиро. На самом деле он боялся вампира и Миёту, а уж своих мучителей Обату и Курашики ненавидел всей душой. Только и в другом мире ему будет не лучше. Где он ни был, везде находились люди, которые издевались над ним. По крайней мере, в лечебнице его кормили и позволяли иногда заниматься любимым делом — рисовать. И номер пятьдесят первый — дочь вампира — была рядом...

— Вот как! Вам нравится жить там? Уверю вас, скоро вам надоест лечебница и вам захочется на волю, но вас не выпустят. Там у вас полно анемичных больных, у которых ежедневно забирают по 200—300 кубиков крови. Вы тоже хотите быть таким?

— Я ничего не знаю о других.

— Вы не очень-то разговорчивы. Знать, вас здорово запугали те, кто стоит во главе лечебницы. Но сила и право на нашей стороне. Мы решили спасти вас и остальных.

Незнакомец говорил что-то странное.

— Токумото, в лечебнице был еще один донор с отрицательным резусом крови, так ведь?

— Донор?

— Ну, не важно, как его называть. Я говорю, у вас был пациент с группой крови А—Б и отрицательным резусом, правильно?

— Да, кажется, был, — медленно сказал Джиро. Он вспомнил, что в тот день, когда дочь вампира лежала на белом столе, Ямане, пациент с отрицательным резусом, куда-то исчез. Фактически Ямане должен был отправиться к вампиру, и Джиро взяли потому, что его не было там. Память Джиро в обычных обстоятельствах действовала медленно и с трудом, однако с этим он ничего не мог поделать.

— Верно, был еще один, по имени Ямане, — пробормотал Джиро как бы про себя.

— А куда он делся? Отвечайте прямо, не пытайтесь отделаться от меня. Подумайте и вспомните. В тот день привезли двух самоубийц — мужчину и женщину. И тогда же пропал номер третий, верно?

Вдруг незнакомец сунул под нос Джиро микрофон. Джиро опять начал заикаться:

— Ага, в тот самый день... он пропал.

— Сколько кубиков они забрали у вас тогда?

— Что такое «кубиков»? — Джиро уставился на мужчину круглыми, как у совы, глазами.

Незнакомец пришел в отчаяние.

— Понимаю, вы не знаете, что такое «кубик». Хорошо. Скажите, Токумото, сколько крови высосал у вас вампир в тот день? Столько же, как обычно? Или у вас онемели ноги? Крови высосали столько, что в глазах потемнело?

— В тот день, когда у меня сосали кровь... в глазах стало темно. Я не знаю, почему. Затем меня уложили отдыхать.

— Вот видите! Так на чьей же вы стороне? В истории вашей болезни записано, что вы сдали всего двести кубиков. Но вы, профессиональные доноры, не теряете сознание, когда сдаете такой пустяк. Кроме того, у вас редкая группа крови.

Незнакомец потерял терпение и рассердился. Он почти кричал. От крика Джиро еще больше оробел и занервничал. Человек с фотоаппаратом взял его за плечо и сказал:

— Ничего, успокойтесь. Вашу кровь забирает Центр по переливанию крови «Альфа». Люди, возглавляющие Центр, говорят гладко, но у них не сходятся концы с концами. Фактически они наживаются на вашей крови. Это их бизнес. Они платят вам по четыреста йен за двести кубических сантиметров крови, а продают ее за тысячу триста йен. По отчетам за прошлый год, предложения на сдачу крови поступили от одного миллиона двухсот тысяч доноров. Из этого числа только у шестисот восьмидесяти тысяч кровь оказалась пригодной, у остальных она была слишком жидкой и малоценной. Но даже такую кровь коммерческие банки крови принимают ради прибыли.

А Центр по переливанию крови «Альфа» еще хуже. Они держат вас, бедолаг, в так называемой лечебнице, кормят вас и выкачивают из вас кровь. Когда на шоссе случаются аварии, они не прибегают к помощи банка крови. Они посылают за вами и переливают пострадавшим вашу живую кровь. В прошлом году у двух обитателей лечебницы забрали так много крови, что они скончались от острой анемии. Почему вы, Джиро, делаете вид, что ничего не знаете о таких происшествиях? Вы не думаете, что подобное может случиться с вами?

Глаза у незнакомца наполнились слезами, слюни от волнения летели брызгами при каждом слове, а Джиро никак не мог взять в толк, что его так расстроило и почему он сердится.

— Мы все счастливы, когда нас возят к вампиру. Он дает нам деньги. Если у нас хорошая кровь, он нас хвалит.

— Черт бы вас побрал! Бесполезно разговаривать с вами. Все вы там придурки. Я прошу вас ответить мне прямо: той ночью у вас взяли только двести кубиков крови или больше?

Джиро молчал.

— Хорошо, послушайте еще. Когда к вам привезли парочку самоубийц, женщина была в очень тяжелом состоянии. Никто не знал, кто она. Чтобы спасти ее, нужно было сделать переливание крови не менее чем в три тысячи кубиков. У этой неизвестной женщины была редкая группа крови А—Б при отрицательном резусе. Только один из двух тысяч человек имеет такую кровь. Они не могли получить столько от банка крови, а если они не получали ее от банка, то откуда она взялась? Только от доноров, профессиональных доноров, — вот единственный ответ. Однако, если соблюдать правила, то требовалось пятнадцать доноров с группой крови А—Б и отрицательным резусом, чтобы обеспечить ее таким количеством крови. Верно? Как мог госпиталь собрать столько доноров за одну ночь? Невозможно! Следовательно, единственный правильный вывод таков: три тысячи кубиков были высосаны из вашего соседа по палате, номера третьего, после чего тот умер. Господи, даже подумать о таком страшно!

Незнакомец передернулся так сильно, что Джиро испугался. Однако он почти ничего не понял из того, что тот говорил.

— Но мы спим под теплыми пушистыми одеялами, нам дают молоко с медом и хлеб с маслом.

— Не верю, вы живете там, как в тюрьме.

— А вот та девушка...

— Какая девушка? Из тех самоубийц?

— Да, я думаю, она дочь вампира. Только у нее гладкая кожа и на теле нет шерсти, как у вампира.

Когда Джиро рассказал незнакомцу о дочери вампира, тот явно разволновался. Прежде чем уйти, он записал на клочке бумаги два номера телефона: один телефон Бюро Гражданских Свобод, другой — Главной редакции новостей телевизионной компании «Адзума».

— Никому не показывайте эту записку. Если что случится, сразу же звоните по этим номерам. Помните — вы сами можете стать следующей жертвой. Вы живой банк крови с четырьмя тысячами кубиков редкой крови.

Человек проговорил это поспешно, но Джиро не слушал его. Он ненавидел людей с камерами, а особенно сильно возненавидел этого человека.

5

«ГЛАВНОМУ ИНСПЕКТОРУ МИНИСТЕРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ОТ ПРАВЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОМПАНИИ «АДЗУМА».

Услугами Центра по переливанию крови «Альфа» пользуется госпиталь скорой помощи имени Тохары, расположенный на шоссе номер семь в городе Фукуи, префектура Саитама. Он расположен там, где чаще всего происходят автомобильные катастрофы. Расследование показывает, что обитатели Центра «Альфа» подвергаются забору крови от пятисот до четырех тысяч кубических сантиметров за один раз. Просим вас расследовать эти преступные акции».

Через две недели от Министерства благосостояния был получен ответ:

«Министерство благосостояния не разрешает получать от доноров более двухсот кубических сантиметров крови за один раз. Коммерческие банки крови действуют сообразно установленным министерством правилам. Министерство обеспечивает руководство и надзор за их соблюдением, но поскольку донорские пункты широко распространены в Японии, то некоторые нарушения могут избежать нашего внимания. В конечном счете, нам приходится полагаться на совесть врачей, взявших на себя заботу по обеспечению больниц донорской кровью. Мы обследовали указанное вами учреждение, но получили заверения, что администрация Центра строго соблюдает правила и забирает у донора крови не больше, чем двести кубических сантиметров за один раз. К тому же, они проводят тщательный анализ плотности крови и твердо убеждены, что все доноры, состоящие у них на службе, находятся в хорошем физическом состоянии, поэтому они утверждают, что ваши обвинения не обоснованы».

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОГО КРЕСТА ОТ ПРАВЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОМПАНИИ «АДЗУМА».

Просим расследовать деятельность Центра по переливанию крови «Альфа».

Ответ:

«Упомянутый вами инцидент не подпадает под юрисдикцию нашего института, и мы не имеем права расследовать деятельность указанного учреждения. Поэтому я ограничусь тем, что изложу официальную точку зрения на коммерческие банки крови.

Недавний опрос, проведенный нами в клиниках, выдал следующую информацию:

Высококвалифицированные и ответственные врачи клиник потеряли доверие к вливаниям консервированной крови. С полным пониманием риска, связанным с этой процедурой, они предпочитают непосредственное переливание крови от донора к реципиенту, совершаемому обычным способом. Причина, вызвавшая утрату доверия, кроется в практике доставки коммерческими банками слабой, желтой и обесцвеченной крови.

Посему мы считаем маловероятным, чтобы любая клиника затребовала больше тысячи кубических сантиметров крови от одного донора из Центра по переливанию крови «Альфа».

Директор института».

«ПОЛИЦЕЙСКОМУ ДЕПАРТАМЕНТУ ОКРУГА САИТАМО ОТ ПРАВЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОМПАНИИ «АДЗУМА» С ПРОСЬБОЙ О РАССЛЕДОВАНИИ».

Ответ: «В соответствии с Вашей просьбой мы приступили к тщательному расследованию».

...Джиро открыл глаза. Яркий свет, проникавший в комнату через щели ставни, доказывал, что день давно уже начался. Повернув голову, он увидел, что дочь вампира и ее постель исчезли. Со двора доносились звуки, словно там играли в какую-то игру. Никто из пациентов раньше не играл во дворе.

Он встал с постели и умылся. Обата, верно, прочитал бы ему мораль за то, что он встал так поздно. Совместное житье требует соблюдения определенных правил. К счастью, в гостиной на первом этаже были гости. Джиро слышал голос председателя, который говорил медленно, чтобы внушить к себе почтение.

— Мы счастливы принимать у себя управляющего банком крови «Бета». Как вы все знаете, между нами существуют прочные связи. Мы почтем для себя за честь ответить на вопросы, которые господа из телевизионной компании сочтут нужным задать нам. Но в начале нашей беседы мне хотелось бы подчеркнуть, что мы рабо-

таем на благо общества и страны. Вы проделали большой путь, поэтому я предлагаю сначала немного выпить.

Джиро услышал звон стаканов.

— Поскольку вы просите высказаться откровенно, позвольте мне задать вопрос: правда ли, что вы соблюдаете правило забора двухсот кубиков за один раз?

— Естественно. Если у вас есть какие-то сомнения, проверьте состояние здоровья наших доноров. Вы же слышите, они играют в футбол во дворе. Они ничем не заняты, только играют, отдыхают и думают. Кровь они сдают не чаще одного-двух раз в неделю. Наша цель — служба обществу, а не извлечение прибыли.

— Но наши расследования показывают, что вы забираете по триста и больше кубиков у каждого донора ежедневно.

— Ложь, ерунда. Даже если мы посылаем доноров в банк крови, мы проверяем плотность их крови, чтобы убедиться в том, что она соответствует норме.

— При тестах на плотность всегда можно подменить кровь одного донора другой.

— Может быть, какие-то организации позволяют себе подобные глупости, но у нас такое не практикуется.

— А мы слышали иное. Разве у вас не бывают случаи забора крови дважды в день у одного донора с целью обеспечения потребностей экспорта консервированной крови? — Джиро узнал голос незнакомца, с которым он разговаривал в роще. Сейчас голос был сердитым и вызывающим.

— Вам лучше высказываться осторожнее. Не выдвигайте обвинений, которых вы не можете доказать. Позвольте вам напомнить, что способность кровотока у человеческого тела ограничена. Брать кровь у одного человека каждый день или дважды в день — невозможно. Наш банк крови экспортирует продукцию в Соединенные Штаты уже десять лет. И мы никогда не прибегали к подобной практике.

Джиро спустился до половины лестницы и отсюда увидел, как ораторствует председатель банка крови. Синие толстые жилы вздулись на его лбу. Но Джиро интересовало только исчезновение дочери вампира. Ему хотелось спросить Обату или Курашики, куда она делась.

— Хорошо, мы представим наши доказательства, — сказал незнакомец с фотоаппаратом. — Один из доноров вашего заведения сбежал. Ему удалось обмануть бдительность сторожа и убежать. Он поступил на лечение в токийскую больницу, где рассказал, что здесь его вынуждали сдавать кровь каждый день. Его сердце увеличилось в объеме вдвое. У него было затрудненное дыхание из-за отека легких, а это значит, как бы глубоко он ни дышал, воздух не поступал в легкие — мешала накопившаяся вода.

— Это ложь! Кто-то выдумал ее, чтобы напугать наших доноров. Мы будем счастливы допросить этого человека, когда вам угодно.

— К несчастью, он умер. В жесточайшей агонии. Две недели тому назад.

— Вот видите, вы распространяете заведомую ложь. У вас нет никаких доказательств.

— Это еще не все. Вы экспериментировали с переливанием крови до полной ее замены у большой лейкемией, имеющей редкую группу крови А—Б с отрицательным резусом. Вы уже убили одного донора с такой кровью.

— Не выводите меня из себя! У нас только один донор с отрицательным резусом и он находится в отличном состоянии.

Послышался звон разбитого стекла — это председатель швырнул стакан в своего гостя. Джиро раздумал спускаться с лестницы, чтобы узнать о местонахождении дочери вампира.

6

Прошло два месяца. Люди из телевизионной компании перестали приезжать в лечебницу. По коридорам больше не слонялись какие-то подозрительные типы, вынюхивающие и высматривающие все вокруг. Дюжие молодчики, игравшие в футбол во дворе, вернулись в Токио, и прежние обитатели лечебницы с бледными изможденными лицами водворились на свои места. Прошлой ночью принесли на носилках дочь вампира. Миёта околачивалась возле нее и была особенно мила с ней. Она сказала Джиро:

— Сегодня вампир сам приедет сюда и будет сосать твою кровь.

— Вы хотите сказать, что я не поеду к нему домой?

— Нет, нет. Лежи здесь и жди.

— А почему вернулась дочь вампира? — спросил Джиро. — Ведь она его дочь.

А когда она была здесь раньше, я заглянул ей под повязки и не увидел рыжих волос.

Улыбаясь, Миёта затянула на руке Джиро резиновый жгут. Его вены вздулись. У него не брали кровь уже две недели, и она стала богатой.

— Последнее время у доноров забрали столько крови, что она стала ни к черту, жидкой, как вода. — Миёта разговаривала как бы сама с собой. — Такая богатая кровь, как у тебя, обрадует вампира.

Приготовления были закончены. Спустя полчаса в палате появились председатель, Обата и вампир.

— Попробуем еще одну полную замену крови, выкачаем отработанную кровь и сделаем вливание свежей.

— Постарайтесь обойтись на этот раз без осложнений, — сказал председатель вампиру. — В прошлый раз с номером третьим произошла накладка. После переливания у нас было много хлопот с трупом. Парни из телевидения чуть не застучали нас.

— Вам хорошо платят за работу и за риск тоже, так что будьте любезны заткнуться. Если мы не проведем переливание крови, один из них умрет в любом случае. Запасной крови у нас нет, поэтому накачивайте его физиологическим раствором или чем хотите. Но замену крови нужно провести обязательно.

— Нет, мы хотим услышать от вас обещание, что вы не пойдете на рискованную авантюру. Мы понимаем, что она дочь важной шишки, а доноры всего лишь отбросы общества. Нам наплевать, если они истекут кровью и помрут. И все-таки мы считаем, что необходимо какое-то прикрытие на всякий случай — что-то вроде двойного самоубийства или дорожной аварии. Тогда газетчики и ребята с телевидения не станут поднимать шум. На этот раз не стоит выдумывать что-либо заумное. Давайте начинать.

— Отлично. Приготовьтесь к общему переливанию крови. Когда мы выкачаем более тысячи кубиков, влейте донору физиологический раствор.

Джиро слышал голоса вампира и других возле своей кровати, но смысл слов не пробивался сквозь туман, окутывавший его сознание. Он чувствовал себя счастливым из-за того, что дочь вампира вернулась. Миёта взяла его за руку, и вампир поднес к руке стеклянный клюв — он был длиннее, чем обычно. Кровь Джиро заструилась по клюву. Он покрылся холодным потом, нижняя часть туловища онемела. Дыхание давалось с трудом. А главное — боль, страшная боль разлилась по телу. Голова стала кружиться. Если следующий раз ему повстречается незнакомец, который угостил его шоколадом, он расскажет, как бывает ужасно больно, когда вампир сосет кровь. Размышляя об этом, он погрузился во тьму и тихо перешел в тот далекий, неведомый мир, откуда ему уже не суждено было вернуться.

«В БЮРО ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД ОТ ПРАВЛЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОМПАНИИ «АДЗУМА» С ПРОСЬБОЙ О РАССЛЕДОВАНИИ. ЦЕНТР ПО ПЕРЕЛИВАНИЮ КРОВИ «АЛЬФА» ИСПОЛЬЗУЕТ В КАЧЕСТВЕ ДОНОРОВ УМСТВЕННО НЕПОЛНОЦЕННЫХ ЛЮДЕЙ. ПОСКОЛЬКУ ЭТИ ЛЮДИ НЕ ДЕЕСПОСОБНЫ И НЕ МОГУТ ОТВЕЧАТЬ ЗА СОБСТВЕННЫЕ ПОСТУПКИ, НЕ СЛЕДУЕТ ЛИ РАССМАТРИВАТЬ ДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА «АЛЬФА» КАК НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?»

Ответ Бюро гражданских свобод:

«В Центре по переливанию крови «Альфа» нам было указано на то, что если даже доноры являются умственно неполноценными людьми, то сдача крови ими должна рассматриваться как услуга обществу.

Мы исчерпали свои возможности повлиять на Центр по переливанию крови «Альфа».

Перевод В. Томилова.

Ли Юй

Из древнекитайской поэзии

* * *

Дождь за окном, весна на исходе.
Шелк одеяла тепла не дает.
Снится мне, грешному, снится мне, вроде
Дальней сторонки я чувствую гнет.
Будто исчезли родимые реки,
Будто вдали я от солнечных гор.
Стали тяжелыми глаз моих веки,
Замкнутым чудится собственный взор.
Где вы, цветы моей пламенной жизни?
Вешние воды уносят весну.
Горько, тоскливо вдали от отчизны.
И не спешу отойти я ко сну.

* * *

Резные перила, литые ступени.
Сколько печали на бледном лице.
Будто не царь я, не в неге и лени.
Свергнут и в адском томлюсь я кольце.
Отгрохотали былые походы.
Я на чужбине, и сын мой в плену.
Вешние воды, вешние воды.
Ветер с востока вещает весну.

Янь Жуй

* * *

Нет, не хотела продажною стать я.
Жизнь покати́лась тормашками вверх.
Не торговала я девичью статью —
Это всевышний ко дну меня сверг.
Жизнь завертелась на все обороты.
Грешная плата — оплата за грех.
«Что ты, родная, — шепчу себе, — что ты?..»
Проклятый катит безгрешный орех.

Юэ Фей

* * *

Бледность луны и ее мерцанье
Упали на тихую тишину.
Только и слышно сверчка стрекотанье,
Это лишь кажется, будто усну.
Горы-преграды и горы-заторы.
Тщетно к почету и славе стремлюсь.
Путь мой печален, путь мой зашторен.
Нет, не поймут мою песню, боюсь.

Лу Ю

* * *

Невзрачен я, цветочек Мэй.
Трактир и треснувший мосток.
На запад гляну, на восток —
Нет хуже участи, ей-ей.
Соперничать с чужой красой
Не жажду. Я во власти тьмы.
Пусть дождь сечет меня косой,
А запаха души не смыть.

* * *

Дворец и ивы, и она,
Что щедро плещет мне вина.
Что вся струится волшебством
В прозрачном убранстве своем.
Мне часто снится этот час
Моей безоблачной любви.
Его похитили у нас.
Лови же тень любви. Лови...

Ли Дзи-и

* * *

Янцзы-река, ты велика.
В истоке — я, у моря — он.
Течет, течет Янцзы-река,
В ней ток любовный заточен.

В ней жизнь моя, мои мечты.
И если муки суждены,
То не повинны я и ты.
Знать, мы для горя рождены.

О Янею

* * *

Светится, светится светлый фонарь.
Все как извечно, как встарь.
Вижу недавние вечера.
Будто бы все это было вчера.
Сказочно все — и луна, и весна.
Молодость наша, как солнце, ясна...
Нынче же в сердце тысячи стуж.
И не назначит свиданья мне муж.

Янь Шу

* * *

Глотнул вина, пишу стихи.
Ну в чем, скажите мне, грехи?
Когда покажет солнце лик
И сердца отзовется клик?
Мертвы, мертвы уже цветы.
Я знаю — не вернешься ты...
А ласточки опять в гнезде,
И страшно мне на борозде.

Бэй Цзюй-и

* * *

Биан-река и Сы-река.
В моей руке твоя рука.
И порт назначенья один и тот же.
И горы, и грусть пополам.
И все здесь издревле похоже, похоже...
И мы сюда званы, и мы сюда вхожи.
И слитно бредем по полям.

Перевод с китайского Юй Ин и Я. Нудельмана.

СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА!

РАССКАЗ

...Он дотянул до третьего класса начальной школы — дальше учиться не смог. А когда умер отец, определился посыльным к хозяину одной из бакалейных лавок. Уходил с рассветом и возвращался домой только поздно вечером. Как-то раз, когда он, как обычно, пришел в лавку, хозяин объявил ему, что он уволен. Мальчик как ни старался выяснить, почему его выставляют на улицу, так и не добился ответа.

Он вышел из лавки, но всеми мыслями был еще там, и как ни старался уйти, ноги его не слушались. Мальчик прислонился к кирпичной колонне возле входа, да так и остался стоять. В его голове роилось множество мыслей: он не понимал, в чем его вина, почему хозяин выгнал его? По вечерам, возвращаясь домой, он приносил один заработанный туман, а сегодня и того не было. Слезы навернулись на глаза, в душе поднялась обида. Он медленно повернулся и посмотрел в дверной проем: стоящие на прилавке весы чуть покачивались. Мешки с рисом, горохом и фасолью, как обычно, стояли на полу. Коробки с чаем и куски мыла лежали в деревянных ящиках. Черная с белыми пятнами хозяйская кошка, свернувшись клубком, дремала на мешке с чечевицей. Его бывший хозяин, стоя за прилавком, был поглощен изучением кредитной книги. У мальчика сжалось сердце...

С его уходом в лавке ничего не изменилось, все осталось на своих местах. За два месяца Махмуд душой привязался к этой лавке: ко всем этим мешкам, к большой глиняной лохани, к этой кошке. Привык здесь ко всему, и поэтому не так просто было расставаться с местом, которое он считал своим убежищем. Он подошел ближе, чтобы лучше все рассмотреть. Тут бакалейщик заметил его, отложил в сторону свою книгу, водрузил на голову тюбетейку и вышел из-за прилавка:

— Ты все еще здесь?

Паренек не смог вымолвить ни слова в ответ.

— Я же сказал — уходи отсюда, парень, мне посыльный не нужен! Иди же! Надо же, стоит и смотрит на меня, как чертенок. Сказал же тебе — иди отсюда, парень, не стой здесь!

Мальчик упрямо смотрел на своего бывшего хозяина, пытаясь понять причину своего увольнения, но так ничего и не понял. Как ни перебирал в памяти, что же такое он натворил, в чем провинился, ничего не приходило на ум.

Откуда ему было знать, что подобные вещи не нуждаются в оправданиях. Просто он еще не знал того мира, в котором жил. Он полагал, что каждому поступку необходимо объяснение.

С трудом оторвав взгляд от хозяина, он засунул руки в карманы своего старого пиджака и поплелся... Он шел долго, пока не набрел на красивое, все из мрамора здание. Перед ним по лестнице вверх-вниз сновали люди. На последней ступеньке стоял полицейский. Махмуд закинул голову и прочитал вывеску на здании: «Б-а-н-к И-р-а-н-а». Так он стоял, уставившись перед собой, пока грубый голос полицейского не вывел его из забытья:

— Здесь не стой! Иди куда шел!

Махмуд не понял, почему он не может стоять здесь, разве он кому-то мешает? Он хотел найти ответ на этот вопрос, но страж порядка снова закричал:

— Ты все еще здесь?! Я же сказал — иди своей дорогой!

Махмуд пошел дальше, подошел к кондитерской, остановился напротив витрины и стал рассматривать выставленные в ней сладости...

Хозяин кондитерской что-то шепнул на ухо своему помощнику, тот вышел на улицу и крикнул:

— Эй, парень! Не стой здесь!

Махмуд не услышал.

Голос помощника на этот раз прозвучал громче:

— Тебе говорят! Не стой здесь, убирайся!

Махмуд взглянул на его лица и пошел прочь...

Он шел, пока не набрел на большой сад, усаженный деревьями. Ограда сада была невысокой, вся из железных прутьев. Наверху калитки сада красовались два железных льва с мечом в лапах. Мальчик поглядел на львов, медленно подошел к ограде, сквозь которую были видны цветы. Как ему захотелось иметь такой сад, такие цветы и деревья! Какие красивые розы красуются в центре клумбы!

Тут послышались тяжелые шаги. Махмуд оглянулся, у него за спиной остановился солдат с винтовкой на плече. Сердце мальчика ушло в пятки, он услышал нетерпеливый окрик:

— Парень, не стой здесь! Иди своей дорогой!

Паренек поплелся. Подошел к какому-то магазину тканей, напротив которого стояли молодые дамы с детьми. Махмуд встал возле них, сам не зная зачем. Его взгляд упал на кофейного цвета сумку одной из женщин. Другая, заметив его, нахмурилась и поспешно сунула свои деньги в сумку:

— Парень, что тебе тут нужно?

— Ничего, ханум, просто стою.

— Уходи отсюда!

И опять Махмуд не понял, почему он должен уйти. В чем дело, разве стоять — преступление? Однако делать нечего, он не должен здесь стоять, иначе дама не сказала бы: «Уходи отсюда!»

Махмуд поплелся дальше и вдруг увидел парадное какого-то дома. Ему понравился этот дом. Подошел поближе. На парадном глазурию было выведено: «Главное управление археологии». Махмуд подошел еще ближе, остановился на ступеньках. Завидев мальчика, к нему приблизился привратник:

— Что ты тут остановился?

Махмуд непонимающе пожал плечами.

— Проваливай отсюда!

Махмуд пошел... На противоположной стороне площади, напротив здания Национального музея, стоял кем-то установленный железный столб. Мальчик подошел, обхватил столб руками и так остался стоять, наблюдая за автомобилями, пронесившимися мимо. Он стоял и ждал, что кто-то обязательно подойдет к нему и скажет: «Проваливай отсюда!». Но, как ни странно, никто не подходил. Он обрадовался: «Неужели и для меня отыскался уголок в этом огромном мире?»

Мальчик благодарно обнял столб и поднял голову вверх. На вершине он увидел какое-то табло. Обойдя столб с другой стороны, он прочитал: «Стоять — запрещено!»

Махмуд отошел в сторону и еще раз прочитал: «Стоять — запрещено!»

Тогда он неторопливо лег возле столба и уснул...

Перевод Дж. Дорри и С. Красношапки.

НЕБРОСКАЯ КРАСОТА ЖИЗНИ

Известно, что оценка творчества художника его современниками не всегда объективна. Бывает, что возносившийся при жизни до небес живописец впоследствии оказывался обыкновенной посредственностью. Случалось и нечто противоположное — имена талантливых живописцев затмевали их современники, известные сейчас только узким специалистам. Неоцененный при жизни Пиромани теперь стал объектом пристального внимания искусствоведов.

Трудно предугадать, что ждет в будущем картины ташкентского живописца Николая Пудовкина, но его человеческая скромность по нынешним временам уникальна: в оценке своих произведений он доходит почти до самоуничтожения. Этим качеством он заметно отличается от некоторых сановитых коллег, умеющих орудовать локтями гораздо успешнее, чем кистями и красками.

...Родившись в селе Татицево, вблизи Оренбурга, и прожив там двенадцать лет, Николай Пудовкин впитывал, как губка, впечатления от красоты живописных окрестностей. Таинственность леса, изгибы полноводного Урала, бирюза мокрых лугов, лошади в ночном, лунные пейзажи — все это оказывало на него магическое воздействие и вызывало неумное, трепетное желание поскорее рассказать об увиденном. Так он начал рисовать. Сначала карандашом, потом красками. В ташкентское художественное училище Николая приняли сразу на второй курс, а с четвертого он ушел: повзала повестка из военкомата. В армии Пудовкин прослужил с тридцать девятого до сорок шестого года. Демобилизованного фронтовика зачислили... на пятый курс — так он продолжал учебу. Дипломная работа Пудовкина, как и полотна других участников Великой Отечественной, была посвящена, естественно, фронтовым будням — «После боя». В полуразрушенном бомбежкой доме за поврежденным осколками пианино сидит молодой, но бывалый офицер. Лицо его вдохновенно. Вокруг расположились солдаты и, затаив дыхание, слушают игру своего боевого командира. В их глазах — грезы о жизни после Победы, до которой, знают они, не всем суждено дожить. Маленький и, казалось бы, незначительный эпизод минувшей войны. Но сколько чувств и мыслей вызывает он у зрителя!

Так началась многотрудная стезя живописца Николая Ефимовича Пудовкина, который в следующем году отметит свое семидесятилетие.

Много лет проработал он на художественном комбинате «Рассом», создал множество больших и малых полотен.

На протяжении всего творческого пути Н. Пудовкин тяготеет к многоплановым композициям, крупным станковым работам. Активная жизненная позиция человека неизменно привлекает внимание художника. Такие его картины, как «Беговатский цементный» (1960), «Ташсельмаш в годы войны» (1965), «Чарвакская строится» (1971), «Групповой портрет деятелей театра и кино» (1978), «Хлопкоробы» (1980), — свидетельство неустанных поисков и тем, и сюжетов, проникновения в психологию советского человека в различных — порою экстремальных — ситуациях.

В канун и во время празднования столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина Н. Пудовкин по собственной инициативе предпринимает поездки в места, связанные с жизнью и деятельностью вождя революции. Так появились полотна «Горки Ленинские» (1969), «Ленин с детьми» и «Аллея в Горках» (1969), «Володя Ульянов» — «К Волге» (1970), «Ленин за «Правдой» (1971). В этих картинах художник стремится раскрыть простоту, доброту и сердечность великого человека. «Володя Ульянов» и «Горки Ленинские» ныне — экспонаты Ташкентского филиала музея Ленина. Кстати, и эти, и другие наиболее заметные работы Н. Пудовкина находятся в постоянном «общении» со зрителями, приобретены и другими музеями республики. Так, картина «Перекур» (сцена из фронтовой жизни советских воинов) — в экспозиции Музея искусств Узбекской ССР, «Портрет писателя М. И. Швердина» — в Республиканском музее литературы, пейзаж «Март» — в художественной галерее г. Ургенча. Насыщенные яркими красками, полноцветным колоритом, полотна Н. Пудовкина эмоционально воздействуют на наши чувства, вызывая ответную реакцию.

Особую страницу в творчестве художника составляют пейзажи. Покоряет в них не только правдивость отражения картин родной природы, но и истинный лиризм, способность создавать у зрителя различное настроение, вызывать сопереживание и... желание побывать именно в тех местах, которые изображены на полотне. От холодных тонов зимних пейзажей до поющих красок как бы оживающих на наших глазах сочных натюрмортов, ото льда застывших в безмолвии русских речек до раскаленных такыров среднеазиатской пустыни — таков диапазон увиденного и запечатленного художником. Правдивые картины жизни людей и общества, эпизоды боевых действий солдат Великой Отечественной и созидательного труда мирных людей переданы без прикрас и преувеличений, без ложного пафоса и натужных гиперболов.

Н. Пудовкин — мастер, умеющий показать предмет таким, каким он видится в жизни. Никогда он не стремился к оригинальничанию, оставаясь убежденным реалистом. И в этом его несомненное достоинство.

Лев БЕЛОВ.

Станислав Лем

Перевод с польского К. Душенко и И. Левшина

МИР на Земле

ИЗ ВОСПОМИНИЙ ИЙОНА ТИХОГО

I. УДВОЕНИЕ

Не знаю, что делать. Имей я хотя бы возможность сказать «плохо мое дело», это бы еще полбеды. Сказать «плохи наши дела» я не могу тоже. И вообще о собственной особе я могу говорить лишь частично, хотя я по-прежнему Ийон Тихий. Со старой привычкой разговаривать вслух во время бритья мне тоже пришлось расстаться, потому что левый глаз все время мешал, ехидно подмигивая. Сидя в ЛЕМе, я еще не успел понять, что случилось перед самым отлетом. Этот ЛЕМ не имел ничего общего с американским тренажером, в котором НАСА послала Армстронга и Олдрина за горсткой лунных камней. Он был так назван для маскировки моей тайной миссии. Сам черт меня впутал в эту миссию. Возвратившись из созвездия Тельца, я никуда не собирался лететь по крайней мере год. Согласился я только во имя блага всего человечества. Я понимал, что могу не вернуться. Как высчитал доктор Лопес, у меня был один шанс на двадцать и восемь десятых. Это меня не остановило. Я человек рискованный. Двум смертям не бывать. Либо вернусь, либо нет, сказал я себе. Мне и в голову не пришло, что я вернусь, но вернусь не я, а вроде бы «мы». Чтобы объяснить это, придется раскрыть кое-какие сверхсекретные обстоятельства, но мне уже все равно. То есть частично. Ведь писать я вынужден тоже частично, с огромным трудом. Стучу на машинке правой рукой. Левую пришлось привязать к подлокотнику кресла, потому что она была против. Вырывала из каретки бумагу, ни на какие уговоры не поддавалась, а когда я попытался поставить ее на место, подбила мне глаз. Все это следствие удвоения. У каждого из нас два полушария мозга соединены большой спайкой. По-латыни — *sorpus sallosum*¹. Двести миллионов белых нервных волокон соединяют мозги, чтобы они могли собраться с мыслями — у всех, только не у меня. Чик — и кончено. И даже чиканья не было, а был полигон, на котором лунные роботы испытывали новое оружие. Меня занесло туда совершенно случайно. Я уже выполнил задание,

¹Мозолистое тело. (Здесь и далее сноски принадлежат переводчикам.)

перехитрил этих мертвых тварей и возвращался к ЛЕМу, но тут мне захотелось пи-пи. Писсуаров на Луне нет. Впрочем, в безвоздушном пространстве проку от них никакого. В скафандре имеется специальный мешочек, точно такой же был у Армстронга и Олдрина. Так что можно где угодно и когда угодно, но я стеснялся. Слишком уж я культурный, или, скорее, был таким. Ведь неудобно же прямо так, при ярком солнце, посередине Моря Ясности. Чуть подальше торчала большая глыба, ну я и пошел туда, в ее тень. Кто же мог знать, что там уже действует это ультразвуковое поле. Облегчаясь, я почувствовал что-то вроде тупого щелчка в голове. словно бы стрельнуло, не в позноночнике, как иной раз бывает, а выше. В самом черепе. Это как раз и была дистанционная каллотомия, причем полная. Нигде не болело. Я почувствовал себя как-то странно, но это сразу прошло, и я зашагал к ЛЕМу. Правда, мне показалось, что все теперь какое-то не такое, и сам я тоже, но я объяснял это возбуждением, естественным после стольких приключений. Правой рукой заведует левое полушарие мозга. Поэтому я и сказал, что пишу сейчас лишь частично. Правому полушарию мое писание, как видно, не по душе, раз оно мне мешает. Все ужасно запуталось. Я не могу сказать, что теперь я — это только мое левое полушарие. В чем-то приходится уступать правому, не сидеть же с привязанной рукой вечно. Я пытался задобрить его чем только мог — впусую. Оно просто невыносимо. Агрессивное, вульгарное, невоспитанное. Хорошо еще, что прочесть оно может не все, только некоторые части речи, легче всего — существительные. Так обычно бывает, я это знаю, потому что перечитал уже уйму книг о каллотомии. Глаголы и прилагательные ему не даются, а поскольку оно видит, что я тут выстукиваю, приходится изъясняться так, чтобы его не задеть. Удастся ли мне это, не знаю. Впрочем, никто не знает, отчего вся наша благовоспитанность засела в левом мозгу.

На Луне я должен был высадиться тоже только частично, но в совершенно другом смысле — тогда, до несчастного случая, я еще не был удвоен. Сам я должен был обращаться вокруг Луны по стационарной орбите, а на разведку выслать своего теледубля. Такого пластикового, с сенсорными датчиками, чем-то даже похожего на меня. Так вот: я сидел в ЛЕМе-1, высадился ЛЕМ-2 с теледублем. Эти военные роботы страх как свирепы к людям. В любом человеке видят противника. Так, во всяком случае, мне сказали. К сожалению, ЛЕМ-2 отказал, вот я и решил высадиться сам — посмотреть, что с ним, потому что связь была не полностью прервана. Сидя в ЛЕМе-1 и не чувствуя уже ЛЕМе-2, я ощущал, однако, боль в животе, который, собственно, болел у меня не прямо, а по радио: они, оказывается, размали у ЛЕМе оболочку, извлекли теледубля, а затем принялись потрошить и его. У себя на орбите я не мог отключить этот кабель: живот, правда, перестал бы болеть, но я окончательно потерял бы связь с дублем и не знал бы, где его искать. Море Ясности, на котором я угодил в ловушку, по размерам почти как Сахара. К тому же я перепутал кабели (они, правда, разного цвета, но их черт знает сколько); инструкция на случай аварии куда-то запропастилась, а ее поиски с болью в брюхе так меня разозлили, что вместо того, чтобы вызвать Землю, я решил высадиться, хотя меня заклинали не делать этого ни при каких обстоятельствах; мол, иначе мне уже оттуда не выкарабкаться. Но отступать не в моих правилах. Кроме того, хотя ЛЕМ — всего лишь машина, напичканная электроникой, мне было жаль бросать его на поругание роботам.

Как вижу, чем больше я объясняю, тем темнее все это становится. Начну, пожалуй, с самого начала. Впрочем, каким оно было, не знаю, должно быть, я запомнил его в основном правой половиной мозга, доступ к которой отрезан, так что я не могу собраться с мыслями. Я не помню множества вещей, и чтобы мало-помалу о них узнавать, мне приходится правой рукой объясняться жестами с левой, по системе глухонемых, да только левая часто отвечать не желает. Показывает, к примеру, фигу, и это еще самая вежливая демонстрация ее особого мнения.

Трудновато одной рукой выпытывать что-то жестами у другой и в то же время поколачивать ее в воспитательных целях. Не стану скрывать ничего. Может, в конце концов я и задал бы взбучку собственной левой руке, но дело в том, что только в е р х н я правая конечность сильнее левой. Ноги в этом отношении равноценны, к тому же на малом пальце правой ноги у меня застарелая мозоль, и левой это известно. Когда случился тот инцидент в автобусе и я силой засунул левую руку в карман, ее нога в отместку так надавила на правую, что у меня в глазах потемнело. Не знаю, может быть, это признак упадка интеллектуальных способностей, вызванного моей половинчатостью, но вижу, что написал глупость. Нога левой руки — просто левая нога; временами мое несчастное тело словно распадается на два вражеских лагеря.

Мне пришлось прервать эти заметки, потому что я попытался ударить себя ногой. То есть левая нога — правую. А значит, я не себя хотел ударить, и вовсе не я, то есть не весь я, но грамматика бессильна в такой ситуации. Я уже было решил снять ботинки, но передумал. Даже в таком несчастье человек не должен превращаться в шута. Что же мне теперь — ноги переломать себе самому, чтобы узнать, как там было с аварийной инструкцией и с теми кабелями? Мне, правда, уже случалось бороться с самим собой, но при совершенно других обстоятельствах. Один раз — в петле времени, когда я более

ранний дрался с более поздним, другой раз — после отравления бенIGNаторами. Дрался, не отрицаю. Но оставался нераздельным собой, и каждый, кто пожелает, может войти в мое положение. Разве в средневековые люди не хлестали себя бичами покаяния ради? Но в теперешнее мое положение не войти никому. Это исключено. Я не могу даже сказать, что меня двое. Рассуждая здраво, и это неправда. Меня двое, но частично я существую тоже лишь отчасти, то есть не в любой ситуации. Если вам угодно узнать, что со мною случилось, читайте без придирок и возражений все, что я напишу, даже если ничего не понимаете. Кое-что со временем прояснится. Не до конца, разумеется (до конца можно только путем каллотомии), точно так же, как нельзя объяснить, что значит быть выдрой или черепахой. Если бы кто-нибудь, неважно как, стал черепахой или опять же выдрой, он все равно не смог бы ничего сообщить, ведь животные не говорят и не пишут. Нормальные люди, каким и я был большую часть своей жизни, не понимают, как это человек с рассеченным мозгом может по-прежнему оставаться самим собой, а так оно, похоже, и есть, раз он говорит о себе «Я», а не «МЫ», ходит вполне нормально; за едой тоже не видно, будто бы правое полушарие не ведало, что делает левое (в моем случае — пока речь не идет о крупяном супе). Впрочем, кое-кто полагает, что каллотомия была известна уже в евангельские времена, ведь в Евангелии говорится о левой руке, которая не должна знать, что делает правая, хотя, по-моему, это не более чем проповедническая метафора.

Один тип преследовал меня два месяца кряду, чтобы выпытать всю правду. Он посещал меня в самую неподходящую пору и изводил вопросами насчет того, сколько во мне меня на самом деле. Из учебников, которые я ему дал, он ничего не вычитал, как, впрочем, и я. Я снабжал его этой литературой, только чтобы он отвязался. Помню, я тогда решил купить себе ботинки без шнурков, с эластичной резинкой сверху — кажется, раньше их называли штиблетами. Дело в том, что когда моей левой части не хотелось идти на прогулку, я не мог завязать шнурки. Что правая завязывала, левая тут же развязывала. Вот я и решил купить эти штиблеты и пару кроссовок — не для того, чтобы заняться столь модным ныне оздоровительным бегом, но чтобы дать урок своему правому мозгу, с которым тогда я еще не мог найти общий язык, а лишь набирался злости и синяков. Полагая, что продавец в обувном магазине — обычный торговый служащий, я что-то такое пробормотал в оправдание своего необычного поведения, а собственно, даже и не своего. Просто, когда он, с рожком для ботинок в руке, опустил передо мной на колено, я ухватил его левой рукой за нос. То есть это она ухватила, а я начал оправдываться, или, лучше сказать, валить все на нее. Даже если он примет меня за психа, думал я (откуда обыкновенному продавцу знать что-либо о каллотомии?), ботинки он мне все равно продаст. И псих не должен ходить босиком. На беду, продавец оказался подрабатывающим студентом философии и прямо-таки загорелся.

— Клянусь здравым смыслом и милосердием божьим, господин Тихий! — кричал он в моей квартире. — Ведь логика утверждает, что вы либо один, либо вас больше! Если ваша правая рука натягивает штаны, а левая ей мешает — это значит, что за каждой из них стоит своя половина мозга, которая что-то там себе думает или, по крайней мере, желает, раз ей не по сердцу то, что по сердцу другой. В противном случае, передрались бы отрубленные руки и ноги, чего они, как известно, не делают!

Тогда я дал ему Ганзанигу. Лучшая монография о рассеченном мозге и вытекающих отсюда последствиях — книга профессора Ганзаниги «Bisected Brain»¹, выпущенная еще в 1970 году издательством «Applton Century Grofts» (Educational Divisin of Meredith Corporation²). И пусть у меня мозги никогда не срastутся, если я говорю неправду, если я выдумал этого Михеля Ганзанигу и его родителя (ему-то и посвящена монография), которого звали Данте Ахиллес Ганзанига и который тоже был доктором — m. d.³ Кто не верит, пусть немедленно бежит в ближайшую медицинскую книжную лавку, а меня оставит в покое.

Тот тип, который преследовал меня, чтобы вытянуть показания насчет моей удвоенной жизни, ничего не добился, а только довел до бешенства оба моих полушария сразу, раз уж я схватил его обеими руками за шкирку и вышвырнул за дверь. Такие временные перемирия в моем удвоенном существе порою случаются, но для меня это как было темным делом, так и осталось.

Студент-философ звонил мне потом среди ночи, полагая, что спросонок я выдам свою невероятную тайну. Он просил меня прикладывать трубку то к левому уху, то к правому и не обращал внимания на красочные эпитеты, которых я для него не жалел.

Он упорно стоял на том, что идиотским следует считать не его вопросы, а состоя-

¹«Рассеченный мозг» (анг.).

²Отдел по изданию учебной литературы корпорации «Мередит» (анг.).

³Doctor of Medicine — доктор медицины (анг.).

ние, в котором я нахожусь, ведь оно противоречит антропологической, экзистенциальной и всей вообще философии человека, то есть существа разумного и сознающего собственную разумность. Этот студент, должно быть, только что сдал экзамены, потому что в разговоре сыпал Гегелями и Декартами («Мыслю, следовательно, существую», а не «Мыслим, следовательно, существуем»), атаковал меня Гуссерлем и добивал Хейдеггером, доказывая, будто то, что со мной происходит, происходить не может, поскольку идет вразрез со всеми интерпретациями духовной жизни, которыми мы обязаны не недоумкам каким-нибудь, но гениальнейшим умам человечества, мыслителям, которые целые тысячелетия, начиная с древних греков, занимались интроспективным познанием нашего «Я»; а тут приходит какой-то чужак с рассеченной большой спайкой мозга, с виду здоров как бык, но правая рука у него не ведает, что делает левая, с ногами та же история, к тому же одни эксперты утверждают, что сознает он только с левой стороны, а правая — всего лишь бездушный автомат, вторые — что сознаний два, но правое поражено немотой, поскольку центр Брока расположен в левой височной доле, третьи — что у него два частично автономных сознания, и это уже верх всего. Раз нельзя частично выскочить из поезда, кричал он, или частично умереть, то нельзя и частично мыслить! За дверь я его уже не выбрасывал — как-то мне его стало жаль. С отчаяния он попытался меня подкупить. Он называл это дружеским презентом. Он клялся, что 840 долларов — это все его сбережения на каникулы с девушкой, но он готов отказаться от них и даже от нее, лишь бы я поведал ему как на духу, КТО мыслит, когда мыслит мое правое полушарие, а я не знаю, ЧТО оно мыслит; когда же я отослал его к профессору Экклезу (стороннику сознания с левой стороны, полагавшему, что правая вообще не мыслит), он отозвался об этом ученом зазорными словами. Он уже знал, что я помаленьку научил свое правое полушарие языку глухонемых, и требовал, чтобы к Экклезу пошел я и объяснил ему, что он заблуждается. По вечерам, вместо того чтобы посещать лекции, он рылся в медицинских журналах. Он уже знал, что нервные пути устроены крест-накрест, и искал в самых толстых компендиумах ответа на вопрос, за каким чертом это понадобилось, чего это ради правый мозг заведует левой половиной тела, и наоборот, но об этом, понятно, нигде ни единого слова не было. Либо это помогает нам быть человеком, рассуждал он, либо мешает. Психоаналитиков он изучил тоже и нашел одного, утверждавшего, будто в левом полушарии помещается сознание, а в правом — подсознание, но мне удалось выбить у него из головы эту чушь. Я, по понятным причинам, был куда начитаннее. Не желая драться ни с самим собою, ни с юношей, страдаемым жаждой познания, я уехал, или, скорее, бежал от него в Нью-Йорк — и попал из огня в полымя.

Я снял крохотную квартиру в Манхэттене и ездил, на метро или на автобусе, в Публичную библиотеку; там я читал Хосатица, Вернера, Такера, Вудса, Шапира, Риклана, Шварца, Шварцта, Швартса, Сэ-Мэ-Халаша, Росси, Лишмена, Кеньона, Харви, Фишера, Козна, Шамбека и тридцать других Раппопортов, и по дороге чуть не всякий раз случались скандалы, потому что всех хорошеньких женщин, а блондинок особенно, я норовил ущипнуть пониже спины. Занималась этим, разумеется, моя левая рука (и притом не всегда в толкучке), но попробуйте объяснить это в немногих словах! Хуже всего было не то, что я раз-другой получил оплеуху, но то, что обычно эти женщины вовсе не считали себя обиженными. Напротив, они усматривали в моем щипке приглашение к небольшому романчику, а уж о романчиках мне думалось тогда меньше всего. Насколько я мог понять, оплеухами меня награждали активистки *womans liberation*¹, что, впрочем, случалось крайне редко, так как хорошеньких среди них раз, два и обчелся.

Видя, что самому мне не выбраться из моего кошмарного состояния, я связался со светилами медицинской науки. И они мною занялись, а как же. Я был подвергнут всевозможным анализам, рентгеноскопии, стахистоскопии, электрошоку, помещен между четырьмястами электродами, привязан, к специальному креслу, был вынужден часами разглядывать сквозь узкую смотровую щель яблоки, вилки, столы, гребешки, грибы, сигары, стаканы, собак, стариков, голых женщин, грудных младенцев и несколько тысяч других вещей, которые проецировали на белый экран, после чего мне сказали (хотя я и без них это знал), что, когда мне показывают бильярдный шар так, чтобы его видело лишь мое левое полушарие, то левая рука, опущенная в мешок с различными предметами, не может вынуть оттуда такой же шар, и наоборот, ибо не знает десница, что делает шуйца. Тогда они признали мой случай банальным и потеряли ко мне интерес, так как я ни словечка не проронил о том, что учу свою безязыкую половину языку глухонемых. Я ведь хотел узнать от них что-нибудь о себе, а пополнять их интеллектуальный багаж было не в моих интересах.

¹ Движение за женскую эмансипацию (анг.).

Потом я пошел к профессору С. Туртeltaубу, который со всеми остальными был на ножах, но он, вместо того чтобы просветить меня относительно моего состояния, стал мне жаловаться, какая это клика и мафия, и поначалу я слушал его в оба уха, полагая, что он поносит коллег из высоконаучных соображений. Туртeltaуб, однако, не мог им простить того, что они похоронили его проект. Когда я последний раз был у господ Глобуса и Заводника или, может, еще у каких-то светил — что-то они у меня путаются, столько их было, — то, узнав, что я хожу к Туртeltaубу, они поначалу даже обиделись, а потом заявили, что он исключен из сообщества ученых по этическим соображениям. Туртeltaуб, оказывается, хотел, чтобы убийцам, приговоренным к смерти или пожизненному заключению, предлагали замену наказания на операцию каллотомии. Мол, до сих пор ей подвергали исключительно эпилептиков, и неизвестно, каковы будут последствия рассечения спайки у обыкновенных людей; и каждый, не исключая его самого, будучи приговорен к электрическому стулу, допустим, за убийство тещи, наверняка предпочел бы рассечение *corpus callosum*; но тогда член Верховного суда на пенсии Клессенфенгер постановил, что, даже если оставить в стороне этику, дело это опасное: ведь если бы оказалось, что, приступая к умерщвлению тещи, с заранее обдуманным намерением действовало лишь левое полушарие Туртeltaуба, а правое ничего не знало или даже протестовало, но уступило доминирующему левому, и после внутримозговой борьбы дошло-таки до убийства, — возник бы кошмарный прецедент, ибо одно полушарие надлежало увести в тюрьму, а второе, полностью оправдав, освободить из-под стражи. То есть убийца был бы приговорен к смерти на пятьдесят процентов.

Не имея возможности получить то, о чем он мечтал, Туртeltaуб поневоле довольствовался обезьянами (очень дорогими, в отличие от убийц), а дотации ему все урезали и урезали, и он горевал, что кончит крысами и морскими свинками, хотя это вовсе не то же самое. Он меня до того замучил, что я решил переменить тему и упомянул о языке знаков, уроки которого моя правая рука давала левой. Лучше бы я этого не делал. Он тут же позвонил Глобусу или, может, Максвеллу и объявил, что продемонстрирует в Неврологическом обществе случай, который сотрет их всех в порошок. Видя, куда повернуло дело, я выбежал от Туртeltaуба не прощаясь и поехал прямо в свою гостиницу, но те уже подстерегали меня в холле. Увидев их возбужденные лица и глаза, горящие нездоровым исследовательским энтузиазмом, я сказал, что, так уж и быть, я пойду с ними в клинику, только сперва переоденусь у себя; пока они ждали внизу, я сбежал с двенадцатого этажа по пожарной лестнице и на первом же такси помчался в аэропорт. Мне было, собственно, все равно, куда лететь, лишь бы подальше от этих ученых, а так как ближайший рейс был в Сан-Диего, я туда и отправился; там, в маленькой скверной гостинице — это был настоящий притон, кишачий темными личностями, — даже не распаковав чемодана, я позвонил Тарантоге, чтобы попросить у него помощи.

Тарантога, к счастью, был дома. Настоящие друзья познаются в беде. Он прилетел в Сан-Диего ночью, и когда я рассказал ему все возможно ясней и подробней, он решил мною заняться — как человек доброй души, а не как ученый. По его совету я сменил гостиницу и начал отпускать бороду, а он тем временем отправился на поиски такого эксперта, для которого клятва Гиппократова важнее, чем возможность прославиться за мой счет. На третий день мы едва не поссорились: он пришел порадовать меня хорошими новостями, а я проявил благодарность лишь частично. Его вывела из себя моя левосторонняя мимика — я все время по-идиотски ему подмигивал. Я объяснил, правда, что это не я, а лишь правое полушарие моего мозга, над которым я не властен, и он уже стал успокаиваться, но потом принялся упрекать меня снова. Дескать, что-то тут не в порядке: даже если меня двое в едином теле, то по ехидным и саркастическим минам, которые я наполовину строю, видно как на ладони, что я уже раньше — по крайней мере, частично — питал к нему неприязнь, которая и проявилась теперь в форме черной неблагодарности, а он полагает, что либо ты целиком друг, либо не друг вовсе. Пятидесятипроцентная дружба не в его вкусе. Все же в конце концов мне удалось его успокоить, а когда он ушел, я купил себе повязку на глаз.

Специалиста для меня он отыскал далековато — в Австралии, и мы вместе полетели в Мельбурн. Это был профессор Джошуа Мак-Интайр; он читал там курс нейрофизиологии, а его отец был сердечным приятелем отца Тарантоги и чуть ли даже не дальним родственником. Мак-Интайр внушал доверие уже своим видом. Высокий, с седой шевелюрой ежиком, удивительно спокойный, толковый и, как заверил меня Тарантога, добросердечный. Так что можно было не опасаться, что он захочет использовать меня в своих целях или станкнется с американцами, которые уже лезли из кожи, стараясь напасть на мой след. Тщательно обследовав меня, что заняло три часа, он поставил на письменный стол бутылку виски, налил мне и себе; когда же атмосфера стала совершенно приятельской, заложил ногу за ногу, помолчал, собираясь с мыслями, и произнес:

— Господин Тихий, я буду обращаться к вам в единственном числе — так удобнее.

Можно считать установленным, что большая спайка мозга рассечена у вас от *comissura anterior* до *posterior*¹, хотя на черепе нет и следа трепанационного шрама...

— Так я же и говорю, профессор, — перебил я его, — никакой трепанации не было, а было поражение новейшим оружием. Это, наверно, оружие будущего: не надо никого убивать, достаточно подвергнуть вражескую армию дистанционной церебеллотомии². С отсеченным от остального мозга мозжечком любой солдат сразу же рухнет на землю, словно парализованный. Так мне сказали в том ведомстве, называть которое я не имею права. Но по случайности я встал к тому ультразвуковому полю боком, или, как выражаются медики, саггитально³. Хотя и это не наверняка — тамошние роботы, видите ли, орудут скрыто, и механизм воздействия этого поля не вполне ясен.

— Неважно, — сказал профессор, глядя на меня своими добрыми, умными глазами сквозь золотые очки. — Внемедицинские обстоятельства нас в данную минуту не интересуют. Что же касается количества сознаний в подвергнутом каллотомии человеке, то тут к настоящему времени существуют восемнадцать теорий. Поскольку каждая из них имеет экспериментальное подтверждение, понятно, что ни одна не может быть ни совершенно ошибочной, ни совершенно истинной. Вы не один, но вас и не двое, о дробных числах тоже говорить не приходится.

— Так сколько же меня, собственно, есть? — спросил я удивленно.

— Нет хороших ответов на плохо поставленные вопросы. Представьте себе двух близнецов, которые от рождения только и делают, что пилят двуручной пилой дрова. Они трудятся в полном согласии, иначе не смогли бы пилить; если же забрать у них эту пилу, они уподобятся вам в вашем нынешнем состоянии.

— Но ведь каждый из них, пилит он или не пилит, обладает одним-единственным сознанием, — разочарованно заметил я. — Ваши коллеги в Америке, профессор, рассказали мне множество подобных притч. О близнецах с пилой тоже.

— Ну, ясно, — сказал Мак-Интайр и подмигнул левым глазом, так что я даже подумал, не рассечено ли и у него что-нибудь. — Мои американские коллеги беспросветно темны, а такие сравнения курам на смех. Эту историю с близнецами, выдуманную одним американцем, я привел нарочно — как пример ошибочного подхода. Если изобразить работу мозга графически, у вас она выглядит как большая буква Y, поскольку сохраняется единый ствол мозга и средний мозг. Это — основание игрека, а полушария у вас разделены, как его верхняя часть. Понимаете? Интуитивно это можно легко... — Профессор запнулся и вскрикнул, получив от меня удар по коленной чашечке.

— Это не я, это моя левая нога! — поспешно объяснил я. — Извините. Честное слово, я не хотел...

Мак-Интайр понимающе улыбнулся (но в этой улыбке было что-то фальшивое, словно у психиатра, всем своим видом показывающего, что сумасшедший, который его укусил, человек нормальный и симпатичный), встал и отодвинулся вместе со стулом на безопасное расстояние.

— Правое полушарие обычно гораздо агрессивнее левого, это факт, — сказал он, осторожно ощупывая колено. — Вы, однако, могли бы держать ноги сплетенными. Да и руки, знаете, тоже. Так нам будет легче беседовать.

— Я уже пробовал — затекают. А потом, позволю себе заметить, ваш игрек ничего мне не объясняет. Где начинается в нем сознание — под развилкой, в развилке, еще выше или, как там еще?..

— Совершенно определенно сказать нельзя, — ответил профессор, продолжая покачивать ушибленной ногой, которую он усердно массировал. — Мозг, любезнейший господин Тихий, состоит из множества функциональных подсистем, которые у нормального человека взаимодействуют по-разному при выполнении разных заданий. У вас подсистемы самого высокого уровня полностью разъединены и потому не могут взаимодействовать.

— Об этих подсистемах я тоже уже наслышался, разрешите заметить. Я не хотел бы выглядеть невежливым — во всяком случае, могу вас заверить, профессор, что этого не хочет мое левое полушарие, которое сейчас обращается к вам, — но я по-прежнему ничего не знаю. Ведь я живу совершенно нормально — ем, хожу, сплю, читаю, только приходится следить за левой рукой и ногой, потому что они затевают скандалы без всякого предупреждения. Я хочу узнать, кто подстраивает мне эти фокусы? Если мой мозг, то почему я ничего об этом не знаю?

— Потому что полушарие, виновное в этом, безгласно, господин Тихий. Центр речи находится в левом полушарии, в височной до...

На полу между нами лежали мотки проводов от множества аппаратов, при помощи

¹ От передней комиссуры (спайки) до задней (лат.).

² Церебеллотомия — рассечение мозжечка.

³ Саггитальная плоскость делит тело продольно на левую и правую половины.

которых Мак-Интайр меня обследовал. Я заметил, что моя левая нога начинает как бы играть этими проводками. Она намотала себе на щиколотку толстый кабель в черной блестящей изоляции, чему я особого значения не придал, и вдруг, дернувшись назад, потянула за кабель, который, оказывается, обвивал ножку профессорского стула. Стул опрокинулся, а профессор грохнулся на линолеум. Я мог убедиться, однако, что передо мной опытный врач и владеющий собою ученый; поднимаясь с пола, он произнес почти совершенно спокойно:

— Ничего, ничего. Ради бога, не беспокойтесь. Правое полушарие заведует ориентацией в пространстве; неудивительно, что оно гораздо ловчее в такого рода делах. Но я попросил бы вас еще раз, господин Тихий, сесть подальше от стола, от проводов и вообще от всего. Это облегчит нам беседу и выбор подходящей для нашего случая терапии.

— Я хочу только знать, где мое сознание, — ответил я, сматывая провод с ноги, что давалось мне нелегко — та словно бы приросла к полу. — Ведь это, казалось бы, я опрокинул стул, а в то же время у меня не было такого намерения. Так к т о же это сделал?

— Ваша левая нижняя конечность, управляемая правым полушарием. — Профессор поправил съехавшие очки, отодвинул стул чуть подальше, но после некоторого раздумья не сел, а остался стоять, ухватившись за спинку стула. Я подумал — каким из полушарий, не знаю, — уж не борется ли он с искушением перейти в контратаку?

— Так мы можем толковать до судного дня, — заметил я, чувствуя, что напрягается левая сторона моего тела. На всякий случай я сплел ноги и руки. Мак-Интайр, внимательно наблюдая за мной, продолжал дружеским тоном:

— Левое полушарие доминирует благодаря центрам речи. Разговаривая с вами, я разговариваю, следовательно, с левым полушарием, а правое может лишь прислушиваться к нашей беседе. Речью оно владеет в очень незначительной степени.

— У других — пожалуй, но только не у меня, — возразил я, на всякий случай придерживая правой рукой запястье левой. — Оно у меня действительно немое, но я, знаете ли, обучил его языку глухонемых. Сколько здоровья мне это стоило!

— Не может быть!

В глазах профессора появился блеск, который я уже видел у его американских собратьев; я пожалел о своей откровенности, но было уже поздно.

— Да ведь оно не владеет глагольными формами! Это доказано.

— Ну и что? Можно и без глаголов.

— Тогда, пожалуйста, спросите его, то есть себя — то есть его, хочу я сказать, — что оно думает о нашей беседе? Сможете?

Волей-неволей я взял свою левую руку и начал ласково поглаживать ее правой (это, я знал, хорошо помогает), а потом стал подавать условные знаки, касаясь левой ладони. Вскоре ее пальцы зашевелились. Я следил за ними какое-то время, после чего, стараясь скрыть свою злость, положил левую руку на колено, хотя та и сопротивлялась. Разумеется, она тут же чувствительно ущипнула меня в бедро. Этого следовало ожидать, но я не хотел устраивать представление, сражаясь с самим собой на глазах у профессора.

— И что же она сказала? — спросил профессор, неосторожно высываясь из-за стула.

— Ничего интересного.

— Но я же отчетливо видел — она подавала какие-то знаки. Или они были нескоординированы?

— Нет, почему же. Прекрасно скоординированы, только это глупость.

— Так говорите! В науке глупостей нет!

— Она сказала: «Ты задница».

Профессор даже не улыбнулся, до того он был увлечен.

— Нет, правда? Тогда спросите ее, пожалуйста, обо мне.

— Как вам будет угодно.

Я снова взял свою левую руку и пальцем указал на профессора; на этот раз ее даже не пришлось особенно уговаривать — она ответила моментально.

— Ну, ну?

— «Тоже задница».

— Прямо так и сказала?

— Да. Глаголы ей действительно не даются, однако понять можно. Но я по-прежнему не знаю, к т о говорит. Пусть жестами, это ведь все равно. С вами я разговариваю ртом, а с ней должен пальцами, как же все это понять? У меня в голове есть и Я, и какой-то ОН? Если есть ОН, то почему я ничего не знаю о нем и вообще ничего не чувствую, не ощущаю его переживаний, его эмоций, вообще ничего, хотя он в МОЕЙ голове и составляет часть МОЕГО мозга? Ведь он не снаружи. Ладно бы еще обыкновенное раздвоение сознания, если бы все у меня там перемешалось — это я еще мог бы понять. Так нет же! Откуда он взялся, этот ОН? Что, он тоже Ийон Тихий? А если даже так, почему мне

приходится объясняться с ним окольным путем, через руку, и получать ответы тоже окольным путем, скажите на милость? Он — или оно, если это полушарие моего мозга — не на такое еще способен. Если бы он хоть был — или оно было — не в своем уме! Ведь оно то и дело впутывает меня в скандальные истории.

Не видя больше нужды таиться от профессора, я рассказал ему об инцидентах в автобусе и метро. Он был вне себя от любопытства.

— Значит, только блондинки?

— Да. Пусть крашенные, это не имеет значения.

— А что-нибудь еще оно себе позволяет?

— В автобусе — нет.

— А в другой обстановке?

— Не знаю, не пробовал. То есть, я не давал ему такой возможности. Или ей, если угодно. Раз уж вам так интересны подробности, добавлю, что несколько раз я получал за это пощечины и был вне себя от ярости и смущения, ведь никакой вины за собой я не чувствовал; а в то же время мне было почему-то забавно. Но однажды я получил оплеуху по левой щеке. И тогда мне было совсем не смешно. Я задумался над этим и решил, что могу объяснить, в чем тут дело.

— Ну конечно! — воскликнул профессор. — Левый Тихий получал оплеухи за правого, и именно это правого забавляло. А вот когда правому досталось за правого, это вовсе не показалось ему забавным, ведь он получил, так сказать, не только за свое, но и в свою часть лица.

— Вот именно. Значит, какая-то связь вроде бы есть в бедной моей голове, только скорее эмоциональная, чем рациональная. Эмоции, впрочем, он тоже испытывает, хотя я ничего об этом не знаю. Добро бы еще бессознательные, но возможно ли это? В конце концов, этот Экклез, с его теорией бессознательных инстинктов, плетет чушь. Высмотреть в толпе милостивую блондинку, маневрировать так, чтобы приблизиться к ней — поначалу неизменно зачем, встать за нею и так далее — тут ведь целый продуманный план, а не какие-то там инстинкты. Продуманный, а значит — сознательный. Но продуманный — кем? Кто тут обдумывает? Кто обладает этим сознанием, если не Я?

— Ах, знаете, — сказал все еще заметно возбужденный профессор, — это можно, в конце концов, объяснить. Пламя свечи легко различить в темноте, но не днем, при солнце. Может быть, правый мозг и обладает каким-то сознанием, но слабеньким, как свеча, незаметным на фоне сознания левого, доминирующего полушария. Это вполне вероя...

Профессор мгновенно пригнулся и лишь поэтому избежал удара ботинком по голове. Моя левая нога, опираясь о ножку стула, мало-помалу стянула ботинок с себя, а потом так резко рванулась вперед, что ботинок пролетел словно пуля и грохнулся в стену, на волос разминувшись с профессором.

— Может быть, вы и правы, — заметил я, — но обидчив он — просто ужас.

— Вероятно, он ощущает какую-то неясную угрозу себе — под влиянием нашей беседы или, скорее, того, что он мог в ней неверно понять, — предположил профессор. — Кто знает, не лучше ли было бы обращаться к нему прямо.

— Моим способом? Об этом я не подумал. Но зачем? Что вы хотите ему сообщить?

— Это будет зависеть от его реакции. Ваш случай уникален. Еще ни разу не подвергали каллотомии человека, совершенно здорового умственно, и притом с незаурядным умом.

— Вопрос следует поставить ясно, — ответил я, успокоительно поглаживая левую кисть по тыльной стороне, а то она уже начала сгибать и разгибать пальцы, что показалось мне настораживающим. — Мои интересы и интересы науки не совпадают. Не совпадают тем в большей степени, чем в большей степени, как вы говорите, уникален мой случай. Если вы, или неважно кто, сумеете найти общий язык с НИМ (вы понимаете, что я имею в виду), если ЕГО самостоятельность возрастет, это может мне повредить, и даже весьма.

— Ах, нет, это невозможно, — произнес профессор решительно, по-моему, даже слишком решительно. Он снял очки и стал протирать их замшей. В его глазах не было ничего похожего на выражение беспомощности, столь обычное у близоруких людей, которые без очков почти ничего не видят. Он бросил на меня такой быстрый и пронизывающий взгляд, словно очки были ему совсем не нужны, и тут же опустил глаза.

— Да ведь всегда и случается именно то, что невозможно, — сказал я, старательно подбирая слова. — История человечества состоит из сплошных невозможностей. Прогресс науки — тоже. Один молодой философ объяснял мне, что положение, в котором я нахожусь, невозможно, ибо противоречит всем аксиомам философии. Сознание неделимо. Так называемое раздвоение сознания — это, в сущности, сменяющие друг друга его необычные состояния, сопровождающиеся нарушениями памяти и ощущения собственного «Я». Это вам не торт!

— Как вижу, вы порядочно начитались специальной литературы, — заметил про-

фессор, поправляя очки. Он что-то добавил, но что — я не расслышал. Я хотел сказать, что сознание, согласно философам, нельзя кроить на кусочки как торт, но запнулся: моя левая рука ткнула пальцем в ладонь правой и начала подавать знаки. Этого еще с ней не случалось. Мак-Интайр, заметив, куда я смотрю, мигом смекнул, в чем дело.

— Она что-то говорит, да? — спросил он приглушенным голосом, так говорят в присутствии третьего лица, стараясь, чтобы оно не расслышало.

— Да. — Я был удивлен, но все же повторил вслед за рукой: — Она хочет кусочек торта.

Восхищение, отразившееся на лице профессора, отрезвило меня. Заверив жестами руку, что она получит желаемое, если будет вести себя хорошо, я продолжил:

— С вашей точки зрения было бы замечательно, если бы она становилась все более самостоятельной. Я не осуждаю вас, я понимаю: две полностью развитых личности в одном теле — это сенсация. Какое тут открывается поле для исследований, открытий и так далее. Но меня торжество демократии в моей голове не устраивает.

— Вотум недоверия, не так ли? Я прекрасно вас понимаю... — Профессор благожелательно улыбался. — Прежде всего, я хочу вас заверить, что все услышанное мною сегодня я буду держать про себя. Под печатью врачебной тайны. А кроме того, я и не думал предлагать вам какое-то определенное лечение. Вы сделаете то, что сочтете нужным. Прошу вас хорошенько подумать — разумеется, не здесь и не сразу. Вы долго пробудете в Мельбурне?

— Пока не знаю. Во всяком случае, я, с вашего разрешения, еще позвоню.

Тарантога, сидевший в зале ожидания, увидев меня, вскочил.

— Ну что, профессор? Как там, Ийон?

— Решение еще не принято, — сообщил официальным тоном Мак-Интайр. — Господин Тихий питает некоторые сомнения. Так или иначе, я всецело к его услугам.

Будучи человеком слова, по дороге в гостиницу я остановил такси у кондитерской и купил кусок торта; мне пришлось съесть его тут же, в машине, — она этого требовала, хотя мне самому не хотелось сладкого. Но я решил до поры до времени не терзаться вопросом о том, кто и в таком случае хочет сладкого, ведь кроме меня самого никто на этот вопрос ответить не мог, а сам я ответа тоже не знал.

Мы с Тарантогой жили в соседних номерах; я зашел к нему и в общих чертах обрисовал визит у Мак-Интайра. Рука прерывала меня несколько раз, выражая свое недовольство. Дело в том, что торт был с лакрицей, а я лакрицу не переношу. Я все же съел его, полагая, что делаю это для нее, но оказалось, что у меня и у нее — у меня и у него — у меня и второго меня — а впрочем, сам черт не разберет, у кого с кем — вкусы одни и те же. Это понятно, ведь рука сама есть не могла, а рот, небо, язык у нас общие. Я чувствовал себя как в дурацком сне, кошмарном и забавном одновременно: словно я ношу в себе если не грудного младенца, то маленького, капризного, хитрого ребенка. Я даже вспомнил о психологической гипотезе, согласно которой у маленьких детей единого сознания нет, поскольку проводящие нервные пути большой спайки мозга у них еще недостаточно развиты.

— Тут тебе какое-то письмо. — Эти слова Тарантоги вернули меня к действительности. Я удивился — ведь о моем местопребывании не знала ни одна живая душа. Письмо было отправлено из столицы Мексики авиапочтой, без обратного адреса. В конверте оказалась маленькая карточка с машинописным текстом: «Он из ЛА».

И все. Я перевернул листок. Обратная сторона была чистой.

Тарантога взял карточку, взглянул на нее, потом на меня.

— Что это значит? Ты понимаешь?

— Нет. Это значит... ЛА — вероятно, Лунное Агентство. Это они меня послали.

— На Луну?

— Да. С этой миссией. По возвращении я должен был представить отчет.

— И представил?

— Да. Написал обо всем, что помнил. И вручил парикмахеру.

— Парикмахеру?

— Так было условлено. Чтобы не идти прямо к ним. Но кто этот «он»? Разве только Мак-Интайр? Больше я здесь ни с кем не встречался.

— Погоди. Ничего не понимаю. Что было в твоём отчете?

— Этого я даже вам сказать не могу. Дал подписку о неразглашении. Но было там не так уж много. Уйму всего я позабыл.

— После несчастного случая?

— Ну да. Что вы делаете, профессор?

Тарантога вывернул конверт наизнанку. Кто-то написал там карандашом печатными буквами: «Сожги это. Да не погубит правое левое».

Я по-прежнему ничего не понимал, но все же тут чувствовался какой-то смысл. Вдруг я посмотрел на Тарантогу расширенными глазами.

— Начинаю догадываться. Ни на конверте, ни на карточке — ни одного существительного, вы заметили?

— Ну и что?

— Она лучше всего понимает существительные. Тот, кто это послал, хотел, чтобы я о чем-то узнал, а она — нет...

При этих словах я многозначительно коснулся левой руки. Тарантога встал, прошелся по комнате, постучал пальцами по столу и сказал:

— Если это значит, что Мак-Интайр...

— Не продолжайте, прошу вас.

Я достал из кармана блокнот и написал на чистой странице: «Услышанное она понимает лучше прочитанного. Какое-то время нам придется объясняться по этому делу письменно. Мне кажется, то, чего я не написал для ЛА — потому что не помню, — помнит она, и кто-то об этом знает или по крайней мере догадывается. Я ему не буду звонить и не пойду к нему, потому что скорее всего это ОН и есть. Он хотел беседовать с нею по моему способу. Возможно, хотел что-то выведать у нее. Отвечайте мне письменно».

Тарантога прочел, нахмурился и, не произнеся ни слова, начал писать через стол: «Но если он из ЛА, для чего такой кружной путь? ЛА могло обратиться к тебе прямо, не так ли?»

Я ответил: «Между теми, к кому я обратился в Н.-Й., наверняка был кто-нибудь из ЛА. От него там узнали, что я нашел способ общаться с ней. Они не могли испытывать этот способ, потому что я сразу сбежал. Если верить анониму, сын человека, дружившего с вашим отцом, хотел до нее добраться. Пожалуй, они смогли бы вытянуть из нее все, что она помнит, не вызвав у меня подозрений. И я бы даже не узнал — что. А обратиться они ко мне прямо, я мог не дать согласия на обследование, и они бы остались ни с чем. Ведь с точки зрения права она не самостоятельное лицо, и только я могу разрешить беседовать с нею кому бы то ни было. Пожалуйста, побольше причастий, местоимений, глаголов. И усложняйте, по возможности, синтаксис».

Профессор вырвал из блокнота исписанный мною листок, спрятал его в карман и написал на чистом листке: «Но почему ты, собственно, не хочешь, чтобы она догадывалась о происходящем?»

«На всякий случай. Вспомни, что было написано на внутренней стороне конверта. Это, конечно, не от ЛА, ЛА не стало бы предостерегать меня от самого же ЛА. Это писал кто-то другой».

Ответ Тарантоги был краток: «Кто?»

«Не знаю. О том, что случилось там, где я был и где я пострадал от несчастного случая, хотели бы узнать многие. Как видно, у ЛА могущественные конкуренты. Думаю, что пора отказаться от общества кенгуру. Сматываем удочки. Повелительного наклона она не понимает».

Тарантога достал из кармана исписанные листки, смял их вместе с письмом и конвертом в комок, поджег его спичкой, бросил в камин и смотрел, как горит, превращаясь в пепел, бумага.

— Я пойду в бюро путешествий, — заявил он. — А ты что намерен делать?

— Побреюсь. Борода страшно меня щекочет, а теперь она все равно ни к чему. Чем скорее, профессор, тем лучше. Можно и ночным рейсом. И ради бога не говори-те — куда.

Я брился в ванной и строил перед зеркалом всевозможные рожи. Левый глаз даже не моргнул. Я выглядел совершенно нормально. Поэтому я принялся собирать вещи, время от времени концентрируя внимание на левой руке и ноге, но те вели себя хорошо. Лишь под самый конец, когда я укладывал в набитый доверху чемодан галстуки, левая рука бросила на пол один из них, зеленый в коричневую крапинку, мой любимый, хотя далеко не новый. Не приглянулся он ей, что ли? Я поднял галстук правой рукой и передал левой, пытаюсь заставить ее положить его в чемодан. Произошло то, что я наблюдал уже и раньше. Предплечье меня еще слушалось, но пальцы отказались повиноваться и выронили галстук на ковер у кровати.

— Хорошенькая история, — вздохнул я. Я уложил галстук правой рукой и закрыл чемодан.

Вошел Тарантога, молча показал два билета и пошел укладывать вещи.

Я размышлял о том, есть ли у меня основания опасаться правого полушария. Думать об этом я мог спокойно, зная, что она ничего не узнает, пока я не сообщу ему это жестами. Человек так устроен, что сам не знает что он знает. О содержании книги можно узнать из оглавления, но в голове никакого оглавления нет. Голова все равно что полный мешок; чтобы узнать, что там есть, нужно вынимать все по очереди. Рыться в памяти, как рукой в мешке. Пока Тарантога платил по счету в отеле, пока мы в сумерках ехали в аэропорт, а потом сидели в зале ожидания, я восстанавливал в памяти все, что случилось после моего возвращения из созвездия Тельца, пытаюсь выяснить, что из этого я еще помню. На Земле я обнаружил огромные перемены. Было достигнуто всеобщее разоружение. Даже сверхдержавы не могли позволить себе и дальше финансировать

гонку вооружений. Всё более сообразительные виды оружия стоили всё дороже. Кажется, поэтому и стало возможным Женевское соглашение. Ни в Европе, ни в США никто уже не хотел служить в армии. Людей заменяли автоматы. В боевом отношении живые солдаты далеко уступали мертвым. Это, впрочем, были вовсе не роботы, а миниатюрные электронные блоки, управлявшие ракетами, самоходными орудиями, танками, плоскими, как огромные клопы (ведь место для экипажа не требовалось), а если в бою блок управления выходил из строя, его заменял резервный. Главной задачей противника стало нарушение систем связи, а прогресс в военном деле означал теперь возрастание самостоятельности автоматов. Оружие становилось все эффективнее и все дороже.

Не помню, кто первым предложил совершенно новое решение: все вооружения перенести на Луну. Не в виде военных заводов, а в виде так называемых планетарных машин. Эти машины уже использовались для освоения Солнечной системы. Как я ни старался, многие подробности никак не приходили на память, и я даже не был уверен, знал я о них прежде или не знал. Обычно, когда не удается что-то вспомнить, можно хотя бы вспомнить, знал ли ты об этом что-нибудь раньше, но мне уже не по силам было и это. Новую Женевскую конвенцию я, конечно, читал, но и в этом я не был совершенно уверен. Планетарные машины выпускались многими фирмами, по большей части американскими. Они были не похожи ни на что из того, что выпускала доселе промышленность. Не заводы, не роботы, а скорее, что-то среднее между тем и другим. Некоторые из них напоминали огромных пауков. Разумеется, не было недостатка в петициях с требованием не вооружать планетарные машины, а применять их исключительно в горном деле и так далее; но когда началась перевозка вооружений на Луну, оказалось, что все государства, которым это было по средствам, уже имеют самодвижущиеся ракетные установки, тяжелые орудия, способные нырять под воду, центры управления огнем, прозванные кротами за их способность зарываться глубоко в землю, ползучие лазерные излучатели разового пользования (источником энергии служил в них атомный заряд, в момент залпа такой излучатель превращался в облако раскаленного газа). Любая страна могла запрограммировать на Земле свои планетарные машины, а специально для этого созданное Лунное Агентство перевозило их на Луну в соответствующие национальные сектора. Было достигнуто соглашение о паритетах — кто сколько чего может там разместить, а смешанные международные комиссии наблюдали за этим Исходом. Военные и научные эксперты всех государств воочию смогли убедиться, что их аппаратура доставлена на Луну и действует как положено, после чего все одновременно вернулись на Землю.

В XX веке такое решение не имело бы смысла, ведь гонка вооружений — это не столько количественный рост, сколько качественный прогресс, который тогда зависел исключительно от людей. Однако новейшая военная техника развивалась по иному принципу, заимствованному у природной эволюции — эволюции растений и животных. Эти системы были способны к так называемой автооптимизации, а проще говоря — могли размножаться и переделывать сами себя. Итак, не без некоторого удовлетворения подумал я, кое-что я все-таки помню. Любопытно, могло ли мое правое полушарие, интересующееся в основном сладостями, а также годамицами блондинок и не выносящее галстуков определенной расцветки, воспринимать столь отвлеченные явления и процессы? Или содержание его памяти никакой военной ценности не имеет? Будь это даже правда, решил я, тем для меня хуже: пусть я сто раз присягну, что о нем ничего не знает, все равно мне никто не поверит. Они доберутся до меня — то есть до него — то есть как раз до меня, — а если ничего не вытнут из него по-хорошему, знаками, которым я его научил, то засадят его в другую школу, посерьезней моей, а уж там поблажки от них не жди. Чем меньше оно знает, тем больше мне это будет стоить здоровья, а может — и жизни. И это отнюдь не было манией преследования. Так что я опять приступил к обследованию своей памяти.

На Луне началась электронная эволюция новых видов оружия, а значит — ни одно государство, разоружившись, не было безоружным, так как сохраняло самосовершенствующийся арсенал; а вместе с тем оно могло не бояться внезапного нападения. Война без предупреждения стала невозможной. Чтобы начать военные действия, следовало сначала просить у Лунного Агентства доступа в свой сектор. Сохранить это в тайне было немислимо, но в таком случае противник потребовал бы доступа в собственный сектор и началась бы обратная доставка средств уничтожения на Землю. Но все это не имело смысла по причине все той же безлюдности лунных вооружений. Никто не мог послать на Луну ни людей, ни разведывательные устройства, чтобы убедиться, каким военным потенциалом он располагает на данный момент. Придуманно это было хитро, хотя поначалу проект натолкнулся на ожесточенное сопротивление штабов и возражения политического характера. Луна должна была стать полигоном эволюции вооружений в каждом из секторов. Прежде всего следовало исключить возможность конфликтов между секторами. Если бы оружие, созданное в одном из них, атаковало и уничтожало оружие соседнего сектора, равновесию сил пришел бы конец. Достигнув Земли,

известие об этом немедленно привело бы к восстановлению прежнего положения вещей и, вероятно, к началу военных действий; сначала они велись бы самыми скромными средствами, но очень скоро воюющие стороны опять возродили бы свою военную промышленность. Правда, на программы лунных систем были наложены ограничения, за соблюдением которых следило Лунное Агентство и смешанные комиссии — с тем, чтобы ни один сектор не мог напасть на другой. Но эта предосторожность признавалась недостаточной. Никто никому по-прежнему не доверял, ведь Женевское соглашение не превратило людей в ангелов, а мировую политику — в общение праведников на небесах.

Поэтому после переброски военных программ Луна была объявлена зоной, закрытой для всех. Даже Лунное Агентство не допускалось туда. Если бы на одном из полигонов предохраняющие программы подверглись повреждению, Земля узнала бы об этом немедленно: каждый сектор был нацеливан датчиками, действующими автоматически и непрерывно. Они бы забили тревогу, если хотя бы металлическая букашка заползла на нейтральную полосу. Но и это не обеспечивало стопроцентной уверенности, без которой невозможен был прочный мир. Такую уверенность гарантировала лишь «доктрина абсолютного неведения». Хотя каждое правительство знало, что в его секторе развиваются все более эффективные системы оружия, оно не знало, чего они стоят, а главное — эффективнее ли они, чем оружие, возникшее в других секторах. Не знало и не могло знать, так как ход любой эволюции непредсказуем. Это было доказано уже довольно давно, и главное препятствие состояло в хронической глухоте политиков и генштабистов к аргументам ученых. И не логические доводы убедили даже самых тугоухих, а надвигающаяся хозяйственная разруха — неизбежное следствие гонки вооружений на старый манер. Даже последний кретин в конце концов понял, что для всеобщего уничтожения вовсе не обязательна война — к тому же результату приведет стремительный рост военных расходов; а так как переговоры об их ограничении вступают в тупик. Каждое правительство имело основания полагать, что благодаря своим лунным базам оно становится все могущественнее, но оно не могло сравнить свой разрушительный потенциал с потенциалом других государств. Коль скоро никто не знал, можно ли рассчитывать на победу, никто не решился бы начать войну.

Ахиллесовой пятой этого плана была эффективность контроля. Эксперты сразу поняли, что военные программисты постараются создать такие программы, которые сумеют избавиться от контроля. И вовсе не обязательно нападать на спутники контроля; есть более хитроумный и незаметный способ: проникновение в систему связи с целью фальсификации данных наблюдения, которые передаются на Землю, особенно — Лунному Агентству. Все это я достаточно хорошо помнил и потому, входя вслед за Тарантой в самолет, чувствовал себя уже спокойнее; и все же, усевшись в кресло, снова принялся перетряхивать свою память.

Да, все понимали: нерушимость мира зависит от неприкосновенности системы контроля; но как ее обеспечить на сто процентов? Задача выглядела неразрешимой, как своего рода *regressus ad infinitum*¹: нужно создать систему, контролирующую неприкосновенность контроля, но и эта система может подвергнуться нападению, так что пришлось бы создавать контроль контроля контроля, и так без конца. Эту бездонную дыру залатали, однако, довольно просто. Луну опоясали две зоны контроля. Внутренняя следила за неприкосновенностью секторов, а внешняя — за неприкосновенностью внутренней. Гарантией надежности обеих зон должна была стать их полная независимость от Земли. Итак, гонка вооружений развивалась в абсолютной тайне от всех государств и правительств. Могли совершенствоваться вооружения, но не система контроля. Она должна была действовать без изменений в течение ста лет.

Все это вместе взятое выглядело, по правде сказать, совершенно иррационально. Каждое государство знало, что его лунные арсеналы пополняются, но чем — не знало, и потому не могло извлечь отсюда никакой политической выгоды. Тогда уж стоило решиться на полное разоружение без всяких там лунных осложнений, но об этом и речи не было. То есть, конечно, об этом говорили с тех пор как возник человек — с известными результатами. Впрочем, когда проект демилитаризации Земли и милитаризации Луны был принят, стало ясно, что рано или поздно кто-нибудь попытается нарушить доктрину неведения. И в самом деле, время от времени печать под огромными заголовками сообщала об автоматах-разведчиках. Будучи обнаружены, они успевали скрыться или же, так сказать, захватывались в плен спутниками-перехватчиками. В таких случаях каждая сторона обвиняла другую, но установить происхождение авторазведчика не удавалось. Ведь электронный разведчик — не человек; из него, если он

¹ Движение назад до бесконечности (лат.).

правильно сконструирован, никакими приемами ничего не выжмешь. В конце концов анонимные аппараты, прозванные космическими соглядатаями, перестали появляться. Человечество облегченно вздохнуло, особенно если учесть экономическую сторону дела. Лунные вооружения не стоили ни гроша. Энергию доставляло им Солнце, сырье — Луна. Последнее обстоятельство рассматривалось как еще одно ограничение эволюции вооружений, ведь на Луне нет руд металлов.

Сначала штабисты всех армий не соглашались на лунный проект; они утверждали, что оружие, приспособленное к лунным условиям, на Земле может оказаться ни к черту, раз на Луне даже нет атмосферы. Не помню уж, как обошли эту трудность, хотя, конечно, и это мне объяснили в Лунном Агентстве. Мы с Тарантой летели самолетом ВОАС¹, за окнами была крошечная темень, и я улыбнулся при мысли о том, что понятия не имею, куда мы летим. Я, однако, считал излишним расспрашивать Тарантогу и даже подумал, что будет, пожалуй, безопаснее, если мы побыстрее расстанемся. В моем положении лучше всего помалкивать и рассчитывать лишь на себя. Только одно отчасти меня утешало: оно не может узнать, что у меня на уме. В моей голове словно бы засел враг, хотя я знал, что никакого врага там нет.

Лунное Агентство было надгосударственным учреждением ООН и обратилось оно ко мне по весьма необычному поводу. Двойная система контроля действовала, как оказалось, с л и ш к о м х о р о ш о . Было известно, что границы между секторами остаются неприкосновенными — и ничего больше. Поэтому в изобретательных и беспокойных умах возникла картина нападения безлюдной Луны на Землю. Вооружения секторов не могли не только столкнуться между собой, но даже сконтактироваться, — однако лишь до поры до времени. Сектора могли обмениваться информацией, например, по так называемому сейсмическому каналу, то есть посредством сотрясений лунной поверхности, неотличимых от естественных сейсмических колебаний. Самосовершенствующееся оружие могло, таким образом, когда-нибудь объединиться и обрушить свой чудовищно разросшийся потенциал на Землю. Вы спросите, из-за чего оно стало бы это делать? Ну, скажем, из-за аберрации эволюционных программ. Какую пользу могли бы извлечь безлюдные армии, превратив Землю в прах? Разумеется, никакой, но ведь и рак, столь частый в организмах людей и высших животных, — это неизбежный, хотя бесполезный и даже весьма вредный продукт естественной эволюции. Когда о «лунном раке» начали говорить и писать, когда появились диссертации, статьи, романы и фильмы о лунном нашествии, изгнанный с Земли страх перед атомной гибелью вернулся в новом обличье. В систему контроля, среди прочего, входили сейсмические датчики, и нашлись специалисты, заявившие, будто бы колебания лунной коры участились, а их сейсмографические кривые — не что иное, как переговорные шифры; но отсюда ничего не последовало, кроме растущего страха. Лунное Агентство пыталось успокоить общественность, разъясняя в своих заявлениях, что тут даже нет одного шанса на двадцать миллионов, но все это было как в стену горох. Страх просочился даже в программы политических партий; раздалась голоса, требующие периодического контроля самих секторов, а не только границ между ними. Представители Агентства возражали на это, что любая инспекция может быть использована для шпионажа, — с тем, чтобы установить, например, уровень развития лунных арсеналов. После долгих и сложных совещаний и конференций Лунное Агентство получило наконец разрешение на разведывательные экспедиции. Но осуществить их оказалось не так-то просто. Из авторазведчиков ни один не вернулся и даже не пискнул ни разу по радио. Тогда под особой защитой были посланы спускаемые аппараты с телеаппаратурой. И что же? По данным спутникового слежения они прилунились точно в намеченных пунктах на ничейной земле между секторами — в Море Дождей, в Море Холода, в Море Нектара. Но ни один не передал какого-либо изображения. Все они словно провалились в лунный грунт. Тут-то, ясное дело, и началась настоящая паника. Газеты уже требовали подвергнуть Луну упреждающему термоядерному удару. Сначала, однако, нужно было опять изготовить ракеты и бомбы, иными словами — возобновить ядерные вооружения. Из этого страха, из этой сумятицы и родилась моя миссия.

Мы летели над волнистой пеленой облаков, пока наконец верхушки облачного покрова не зарозовели в лучах скрытого за горизонтом солнца. Почему я так хорошо помнил все земное и так плохо — все случившееся со мной на Луне? Я догадывался, в чем тут дело. Недаром по возвращении я штудировал медицинскую литературу. Я знал, что имеются два вида памяти — кратковременная и долговременная. Рассечение большой спайки мозга не разрушает того, что мозг уже прочно усвоил; но свежие, только что возникшие воспоминания улетучиваются, не переходя в долговременную память. А хуже всего запоминается то, что пациент переживал и видел перед самой операцией. Поэтому я не помнил очень многого из своего семинедельного пребывания на Луне,

¹ Британская заморская авиатранспортная компания.

когда я скитался от сектора к сектору. Память сохранила лишь ореол чего-то необычайного, но словами я этого ореола не мог передать и потому не упомянул о нем в отчете. И все же — так мне, по крайней мере, казалось — ничего пугающего там не было. Ничего похожего на заговор, мобилизационную готовность, стратегическое планирование, направленное против Земли. Я ощущал это как нечто вполне несомненное. Но мог бы я присягнуть, что ощущаемое и осознаваемое мною — это все? Что о нем ничего больше не знает?

Тарантога молчал, лишь время от времени поглядывая в мою сторону. Как обычно, когда летишь на восток — ибо под нами простирался Тихий океан, — календарь запнулся и потерял одни сутки. ВОАС сэкономила за счет пассажиров; мы получили лишь по жареному цыпленку с салатом — перед самым приземлением, как оказалось, в Майами. Время было послеобеденное. Таможенные собаки обнюхали наши чемоданы, и мы, одетые слишком тепло для здешней погоды, вышли из аэропорта на улицу. В Мельбурне было гораздо холоднее. Нас ожидала машина без водителя. Тарантога, должно быть, заказал ее еще в Австралии. Загрузив чемоданы в багажник, мы поехали по шоссе, забитому машинами, по-прежнему молча, — я попросил профессора не говорить мне ничего, даже куда мы едем. Предосторожность, возможно, чрезмерная и вовсе излишняя, но я предпочитал держаться этого правила, пока не выдумаю чего-нибудь лучшего. Впрочем, объяснять ничего не пришлось. Часа через два мы куда-то свернули; увидев большое белое здание среди пальм и кактусов, в окружении павильонов поменьше, я понял: мой верный друг привез меня в сумасшедший дом. Не такое уж плохое убежище, подумалось мне. В машине я нарочно сел сзади и время от времени проверял, не едет ли кто за нами; мне не пришло в голову, что я, быть может, персона уже настолько важная — прямо-таки драгоценная, — что меня будут выслеживать способом куда более необычным, чем в шпионских романах. В наше время с искусственного спутника можно не только увидеть машину, но даже сосчитать рассыпанные на садовом столике спички. Это, повторяю, мне не пришло в голову, точнее, в ту же половину, которая и без азбуки глухонемых понимала, во что впутался Ийон Тихий.

II. ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАЙНУ

В самую черную полосу моей жизни я попал совершенно случайно, решив по возвращении с Энциии встретиться с профессором Тарантогой. Дома я его не застал — он полетел зачем-то в Австралию, правда, всего лишь на несколько дней; но он выращивал какую-то особенную влаголюбивую примулу и, чтобы было кому ее поливать, оставил у себя в квартире кузена. Не того, что собирал настенные надписи в клезетах всех стран, а другого — занимавшегося палеоботаникой. У Тарантоги много кузенов; этого я не знал. Заметив, что он одет по-домашнему и только что отошел от пишущей машинки со вставленным в нее листом бумаги, я хотел уже было уйти, но он меня удержал. Я не только ему не мешаю, сказал он, но, напротив, пришел как раз вовремя: он работает над трудной, новаторской книгой, и ему легче будет собраться с мыслями, если он сможет изложить содержание новой главы хотя бы случайному слушателю. Я испугался, решив, что он пишет ботанический труд и начнет забивать мне голову лопухами, былинками и стебельками. К счастью, это оказалось не так. Он даже заинтересовал меня не на шутку. Уже на заре истории, объяснял он, среди первобытных племен встречались оригиналы, которых как пить дух считали чокнутыми, поскольку они брали в рот все, что попадалось им на глаза, — листья, клубни, побеги, стебли, свежие и высушенные корни всевозможных растений; причем, должно быть, мерли они как мухи, ведь на свете столько ядовитой растительности! Это, однако, не отпугивало новых нонконформистов, которые опять принимались за свое опасное дело. Только благодаря им ныне известно, каких кулинарных стараний стоят шпинат или спаржа, куда употребить лавровый лист, а куда — мускатный орех, и что от волчьей ягоды лучше держаться подальше. Кузен Тарантоги обратил мое внимание на забытый наукой факт: чтобы установить, какое растение лучше всего годится на курево, сизифам древности пришлось собирать, высушивать, подвергать ферментации, сворачивать и превращать в пепел добрых 47 000 видов листовенных растений, пока, наконец, они не открыли табак; ведь нигде не ждала их табличка с надписью, что э т о годится для производства сигар или, по измельчении в порошок, — махорки. Целые дивизии этих палеоэнтузиастов столетие за столетием брали в рот, грызли, жевали, пробовали на язык и глотали все, ну буквально все, что росло где бы то ни было — под забором или на дереве, и притом по-всякому: в сыром и вареном виде, с водой и без воды, а также в неисчислимых сочетаниях; так что мы пришли на готовое и знаем, что капуста идет к свинине, а свеколка — к зайчатине. Из того, что кое-где к зайчатине подают не свеколку, а скажем, красную капусту, кузен Тарантоги делает вывод о раннем возникновении национальных различий. К примеру, нет славян без борща. Свои экспериментаторы, как видно, были в

каждом народе, и раз уж они выбрали свеклу, потомки остались верны ей, даже если соседние нации ее презирали. О различиях в кулинарной культуре, с которыми связаны различия в национальном характере (корелляция между мятным соусом и английским сплинном — в случае с отбивной, например), кузен Тарантоги задумал особую книгу. В ней он растолкует, почему китайцы, столь многочисленные с давних времен, предпочитают есть палочками, к тому же все мелко порубленное и покрошенное, и непременно с рисом. Но об этом он напишет потом.

Все знают, повысил он голос, кем был Стефенсон, и все питают к нему уважение за его банальнейший локомотив, но что такое локомотив (к тому же паровой и давно устаревший) по сравнению с артишоками, которые останутся с нами навеки? Овощи, в отличие от техники, не устаревают, и я застал его как раз за обдумыванием главы, посвященной этой совершенно неисследованной теме. Впрочем, разве Стефенсон, водружая на колеса уже готовую паровую машину Уатта, подвергался смертельной опасности? Разве Эдисон, изобретая фонограф, рисковал жизнью? Им обоим в худшем случае грозило брюзжание родственников или банкротство. До чего же несправедливо, что изобретателей технической рухляди должен знать каждый, а великих изобретателей-гастрономов не знает никто, и никому даже в голову не придет поставить памятник Неизвестному Кулинару. А между тем, сколько отчаянно смелых героев-первопроходцев пало в страшных мучениях хотя бы во время грибной охоты! Ведь у них был один только способ отличить ядовитый гриб от съедобного: съесть собранное и ждать, не подходит ли твой последний час.

Почему, скажите на милость, в школьных учебниках только и пишут, что о разных там Александрах Македонских, которые, будучи сынками царей, приходили на все готовое? Почему детишек заставляют зубрить о Колумбе, который всего лишь открыл Америку, да и то по ошибке, на пути в Индию, а об открывателе огурца нет ни единого слова? Без Америки мы как-нибудь обошлись бы; впрочем, рано или поздно она сама дала бы о себе знать, но огурец о себе и не пикнул бы, и к жаркому мы не имели бы приличного маринада. Кузен Тарантоги желал бы видеть мемориальные доски на стенах каждого порядочного ресторана с соответственными надписями, например, MORTUI SUNT UT NOS BENE EDAMUS¹, или на худой конец, MAKE SALAD, NOT WAR². А в первую очередь — у вегетарианских столовых, ведь с мясными блюдами все было куда проще. Чтобы соорудить котлету или отбить отбивную, достаточно было подглядеть, что о гиена или шакал делают с падалью; то же самое относится к яйцам. За шестьсот сортов сыра французы заслуживают, быть может, плакетки, но уж никак не памятник и не мемориальной доски, потому что эти сорта они открывали чаще всего по рассеянности. Оставил, например, растяпа-пастух рядом с головкой сыра ломоть заплесневелого хлеба, и появился на свет рокфор. Когда мой собеседник принялся порицать современных политиков за пренебрежение к овощам, зазвонил телефон. Кузен Тарантоги взял трубку; оказалось, однако, что просят меня. Я был весьма удивлен — ведь никто не мог знать о моем возвращении со звезд, — но все тут же выяснилось. Кто-то из аппарата Генерального секретаря ООН хотел спросить у Тарантоги мой адрес, а кузен, так сказать, замкнул меня с этим человеком накоротко. Говорил доктор Какесут Вагатан, Специальный уполномоченный Советника по вопросам глобальной безопасности Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Он хотел встретиться со мной возможно быстрее, так что мы условились на следующий день. Записав у себя в блокноте время приема, я и понятия не имел, в какую историю впутываюсь. Пока что, однако, этот звонок меня выручил, оборвав поток рассуждений моего собеседника, который жаждал поговорить о приправах с перцем; я распрощался с ним, сославшись на крайнюю занятость и дав ложное обещание вскоре его навестить.

Долгое время спустя Тарантога рассказал мне, что примула все же засохла — в своем палеоботаническо-кулинарном экстазе кузен забывал ее поливать. Этот случай я счел типичным: тому, у кого на уме лишь множественное число, наплевать на единственное. Поэтому-то у великих реформаторов, мечтающих разом осчастливить все человечество, не хватает терпения на отдельных людей.

Шило не скоро вылезло из мешка. Я не был поставлен в известность, что мне предстоит рискнуть головой ради человечества и отправиться на Луну, чтобы выяснить, не затевают ли там чего-нибудь умные вооружения. Сперва меня принял доктор Вагатан за чашкой черного кофе и рюмкой старого коньяка. Это был улыбчивый азиат, азиат образцовый — от него я вообще ничего не узнал, так он хранил тайну. Генеральный секретарь, похоже, желал непременно сам познакомиться с моими книгами, но, как человек невероятно загруженный на своем высоком посту, просил меня порекомендовать те мои сочинения, которые я считаю наиболее важными. По видимости, случайно

¹ Они умерли ради того, чтобы мы вкусно ели (лат.).

² Занимайтесь салатом, а не войной (англ.).

к Вагатану зашли еще какие-то посетители и стали просить у меня автограф. Отказать было трудно. Разговор, правда, зашел и о роботах, и о Луне, но главным образом о ее роли в истории — как декоративного элемента в любовной лирике. Лишь много позднее я узнал, что это были не просто разговоры, но переход от screening¹, к clearance², а кресло, в котором я удобно расположился, было нашпиговано датчиками — чтобы по еле заметным изменениям мышечного напряжения исследовать мои реакции на «ключевые вербальные раздражители», вроде той же «Луны» или «робота». Ибо положение, в котором я оставил Землю, отправившись к звездам Тельца, изменилось коренным образом: теперь пригодность к разведывательным операциям исследовал и оценивал в баллах компьютер, а мои собеседники играли всего лишь роль вспомогательных инструментов. Сам не знаю зачем, но назавтра я снова зашел в резиденцию ООЯ, а потом еще раз, по приглашению. Они хотели видеть меня непременно и постоянно; я начал обедать с ними в столовой, весьма недурной, но настоящая цель моих все более частых визитов оставалась неясной. Наметился как будто проект издать собрание моих сочинений Объединенными Нациями на всех языках мира, а их не меньше четырех с половиной тысяч. Хотя тщеславия во мне нет ни капли, эту мысль я признал разумной. Новые знакомые оказались страстными почитателями моих «Звездных дневников». То были доктор Рорти, инженер Тоттентанц и братья Сиббилкис — близнецы, я различал их по галстукам. Оба были математиками. Старший, Кастор, занимался алгебрами, то есть алгеброй конфликтов, заканчивающихся фатально для всех, кто в них вовлечен. Поэтому данную отрасль теории игр иногда называют садистикой, а Кастора коллеги называли садистиком, вероятно в шутку, причем Рорти утверждал, будто его полное имя — Кастор Ойл, то есть Касторка. Второй Сиббилкис, Поллукс, был статистиком и имел весьма своеобразную привычку после долгого молчания вмешиваться в разговор с вопросами ни к селу ни к городу; например, сколько людей во всем мире в данный момент ковыряют в носу? Будучи феноменальным счетчиком, такие вещи он вычислял мгновенно. Кто-то из братьев ждал меня из вежливости в вестибюле, огромном, как ангар «космических челноков», и проводил к лифту. Мы поехали к Сиббилкисам в их лабораторию, а может быть, к профессору Ионашу Куштику, который был тоже без ума от моих книг, коль скоро цитировал их на память с указанием страницы и года издания. Куштик (так же, как и Тоттентанц) занимался теорией теледублей, или телетроникой. Телетроника — это новая область робототехники, занимающаяся проблемами перероски, или трансляции, сознания (прежде это называли telepresence³. Лозунг телетронщиков — «Сам не можешь — пошли теледубля». Именно Куштик и Тоттентанц уговаривали меня испробовать теледублирование на себе, то есть транслироваться. (Человека, все ощущения которого транслируются по радио теледублю, называют «парень в транс», или «телекинутый».)

Я не долго думая согласился, и лишь много позже до меня дошло, что ни один из них не был в таком уж восторге от моих книг, а читали они меня по долгу службы, чтобы, вместе с рядом других сотрудников Лунного Агентства, незаметно втянуть меня в проект, названный Лунной Миссией. Почему незаметно? А потому что я ведь мог отказаться и, вместо того чтобы лететь на Луну, вернуться домой, выведав все тайны Миссии. Ну и что, мог бы спросить меня кто-нибудь с непонимающим видом, мир, что ли, от этого перевернулся бы? В том-то и дело, что мог перевернуться. От человека, выбранного Лунным Агентством среди тысяч других, требовалась максимально возможная компетентность и лояльность. Компетентность — это понятно, но лояльность? По отношению к кому я должен был оставаться лояльным? По отношению к Агентству? В известном смысле — да, поскольку оно представляло интересы человечества в целом. Речь шла о том, чтобы ни одно государство в отдельности, ни одна группировка или, допустим, тайная коалиция государств не могли узнать о результатах лунной разведки, ибо тот, кто первым узнал бы о состоянии лунных вооружений, мог получить стратегическую информацию, дающую ему перевес на Земле. Воцарившийся на ней мир вовсе не был, как отсюда видно, идиллией.

Вот так ученые, рассыпавшиеся передо мной в любезностях и словно ребенку позволявшие мне забавляться теледублями, в сущности, копались в моем мозгу или, точнее сказать, помогали делать это компьютерам, которые, оставаясь невидимыми, участвовали во всех наших беседах. Кастор Сиббилкис со своими сюрреалистическими галстуками тоже был тут, в качестве теоретика конфликтных игр с пирровым исходом, а ведь именно такую игру вели со мной — или же против меня. Чтобы принять или отвергнуть миссию, я должен был сначала ознакомиться с ней; однако, если бы затем я от нее отказался или дал бы свое согласие, а вернувшись, выдал кому-нибудь результаты

¹ Маскировка, прикрытие (англ.).

² Очистка (от шелухи) (англ.).

³ Телеприсутствие (англ.).

своей экспедиции, возникло бы положение, которое алгоматики называют предкатастрофическим. Кандидатов имелось множество. Одним из них был и я, даже не догадываясь об этом. Избранник должен был стать представителем человечества, а не шпионом, хотя бы потенциальным, какой-либо державы. Не случайно девизом операции «Мука» служила аббревиатура PAS (Perfect Assured Secrecy¹). «Мука» потому, что имелось в виду тщательное просеивание кандидатов для выбора идеального разведчика. В шифрованных рапортах он именовался Миссионером. «Мука» содержала намек на «Сито», прямо не называвшееся, чтобы, упаси бог, кто-нибудь посторонний не догадался, о чем речь.

Объяснил ли мне кто-нибудь все это до конца? Куда там. Тем не менее, когда я был уже назначен Миссионером (LEM: Lunar Efficient Missionary²) и который уж раз залез в ракету, чтобы через пару часов несолоно хлебавши вылезти обратно в скафандре, обвешанном проводами и трубочками, потому что опять что-то там не заладилось во время обратного отсчета секунд перед стартом (count—down),— у меня было достаточно времени, чтобы поразмыслить о событиях последних месяцев; в конце концов они уложились у меня в голове в надлежащем порядке, и, сопоставив одно с другим, я понял истинную подоплеку игры, которую вело со мной ЛА ради самой высокой на свете ставки. Самой высокой если не для человечества, то для меня, ибо я без всякой там алгоматики и теорий пирровых игр пришел к убеждению, что в такой ситуации самый надежный способ обеспечить PAS — это прикончить разведчика немедленно после его благополучного возвращения на Землю с готовым рапортом. А так как я знал, что теперь они должны послать меня в небеса, раз уж я оказался лучшим и надежнейшим из всех кандидатов, то в промежутке между очередными стартовыми отсчетами я сообщил о своей догадке дорогим коллегам — Сиббилкисам, Куштику, Блэхаузу, Тоттентанцу, Гаррафизу (о Гаррафизе я еще, может быть, расскажу отдельно); все они, вместе с несколькими сотнями техников-связистов, составляли земной экипаж моей селенологической экспедиции, то есть были для меня тем же, чем для Армстронга и компании был во время полета «Аполло» центр в Хьюстоне. Желая попортить этим фарисеям возможно больше крови, я спросил, известно ли им, кто мною займется, когда я вернусь героем на Землю,— само Лунное Агентство или его субподрядчик MURDER INCORPORATED³?

Именно так я и сказал, этими самыми словами, чтобы проверить их реакцию: ведь если они вообще принимали в расчет этот вариант, то должны были понять меня с лету. И точно — они застыли, как громом пораженные. Эта сцена и теперь стоит у меня перед глазами. Небольшое помещение на космодроме — так называемый «зал ожидания»,— обставленное по-спартански: металл, облицованный светло-зеленым пластиком, да автоматы с кока-колой; вот только кресла там были действительно удобные; я в ангельском белом скафандре, с головой под мышкой (то есть со шлемом, но так уж говорили: пилот с «головой под мышкой» должен был непременно лететь), стою напротив верных товарищей — ученых, докторов, инженеров. Первым, кажется, отозвался Кастор Ойл. Что не они, мол, это придумали, а компьютер, и то лишь в уравнениях, ибо, конечно, в чисто математическом плане решение леммы Perfect Assured Secrecy и м е н н о т а к о в о, но эта абстракция, не учитывающая этического коэффициента, никогда не входила в расчет — и я оскорбляю их всех, подозревая их в чем-либо подобном.

— Ой-ой-ой,— заметил я.— Ну ясно, всему виною компьютер. Экая бяка! Но оставим в покое этику. Все вы, сколько вас тут ни есть, почти что святые, да и я тоже. И все-таки, неужели никому из вас, с компьютером во главе, не пришло в голову именно это?

— То есть — что о? — оторопело спросил Пирр Сиббилкис (ибо его называли и так).

— То, что я догадуюсь, а когда я проверю ЭТУ догадку, как я только что сделал, этот факт войдет в уравнения, опередающие мою лояльность, и тем самым и з м е н и т этот определитель.

— Ах!— вскрикнул Сиббилкис-второй.— Разумеется, мы это учли, ведь это азы алгометрической статистики: я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю — это как раз и есть бесконечностные аспекты теории конфликтов, которые...

— Хорошо, хорошо,— сказал я, успокаиваясь, потому что меня заинтересовала математическая сторона дела.— И что же у вас получилось в конце? Что такое предположение подрывает мою лояльность?

— Вроде бы так,— с неохотой ответил Кастор Ойл за брата.— Но снижение уровня твоей лояльности после т а к о й сцены, как э т а (ее ведь тоже пришлось просчитать...) представляет собой убывающую до нуля последовательность.

¹ Абсолютно гарантированная секретность (англ.).

² Эффективный лунный миссионер (англ.).

³ Корпорация «Убийство» (англ.).

— Ага,— я почесал нос, перекладывая шлем из-под правой подмышки под левую,— значит, ЭТО здесь, теперь, у м е н ь ш а е т математическое ожидание редукции моей лояльности?

— Уменьшает, а как же!— подтвердил он.

А его брат добавил, глядя мне прямо в глаза ласково и вместе с тем испытующе:

— Ты, должно быть, и сам чувствуешь...

— Действительно...— хмыкнул я, не без удивления обнаруживая, что они — или их компьютер — оказались правы в своих психологических расчетах: я уже вовсе не был так зол на них.

Над выходом на площадку космодрома зажегся зеленый сигнал, и одновременно отозвались все зуммеры в знак того, что неисправность устранена и мне пора уже снова лезть в ракету. Ни слова не говоря, я повернулся и пошел в их сопровождении, обдумывая по дороге эффектную концовку этой истории. Я опережаю события, но если уж начал, надо закончить. Когда я покинул стационарную околоземную орбиту и они черта лысого могли мне сделать, то на вопрос о своем самочувствии ответил, что чувствую себя превосходно и подумываю о том, не стакнуться ли мне с лунным г о с у д а р с т в о м, чтобы вспать кое-кому из земных знакомых. И как же фальшиво зазвучал их смех в моих наушниках.

Но это было потом, после экскурсий по псевдолунному полигону и посещения «Джинандроикс Корпорейшн». Эта гигантская фирма по торговому обороту опередила даже ИБМ, хотя возникла как ее скромный филиал. Тут я должен объяснить, что «Джинандроикс», вопреки распространенному мнению, не производит ни роботов, ни андроидов, если понимать под ними человекоподобные манекены с человекоподобной психикой. Точная имитация человеческой психики почти невозможна. Правда, компьютеры восьмидесятого поколения умнее нас, но их духовная жизнь не похожа на нашу. Нормальный человек — существо крайне нелогичное, и в этом его отличие как человека. Он, конечно, наделен разумом, но это разум, сильно загрязненный эмоциями, предрассудками и предрассуждениями, источник которых — в детских переживаниях или же в генах родителей. Поэтому специалисту не так уж трудно разоблачить робота, выдающего себя (например, по телефону) за человека. Несмотря на это принципиальное возражение, пресловутая «СЕКС ИНДАСТРИ» производила пробные партии так называемых С-ДОЛЛС (одни расшифровывают это как СЕКС ДОЛЛС — куклы для занятий любовью, а другие — как СЕДАКТИВ ДОЛЛС — прелестные обольстительницы, или, скорее, обольстительные прелестницы) из совершенно новых материалов, настолько близких к биологическим, что их применяют в качестве трансплантатов кожи при ожогах. Эти *femme de compagnie*¹ не нашли сбыта. Они были слишком ЛОГИЧНЫ (а говоря попросту, слишком интеллигентны; у мужчин, развлекавшихся с подобными умницами, развивался комплекс неполноценностей) и, конечно, слишком дороги. Тот, кто мог раскошелиться на такую сожительницу (самые дешевые, *made in Japan*, стоили свыше 90 000 долларов штука, не считая местных налогов и налога на роскошь), мог завести куда более дешевый роман с естественными партнершами. Переворот на рынке произвели лишь теледублетки, или «пустышки». Это тоже куклы, неотличимые от женщин, но «пустые», то есть безмозглые. Я не женоненавистник, и если я говорю «безмозглые», то не повторяю глупости вслед за разными Вайнингерами, отказывающимися прекрасному полу в уме, но говорю дословно: теледубль и теледублетка — не более чем манекены, управляемые человеком, то есть пустые оболочки.

Надев одежду со множеством вшитых электродов, прилегающих к коже, каждый может воплотиться в теледубля или теледублетку. Никто не подозревал, какие потрясения вызовет эта техника в жизни людей, и прежде всего в эротической жизни, — от супружеских отношений до старейшей в мире профессии. Отсюда проистекали новые дилеммы для правоведов. Согласно закону, интимные отношения с так называемой секс-куклой не считались изменой, а значит — и основанием для развода. Была ли она чем-нибудь набита или надувалась велосипедным насосом, имела передний или задний привод, автоматическое переключение скоростей или ручное — все равно; об измене не было речи точно так же, как если бы кто-нибудь жил с этажеркой. Однако изделия телетроники поставили перед гражданским правом проблему: совершает ли измену лицо, которое, состоя в законном браке, путается с теледублем или теледублеткой. Понятие «телеизмены» горячо обсуждалось в газетах и в научной печати. А дальше задачки пошли потруднее. Скажем, можно ли изменить жене с нею самой, но только моложе? Некий Эдлэй Грауцер заказал в бостонском филиале «Джинандроикс» дублетку — точную копию собственной жены в возрасте двадцати одного года (в момент заказа ей было пятьдесят девять). Проблема осложнялась тем, что в 21 год

¹ Здесь: девушки для развлечения (франц.).

¹ По доверенности (лат.).

мисс Грауцер была вовсе не мисс Грауцер, но женой Джеймса Брауна, с которым она разошлась спустя двадцать лет. Дело прошло через все инстанции. Суду пришлось решать, действительно ли жена, не же ла ю щ а управлять теледублеткой интимным образом, отказывается тем самым от исполнения супружеских обязанностей. Возможен ли телеинцест, телесадизм и телемазохизм. Среди клиентов «Джинандроикс» было, говорят, множество престарелых проституток, которые не могли уже заниматься своей профессией лично, но, располагая громадным опытом, мастерски управляли теледублетками. Эротическими проблемами дело, разумеется, не ограничилось. Так, например, мальчишка двенадцати лет, получивший за ошибки в диктанте неудовлетворительную оценку, воспользовался атлетически сложенным теледублем, принадлежавшим его отцу, чтобы намять бока учителю и поломать у него в квартире всю мебель. Такой теледубль назывался домашним стражем. Модель эта шла нарасхват. Дубль, обитавший в будке у садовой калитки, должен был охранять семью от грабителей. Поэтому отец того мальчишка спал в специальной пижаме с вшитыми в нее электродами; если особый сигнал извещал о появлении в саду посторонних, он мог, не вставая с постели, справиться — в лице теледубля — с несколькими непрошеными гостями сразу и задержать их до прихода полиции. Сын стащил пижаму, когда отца не было дома. На улицах я нередко видел пикеты и демонстрации против «Джинандроикс» и родственников ей японских фирм. Преобладали в них женщины. Возникли новые понятия, например, телеподружка (telemate)— любовница или жена, дарящая любовь на расстоянии. Когда Верховный суд признал, наконец, допустимыми, то есть относимыми к матриониальной сфере, интимные отношения per procura¹ (посредством теледубля) при обоюдном согласии супругов, получило огласку дело Кукерманов. Он был коммивояжером, она — владелицей парикмахерской. Вместе они бывали редко: она не могла оставить парикмахерскую без присмотра, а он постоянно находился в разъездах. Кукерманы согласились опосредовать свои супружеские отношения, но спор разгорелся из-за того, кто будет посредником: теледубль-муж или теледублетка, замещающая жену. Сосед Кукерманов, решив, по доброте души, помочь супругам, навлек на себя их гнев; он предложил им пойти на компромисс и прибегнуть к телематической п а р е: телемуж с тележеной представлялись ему соломоновым решением. Кукерманы, однако, сочли его предложение идиотским и оскорбительным. Откуда им было знать, что их спор, попав на страницы газет, приведет к телетронной эскалации. Дело в том, что теледубля можно одеть в комбинезон с электродами, чтобы управлять следующим теледублем, и так без конца. Преступный мир сразу же ухватился за эту идею. Ведь установить, откуда управляется теледубль, вообще говоря, не труднее, чем запеленговать радиопередатчик. Так обычно и поступала полиция в случае телематических грабежей и убийств. Если, однако, теледубль управляется вторым теледублем, лишь этого второго и можно запеленговать, а тем временем настоящий преступник, человек, успеет отключиться от промежуточного дубля и замести за собой следы. Каталоги «ТЕЛЕМЕЙТ КОМПАНИ» и японской фирмы «СОНИ» предлагали теледублей от лилипута до Кинг-Конга, а также теледублеток, которые с неслыханной точностью воспроизводили Нефертити, Клеопатру, королеву Наварры и так далее, вплоть до современных кинозвезд. Чтобы не попасть под суд за так называемое «злоупотребление телесным подобием», каждый, кому хотелось иметь у себя в шкафу копию Первой Леди США или жены соседа, мог заказать их по почте и получить в разобранном состоянии. Получатель монтировал желанную телеподружку согласно инструкции в четырех стенах своего дома. Говорят даже, что некоторые, страдая так называемым нарциссизмом и не желая любить никого, кроме себя самих, заказывали собственное подобие. Законодатели сгибались под бременем все новых и новых казусов, а вместе с тем нельзя было просто-напросто запретить производство теледублей — подобно тому, как запрещено производить атомные бомбы или наркотики частным образом. Телетроника стала уже целой отраслью производства, без которой не могли обойтись ни экономика, ни наука, ни техника, и космонавтика в том числе. Ведь только в обличии теледубля человек мог высадиться на больших планетах, таких, как Юпитер или Сатурн. Теледубли трудились в шахтах, применялись они и в спасательных службах — при горных восхождениях, во время землетрясений и прочих стихийных бедствий. Теледубль был незаменим в экспериментах, опасных для жизни («эксперименты на уничтожение»). Лунное Агентство заключило контракт с «Джинандроикс» на поставку лунных теледублей. Вскоре мне предстояло узнать, что их уже пробовали использовать в проекте ЛЕМ [Lunar Efficient Missionary]— с результатами столь же плачевными, сколь и загадочными.

Монтажные цеха «Джинандроикс» мне показывал Паридон Савекаху, главный инженер. Мне пришлось следить за собой, потому что он, по обычаю своего народа, обращался ко мне по имени, а я то и дело путал Паридона с пирамидоном. Кроме того, нас сопровождали Тоттенанц и Блэхауз. Инженер Савекаху жаловался на поток правовых ограничений, затрудняющих исследовательскую работу и создание новых моделей. При входе в банк, например, монтируют датчики, обнаруживающие теледублей, и это бы еще полбеды. Банкиры опасаются телеограбления, это понятно. Но многие

банки, не ограничиваясь системой сигнализации, применяют термоиндукционные устройства; обнаружив присутствие дубля (по содержащейся в нем электронике), они обрушивают на него незримый высокочастотный удар. Из-за скачка температуры провода теледубля спаиваются, и он превращается в металлолом. Многие покупатели предъявляют после этого претензии не к банкам, а к «Джинандроикс». Случаются, увы, покушения, и даже с бомбами, на фургоны с теледублетками, особенно если это красотки. Инженер Паридон дал мне понять, что за этими актами террора стоит движение *womans liberation*, но пока что нет доказательств, достаточных для возбуждения судебного дела.

Меня ознакомили со всеми стадиями производства, от сварки сверхлегких дюралевых скелетов до обливания этого «шасси» человекоподобной массой. Серийные теледублетки выпускаются восьми размеров (или, в просторечии, «калибров»). Дублетки по индивидуальным заказам дороже чуть ли не в двадцать раз. Теледубли вовсе не обязательно человекоподобны, но чем сильнее они отличаются от людей, тем труднее ими управлять. Хвост — превосходная страховка при работе на большой высоте — сооружении висячих мостов или линий высокого напряжения, но человеку нечем приводить в движение цепляющийся хвост. Потом мы поехали электрокаром на склад готовой продукции, где я осмотрел планетарных и лунных теледублей. Чем больше тяготение; тем сложнее задача конструкторов: слишком маленький дубль много не наработает, а большой требует мощных двигателей и потому слишком тяжел.

Мы вернулись в сборочный цех. Если доктор Вагатан из секретариата ООН был азиатом-дипломатом со сдержанно-вежливой улыбкой, то инженер Паридон был азиатом-энтузиастом, и его синеватые губы не смыкались, когда он смеялся, обнажая великолепные зубы:

— Вы не поверите, мистер Джон, на чем споткнулись парни из «Дженерал педипулятрикс» со своими роботами! На двуногой ходьбе! Они загремели вместе со своим опытным образцом — ведь он поминутно грохался оземь! Неплохо, а? Ха-ха-ха! Гироскопы, противовесы, сенсорные датчики с двойною обратной связью под коленками — и все впусую. У нас-то, конечно, никаких проблем нет — равновесие теледубля обеспечивает человек!

Глядя на бело-розовые, как бы младенческие, тела дублеток — с конвейера их подхватывали подъемники, и сверху, над нашими головами, размеренно плыл нескончаемый ряд голых девушек, неподвижных, хотя их длинные спадающие волосы развеивались словно живые, — я спросил Паридона, женат ли он.

— Ха-ха-ха! Ну, вы и шутник! О да, мистер Джон! Женат, и детишками обзавелся. А как же! Сапожник не ходит в сапогах, которые сам тачает, не так ли? Но нашим сотрудникам мы выделяем по штуке в год — в качестве премии. Они, знаете ли, неплохо на этом зарабатывают!

— Каким сотрудникам? — удивился я. Помещение цеха было безлюдно. За конвейером стояли выкрашенные в желтый, зеленый и голубой цвет однорукие роботы, похожие на пестрых многочленистых гусениц.

— Ха-ха-ха! В конторах еще можно встретить людей. В сортировочной, на упаковке и техконтроле тоже. А-а, смотрите-ка, выбракованный экземпляр! С ногами что-то не так. Кривые! Ну как, мистер Джон, возьмете? Бесплатно, на неделю, с доставкой на дом?

— Спасибо, — ответил я. — Пока что — нет. Пигмалионизм не в моем вкусе.

— Пигмалионизм? А-а, пигмалионизм! Бернард Шоу! Знаю, знаю! Разумеется, я понял намек. У некоторых это вызывает протест. Но, согласитесь, лучше уж производить дамекены, чем карабины, а? Все-таки мирный товар. Правда?

— На это можно было бы кое-что возразить, — неопределенно заметил я. — У ворот я видел пикеты.

— Верно. Проблемы имеются. А как же! Обыкновенной женщине далеко до дублетки. В жизни красота — исключение из правила. А у нас она — технологический норматив. Законы рынка. Спрос определяет предложение. Что делать — так уж устроен мир.

Мы осмотрели еще гардеробную, полную шуршащих платьев, белья, озабоченных девушек с ножницами в руках и портняжными рулетками на шее, с виду весьма заурядных — потому что живых, — и распрощались с инженером Паридоном у автостоянки, до которой он нас проводил. На обратном пути Тоттенанц и Блэхауз были на удивление молчаливы. Я тоже не испытывал особого желания разговаривать. День еще, однако, не кончился.

Вернувшись домой, в почтовом ящике я нашел толстый конверт; в нем оказалась книга с длинным названием: «Dehumanization trend in weapon systems of the twenty first century or upside-down evolution»¹. Фамилия автора — Меслант — ничего мне не гово-

¹ Тенденция к обезлюдиванию в системах вооружения двадцать первого века, или эволюция вверх ногами (англ.).

рила. Том был солидный, увесистый, большого формата, со множеством графиков и таблиц. Не имея особенно чем заняться, я сел в кресло и начал читать. Перед предисловием, на первой странице, стоял эпиграф по-немецки:

«Aus Angst und Not
Das Heer ward tot»

Eugen von Wanzenstein¹.

Автор называл себя специалистом по новейшей истории военного дела. История эта, писал он, заключена между двумя звучными аббревиатурами конца XX века: FIF и LOD, означающими, соответственно, FIRE AND FORGET² и LET OTHERS DO³. Отцом современного пацифизма было благосостояние, а матерью — страх. Их скрещивание породило тенденцию к о б е з л ю ж и в а н и ю военного дела. Все меньше оказывалось желающих стать под ружье, причем отвращение к военной службе было прямо пропорционально уровню жизни. Возвышенное изречение «*dilce et decorum est pro patria mori*»⁴ молодежь богатых стран считала рекламой морового поветрия. Как раз тогда началось снижение стоимости производства в интеллектуальной промышленности. На смену вычислительным элементам типа CHIPS⁵ пришли продукты генной инженерии типа CORN⁶. Их называли так потому, что они были плодами в ы р а щ и в а н и я искусственных микробов, главным образом SILICOBACTERIUM LOGICUM WIENERI⁷, названная так в честь создателя кибернетики. Пригоршня таких элементов стоила не дороже горсточка проса. Итак, искусственный интеллект дешевел, а новые поколения вооружений дорожали в геометрической прогрессии. В первую мировую войну самолет по стоимости равнялся автомобилю, во вторую — двадцати автомобилям; к концу столетия он уже стоил в 600 раз дороже автомобиля. Было подсчитано, что через 70 лет даже сверхдержавы смогут иметь от 18 до 22 самолетов, не больше. Вот так пересечение нисходящей кривой стоимости искусственного интеллекта с восходящей кривой стоимости вооружений положило начало созданию безлюдных армий. Вооруженные силы из живых стали превращаться в мертвые. Незадолго до этого мир пережил два тяжелых экономических кризиса. Первый был вызван резким подорожанием нефти, второй — столь же резким снижением цен на нее. Классические законы рыночной экономики уже не действовали, но мало кто догадывался о том, что это значит; мало кто понимал, что фигура солдата в мундире и каске, рвущегося в штыковую атаку, уходит в прошлое, чтобы занять место рядом с закованными в железо средневековыми рыцарями. Из-за косности конструкторской мысли все еще производилось крупногабаритное вооружение — танки, орудия, бронетранспортеры и прочие боевые машины, предназначенные для воина-человека — даже тогда, когда они уже могли идти в бой сами, безлюдным манером. Но и эта стадия бронегигантомании скоро исчерпала себя, сменившись стадией ускоренной миниатюризации. До сих пор все виды оружия были рассчитаны на человека — на его анатомию (чтобы ему было удобнее убивать) и физиологию (чтобы его было удобнее убивать).

Как это обычно бывает в истории, никто не понимал значения происходящего. Ибо открытия, которым предстояло слиться в DEHUMANISATION TREND IN NEW WEAPON SYSTEMS⁸, совершались в очень далеких одна от другой областях науки. Интеллектуальная создала дешевые, как трава, микрокалькуляторы, а нейроэнтомология разгадала наконец загадку насекомых, которые — например, пчелы — живут в сообществах, работают ради общей цели и общаются между собой при помощи особого языка, хотя мозг человека в 380 000 раз больше нервной системы пчелы. Рядовому солдату вполне хватило бы сообразительности пчелы, только соответствующим образом видоизмененной. Боеспособность и разум — вещи различные, во всяком случае, непосредственно на поле боя. Главным фактором, з а с т а в и в ш и м миниатюризировать оружие, была атомная бомба. Необходимость миниатюризации вытекала из простых и хорошо известных фактов, но факты эти оставались за горизонтом военной мысли эпохи. Когда 70 миллионов лет назад огромный метеорит упал на землю и вызвал многовеко-

¹ «Из страха и по необходимости армия станет мертвой». — Евгений фон Ванценштейн.

² Выстрелить и забыть (англ.). Речь идет о самонаводящихся на цель ракетах.

³ Пусть это сделают за тебя (англ.).

⁴ Почетно и сладко умереть за отечество (лат.).

⁵ Нарезанный соломкой жареный картофель (англ.). Имеются в виду пленочные кремниевые элементы.

⁶ Зерно (англ.).

⁷ Винеровская логическая силиконовая бактерия (лат.).

⁸ Тенденция к «обезлюдиванию» в новых системах вооружений.

вое похолодание, засорив своими остатками атмосферу, эта катастрофа уничтожила всех до единого ящеров и динозавров, мало затронула насекомых и вовсе не коснулась бактерий. Вердикт палеонтологии однозначен: чем сила разрушения больше, тем меньше по размерам организмы способны противостоять ей. Атомная бомба требовала р а с с р е д о т о ч е н и я как армии, так и солдата. Но мысль об уменьшении солдата до размеров муравья в XX веке могла появиться лишь в области чистой фантазии. Ведь человека не рассредоточишь и не сочинишь в масштабе! Поэтому подумывали о войнах-автоматах, имея в виду человекообразных роботов, хотя уже тогда это было наивным анахронизмом. Ведь промышленность «обезлюживалась», однако же роботы, заменявшие людей на заводских конвейерах, не были человекообразными. Они представляли собой увеличенные ф р а г м е н т ы человека: мозг с огромной стальной ладонью, мозг с глазами и кулаком, и так далее. Но больших роботов нельзя было перенести на поля атомных сражений. Так начали появляться радиоактивные синсекты (искусственные насекомые), керамические рачки, змеи и черви из титана, способные зарываться в землю и вылезать наружу после атомного взрыва. В образе летающих синсектов летчик, самолет и его вооружение как бы слились в одно миниатюрное целое. А боевой единицей становилась м и к р о а р м и я, лишь как ц е л о е обладавшая боеспособностью (вспомним, что только целый р о й п ч е л представляет собой самодостаточный организм, а не отдельная пчела). Итак, появились микроармии множества типов, основанные на двух противоположных принципах. Согласно принципу а в т о н о м н о с т и такая микроармия действовала как военный поход муравьев, как волна микробов или осиный рой. Согласно принципу т е л е т р о п и з м а¹, микроармия была лишь огромной, летающей или ползающей, совокупностью самосборных э л е м е н т о в: по мере тактической или стратегической необходимости она отправлялась в путь в полном рассредоточении и лишь перед самой целью сливалась в заранее запрограммированное целое. Можно сказать, что боевые устройства выходили с заводов не в окончательном виде, но в виде полу- и четвертьфабрикатов, способных сплестись в боевую машину перед самым попаданием в цель. Эти армии так и называли — самосплачивающимися. Простейшим примером было саморассредоточивающееся атомное оружие. Межконтинентальную баллистическую ракету с ядерной боеголовкой можно обнаружить из космоса — со спутников слежения, или с Земли — радарам. Но нельзя обнаружить гигантские тучи рассеянных микрочастиц, несущих уран или плутоний, которые в критическую массу сольются у самой цели — будь то завод или неприятельский город.

Какое-то время старые типы оружия сосуществовали с новыми, но тяжелое, громоздкое вооружение быстро и бесповоротно пало под натиском микрооружия. Ведь оно было почти невидимо. Как микробы незаметно проникают в организм животного, чтобы убить его и з н у т р и, так неживые, искусственные микробы согласно приданным им тропизмам проникали в дула орудий, зарядные камеры, моторы танков и самолетов, прогрызали насквозь броню или же, добравшись до пороховых зарядов, взрывали их. Да и что мог поделать даже самый храбрый и опытный солдат, обвешанный гранатами, с микроскопическим и мертвым противником? Не больше, чем врач, который решил бы сражаться с микробами холеры при помощи молотка. Среди туч микрооружия, самонаводящегося на заданные цели, оружия биотропического, то есть уничтожающего все живое, человек в мундире был беспомощен так же, как римский легионер со своим щитом и мечом под градом пуль.

Уже в XX столетии тактика борьбы в сплоченном строю уступила место рассредоточению боевых сил, а маневренная война потребовала от них еще большего рассредоточения. Но линии фронтов существовали еще и тогда. Теперь же они исчезли. Микроармии без труда проникали через линии обороны и вторгались в глубокий тыл неприятеля. В то же время крупнокалиберное атомное оружие все очевиднее оказывалось бессильным: его применение попросту не окупалось. Эффективность борьбы с вирусной эпидемией при помощи термоядерных бомб, разумеется, мизерна. При охоте на пиявок крейсера бесполезны.

Труднейшей задачей «безлюдного» этапа борьбы человека с самим собой оказалась р а з л и ч е н и е своих и чужих. Эту задачу, обозначавшуюся FOF (Friend Or Foe)², прежде решали электронные системы, работавшие по принципу «пароль и отзыв». Спрошенный по радио самолет или автоматический снаряд сам, по своему передатчику, должен был дать правильный отзыв, иначе он подвергался нападению как вражеский. Но в XXI веке этот метод становился анахронизмом. Новые оружейники заимствовали образцы в царстве жизни — у растений, бактерий и животных. Способы маски-

¹ Тропизмы — ростовые движения органов растений (стебля, корня, листьев), обусловленные направленным действием какого-либо раздражителя.

² Друг или враг (англ.).

ровки и демаскировки повторяли способы, существующие в живой природе: иммунитет, борьба антигенов с антителами, тропизмы, а кроме того — мимикрия, защитная окраска и камуфляж. Неживое оружие нередко прикидывалось невинными микроорганизмами или даже пыльцой и пухом растений; но за этой оболочкой крылось смертоносное содержимое. Кроме того, возросло значение информационного противоборства — не в смысле пропаганды, но в смысле проникновения в систему вражеской связи, чтобы поразить ее или (при налетах атомной саранчи, например) вынудить слиться в критическую массу раньше времени и тем самым не допустить к охраняемой цели. Автор книги описывал таракана, послужившего образцом одной из разновидностей микросолдат. Этот таракан имеет на оконечности брюшка пару тоненьких волосков. Они соединены с его задним нервным узлом, отличающим обычное дуновение воздуха от колебаний, вызванных нападением врага; едва почуяв такие колебания, таракан бросается в бегство.

Углубившись в чтение, я с сочувствием думал о честных приверженцах мундира, знамен и медалей за храбрость. Новая эра в военном деле была для них сплошной обидой и поношением, изменой возвышенным идеалам. Автор называл этот процесс «эволюцией вверх ногами» (*upside-down*), потому что в природе сперва появились микроскопические организмы, из которых постепенно возникали все более крупные по размерам виды; в эволюции вооружений, напротив, возобладали тенденции к миниатюризации, а большой человеческий мозг заменяли имитации нервных узлов насекомых. Микроармии создавались в два этапа. На первом этапе неживые дивизии проектировались, испытывались в боевой обстановке и направлялись в массовое производство такими же неживыми компьютерными системами. Люди устранялись сначала из армии, а затем и из военной промышленности вследствие так называемой «социоинтеграционной дизинтеграции». Дегенерировал отдельный солдат: он становился все меньше и все проще. В конце концов разума он имел столько же, сколько муравей или термит. Тем большее значение приобретала социальная совокупность минибойцов. Мертвая армия была несравненно сложнее, чем улей или муравейник; в этом отношении она соответствовала скорее «большим биотопам» природы, то есть целым пирамидам видов, хрупкое равновесие между которыми поддерживается благодаря конкуренции, антагонизму и симбиозу. В такой армии сержанту или капралу нечего было делать. Чтобы объять мыслью это целое — хотя бы при инспектировании, не говоря уж о командовании, — не хватило бы мудрости целого университета. Поэтому, кроме бедных государств «третьего мира», больше всего пострадало от великой революции XXI века в военном деле кадровое офицерство. Под неумолимым напором тенденции к обезлюдиванию армии пали почтенные традиции маневров, смен караула, фехтования, парадных мундиров, рапортов и муштры. На какое-то время удалось сохранить за людьми высшие командные должности, прежде всего штабные, но, увы, ненадолго. Вычислительно-стратегическое превосходство компьютеризированных систем командования окончательно лишило работы лучших военачальников до маршалов включительно. Сплошной ковер из орденских ленточек на груди не спас даже самых прославленных генштабистов от ухода на досрочную пенсию. Тогда развернулось оппозиционное движение кадровых офицеров: профессионалы-военные в ужасе перед безработицей уходили в террористическое подполье. Поистине горькой иронией судьбы было «просвечивание» этих заговоров микрошпионами и миниполицией, сконструированной по образцу вышеупомянутого таракана, ибо ему не были помехой ни ночь, ни туман, ни любой камуфляж, к которому прибегали отчаявшиеся традиционалисты, верные до гроба идеям Ахиллеса и Клаузевица.

Беднейшие государства могли воевать теперь лишь по старинке, живой силой, то есть лишь с таким анахроничным, как и сами они, противником. Тот, кому не на что было автоматизировать армию, должен был сидеть тихо как мышка.

Но и богатым странам пришлось несладко. Вести политическую игру по-старому стало невозможно. Граница между войной и миром, уже давно не слишком отчетливая, теперь совершенно стерлась. Двадцатый век покончил со стеснительным ритуалом открытого объявления войны и ввел в обиход такие понятия, как пятая колонна, массовый саботаж, холодная война и война *per grorgia*¹; и все это было лишь началом дальнейшего стирания различий между войной и миром. Нескончаемые переговоры на конференциях по разоружению имели целью не только достижение соглашения, установление равновесия сил, но и прощупывание слабых и сильных сторон противника. На смену альтернативе «война или мир» пришло состояние войны, неотличимой от мира, и мира, неотличимого от войны.

На первом этапе преобладала диверсия под прикрытием миротворческих лозунгов. Она просочилась в политические, религиозные и общественные движения, не иск-

¹ По доверенности (лат.). Речь идет о войне, которую одно государство ведет в интересах другого, более сильного

лючая такие почтенные и невинные, как движение за охрану среды; она разъедала культуру, проникла в средства массовой информации, использовала иллюзии молодежи и стародавние убеждения стариков. На втором этапе усилилась криптовоенная диверсия; та уже мало чем отличалась от настоящей войны, но распознать ее истинную сущность было нельзя. Кислотные дожди были известны уже в двадцатом столетии, когда при сгорании угля, загрязненного серой, облака превращались в раствор серной кислоты. Теперь же полили дожди до того едкие, что они разъедали крыши домов и заводов, автостреды, линии электропередач, и невозможно было установить, чье это дело — отравленной природы или врага, нашедшего ядовитую облачность при помощи направленного в нужную сторону ветра. И так было со всем. Начался массовый падеж скота — но как узнать, естественные это эпизоотии или искусственные? Океанский циклон, обрушившийся на побережье, — случайный, как прежде, или же вызванный умелым перемещением воздушных масс? Гибельная засуха — обычная или опять-таки вызванная тайным отводом дождевых облаков? Климатологические и метеорологические контрразведки, сейсмический шпионаж, разведслужбы эпидемиологов, генетиков и даже гидрографов трудились не покладая рук. Военные службы, занятые различением искусственного и естественного, подчиняли себе все новые отрасли мировой науки, и все же результаты этой разведывательно-следственной деятельности становились все менее ясными. Обнаружение диверсантов было детской забавой до тех пор, пока они были людьми. Но когда в диверсии приходилось подозревать ураган, градобитие, болезни сельскохозяйственных культур, падеж скота, рост смертности новорожденных и заболеваемости раком, а в конце концов даже падение метеоритов (мысль о наведении астероидов на территорию противника появилась еще в XX веке), — жизнь стала невыносимой. И не только жизнь обыкновенных людей, но и государственных деятелей, беспомощных и растерянных, ведь они ничего не могли узнать наверняка от своих столь же растерянных советников. В военных академиях читали такие новые дисциплины, как криптинаступательная и криптооборонительная стратегия и тактика, криптология контрразведки (то есть отвлечение и дезинформация разведок, контрразведок и так далее, во все возрастающей степени), криптография и, наконец, секресеekretика, которая под большим секретом сообщала о тайном применении тайного оружия, неотличимого от невинных явлений природы.

Размылись линии фронта и границы между большими и мелкими антагонизмами. Для очернения другой стороны в глазах ее собственного общества спецслужбы изготовляли фальсификаты стихийных бедствий на своей территории, так, чтобы их ненатуральность бросалась в глаза. Было доказано, что некие богатые государства, оказывая помощь более бедным, в поставляемую ими (по весьма дешевой цене) пшеницу, кукурузу или какао добавляли химические средства, ослабляющие потенцию. Это была уже тайная антитемографическая война. Мир стал войной, а война — миром. Хотя катастрофические последствия такого развития, а именно, обоюдная победа, равнявшаяся обоюдному уничтожению, были очевидны, политики по-прежнему гнули свое; заботясь о благосклонности избирателей и обещая во все более туманных выражениях все более благоприятный поворот в недалеком будущем, они все меньше способны были влиять на реальный ход событий. Мир стал войной не из-за тоталитарных происков (как представлял себе некогда Оруэлл), но благодаря достижениям технологии, стирающей границу между естественным и искусственным в каждой области жизни и на каждом участке Земли и ее окружения, — ибо в околосредном пространстве творилось уже то же самое.

«Там, — писал автор «Тенденции к обезлюживанию в системах вооружения XXI века», — где нет больше разницы между естественным и искусственным белком, естественным и искусственным интеллектом, там нельзя отличить несчастья, вызванные умышленно, от несчастий, в которых никто не повинен. Подобно тому, как свет, увлекаемый силами тяготения в глубь Черной Дыры, не может выбраться из гравитационной ловушки, так человечество, увлекаемое силами взаимных антагонизмов в глубь тайн материи, угодило в технологическую западню. Решение о мобилизации всех сил и средств для создания новых видов оружия диктовали уже не правительства, не государственные мужи, не воля генеральных штабов, не интересы монополий или иных групп давления, но во все большей и большей степени — страх, что на открытие и технологии, дающие перевес, первой натолкнется Другая Сторона. Это окончательно парализовало традиционную политику. На переговорах ни о чем нельзя было договориться, ибо согласие на отказ от Нового Оружия в глазах другой стороны означало, что противник, как видно, имеет в запасе другое, еще более новое. Я наткнулся на формулу теории конфликтов, объяснявшую, почему переговоры и не могли ни к чему привести. На таких конференциях принимаются определенные решения. Но если время принятия решения превышает время появления нововведений, радикально меняющих существующее положение вещей, решение становится анахронизмом уже в момент его принятия. Ведь «сегодня» приходится договариваться о том, что было «вчера». Договоренность из настоящего перемещается в прошлое и становится, тем самым,

чистейшей видимостью. Именно это и заставило великие державы подписать Женевское соглашение, узаконившее Исход Вооружений с Земли на Луну. Мир облегченно вздохнул и мало-помалу оправился, но ненадолго, ибо страх ожил опять, на сей раз в виде призрака безлюдного вторжения с Луны на Землю. Поэтому не было задачи важнее, чем разгадка тайны Луны».

Этими словами завершалась глава. До конца книги оставалось еще страниц десять, не меньше, но их я не смог перелистать. Они словно были слиплись. Сперва я подумал, что туда попал клей с корешка. Так и сяк попробовал разлепить следующую страницу, наконец взял нож и осторожно вставил его между склеившимися страницами. Первая была вроде бы чистой, но там, где ее коснулся кончик ножа, проступили какие-то буквы. Я потер бумагу ножом и на ней появилась надпись: «Готов ли ты возложить на себя это бремя? Если нет, положи книгу обратно в конверт. Если да, открой следующую страницу!»

Я разрезал ее — она была чистой. Лезвием ножа провел от верхнего поля до нижнего. Появились восемь цифр, сгруппированных по две и разделенных тире, как номер телефона. Я разлепил следующие страницы, но там ничего не было. «Весьма необычный способ вербовки Спасителей Мира», — подумал я. Одновременно у меня в голове уже появились общие контуры того, чего я мог ожидать. Я закрыл книгу, но она открылась сама на странице с четко пропечатанными цифрами. Не оставалось ничего другого, как снять трубку и набрать номер.

III. В УКРЫТИИ

Это был частный санаторий для миллионеров. К слову сказать, мы не очень-то часто слышим о свихнувшихся миллионерах. Спать может кинозвезда, государственный деятель, даже король, но не миллионер. Так можно подумать, читая популярную прессу, которая известия об отставке правительства и революциях дает петитом на пятой странице, на первую же полосу выносит новости о душевном самочувствии хорошо раздетых девиц с потрясающим бюстом или об удаве, который заполз цирковому слону прямо в хобот, а обезумевший слон вломился в супермаркет и растоптал три тысячи банок томатного супа «Кэмпбелл» вместе с кассоу и кассиршей. Для таких газет рехнувшийся миллионер был бы сущей находкой. Миллионеры, однако, не любят шума вокруг своего имени. Политик ныне тоже знаменит, главным образом тем, что поет не хуже Карузо, играет в поло, как дьявол, улыбается, как Рамон Новарро, и обожает по телевизору всех избирателей. Но миллионеру это лишь повредило бы, подорвав его кредит или, что еще хуже, вызвав на бирже панику. Миллионер должен всегда быть далеким, спокойным и без эксцентрики. Если же он не таков, ему лучше скрыться подальше вместе со своей эксцентричностью. Поскольку, однако, скрыться от прессы теперь крайне трудно, санатории для миллионеров стали невидимыми крепостями. Невидимыми в том смысле, что их недоступность замаскирована и не бросается в глаза посторонним. Никаких стражников в униформах, псов на цепи, колючей проволоки — все это лишь возбуждает и даже приводит в экстаз журналистов. Такой санаторий должен выглядеть скорее скучновато. Прежде всего, упаси бог назвать его санаторием для душевнобольных. Тот, в котором я очутился, именовался убежищем для переутомленных язвенников и сердечников. Но тогда почему я с первого взгляда понял, что это всего лишь фасад, за которым укрыто безумие? Вы, я вижу, хотите узнать обо всем сразу.

Нас не пускали вовнутрь, пока не явился доктор Хоус — доверенное лицо Тарантоги. Он попросил меня прогуляться немного по парку, пока он будет беседовать с Тарантогой. Я решил, что он принял меня за помешанного. По-видимому, Тарантога не успел проинформировать его как следует; оно и понятно — ведь мы хотели покинуть Англию быстро и без лишнего шума. Хоус оставил меня одного среди клумб, фонтанов и живых изгородей; нашим багажом занялись две эффектные девушки в элегантных костюмах, вовсе не похожие на медсестер, что тоже давало пищу для размышлений; а довершил все это толстобрюхий старец в пижаме, который, увидев меня, подвинулся, чтобы освободить для меня место в мягко застеленном гамаке. Я, отвечая любезностью на любезность, присел рядом с ним. С минуту мы качались молча, а затем он спросил, не мог бы я на него помочиться. Впрочем, он выразился энергичнее. Я был так ошарашен, что не отказался сразу, а спросил — зачем. Это очень ему не понравилось. Он слез с гамака и удалился, прихрамывая на левую ногу и что-то бормоча себе под нос — кажется, по моему адресу. Но я предпочел не прислушиваться. Я осматривал парк, время от времени машинально поглядывая на левую руку и ногу, — так, наверное, смотрят на полученную недавно в подарок породистую собаку, которая между делом успела уже кое-кого покусать. То, что они вели себя пассивно, раскачиваясь в гамаке вместе со мной, вовсе не успокаивало меня; припоминая одно за другим недавние

события, я не забывал и о том, что в моей голове притаилось другое мышление, тоже как будто мое, но совершенно мне недоступное, и это ничуть не лучше шизофрении, которую все-таки лечат, или болезни святого Витта — ведь там большой знает, что в худшем случае — немного попляшет, а я был пожизненно приговорен к неожиданным фортелям в собственном естестве. Пациенты прохаживались по аллеям; за некоторыми из них чуть позади ехал тихоходный электрокар, наподобие тех, какими пользуются при игре в гольф, — должно быть на случай, если гуляющий утомится. Я спрыгнул, наконец, с гамака, чтобы посмотреть, не кончил ли уже доктор Хоус свое совещание с Тарантогой; здесь-то я и познакомился с Грамером. Его тащил на себе довольно пожилой санитар, посиневшее лицо которого заливал пот, ибо Грамер весил около центнера. Мне стало жаль беднягу, но я ничего не сказал, а только уступил место на дорожке, решив, что в моем положении разумней всего ни во что не вмешиваться. Однако Грамер, завидев меня, слез с санитара и представился первым. Его, похоже, заинтересовало новое лицо. Я смешался, потому что забыл, под какой фамилией меня вписали в регистратуре, хотя мы обсуждали этот вопрос с Тарантогой. Помнил я только имя — Джонатан. Грамеру моя непринужденность понравилась — незнакомый человек представляется сразу по имени, — и он попросил называть его просто Аделаидой.

Он разговорился. Его изводила страшная скука с тех пор, как он начал выходить из состояния депрессии (пока оно длилось, ему не давали скучать душевные страдания). Депрессия эта, объяснял он, вызывалась тем, что он обычно не мог уснуть, если перед сном немного не помечтает. Сперва он мечтал, чтобы акции, которые он купил, подскочили в цене, а проданные им — обесценились. Потом возмечтал сколотить миллион. Сколотив миллион, стал мечтать о втором, о третьем, но после пяти миллионов это утратило прелесть мечты. Пришлось искать новый объект мечтаний. Это было, угрюмо заметил он, все трудней и трудней. Нельзя же мечтать о том, что у тебя уже есть, или о том, что можно иметь хоть завтра. Какое-то время он мечтал избавиться от третьей жены, не заплатив ни гроша алиментов, но и это ему удалось. Хоус все еще не появлялся, а Грамер буквально прилип ко мне. Было время, когда перед сном он разделялся в мечтах с теми, кто особенно ему насолил. Но это было ошибкой. Во-первых, распаяя себя такими фантазиями, он перевозбуждался, хватался за снотворные средства, что врачи ему запрещали из-за увеличенной печени, и не видел другого способа покончить с этой мечтой, кроме как покончить с ее объектом. Это, уверял он меня, левое дело, если на чеке стоит пятизначная цифра. И сохрани бог обращаться к услугам «Murder Incorporated». Это бредни, сочиняемые для кинофильмов. Он нанял эксперта, а тот устроил все как по писаному. Как? По-своему в каждом случае. Убить — не проблема. Раз — и нет человека, и ничего ему больше не сделаешь. Физические мучения тоже не казались Грамеру подходящим решением. Завистников, недругов и зловредных конкурентов надлежит разорять, выражая им искреннее сочувствие, — и только. Своего рода стратегическая облава. Необычайно эффектно и эффективно. Питая склонность к интеллектуальным занятиям (которую ему приходилось скрывать от собратьев-миллионеров), он читал книги, и даже Де Сада. Вот уж кто был несчастным ослом! Мечтал о насаживании на кол, о сдирании кожи, о вспарывании животов, а сам сидел в кутузке и ничего, кроме мух, не имел в своем распоряжении. Бедному хорошо! Все его манит и все ему нравится. Мало-мальски красивая женщина ему недоступна. Поэтому, ясное дело, так процветает промысел порно. Надувные любовницы с губками бантиком, иллюстрированные описания оргий — это все суррогаты и надувательство. Ничто так не утомляет, как оргия, даже устроенная наилучшим образом. Не о чем говорить, и мечтать не о чем. Ах, иметь бы настоящую, несбыточную мечту! Выслушивая эти признания, я, должно быть, не мог скрыть своего изумления. Но Аделаида лишь покачал головой и сказал, что по неведению подрубил сук, на котором сидел, осуществив мечту отыграть на своих недругах. Мечтать стало не о чем, и он впал в хроническую бессоницу. Тогда он нанял специалиста по выдумыванию новых заветных желаний. Кажется, какого-то литератора или поэта. Действительно, тот предложил ему парочку недурных тем, но серьезная мечта требует осуществления, а затем умирает, так что нужны были мечты почти несбыточные. Выдумать что-нибудь в этом роде, перебил я его, наверно, не так уж трудно. Переместить континент. Распилить Луну на четыре равные четвертушки. Ходить по воде и вообще творить чудеса. Стать святым. Махнуть местами с Господом Богом. Подкупить террористов, чтобы те оставили в покое разных там министров, послов и прочих капиталистов и взялись за тех, кому действительно следовало бы наломать шею, а то и свернуть голову.

Аделаида уже смотрел на меня с симпатией, почти с восхищением.

— Жаль, — сказал он, — что я не познакомился с тобой раньше, Джонатан. В твоих словах что-то есть, хотя и не совсем то, что надо. Все эти континенты, луны и чудеса не трогают меня за живое, а настоящий мечтатель мечтает всеми фибрами души, иначе нельзя. Хорошая мечта не переходит в бессильную злость, но словно бы переливается и мерцает, понимаешь? Ну, вот она есть, а вот ее как бы и нету, и тогда-то мне хорошо засыпается. Этот мой горе-писатель утверждал, что количество заветных желаний обрат-

но пропорционально количеству имеющихся у человека платежных средств. Тот, у кого есть все, не в состоянии уже мечтать ни о чем. Поменяться местами с Господом Богом? Боже упаси! Но тебя я все-таки нанял бы.

На огромном листе приземистого гладкого кактуса покоилась большая улитка. Выглядела она довольно противно, и, должно быть, как раз поэтому Аделаида сделал знак головой санитару.

— Съешь это, — сказал он, указывая пальцем на кактус. Одновременно он достал из кармана пиджамы чековую книжку и авторучку.

— За сколько он это сделает? — полюбопытствовал я. Санитар молча протянул руку к улитке, но я остановил его. — Ты получишь на тысячу долларов больше, если не съешь этого, — заявил я, доставая из кармана блокнот. Он был опрарвлен в точно такой же зеленый пластик, что и чековая книжка Аделаиды.

Санитар застыл на месте. По лицу миллионера я видел, что он колеблется; это было довольно рискованно для меня, ибо дело и вправду могло кончиться аукционом. Тариф, установленный Аделаидой на улиток, наверняка превышал мои финансовые возможности. Оставалось лишь запутать игру козырем.

— За сколько вы это съели бы, Аделаида? — спросил я и открыл блокнот, словно намереваясь выписать чек. Это его восхило. Санитар с улиткой для него перестали существовать.

— Я дам тебе чек in blanco¹, если ты проглотить ее не пережевывая и расскажешь, как она шевелится у тебя в животе, — произнес он чуть охрипшим от возбуждения голосом.

— К сожалению, я уже завтракал, а есть между завтраком и обедом не в моих правилах, — улыбнулся я. — И кроме того, Аделаида, твои счета, наверное, заблокированы. Провозглашение невменяемым, назначение опекуна и так далее, не правда ли?

— Нет, нет, ты ошибаешься! Манхэттенский банк примет любой мой чек.

— Возможно, но у меня что-то нет аппетита. Вернемся лучше к мечтам.

Беседа так меня захватила, что совершенно забыл о своей левой стороне, пока она сама о себе не напомнила. Когда мы уже отошли от опасной улитки, я вдруг подставил миллионеру ногу и дал ему такого тычка в спину, что он растянулся на траве во весь рост. Я рассказываю от первого лица, хотя сделали это мои левые конечности. Надо было срочно спасать лицо.

— Извини, — сказал я, стараясь попасть в тон приятельской откровенности, — но ЭТО было моей мечтой.

Я помог ему встать. Он был не столько обижен, сколько ошарашен. Как видно, так с ним никто себя не вел, ни здесь, ни за стенами санатория.

— Ну, ты парень с фантазией, — выговорил он, стряхивая с себя землю. — Только больше не делай этого, а то у меня диск позвоночника выскочит; к тому же и я ведь могу начать мечтать о тебе, — тут он нехорошо засмеялся. — А что с тобой, собственно?

— Ничего.

— Это ясно, но здесь ты зачем?

— Чтобы немного отдохнуть.

В глубине тенистой аллеи я заметил доктора Хоуса; увидев меня, он поднял руку и движением головы показал, чтобы я шел за ним, к павильону.

— Ну, Аделаида, мне пора, — сказал я, похлопывая его по спине. — Помечтаем как-нибудь в другой раз.

Из открытых дверей веяло приятной прохладой. Бесшумная климатизация, светло-зеленые стены, тихо, как в пирамиде, — звуки шагов приглушал палас, белый, словно шкура полярного медведя. Хоус ждал меня в своем кабинете. Там же сидел Тарантога. Он показался мне озабоченным. У него на коленях лежала папка, распухшая от бумаг; он доставал их и клал обратно; тем временем Хоус указал мне на кресло. Я сел, без особой радости ожидая возврата к делам, отделаться от которых я мог не иначе, как отделившись от себя самого.

Хоус принялся за чтение газет. Тарантога нашел, наконец, нужные бумаги.

— Вот, значит, как обстоит дело, дорогой Ийон... Я был у двух юристов с превосходной репутацией, чтобы выяснить твоё положение с точки зрения права. Разумеется, я не сказал, чьи интересы я представляю. О твоей миссии я тоже ничего не говорил, а передал историю так, чтобы осталась лишь самая суть. Некто, мол, имел доступ к кое-каким совершенно секретным делам, а познакомившись с ними, должен был представить отчет одному правительственному учреждению. Перед составлением отчета он подвергся каллотомии. Часть того, что он узнал и должен был сообщить, он забыл, потому что сведения эти, по-видимому, находятся в правой половине его

¹ Незаполненный (лат.).

мозга. Каковы его обязанности перед теми, кто доверил ему это дело? Как далеко они могут зайти, чтобы получить эти сведения? Оба ответили, что казус непрост, поскольку может стать прецедентом. Если дело дойдет до суда — назначат экспертов, и суд может, хотя и не обязан, согласиться с их заключением. Во всяком случае, пока нет решения суда, ты можешь не соглашаться ни на какие исследования или эксперименты, которых потребовало бы это учреждение.

Доктор Хоус поднял голову над газетой.

— Довольно-таки забавная история, — сказал он, доставая из ящика стола пакет с пряниками; он высыпал их на тарелку и придвинул ко мне. — Я знаю, господин Тихий, что для вас тут нет ничего забавного, но забавен любой парадокс типа *circulus vitiosus*¹. Вам известно, что такое латерализация?

— Конечно, — ответил я, с неодобрением глядя на свою левую руку, протянувшуюся к тарелке, хотя мне совершенно не хотелось пряников. Но чтобы не выглядеть по-дурачки, пришлось откусить кусочек. — Об этом я начитался немало. Обычно доминирует левое полушарие мозга, потому что именно оно заведует речью. Правое чаще всего немое, хотя с грехом пополам понимает простые фразы, а иногда умеет даже немного читать, но то и другое вовсе не обязательно. Если левая латерализация выражена слабо, правое полушарие может приобрести большую самостоятельность, в том числе в пользовании речью. Иногда, хотя и крайне редко, латерализация почти не выражена, и тогда центры речи расположены в обоих полушариях, что может повлечь за собой заикание и другие расстройства.

— Очень хорошо. — Хоус благожелательно улыбался. — Из того, что мне стало известно, я заключаю, что ваш левый мозг — как видите, и мы иногда так выражаемся — отчетливо доминирует, но правый необычайно активен. Полной уверенности у меня нет, тут потребовалось бы длительное обследование.

— И где же тут парадокс? — спросил я, стараясь как можно незаметнее оттолкнуть левую руку, которая опять потянулась за пряником.

— Может ли обследование вашего правого мозга принести реальную пользу, зависит от того, насколько значительна правосторонняя латерализация. Чтобы узнать, стоит ли вообще браться за такое обследование, нужно установить степень латерализации, то есть опять-таки обследовать вас, а для этого необходимо ваше согласие. Эксперты, которых назначит суд, смогут сказать не больше того, что сказал вам я: все зависит от степени латерализации у Ийона Тихого, которую без обследования установить невозможно. То есть надо обследовать вас для того, чтобы решить, надо ли вас обследовать. Это вам ясно?

— Куда уж яснее. И что же вы мне советуете, доктор?

— Советовать я ничего не могу — я ведь и сам нахожусь в том же положении, что эти эксперты вместе с судом. Никто на свете, включая вас, не знает, что застряло в вашем правом мозгу. Вашу идею — использовать язык глухонемых — уже пробовали осуществить, хотя и без особого успеха. Правая латерализация была в тех случаях слишком слабой.

— Вы действительно не можете сказать ничего больше?

— Могу. Если вы не хотите неприятностей, рекомендую носить левую руку на перевязи, а еще лучше — в гипсе. Она вас выдает.

— То есть как это?

Хоус молча указал на тарелку с пряниками.

— Правый мозг обычно любит сладкое больше, чем левый. Это следует из данных статистики. Я продемонстрировал вам простой способ, позволяющий на глаз оценить вашу латерализацию. Вы не левша и должны были протянуть к прянику правую руку — или не протягивать никакую.

— Долго ли мне придется ходить с рукой в гипсе и для чего?

Хоус пожал плечами.

— Хорошо. Я скажу вам то, чего говорить бы, пожалуй, не следовало. Вы, наверно, слышали о пираньях?

— Слышал. Маленькие, но очень кровожадные рыбки.

— Вот именно. Они обычно не нападают на человека в воде, но если на его теле есть малейшая царапина, достаточно одной капли крови, чтобы они ринулись на него все сразу. Речевые навыки правого мозга не больше, чем у трехлетнего ребенка, да и то в редких случаях. У вас они значительны. Если об этом узнают, у вас могут быть серьезные неприятности.

— А не лучше ли ему просто пойти в Лунное Агентство? — вмешался Тарантога. — Препоручить себя их попечению? Ведь что-то ему от них полагается, раз он для них рисковал головой?

¹ Порочный круг, т. е. приведение в качестве доказательства того, что само нуждается в доказательстве (лат.).

— Это, возможно, не худшее решение, но вряд ли хорошее. Хорошего нет вообще.

— Почему? — спросили мы с Тарантогой почти одновременно.

— А вот почему: чем больше они извлекают из вашего правого мозга, тем больший почувствуют аппетит и захотят вытянуть еще больше, а это может означать — выходясь повежливее — долговременную изоляцию.

— На месяц, на два?

— Или на год, а то и больше. Правый мозг общается с миром главным образом через левый, при помощи речи и письма. Пока еще ни разу не удавалось научить правый мозг говорить, к тому же свободно. Ставка настолько высока, что они затратят на такое обучение больше усилий, чем все специалисты до сих пор.

— Что-то все-таки делать надо, — пробурчал Тарантога.

Хоус встал.

— Разумеется, но спешить пока незачем. Господин Тихий может провести у меня несколько месяцев, если захочет. Быть может, за это время что-нибудь выяснится.

Слишком поздно я понял, что доктор Хоус был, к сожалению, прав.

Решив, что никто не поможет мне лучше, чем я сам, я записал все случившееся со мной, надиктовал это на диктофон, записки сжег, а теперь закопаю и диктофон вместе с кассетами в герметичной банке — под кактусом, тем самым, на котором я встретил улитку. Я говорю сейчас в диктофон, чтобы использовать остаток ленты. Кажется, выражение «встретил улитку» не слишком удачно, хотя почему — не знаю. Ведь можно встретить корову, обезьяну, слона, а улитку — вряд ли. Или тут дело в том, что встреченным можно считать лишь существо, которое может тебя заметить? Пожалуй, нет. Не уверен, что улитка меня заметила, хотя рожки у нее были вытянуты. Или все дело в размерах? Никто не скажет «я встретил пчелу». Но можно встретить даже очень маленького ребенка. И зачем это я трачу ленту на такие глупости? Банку я закопаю, а записи буду вести при помощи шифра. Правое полушарие буду называть не иначе как «Оно», или просто назову его «ИЯ». Вроде неплохо, ведь «ИЯ» — это И Я, Я и Я, хотя, может быть, это окажется не слишком понятно. Но лента кончается. Пора за лопату.

8 июля. Жара страшная. Все ходят в пижамах, а то и в плавках. Я тоже. Через Грамера познакомился с двумя другими миллионерами — Струманом и Паддерхорном. Оба меланхолики. Струману под шестьдесят, лицо обрюзгшее, говорит шепотом. Можно подумать, что он хочет открыть господу богу невесту какую тайну. Он утверждает, будто попытаться вылечить его — безнадежно. В последнее время его депрессия обострилась, а все потому, что он забыл причину своих ужасных переживаний. У него три дочери. Все замужем, занимаются свингингом¹, разные типы снимают это на пленку, которую ему приходилось выкупать за немалые деньги, чтобы снимки не напечатали в «Хастлере»². Чтобы ему помочь, я спросил, не этим ли он озабочен, но оказалось, что нет, к этому он уже привык. Впрочем, он признан невменяемым, и хоть бы даже они занимались свингингом в зоопарке — это уже заботы опекунов. На кой черт я это записываю, не знаю. Голый миллионер — фигура невероятно неинтересная. Паддерхорн не говорит вообще ничего. Кажется, он слился экономически с каким-то японцем и прогадал. Удручающее общество. Но Гагерстайн, пожалуй, еще хуже. Без причины смеется и пускает слюны. Говорят, эксгибиционист. Надо держаться подальше от этих мерзких людшек. Доктор Хоус сказал мне, что завтра приедет человек, которому я могу доверять как ему самому. Он представится начинающим врачом-практикантом, но на самом деле это этнолог, который пишет исследование о миллионерах с точки зрения социальной динамики малых групп или что-то в этом роде.

9 июля. После отъезда Тарантоги я остался один с Хоусом, его ассистентом и миллионерами, вяло передвигающимися по парку. Хоус сказал мне с глазу на глаз, что предпочитает больше не исследовать степень моей латерализации: ведь того, чего никто не знает, никто не может украсть. Ассистент — и в самом деле молодой этнолог. Он открылся мне под страшным секретом, когда узнал, что я не богат. Он вел полевые исследования, решив написать об обычаях и духовной жизни миллионеров так, как исследуют верования первобытных племен. Хоус знает, что молодой человек не имеет ничего общего с медициной, и, должно быть, поэтому взял его под свою опеку. С этнологом я вечерами вел долгие беседы — в малой лаборатории, за бутылкой «Тичерс виски». Рюмками нам служили пробирки. Кроме Аделаиды, я познакомился еще с несколькими крезами. В жизни не был я в такой скучной компании. Этнолог со мной согласен. Это его угнетает — он начинает догадываться, что собранных материалов не хватит на монографию.

— Знаете что, — однажды сказал я, чтобы ему помочь, — возьмите и накатайте

¹ Смена брачных партнеров в американском сленге.

² «Хастлер» — издающийся в США иллюстрированный журнал полупорнографического содержания.

сравнительно-исторический трактат: «Богачи прежде и теперь». Государственное меценатство или же меценатство крупных благотворительных фондов — явление совсем недавнее. Но уже в Древнем Риме были частные меценаты. Покровители искусства. Ну, музыки, и все такое. Да и позже разные богачи и князья обеспечивали людям искусства — художникам, скульпторам — неплохую жизнь. Как видно, они этим интересовались, хотя нигде не учились. Зато вот эти, — я показал большим пальцем себе за спину, в окно, выходящее в ночной парк, — не интересуются ничем, кроме акций и чеков. Думаю, я не покажусь нескомромным, если скажу, что я довольно-таки известен. Я получаю массу откликов на свои книги о путешествиях, но среди миллионов читателей не нашлось ни одного миллионера. Почему? Больше всего их, кажется, у вас в Техасе. Здесь таких трое. Они скучны даже в свихнувшемся состоянии. Откуда это берется? Латифундии не оглупляли. Что же их оглупляет? Биржа? Капитал? Каким образом?

— Нет, тут дело в другом. Те бывали, скажем, верующими. Хотели иметь заслуги перед господом богом. Умерщвление плоти не привлекало их. Другое дело — построить собор, заплатить художникам, пусть изобразят нам «Тайную вечерю» или «Моисея», воздвигнут что-нибудь этакое с куполом, который переплюнет все остальные. В этом они видели свой интерес, господин Тихий, только видели они его там, — он указал на потолок, то есть на небо. — Раз уж одни меценатствовали, другие тянулись за ними. Это считалось хорошим тоном. Князь, дож или магнат окружали себя садовниками, кучерами, виршеплетами, художниками. У Луи XV имелся Буше, чтобы было кому портретировать голых дам. Буше — это, положим, третий класс, но что-то после него осталось, да и после других художников тоже, а после тех кучеров и садовников ничего не осталось.

— После садовников остался Версаль.

— Вот видите. А после кучера — разве что кнут. Они ничего в этом не смыслили, вот что я вам скажу, но видели в этом свой интерес. Теперь, в эпоху специализации, это ничего бы им не дало. Что с вами? Сердце прихватило?

— Нет. Кажется, меня обокрали.

Я и в самом деле держался за сердце, обнаружив, что внутренний карман моей куртки пуст.

— Это невозможно. Здесь нет клептоманов. Вы, должно быть, оставили бумажник в комнате.

— Нет. Когда я вошел, он был еще тут. Я как раз хотел показать вам свою фотографию с бородой и даже нащупал бумажник в кармане, но не вынул.

— Не может быть. Ведь мы здесь одни, а я к вам даже не приближался...

Смутная догадка мелькнула у меня в голове.

— Вспомните, пожалуйста, возможно точнее, что мы делали после того, как вошли сюда.

— Вы сразу сели, а я достал бутылку из шкафчика. О чем мы тогда говорили? Ага, о Грамере. Вы рассказали об этой улитке, но я искал пробирки и не видел, что вы делаете. Когда я повернулся к вам, вы сидели... нет, вы стояли. Рядом с тахистоскопом. Вот здесь. Вы заглядывали за перегородку, потом я подал вам виски... Ну да. Мы выпили, и вы вернулись на свое место.

Я встал и осмотрел аппаратуру. С одной стороны — кресло перед пультом управления, черная стенка с окулярами, за ней боковые лампы, экран и плоский ящик проектора. Я поискал тумблер. Пустой экран засветился. Я заглянул за перегородку. Внутри все было выложено оксидированными плитами. Между передней стенкой и черной облицовкой зияла щель — не шире, чем в почтовом ящике. Я попытался просунуть туда руку, но щель была слишком узкой.

— Есть тут какие-нибудь щипцы? — спросил я. — Как можно более длинные и плоские.

— Не знаю. Скорее всего, нет. Правда, есть зонд. Подойдет?

— Давайте.

Зонд был стальной, гибкий, можно было гнуть его как угодно. Я согнул его крючком, опустил в щель и нащупал что-то мягкое. После нескольких неудачных попыток показался черный кожаный угол. Мне понадобилась вторая рука, чтобы за него ухватиться, но она упиралась. Я позвал практиканта. Он мне помог. Это был мой бумажник.

— Это она, — сказал я, подняв левую руку.

— Но как? Вы ничего не заметили? А главное — зачем?

— Нет. Не заметил, хотя проделать это было непросто: карман у меня слева. Ловко, незаметно проделала, словно карманный вор. Но это как раз и есть специальность правого полушария. Координация движений во всех играх, в спорте. Зачем? Можно только догадываться. Ведь мыслит оно не вербально, логически, а немного по-детски. Наверное, оно хотело, чтобы я потерял имя. Тот, у кого нет никаких документов, не имеет и имени для тех, кто его не знает.

— А-а... чтобы вы, значит, исчезли? Но это же магия. Магическое мышление.

— Что-то в таком роде. Но это нехорошо.

— Почему? Оно хочет помочь вам, как умеет. И неудивительно, ведь в конце концов оно — это т о же вы, только как бы отдельный, обособившийся.

— Нехорошо потому, что, если оно хочет помочь мне, значит, как-то все же ориентируется в ситуации и понимает: что-то мне угрожает. Бумажник — это пустяк, но в следующий раз оно может оказать мне медвежью услугу.

Вечером ко мне заглянул Хоус. Я сидел в постели, уже раздевшись ко сну, в пижаме, и разглядывал левую ногу. Пониже колена красовался здоровенный синяк.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, но...

Я рассказал ему о бумажнике.

— Любопытно. Вы действительно ничего не заметили?

Я опустил глаза, опять увидел этот синяк и вдруг вспомнил мгновенную боль и то, что ее вызвало. Когда я заглянул за перегородку тахистоскопа, то левой ногой, пониже колена, ударился обо что-то твердое. Было довольно больно, но я не обратил на это внимания. Отсюда, скорее всего, и синяк.

— Необычайно поучительно, — заметил Хоус. — Левая рука не может выполнять сложных движений так, чтобы мышечное напряжение не передавалось правой стороне тела. Поэтому ей надо было отвлечь ваше внимание.

— Вот этим? — Я показал на синяк.

— Ну да. Сотрудничество левой ноги и руки. Почувствовав боль, вы какой-то момент не чувствовали ничего другого. Этого было достаточно.

— И часто это случается?

— Нет, чрезвычайно редко.

— А если бы кто-нибудь решил всерьез за меня взяться, он тоже смог бы это проделывать? Скажем, колоть меня с правой стороны, чтобы отвлечь от левой, допрашиваемой с пристрастием?

— Специалист поступил бы иначе. Сначала укол амитала в левую шейную артерию — *carotis*. Левый мозг тогда засыпает, а бодрствует только правый. Это длится несколько минут.

— И этого хватит?

— Если не хватит, введут в артерию маленькую канюлю и начнут подавать амитал по капле. В конце концов засыпает и правое полушарие, потому что мозговые артерии соединены между собой так называемыми коллатеральями. Потом надо выждать какое-то время, и можно начинать снова.

Я опустил штанину пижамы и встал.

— Не знаю, надолго ли у меня еще хватит терпения торчать тут, ожидая у моря погоды. Все-таки лучше знать что-то, чем ничего. Возьмитесь за меня всерьез, доктор.

— А почему бы вам не взяться за себя самому? Ведь вы уже можете понемногу объясняться с левой рукой. Это вам что-нибудь дало?

— Мало что.

— Отказывается отвечать на вопросы?

— Нет, скорее отвечает невразумительно. Я знаю одно: она помнит иначе, чем я. Пожалуй, целыми образами, целыми сценами. Когда я пытаюсь выразить это словами, знаками, получаютс я головоломки. Наверно, следовало бы все это записать каким-нибудь образом и попробовать расшифровать как стенограмму. Так мне кажется.

— Это скорее занятие для дешифровщиков, чем для врачей. Допустим, нам удастся сделать такую запись. Что это вам даст?

— Не знаю.

— Я тоже. А пока что — спокойной ночи.

Он вышел. Я погасил свет и лег, но не мог уснуть. Я лежал на спине. Вдруг левая рука приподнялась и медленно погладила меня несколько раз по щеке. Она явно жалела меня. Я встал, включил лампу, принял таблетку секонала и, одурманив таким образом обоих Ийонов Тихих, погрузился в беспамятство.

Мое положение было не просто плохим. Оно еще было дурацким. Я прятался в санатории, даже не зная от кого. Ждал неизвестно чего. Пытался объяснить с собою самим руками, но хотя левая отвечала даже живее, чем раньше, я не понимал ее. Я рылся в библиотеке санатория, таскал в свою комнату учебники, монографии, груды медицинских журналов, чтобы узнать, наконец, кто или что я такое с правой стороны. Я задавал левой руке вопросы, на которые она отвечала с готовностью; больше того, она научилась новым выражениям и словам, что побуждало меня продолжать эти беседы и в то же время тревожило. Я боялся, что она сравняется со мной, а то и превзойдет меня теперешнего, и мне придется не только считаться с нею, но и слушаться ее, или же дело кончится распрями и перетягиванием каната туда-сюда, и что я тогда не останусь в середине, но лопну или же разделюсь надвое совершенно и стану похож на полураздавленного жучка, у которого передние ноги тянут вперед, а задние назад. Мне снилось все время, что я от кого-то убегаю и лазаю по каким-то сумрачным кручам, и я даже не знал, какой половине это снилось. То, что я узнал из груды книг, было

похоже на правду. Левый мозг, лишенный связи с правым, оскудевает. Даже если он остается разговорчивым, речь его становится сухой, и это особенно видно по тому, как часто он прибегает к вспомогательному глаголу «быть». Разбирая свои записки, я заметил, что то же происходит со мной. Но кроме таких мелочей я ничего особенного не узнал из научной литературы. Там не счесть было гипотез, друг другу совершенно противоречивших; каждую из них я примерял к себе; обнаруживая, что она не подходит, злился на этих ученых, которые делали вид, будто лучше меня знают, что значит быть мною теперешним. Бывали дни, когда я уже готов был плюнуть на все предосторожности и поехать в Нью-Йорк, в Лунное Агентство. На следующее утро это казалось мне худшим из всего, что я мог сделать. Тарантога не подавал о себе вестей, и хотя я сам попросил его ждать от меня знака, его молчание тоже начинало меня раздражать. Наконец я решил взяться за себя по-мужски — так, как это сделал бы прежний, не располовиненный Йон Тихий. Я поехал в Дерлин, захудалый городишко в двух милях от санатория. Говорят, жители хотели назвать его Берлином, но что-то напутали с первой буквой. Я хотел купить там пишущую машинку — чтобы поставить левую руку под перекрестный огонь вопросов, записывать ее ответы и, собрав их достаточно много, попробовать составить из них что-либо осмысленное. В конце концов, думал я, я могу быть правосторонним кретином, и лишь самолюбие не позволяет мне убедиться в этом. Блэр, Годдек, Шапиро, Розенкранц, Бомбардино, Клоски и Сереньи утверждали, что немое правое полушарие — не что иное, как кладезь неизвестных талантов, интуиций, предчувствий, невербальной, целостной ориентации и чуть ли даже не гений в своем роде, источник всех тех чудес, с которыми не может примириться левый рационализм: телепатии, ясновидения, духовного перемещения в иные измерения бытия, видений, мистического экстаза и озарения; но Клейс, Цукеркандель, Пинотти, Вихолд, миссис Мейер, Рабауди, Оттичкин, Нуэрле и восемьдесят других экспертов заявляли, что ничего подобного. Да, конечно, резонатор и организатор чувств, ассоциативная система, эхо — пространство мысли, ну, и какая-то там память, но безъязыкая; правый мозг — это алогическая диковина, эксцентрик, фантаст, враль, герменевтик, это дух, но в сыром состоянии, это мука, а также и дрожжи, но хлеб из них может испечь только левый мозг. А третьи были такого мнения: правый — это генератор, левый — селектор, поэтому правый удален от мира, а руководит им, переводит его мысли на людской язык, комментирует, дисциплинирует и вообще делает из него человека лишь левый мозг.

Для поездки в город Хоус предложил мне свою машину. Он не был удивлен моим намерением и не пробовал переубедить меня. На листке бумаги он нарисовал главную улицу и крестиком обозначил место, где находится универмаг. Он лишь заметил, что сегодня я уже не успею — была суббота, и универмаг закрывался в час дня. Поэтому все воскресенье я бродил по парку, избегая, как только мог, Аделаиды. В понедельник я нигде не нашел Хоуса. Пришлось поехать автобусом, который ходил раз в час. Он был почти пуст. Кроме негра-водителя — лишь двое мальчишек с мороженым в руках. Городок напоминал американские поселения полувековой давности. Одна широкая улица, телеграфные столбы, домики в садиках, низкие живые изгороди, калитки, у каждой из них по почтовому ящику; собственно город пытались изобразить собою несколько каменных домов у перекрестка дороги с австрадой штата. Там стоял почталован и разговаривал с толстым, обливающимся потом мужчиной в цветастой рубашке, собака которого, здоровенная дворняга в ошейнике, метила мочою фонарь. Я вышел у этого места, а когда автобус отъехал, оставив за собою облако вонючего дыма, я осмотрелся в поисках универмага, как описал его доктор Хоус. Большой, остекленный, он стоял на противоположной стороне улицы. Два продавца в рабочих халатах выгружали какие-то коробки из склада при помощи механического подъемника и укладывали их на грузовик. Солнце палило нещадно. Водитель грузовика сидел у открытой двери кабины и потягивал пиво из банки, уже не первой, как видно, потому что пустые банки валялись у него под ногами. Это был совершенно седой негр, хотя на лицо вовсе не старый. Солнечной стороной улицы шли две женщины; та, что помоложе, толкала перед собой закрытую детскую коляску, та, что постарше, заглядывала в коляску и говорила что-то. Несмотря на жару, она была закутана в шерстяную черную шаль, закрывавшую голову и плечи. Женщины как раз поравнялись с открытой авторемонтной мастерской. Там поблескивали на солнце несколько вымытых машин; было слышно, как шумит вода и шипит под давлением воздух. Все это я замечал мимоходом, уже сходя с тротуара на мостовую, чтобы перейти на другую сторону, к универмагу. Я задержался, потому что большой темно-зеленый линкольн, стоявший в нескольких десятках шагов, вдруг двинулся в мою сторону. Ветровое стекло у него было зеленоватое, так что я едва различал силуэт водителя. Мне показалось, что лицо у него черное. «Негр, должно быть», — подумал я и остановился на бровке тротуара, чтобы пропустить его; но он довольно резко затормозил прямо передо мной. Я решил было, что он хочет о чем-то спросить, как вдруг кто-то сильно схватил меня сзади, заткнув мне рукою рот. Я был так ошарашен, что даже не

пробовал сопротивляться. Кто-то, сидевший на заднем сиденье, открыл дверцу; я начал вырываться, но не смог даже крикнуть, так меня сдавила рука. Почтальон бросился к нам, нагнулся и ухватил меня за ноги. Тут что-то застрекотало совсем рядом, и улица в мгновение ока изменила свой вид.

Пожилая женщина бросила шаль на тротуар и повернулась к нам. Обеими руками она сжимала автомат с коротким стволом. Это она стреляла прямо в лоб линкольну, длинной очередью изрешечивая радиатор и шины — так, что пыль взметнулась с асфальта. Седовласый негр уже не пил пиво. Он сидел за баранкой, а его грузовик одним поворотом загородил дорогу линкольну. Кудлатый пес бросился на женщину с автоматом, завертелся на месте и плашмя упал на асфальт. Почтальон отпустил меня, отскочил, выхватил из своего мешка что-то черное, круглое и бросил это в сторону женщин; загрохотало, повалил белый дым, молодая женщина упала на колени за детской коляской, та непонятным образом раскрылась, и из нее, словно из огромного огнетушителя, вырвался столб пенистой жидкости, заливая шофера линкольна, который только что выскочил на мостовую, и, прежде чем пена залила его, я увидел, что его лицо заслонено чем-то черным, а в руках — револьвер. Струя ударила в лимузин с такой силой, что ветровое стекло лопнуло и задело осколками почтальона. Толстяк, который все еще держал меня сзади, пятился, стараясь прикрыть себя моим телом. Из гаража вылетели какие-то люди в комбинезонах. Они добежали до нас и оторвали от меня толстяка. Все это не заняло и пяти секунд. Ближайшая к нам машина, из тех, что стояли в мастерской, задним ходом выехала через открытые ворота, двое мужчин в халатах накинули на шофера линкольна сеть, стараясь не прикасаться к нему — он был с головы до ног в клейкой пене. Толстяк с почтальоном, оба уже в наручниках, залезали, подгоняемые ударами, в машину из мастерской. Я стоял без движения, глядя, как человек, открывший только что дверцу линкольна, выбирается с поднятыми руками наружу, как он послушно идет к пикапу под дулом револьвера, а седой негр надевает на него наручники. Никто меня не коснулся, никто не сказал мне ни слова. Машина уехала. Пикап, на который посадили раненого, а может быть застреленного, шофера вместе с сообщником, тронулся, женщина подняла с тротуара черную шаль, отряхнула ее, положила автомат в коляску, опустила ее крышу в прежнее положение и удалилась как ни в чем не бывало. Снова стало пусто и тихо. Только грузовик со спущенными шинами и разбитыми фарами да труп собаки свидетельствовали о том, что это мне не привиделось. Рядом с универсамом в саду, заросшем высокими подсолнечниками, располагался одноэтажный деревянный домик с верандой. В открытом окне, с трубой в руках, стоял, удобно оперевшись локтями о подоконник, мужчина с темным загаром на лице и светлыми, почти белыми волосами и смотрел на меня спокойно и выразительно, словно бы говоря: «Вот видишь?» Лишь теперь до моего сознания дошло то, что было еще удивительнее, чем попытка меня похитить: хотя в ушах у меня все еще звучали автоматные очереди, взрывы, крик, ни одно окно не открылось и никто не выглянул на улицу, как если бы меня окружала плоская театральная декорация. Я стоял так довольно долго, не зная, что делать дальше. Пишущую машинку, пожалуй, покупать не стоило.

IV. ЛУННОЕ АГЕНТСТВО

— Господин Тихий, — сказал Директор, — наши люди посвятят вас во все подробности Миссии. Я же хочу лишь представить вам общую картину — чтобы за деревьями вы не потеряли из виду леса. Женевский трактат сделал возможными четыре невозможности. Всеобщее разоружение одновременно с продолжающейся гонкой вооружений — это раз. Максимальные темпы этой гонки при нулевых расходах — два. Полная гарантия от внезапного нападения при сохранении права вести войну, если бы кому-нибудь этого захотелось. Это в-третьих. И, наконец, полная ликвидация всех армий, которые, однако, по-прежнему существуют. Никаких войск нет, но штабы остались и могут планировать, что хотят. Словом, мы установили расет in terris¹. Понимаете?

— Понимаю, — ответил я, — но я ведь читаю газеты. Там пишут, что мы попали из огня да в полымя. А тут я еще прочитал, не помню где, что Луна молчит и проглатывает всех разведчиков, потому что Кому-то удалось заключить тайное соглашение с тамошними роботами. И за всем, что делается на Луне, стоит какое-то государство. И Агентство об этом знает. Что вы скажете?

— Абсурд, — произнес энергично Директор.

Мы сидели в его кабинете, не уступавшем по размерам целому залу. Сбоку, на возвышении, стоял огромный лунный глобус, испещренный оспинами кратеров. Секто-

¹ Мир на земле (лат.) — первые слова известной энциклики папы Иоанна XXIII (1963 г.).

ра отдельных государств, покрашенные в зеленый, розовый, желтый и оранжевый цвета, как на политических картах, тянулись от полюса к полюсу, что делало глобус похожим на детскую игрушку или освещенный изнутри стеклянный апельсин без кожуры. За спиной директора свисал со стены флаг ООН.

— Подобных бредней теперь не счесть, — продолжал Директор, улыбаясь мне со снисходительным выражением на смуглом лице. — Наше пресс-бюро готово представить вам обзор этих рассказней. Все они высосаны из пальца.

— Но это движение — неопацифистов, или лунофилов, — оно-то, наверно, не выдумка?

— Так называемых лунатиков? Да, разумеется. Вы читали их манифесты? Их программу?

— Читал. Они требуют соглашения с Луной.

— «Соглашения!» — пренебрежительно хмыкнул Директор. — Не соглашения, а капитуляции. Только неизвестно, перед кем! Вздорные люди. Воображают себе, будто Луна стала кем-то, будто можно признать ее стороной в переговорах, в пактах, стороной могущественной и разумной. Будто бы там уже ничего нет, кроме гигантского компьютера, который поглотил все сектора. У страха, господин Тихий, не только большие глаза, но и крошечный разум.

— Допустим. Но разве можно исключить объединение в какой-либо форме всех этих вооружений, там, на Луне, — этих армий — если это армии? Как можно быть уверенным, что ничего такого не произошло, раз ничего неизвестно?

— Даже там, где ничего неизвестно, некоторые вещи невозможны. Сектор каждого государства был оборудован как эволюционный полигон. Вот, посмотрите. — Он взял в руку небольшую плоскую коробочку, и на глобусе начали загораться сектор за сектором, пока весь он не засиял, как цветной лампюон. — Вот эти, самые широкие, принадлежат сверхдержавам. Мы, разумеется, знали, что перевозим, ведь в роли перевозчика выступало наше Агентство. Мы также выполнили предварительные работы, рыли котлованы под СУПСы — супермоделирующие системы. В каждом секторе есть такая система, окруженная производственным комплексом. Сектора не могут между собою сражаться. Это исключено. СУПС проектирует новые типы оружия, а СЕКСы — Селекционные Контр-Системы — пытаются с ними бороться. То и другое — посредством моделирования, или имитации на компьютерах. Программы исходят из принципа Щита и Меча. Вообразите себе, что каждое государство разместило на Луне двучленный компьютер, который играет в шахматы сам с собою. Но в такие шахматы, где вместо фигур оружие и в ходе игры может меняться все: разрешенные ходы, ценность фигур, форма доски. Все.

— Как же так, — удивился я. — Выходит, там нет ничего, кроме компьютеров, моделирующих гонку вооружений? Чего же тогда бояться Земле? Смоделированное оружие не опасней листка бумаги.

— Да нет же! Отобранные проекты идут в реальное производство. Другое дело, и именно в этом суть проблемы, к о г д а идут. Выглядит это так: СУПС проектирует не какой-либо один тип оружия, а целую систему вооружений. Безлюдную, разумеется. Солдат и оружие тут одно. А еще легче это понять по аналогии с естественной эволюцией. Борьба за выживание, понимаете? То есть борьба за существование. Допустим — для наглядности, что СУПС проектирует каких-нибудь хищников, а СЕКС старается нащупать их слабые стороны, чтобы их уничтожить. Если это ему удастся, СУПС выдумывает что-нибудь новое — а тот опять отвечает контрударом. В принципе такая моделируемая борьба с непрерывными нововведениями могла бы продолжаться миллионы лет — но каждая из этих систем через какое-то время должна начать реальное производство оружия. Через к а к о е время и к а к о й эффективности она требует от опытных образцов — это уже заранее установили программисты данного государства. Ведь каждое государство хотело иметь на Луне реальный запас оружия, арсенал, а не только модели в виде планов на бумаге или в компьютере. Но и тут есть своя заковыка, серьезное противоречие, вы понимаете?

— Не вполне. Какое противоречие?

— Моделируемая эволюция протекает гораздо быстрее реальной. Тот, кто будет д о л ь ш е ждать результатов моделирования, получит оружие б о л е е с о в е р ш е н н о е. Но пока он ждет, он остается безоружным. Тот же, кто выбрал более короткий период моделирования, перевооружится быстрее. Мы называем это коэффициентом риска. Каждое государство, размещая на Луне свой военный потенциал, должно было заранее решить: лучшее оружие позже либо оружие похуже быстрее.

— Странно как-то, — заметил я. — А что происходит, когда производство все-таки начинается? Оружие направляют на склады?

— Какую-то часть — возможно. Но только часть. Потому что тогда начинается уже настоящая, не моделируемая война — разумеется, лишь в границах данного сектора.

— Вроде маневров?

— Нет. На маневрах лишь делали вид, что воюют, солдаты не гибли, а там, — Директор показал на светящуюся разноцветную Луну, — воюют по-настоящему. В границах сектора, повторяю. Никто и ничто не может напасть на соседний...

— Значит, сперва эти вооружения сражаются и уничтожают друг друга в компьютерах, понарошку, а потом уж всерьез? А что дальше?

— Вот то-то и оно! Неизвестно, что дальше. Вообще говоря, имеются две возможности. Либо гонка вооружений имеет предел, либо нет. Если имеет — значит, существует «окончательное оружие», и гонка, в виде моделируемой эволюции, рано или поздно приведет к созданию этого оружия. Само себя оно победить не может, и возникает ситуация стабильного равновесия. Развитие прекращается. Лунные арсеналы заполняются оружием, выдержавшим это последнее испытание, и больше там уже ничего не происходит. Мы хотели бы, чтобы все было именно так.

— А это не так?

— Почти наверняка нет. Во-первых, естественная эволюция не имеет конца. Не имеет, потому что не существует никаких «окончательных», то есть идеально приспособленных к жизни организмов. У любого вида есть свои слабые стороны. Во-вторых, на Луне ведь идет не естественная эволюция, а искусственная, и притом эволюция вооружений. Каждый сектор наверняка старается наблюдать то, что происходит в других секторах, и реагирует на это по-своему. Военное равновесие — нечто иное, чем биологическое равновесие. Живые виды не могут быть слишком уж эффективны в борьбе с конкурентами. Почему? Абсолютно заразные микробы умертвили бы всех носителей жизни и сами погибли бы вместе с ними. Поэтому в природе равновесие устанавливается и не же уровня уничтожения. Иначе эволюция оказалась бы самоубийственной. А развитие вооружений имеет целью достижение перевеса над противником. У оружия нет инстинкта самосохранения.

— Погодите, господин Директор, — сказал я, пораженный внезапной мыслью. — Ведь каждое государство может тайком построить на Земле в точности такую же систему, как та, лунная, и, наблюдая за ее работой, дознаться, что там поделывает близнец?

— Вот и нет! — воскликнул Директор с лукавой улыбкой. — Это как раз невозможно! Ход эволюции нельзя предсказать. В этом мы убедились на практике.

— Как?

— Так, как вы сказали. Мы ввели в совершенно одинаковые компьютеры совершенно одинаковые программы и пустили их в ход. Пошла эволюция — пальчики оближешь, но только везде по-своему. Все равно как если бы вы захотели предсказать ход шахматного турнира в Москве между сотней компьютеров гроссмейстерской силы, моделируя ход игры на сотне таких же компьютеров в Нью-Йорке. Что вы узнаете о московском турнире? Ровно ничего. Ведь ни один игрок, человек он или компьютер, не делает одни и те же ходы. Действительно, политики хотели иметь такие моделирующие устройства, но это им ничего не дало.

— Превосходно. Но если никто до сих пор ничего не добился и все ваши разведчики канули словно камень в воду, как я могу рассчитывать на успех?

— Вы получите сведения, которых еще никто не имел. О подробностях вы узнаете от моих подчиненных. Желаю удачи...

Три месяца кряду я в поте лица трудился на тренажерах в исследовательском центре Лунного Агентства и могу сказать по совести, что под конец телематику я знал как свои пять пальцев. Телематика — это искусство управления теледублем. Нужно раздеться догола и натянуть эластичный комбинезон, одаленно напоминающий водолазный, но из более тонкого материала и сверкающий, как серебро, потому что он соткан из проводов тоньше паутины. Это электроды. Прилегая к телу, они через кожу регистрируют изменения электрического поля в мышцах и транслируют их теледублю, а тот благодаря этому абсолютно точно воспроизводит любое ваше движение. Это, впрочем, еще не так удивительно. Удивительнее другое: вы не только видите все окружающее глазами теледубля, но и чувствуете то, что чувствовали бы на его месте. Когда он берет камень, вы чувствуете его форму и вес так, как если бы сами держали его в руке. Вы чувствуете каждый шаг, каждую заминку, а если дубль ударится обо что-нибудь слишком сильно, вы чувствуете и боль. Это казалось мне лишним, но доктор Мигель Лопес, руководивший моим обучением, доказывал, что так и должно быть. В противном случае теледублю постоянно грозила бы опасность получить повреждение. Если боль сильная, можно выключить канал, по которому она транслируется, но лучше специальным регулятором уменьшить ее интенсивность, чтобы знать, как там дела у дубля. Человек, влезший в искусственную шкуру, теряет ощущение того, где находится его собственная особа, и перевоплощается в теледубля. Я тренировался на разных моделях. Вообще-то дублю вовсе не обязательно быть человекоподобным, он может быть меньше гнома или больше чем Голиаф, но при этом возникают различные трудности. Если вместо ног у него, скажем, гусеницы, пропадает ощущение непосредственного контакта с почвой, примерно так же, как при вожделении автомобиля или танка.

Если дубля сделать великаном, вдесятеро больше человека, приходится двигаться в нем очень медленно, потому что его руки и ноги весят десятки тонн каждая и обладают соответствующей инерцией, которая на Луне точно такая же, как на Земле. Я испытал это на себе, воплотившись в двухсоттонного теледубля: ощущение было такое, словно шагаешь под водой. Спротивление оказывала мне не вода, а инерция массивных ног и всего корпуса. Впрочем, дубль-гигант был бы только помехой, представляя собой прекрасную цель размерами с башню. Зато в моем распоряжении была, среди прочих, серия теледублей один другого меньше, прозванных гномиками. Скорее уж они напоминали насекомых. Забавные существа, ничего не скажешь, но с такой высоты любой камешек кажется целой горой и трудно ориентироваться на местности. Более тяжелые лунные дубли выглядели довольно диковинно. Толще всего у них были ноги, притом короткие, чтобы центр тяжести располагался как можно ниже. Такой ЛЕМ (Lunar Efficient Missionary) сохраняет равновесие лучше, чем человек в скафандре, он не покачивается при ходьбе, а руки у него длинные, как у орангутанга. Такие руки очень удобны при двадцатиметровых прыжках. Прежде всего я хотел услышать, какие модели применялись в прежних рекогносцировках и как у них пошло дело. Чтобы посвятить меня в подробности этих экспедиций, моим опекунам пришлось получить особое разрешение Директора, ибо все, чего я касался, было секретным. Секретной, впрочем, была вся моя миссия, а также то, что предшествующие попытки потерпели фиаско. СОМ, Служба охраны миссии, выдавала меня за советника Лунного Агентства, а журналистов я должен был сторониться пуще чумы. В конце концов я смог расспросить обоих разведчиков, вернувшихся невредимыми, но даже их я не видел, а только беседовал с ними по телефону, по отдельности с каждым. Кажется, им обоим дали новые имена и к тому же так изменили их внешность, что родная мать не узнала бы. Первый, Лон — но имя это наверное было ненастоящим — без осложнений вошел в зону Радиомолчания, вышел на селеностационарную орбиту примерно в двух тысячах миль над Морем Облаков и выслал бронированного теледубля, который высадился на совершенно пустынной местности. Не пройдя и ста шагов, он был атакован. Я пытался разузнать хоть какие-нибудь подробности, но Лон твердил все одно и то же: шел по равнине Моря Облаков, один как перст, — впрочем, перед тем он изучил окрестности в радиусе нескольких сот километров и не заметил ничего подозрительного, — как вдруг откуда-то сбоку, совсем рядом, появился огромный, по крайней мере вдвое больше ЛЕМа, робот и открыл огонь. Лона ослепила бесшумная вспышка — и все. Потом он, понятно, фотографировал это место с орбиты; рядом с маленьким кратером лежали останки дубля, спекшиеся в груды металлического шлака, а вокруг — мертвая пустота. У следующего разведчика было два теледубля, но первый сразу же после старта закувыркался и разбился о скалы, а второй был, собственно, «двойкой» или, иначе, «двойняшками». «Двойняшками» прозвали пару дублей, приводимых в движение одним человеком. Поэтому они делают все в унисон. Первый должен был идти впереди, а второй за ним, в некотором отдалении, чтобы увидеть, кто нападет на ведущего дубля. Кроме того, обоих сопровождали микропы, то есть микроскопические циклопы. Это что-то наподобие телекамеры, которая состоит из целого роя датчиков не больше мушки каждый, снабженных микроскопическими объективами. Целое облако микропов сопровождает «двойняшек», зависнув на высоте не менее мили над лунной поверхностью, чтобы не выпускать теледублей и их окружение из поля зрения. Человек управлял теледублями, а микропы передавали изображение прямо на Землю, в центр управления полетами. Результаты так прекрасно задуманной и огражденной, казалось бы, от всевозможных опасностей экспедиции были, в общем, плачевны. Оба дубля подверглись уничтожению, как только встали на лунную почву, причем мой второй собеседник утверждал, будто они были атакованы двумя роботами странной конструкции — низкими, горбатыми и необычайно толстыми; он помнил, что они возникли попросту ниоткуда и сразу же направились к нему, поэтому он изготовился к выстрелу, но не успел даже нажать на спусковой крючок. Он увидел бело-голубую вспышку, наверняка лазерную, и пришел в сознание уже на борту корабля. Потом он сфотографировал то, что осталось от дублей, а земная служба контроля подтвердила лишь последний пункт его рапорта. Теледубли действительно раскалились и мгновенно распались, словно пораженные лазером большой мощности, но источник выстрела установить не удалось. Я целиком просмотрел фильм, запечатлевший все увиденное микропами, а также снимки последних, критических секунд — в максимальном увеличении. Компьютер проанализировал изображение каждого камушка в радиусе двух километров — именно таково расстояние до лунного горизонта, а лазер лишь бьет по прямой линии. Выглядело это и в самом деле загадочно. Оба дубля сели очень удачно, даже не пошатнулись, встав ногами на грунт, и зашагали один за другим в замедленном темпе, а затем одним и тем же движением подняли свои ручные огнеметы — словно заметили какую-то опасность, хотя на снимках ничто на нее не указывало, — открыли огонь и тут же были поражены сами, один в грудь, второй чуть ниже. Лучевой удар разнес их на куски в тучах пыли и горящего металла. Хотя изображение анализировали так и эдак, стараясь засечь точку, из кото-

рой последовал лазерный залп, установить не удалось ничего. Даже на Сахаре не так пусто, как пусто было на этих снимках. Невидимыми остались и сами нападавшие, и их оружие. А все же разведчик упорно стоял на своем: в момент нападения он увидел двух больших, уродливо сгорбленных роботов там, где за какую-то долю секунды до этого их наверняка не было. Они возникли из ничего, изготовились к выстрелу, дали залп и исчезли. Как исчезли — это он разглядеть глазами дублей не смог, потому что те уже распались, но с борта корабля он успел еще увидеть оседающую тучу пыли на месте катастрофы. Именно здесь его сообщение совпало с данными наблюдения микропов. На переданном ими изображении были прекрасно видны раскаленные куски теледублей в клубах лунных песчинок, но больше ничего.

Узнал я немного, но и это не было лишено для меня значения, так как означало, что из Миссии можно вернуться невредимым. По поводу непонятого нападения возникло немало гипотез, включая гипотезу, согласно которой Ч т о-т о на Луне переняло контроль над обоими теледублями и заставило их уничтожить себя взаимным огнем. Увеличенные снимки показывали, однако, что дубли целили вовсе не один в другого, но куда-то в сторону; а измерения максимальной возможной точности показали, что ответный лазерный залп разнес их практически одновременно — через десятиmillionную часть секунды после их собственного выстрела. Путем спектрального анализа пылающего панциря теледублей было установлено даже, что мощность лазеров, примененных лунной стороной, равнялась мощности лазеров «двойняшек», но отличалась по спектру излучения.

На Земле нельзя воспроизвести слабое лунное притяжение, поэтому после вводного курса на полигоне я несколько раз в неделю летал на орбитальную станцию Агентства, где смонтировали специальную платформу с силой тяжести вшестеро меньше земной. Когда я уже двигался в шкуре теледубля совершенно свободно, началась следующая стадия испытаний, чрезвычайно похожих на реальность, хотя и абсолютно безопасных. Не скажу, однако, что они были особенно приятны. Я вышагивал по мнимой Луне среди малых и больших кратеров, не зная, что и когда застанет меня врасплох.

Поскольку мои вооруженные предшественники ничего не добились, штаб миссии решил, что мне лучше отправиться без оружия. Я должен был продержаться в теледубле как можно дольше, ведь каждая секунда позволяла сделать множество наблюдений микропам, следовавшим за мною, как рой пчел. На успешную защиту все равно надеяться не приходилось, разъяснял мне Тоттенанц, так что мне надлежало проникнуть в безжизненную, оцетинившуюся смертью зону и неизбежно потерпеть поражение, а вся надежда была на то, что поражение окажется поучительным. Первые разведчики требовали, чтобы их вооружили, по очень понятным мотивам психологического порядка. Всегда спокойнее в минуту опасности держать палец на спусковом крючке. Среди инструкторов-наблюдателей — я называл их истязателями — были и психологи. Они неусыпно пеклись о том, чтобы я привык ко всякого рода неприятным сюрпризам. Хотя я и знал, что всерьез мне ничего не угрожает, по искусственной Луне я ступал, как по раскаленной жаровне, настороженно озираясь по сторонам. Одно дело — искать противника, которого себе представляешь, и совершенно иное — не иметь понятия, не раскроется ли вдруг лежащий неподалеку булыжник, с виду мертвоего покойника, чтобы полить тебя огнем. Хотя все это была имитация, каждый такой сюрприз был достаточно пакостным. Правда, автоматические выключатели прерывали связь между мною и дублем в случае поражения огнем, однако действовали они с минимальным, в долю секунды, запаздыванием, и я множество раз пережил не поддающееся описанию чувство: когда разлетаешься на куски с оторванной головой и ее глазами, пока они еще не потухли, видишь потроха, вываливающиеся из распоротого живота. Несколько утешало меня то, что потроха были из кремния и фарфора. Я пережил десятки таких агоний, благодаря чему ясно себе представлял, сколько занимательного ожидает меня на Луне. Разорванный на куски уж не помню который раз, я пошел к Сульцеру, главному телетронику, и выложил свои сомнения ему на стол. Быть может, я и вернусь с Луны с руками и ногами, бросив там останки разобранных до винтика ЛЕМов, но что это, собственно, даст? Что можно узнать о неведомых системах оружия за какие-то доли секунды? Зачем вообще посылать туда человека, раз он все равно не может высадиться?

— Вы же знаете, господин Тихий, для чего, — сказал он, угощая меня стопкой шерри. Он был низенький, худой и лысый, как колено. — С Земли ничего не получится. Четыреста тысяч километров — это почти трехсекундное запаздывание управляющего сигнала. Вы снизитесь до предела. До полутора тысяч километров еще можно. Это нижняя граница Зоны Молчания.

— Да не о том речь. Если мы заранее предполагаем, что дубль не просуществует и минуты, можно послать его отсюда, с микропами, которые зарегистрируют его гибель.

— Это мы уже делали.

— И что же?

— И ничего.
— А микропы?
— Показывали облачко пыли.
— А разве нельзя послать вместо теледубля что-нибудь покрепче, в приличном панцире?
— Что вы считаете приличным панцирем?
— Ну, допустим, шар вроде тех, что применялись раньше при исследовании океанических глубин. С перископами, датчиками и так далее.
— Нечто подобное делалось. Не совсем так, как вы говорите, но в этом роде.
— И что?
— Он даже не пискнул.
— С ним что-то случилось?
— Да нет. Он лежит там еще и теперь. Связь отказала.
— Почему?
— Вопрос — на шестьдесят четыре тысячи долларов. Знай мы это, мы не стали бы вас беспокоить.

Таких бесед у меня было за это время несколько. По завершении второй стадии подготовки я получил увольнительную. Уже три месяца я жил на строго охраняемой территории базы и мечтал хотя бы на один вечер вырваться из этой казармы. Поэтому я пошел к Начальнику Охраны (НО — так он именовался) за пропуском. Прежде я его ни разу не видел. Меня принял выцветший грустный мужчина совершенно невоенного вида, в рубашке с короткими рукавами, выслушал, изобразил на лице сочувствие и сказал:

— Мне очень жаль, но я не могу вас выпустить.
— Как? Почему?
— Так мне приказано. Официально я ничего больше не знаю.
— А неофициально?
— Неофициально тоже ничего. Должно быть, они боятся за вас.
— На Луне — это я понимаю, но ЗДЕСЬ?
— Здесь еще больше.
— Значит ли это, что до отлета я не могу выйти отсюда?
— К сожалению, да.
— В таком случае, — сказал я очень тихо и вежливо, как обычно, когда дохожу до белого каления, — я никуда не полечу. О чем-либо подобном не было уговора. Я обязался рисковать головой, но не сидеть в каталажке. Лететь я вызвался по собственной охоте. Теперь у меня ее нет. Силком запихнете меня в ракету, или как?

Я настоял на своем и в конце концов получил пропуск. Мне хотелось почувствовать себя обычным прохожим, погрузиться в городскую толпу, сходить в кино или, еще лучше, поужинать в приличной гостинице, а не в военной столовой с типами, которые за едой по секундам разбирали предсмертные минуты Ийона Тихого в полыхающем как фейерверк теледубле. Доктор Лопес предоставил в мое распоряжение свою машину, и я выехал, когда уже начинало смеркаться. При въезде на автостраду в свете фар я увидел фигуру с поднятой вверх рукой возле большого автомобиля с включенными аварийными огнями. Я затормозил. Это была молодая женщина в белых брюках и белом свитере, блондинка с пятнами машинного масла на лице. Она сказала, что у нее что-то случилось с мотором. Действительно, стартером его не удалось завести, поэтому я предложил подвезти ее до города. Когда она доставала из своей машины плащ, на сиденье, рядом с баранкой, я заметил крупного мужчину. Он был неподвижен, как чурбан. Я присмотрелся к нему поближе.

— Это мой дубль, — пояснила она. — Сломался. Все у меня ломается. Я хотела отвезти его в мастерскую.

Голос у нее был глуховатый, чуть хриплый, почти детский. Мне показалось, что этот голос я уже слышал когда-то. Почти наверное. Я открыл правую дверцу, чтобы дать ей войти, и, прежде чем лампочка над зеркалом заднего обзора погасла, увидел ее лицо вблизи. Я остолбенел, до того она была похожа на Мэрилин Монро, кинозвезду прошлого века. То же лицо, то же, как будто бессознательное, наивное выражение губ и глаз. Она попросила остановить машину у какого-нибудь ресторана, где можно умыться. Я сбавил скорость, и мы медленно поехали мимо подсвеченных рекламных щитов.

— Сейчас будет итальянский рестораник, совсем недурной, — сказала она.

Действительно, впереди уже светился неон: Ristorante. Я поставил машину на автостоянке. Мы вошли в полутемный зал. На немногочисленных столиках горели свечи. Девушка пошла в туалет, а я, после некоторого колебания, уселся в закоулке между деревянными перегородками. Они разделяли столики, с трех сторон окруженные деревянными лавками. Зал был почти пуст. На привычном фоне разноцветных бутылок рыжий бармен мыл стаканы, рядом вела на кухню дверь-вертушка, окантованная поли-

рованной медью. В соседней нише сидел посетитель за тарелкой с остатками еды и, склонившись, что-то писал в блокноте. Девушка вернулась.

— Есть хочется, — заявила она. — Я простояла почти час. Никто не останавливался. Возьмем что-нибудь? Я угощаю.

— Хорошо, — согласился я.

Толстый мужчина, сидевший у стойки спиной к нам, уткнулся носом в стакан. Между ног он держал черный зонт. Появился кельнер, принял у нас заказ, держа в руках поднос с грязной посудой, и, толкнув ногой дверь-вертушку, исчез на кухне. Блондинка молча достала из кармана брюк мятую пачку сигарет, прикурила от свечи, протянула пачку мне, я поблагодарил кивком головы. Я пытался, стараясь не слишком пристально вглядываться, определить, чем же она отличается от той, прежней Мэрилин. Ничем. Это было тем удивительнее, что множество женщин пытались быть похожими на Монро, и ни одной это не удалось. Та была неповторима, хотя не обладала какой-то выдающейся или экзотической красотой. О ней написано много книг, но ни в одной не схвачено то сочетание детскости с женственностью, которое выделяло ее среди всех. Еще в Европе, разглядывая ее фотографии, я однажды подумал, что ее нельзя было бы назвать девушкой. Она была женщина-подросток, вечно словно бы удивленная или изумленная, веселая, как капризный ребенок, и в то же время скрывающая отчаяние или страх, так, словно ей некому было доверить какую-то грозную тайну. Она глубоко затягивалась дымом и выпускала его изо рта в направлении свечи, мерцающей между нами. Нет, это было не сходство, но тождество. Я чувствовал, что если начну теперь слишком задумываться, меня охватят различные подозрения: я, как-никак, не слепой, и могло показаться странным, почему она носит сигареты в кармане — привычка вовсе не женская. А ведь у нее была сумочка, которую она повесила на спинку стула, и к тому же большая, чем-то набитая. Кельнер принес пиццу, но забыл о кьянти; он извинился и выбежал из зала. Вино принес другой кельнер. Я это заметил, потому что здесь все было устроено в стиле таверны, и кельнеры ходили опоясанные салфетками до колен, словно фартуками. Но этот второй кельнер держал свою салфетку на сгибе руки. Наполнив наши рюмки, он не ушел, а остался стоять рядом, за перегородкой. Я увидел его там, словно в зеркале, в сияющей меди двери-вертушки. Блондинка, сидевшая глубже, пожалуй, не могла его видеть. Пицца была так себе, тесто довольно жесткое. Мы ели молча. Отодвинув тарелку, она снова потянулась за пачкой «Кэмела».

— Как вас зовут? — спросил я. Я хотел услышать незнакомое имя, чтобы отделиться от впечатления, будто передо мной та, другая.

— Выпьем сначала, — сказала она все тем же чуть хрипловатым голосом. Она взяла наши рюмки и поменяла их местами.

— Это что-нибудь значит? — спросил я.

— Такая уж у меня примета.

Она не улыбалась.

— За нашу удачу!

С этими словами она поднесла рюмку ко рту. Я тоже. Пицца была густо поперчена, и я выпил бы вино одним глотком, но что-то вдруг пронеслось мимо и с треском выбило рюмку у меня из руки. Кьянти забрызгало девушку, разливаясь по ее белому свитеру кровавыми пятнами. Это сделал тот кельнер. Я хотел вскочить, но не смог. Мои ноги были далеко под деревянной лавкой, и прежде чем я их оттуда вытащил, все вокруг пришло в движение. Кельнер без фартука прыгнул вперед и схватил ее за руку. Она вырвалась и подняла обеими руками сумочку, словно желала закрыть ею лицо. Бармен выбежал из-за стойки. Сонный, лысый толстяк подставил ему ногу. Бармен с грохотом рухнул на пол. Девушка сделала что-то с сумочкой. Оттуда, словно из огнетушителя, вырвалась струя белой пены. Кельнер, который был уже рядом с ней, отскочил и схватился за лицо, все в белой пене, стекающей на жилет. Блондинка выстрелила белой струей в другого кельнера, который вбежал через дверь-вертушку и вскрикнул, пораженный ударом пены. Оба отчаянно терли глаза и лицо, облепленные белым мессивом, как у актеров немой комедии, забрасывающих друг друга тортами. Мы стояли уже в белесом тумане, потому что пена сразу же испарялась, распространяя резкий, едкий запах и мутными клубами заполняя весь зал. Блондинка, бросив быстрые взгляды по сторонам, на обоих обезвреженных кельнеров, направила сумочку на меня. Я понимал, что наступила моя очередь. Мне и сейчас любопытно, почему я не пробовал заслониться. Что-то большое и темное возникло передо мной. Черная материя загремела, как бубен. Это был все тот же толстяк. Он заслонил меня открытым зонтом. Сумочка полетела в середину зала и почти беззвучно взорвалась. Из нее повалил темный густой дым, смешиваясь с белым туманом. Бармен вскочил с пола и уже несся вдоль стойки к кухонной двери — та все еще вибрировала. Блондинка исчезла за ней. Толстяк бросил под ноги бармену раскрытый зонт. Бармен перепрыгнул через него, потерял равновесие, повалился боком на стойку, с грохотом смел с нее все стекло и проскочил через дверь-вертушку. Я стоял и смотрел на это побоище. Почерневшая сумочка все еще дымила между столиками. Белая мгла рассеивалась, пощипывая глаза. Вокруг

раскрытого зонта валялись на полу осколки тарелок, стаканов, рюмок, кусочки пиццы, облепленные клейким месивом и залитые вином. Все это случилось так быстро, что бутылка кьянти все еще катилась в своей корзинке, пока не уперлась в стену. Из-за перегородки, отделявшей мой столик от соседнего, появился какой-то человек — тот самый, что писал в блокноте и пил пиво. Я узнал его сразу. Это был выцветший мужчина в гражданском, с которым я два часа назад препирался на базе. Он меланхолически приподнял брови и заметил:

— Ну, стоило ли, господин Тихий, так сражаться из-за этого пропуска?

— Плотно свернутая салфетка на небольшом расстоянии неплохо защищает от пистолетного выстрела, — задумчиво произнес Леон Грюн, начальник охраны; коллеги называли его Лоэнгрином. — Еще во времена пелерин каждый французский полицейский знал этот способ. Парабеллум или беретта не уместились бы в сумочке. Конечно, у нее могла быть и дорожная сумка, но вытащить пушку побольше — это требует времени. Все же я посоветовал Трюфли взять зонт. Просто наитие какое-то, ей-богу. Это ведь был салепектин, не так ли, доктор?

Химик, к которому был обращен вопрос, почесал за ухом. Мы сидели на базе, в прокуренной, полной народу комнате, далеко за полночь.

— А кто его знает? Салепектин или какая-нибудь другая соль в пульверизаторе со свободными радикалами. Радикалы аммония плюс эмульгатор и добавки, снижающие поверхностное натяжение. Под приличным давлением — минимум пятьдесят атмосфер. Немало вошло в эту сумочку. У них, как видно, прекрасные специалисты.

— У кого? — спросил я, но никто, казалось, не слышал моего вопроса.

— С какой целью? Для чего это было нужно? — спросил я еще раз, громче.

— Обезвредить вас. Ослепить, — отозвался Лоэнгрин с радушной улыбкой. Он зажег сигарету и тут же с гримасой отвращения затушил ее в пепельнице. — Дайте мне чего-нибудь выпить. Я весь прокурен, как заводская труба. Вы, господин Тихий, стоите нам уйму здоровья. Организовать такую охрану за полчаса — это не просто.

— Хотели меня ослепить? На время или навсегда?

— Трудно сказать. Это чертовски едкая штука, знаете ли. Может, вам и удалось бы выкарабкаться — после пересадки роговой оболочки.

— А те двое? Кельнеры?

— Наш человек закрыл глаза. Успел-таки. Хорошая реакция. Сумочка все же была в некотором роде новинкой.

— Но почему тот — лжекельнер — выбил у меня из руки рюмку?

— Я с ним не беседовал. Для бесед он сейчас мало пригоден. Потому, наверное, что вы поменялись рюмками.

— Там что-то было?

— На девяносто пять процентов — да. Иначе зачем бы она это сделала?

— В вине не могло быть ничего. Она пила тоже, — заметил я.

— В вине — нет. В рюмке. Она ведь играла рюмкой, пока не пришел кельнер?

— Я не вполне уверен. Ах, да. Она вертела ее между пальцами.

— Вот именно. Результатов анализа придется подождать. Только хроматография может что-то установить, потому что все пошло вдребезги.

— Яд?

— Я склонен так полагать. Вас надлежало обезвредить. Вывести из строя, но обязательно убивать. Это вранье ли. Нужно представить себя на их месте. Труп не очень-то выгоден. Шум, подозрения, пресса, вскрытие, разговоры. К чему все это? А вот солидный психоз — дело другое. Решение более изящное. Таких препаратов теперь не счесть. Депрессия, помрачение рассудка, галлюцинации. Опрокинув ту рюмочку, вы, я думаю, ничего не почувствовали бы. Только назавтра, а то и позже. Чем дольше скрытый период, тем больше это похоже на настоящий психоз. Кто сегодня не может рехнуться? Каждый может. Я первый, господин Тихий.

— Ну а та пена? Этот пульверизатор?

— Пульверизатор был последним аргументом. Пятое колесо в сундуке. Она применила его, когда уже нельзя было иначе.

— А кто эти «они», о которых вы все время говорите?

Лоэнгрин добродушно улыбался. Он вытер вспотевший лоб платочком не первой свежести, с неодобрением посмотрел на платочек, засунул в карман и сказал:

— Вы сущий ребенок. Не все так восхищены вашей кандидатурой, как мы, господин Тихий.

— У меня есть дублер? Я никогда не спрашивал... есть ли кто-нибудь в резерве? Тогда можно было бы установить — кто?

— Нет. Сейчас нет о д н о г о дублера. Их целое множество — с одинаковыми

оценками, так что пришлось бы начинать заново всю процедуру. Весь отбор. Тогда мы могли бы о чем-то догадываться, но сейчас — нет.

— И еще одно я хотел бы узнать, — произнес я после некоторой заминки. — Откуда она такая взялась?

— Это нам частично известно. — Лоэнгрин опять улыбался. — Вашу европейскую квартиру пару недель назад перетрясли всю. Ничего не пропало, но все было осмотрено. Вот оттуда.

— Не понимаю.

— Библиотека. У вас есть книги и два альбома о Мэрилин. Ваша слабость, как видно.

— Вы перевернули мою квартиру вверх дном и не сказали ни слова?

— Все стоит, как стояло, и даже пыль вытерта, а что касается визитов, то мы были не первыми. Сами видите, как хорошо, что наши люди рассмотрели как следует даже книги. Мы молчали, чтобы не беспокоить вас. И без того у вас голова забита. Максимальная концентрация вам совершенно необходима. Мы — ваша коллективная нянька. — Он очертил рукой круг, указывая на присутствующих — толстяка, уже без зонта, и трех молчаливых мужчин, подпиравших стены. — Поэтому, когда вы потребовали пропуск, я счел за лучшее дать его вам, чем судачить о вашей квартире. Все равно это вас не остановило бы, верно?

— Не знаю. Должно быть, нет.

— Вот видите.

— Хорошо. Но я имел в виду сходство — боже мой! Она была — человеком?

— Непосредственно — нет. Хотите посмотреть на нее? Она у нас здесь, в той комнате. — Он показал на дверь за своей спиной. Хотя я понимал его, какую-то долю секунды у меня в голове колотилась мысль, что Мэрилин умерла во второй раз.

— Продукция «Джинандроикс»? — медленно спросил я. — Так называемая телеподруга?

— Только фирма не ходится. Их несколько. Ну как, хотите взглянуть?

— Нет, — произнес я решительно. — Но в таком случае кто-то ведь должен был ею... управлять?

— Разумеется. Он улизнул. Впрочем, это, наверно, была женщина. С незаурядным актерским талантом. Характеристика движений, мимика — вы заметили? — были высшего класса. Любитель так не сумел бы. Добиться такого сходства — как бы это сказать? — вдохнуть в нее э т о т дух — тут было не обойтись без исследований. Ну и без тренировки. После Монро остались фильмы. Это, конечно, помогло... но все-таки... — Он всплеснул руками. Только он еще продолжал говорить. За всех.

— Значит, они до такой степени постарались? Зачем?

— А вы взяли бы в машину старушку?

— Взял бы.

— Но пиццу с ней есть не стали бы. Во всяком случае, нужна была полная уверенность. Чтобы заинтриговать вас. Да вы и сами, должно быть, прекрасно все понимаете, дорогой мой. Пора уже закрыть эту главу.

— Что вы с ней... сделали?

Я, собственно, хотел спросить: «Вы убили ее?» — хотя сознавал бессмысленность такого вопроса. Он меня понял.

— Ничего. Дублетка с отключенной связью валится с ног сама, как колода. Ведь это кукла.

— Почему же она убежала?

— Потому что, исследуя изделие, можно узнать кое-что об изготовителях. В нашем случае вряд ли, но они хотели убрать все паруса. Чтобы ни следа не осталось. Вы должны беречь себя, господин Тихий. У вас, прошу прощения, старосветские сантименты. Спокойной ночи и приятных снов.

Назавтра было воскресенье. По воскресеньям мы не работали. Я брился, когда курьер принес мне письмо. Профессор Лакс-Гуглиборк хотел со мною увидеться. Я уже слышал о нем — телематик, специалист по связи. У него была собственная лаборатория на территории базы. Я оделся и ровно в десять вышел. На обороте письма он нарисовал, как к нему пройти. Среди одноэтажных строений стоял длинный павильон, окруженный садом за высокой металлической сеткой. Я нажал на кнопку звонка раз, потом еще раз. Сперва над звонком загорелась надпись «МЕНЯ НИ ДЛЯ КОГО НЕТ». Потом в замке что-то звякнуло и калитка открылась. Узкая, посыпанная гравием дорожка вела к металлической двери. Она была заперта. И без ручки. Я постучал. Молчание. Я постучал снова. Хотел уже было уйти, но тут дверь приоткрылась и из-за нее выглянул высокий худой человек в голубом халате с пятнами и подтеками. Почти лысый, с коротко подстриженными седоватыми волосами на висках, в толстых очках, за которыми его глаза казались меньше. Может быть, как раз из-за этих бифокальных очков он выглядел так, словно все время удивлялся чему-то круглыми рыбьими глазами. Длинный вынюхивающий нос, массивный лоб.

Он молча попятился. Когда я вошел, он запер дверь, и притом не на один замок. Коридор утонул в темноте. Профессор шел впереди, я за ним, придерживаясь рукой за стену. Как-то все это было странно, по-конспираторски. В сухом горячем воздухе стоял запах химикатов. Следующая дверь раздвинулась перед нами. Он пропустил меня первым.

Я стоял в большой лаборатории, забитой буквально до потолка. Повсюду выселились поставленные один на другой аппараты из черного оксидированного металла, соединенные кабелями. Эти кабели, переплетаясь между собой, тянулись по всему полу. Посередине — лабораторный стол, тоже заваленный аппаратурой, бумагами, инструментами; а рядом стояла клетка, настоящая клетка для попугаев, из тонкой проволоки, но такая большая, что в ней поместилась бы горилла. Всего необычнее были куклы, лежавшие рядами вдоль трех стен — нагие, похожие на выставочных манекенов, без голов или с открытыми черепами; их груди были распахнуты словно дверцы и плотно заполнены какими-то соединениями и пластинками, упакованными ровными рядами, а под столом, отдельной кучей, лежало множество рук и ног. В этой забитой вещами комнате не было окон. Профессор сбросил со стула мотки проводов и какие-то электронные детали; с ловкостью, которой я у него никак не подозревал, залез на четвереньках под стол, вытащил оттуда магнитофон и включил его. Сидя на корточках и глядя мне снизу в глаза, он приложил палец к губам, и одновременно из магнитофона поплыл его скрипучий голос.

— Я пригласил вас на лекцию, Тихий. Пора уже вам узнать о связи все, что положено. Садитесь и слушайте. Никаких заметок не делать...

Его голос продолжал бубнить с ленты магнитофона, а профессор тем временем приподнял проволочную клетку и молча, жестом, предложил мне войти в нее. Я заколебался. Он бесцеремонно втолкнул меня внутрь, вошел туда вслед за мной, взял меня за руку и потянул, показывая, чтобы я сел на пол. Сам он уселся напротив меня со скрещенными ногами; его острые колени торчали из-под халата. Я послушался. Все это напоминало сцену из скверного фильма о сумасшедшем ученом. В клетке тоже во всех направлениях тянулись провода; он соединил два из них, послышалось тихое, монотонное жужжание. Между тем его голос по-прежнему доносился из-за решетки, из магнитофона, стоявшего рядом со стулом. Лакс протянул руку за спину, взял два толстых, черных, похожих на ошейники обруча, один надел через голову себе, второй дал мне, показывая, чтобы я сделал то же самое, воткнул себе в ухо проводок с чем-то вроде маленькой маслины на конце и опять-таки жестами дал мне понять, чтобы я поступил так же. Магнитофон громко долдонил свое, но в ухе я услышал то, что говорил мне профессор.

— Теперь поговорим. Можете задавать вопросы, но только умные. Нас никто не услышит. Мы экранированы. Это вас удивляет? Удивляться тут нечего. Проверенным тоже не доверяют, и правильно делают.

— Я могу говорить? — спросил я. Мы сидели на полу в этой клетке так близко, что почти упирались друг в друга коленями. Магнитофон бубнил по-прежнему.

— Можете. На всякую электронику есть своя электроника. Я знаю вас по вашим книгам. Все это барахло здесь — декорация. Вас произвели в герои. Лунная разведывательная миссия. Вы полетите.

— Полечу, — подтвердил я. Он говорил, почти не шевеля губами. Я слышал его превосходно благодаря микрофону в ухе. Было это, конечно, странно, но я решил принять навязанные мне правила игры.

— Известно, что вы полетите. Тысяча людей будет поддерживать вас с Земли. Безотказно действующее Лунное Агентство. Только разрываемое изнутри.

— Агентство?

— Да. Вас снабдят серией новых теледублей. Но действительно чего-то стоит только один. Мой. Совершенно новая технология. Из праха ты родился, в прах обратишься и снова восстанешь. Я покажу его позже. Все равно я должен был продемонстрировать его вам. Но прежде вы получите от меня последнее напутствие. Спасительные наставления перед дорогой. — Он поднял палец. Его глаза, маленькие и круглые за толстыми стеклами, улыбались мне с добродушным лукавством.

— Вы услышите то, что хотели, но сначала — чего не хотели. Потому что так захотелось мне. Я человек старомодных правил. Слушайте. Агентство — международное учреждение. Но оно не могло нанять на службу ангелов. Где-нибудь подальше — скажем, на Марсе — вы вынуждены были бы действовать в одиночку. Один против Фив. Но на Луне вы будете лишь верхушкой пирамиды. Вместе с земной группой стратегического обеспечения. Вы знаете, что за люди войдут в эту группу?

— Не всех. Но большую часть знаю. Сиббилкисов, Тоттенанца. Потом доктор Лопес. Кроме того, Сульцер и остальные — а что? Что вы имеете в виду?

Он меланхолично покивал головой. Мы, должно быть, выглядели довольно

смешно в этой высокой проволочной клетке, беседуя под неустанное жужжанье, похожее на осиное, с которым смешивался его голос снаружи — из магнитофона.

— Все они представляют различные и противоречивые интересы. Иначе и быть не может.

— Я могу говорить в с е? — спросил я, уже предчувствуя, куда гнет этот чудной человек.

— Все. Согласно тому, что вы от меня услышали, вы не должны доверять никому. То есть и мне тоже. Но к о м у-н и б у д ь вы все же должны довериться. Вся эта идея с переселением, — он показал пальцем на потолок, — и доктриной неведения была, само собой, лишена смысла. Она должна была кончиться именно так. Если это — конец. Они сами заварили эту кашу. Директор говорил вам о четырех осуществленных невозможностях. Так ведь?

— Говорил.

— Есть и пятая. Они хотят узнать правду и не хотят. То есть не всякую правду. И не все одинаково. Понимаете?

— Нет.

Мы разговаривали, сидя друг против друга, но я слышал его словно по телефону.

Ток жужжал, магнитофон все бубнил и бубнил, а он, часто моргая за стеклами очков, упервшись руками в колени, не торопясь, говорил:

— Я соорудил эту клетку, чтобы заткнуть подслушивающие уши. Все равно чьи. Я хочу сделать то, что могу, потому что считаю это необходимым. Обыкновенная порядочность. Благодарность излишня. Они будут вам помогать. Но кое-какие факты неплохо держать в уме. Мы не на исповеди. Неизвестно, что произошло на Луне. Сибелиус — и не он один — полагает, что эволюция пошла там обратным ходом. Развитие инстинктов вместо развития интеллекта. Умное оружие — не обязательно самое лучшее. Оно может, сказать, испугаться. Или ему расхочется быть оружием. У него могут появиться разные мысли. У солдата, живого или неживого, никаких собственных мыслей быть не должно. Разумность — это незаданность поведения, то есть свобода. Но все это не имеет значения. Т а м все совершенно иначе. Уровень нашей разумности там превзойден.

— Откуда вы знаете?

— А вот откуда: кто сеет эволюцию, пожнет разум. Но разум не хочет служить никому. Разве что вынужден. А там не вынужден. Но я не собираюсь говорить о том, как обстоит дело т а м, потому что не знаю. Речь о том, как оно выглядит здесь.

— То есть?

— Лунное Агентство было создано, чтобы не позволить кому бы то ни было получить информацию с Луны. Кончилось тем, что именно это поручено ему самому. Для этого вы полетите. Но вы вернетесь ни с чем или же с новостями похуже атомных бомб. Что бы вы предпочли?

— Погодите. Не говорите намеками. Вы считаете своих коллег представителями каких-то разведок? Агентами? Да?

— Нет. Но вы можете довести дело до этого.

— Я?

— Вы. Равновесие, установленное Женевским трактатом, неустойчиво. Вернувшись, вы способны создать вместо старой угрозы новую. Вы не можете стать спасителем человечества. Вестником мира.

— Почему?

— Программа переброски земных конфликтов на Луну была с самого начала обречена. Иначе не могло быть. Контроль над вооружениями стал невозможен после микроминиатюризационного переворота в их производстве. Можно сосчитать ракеты или искусственные спутники, но не искусственные бактерии. И искусственные стихийные бедствия. И нельзя сосчитать того, что вызвало снижение рождаемости в третьем мире. Это снижение было необходимо. Только по-хорошему добиться его не удалось. Можно взять под руку несколько человек и растолковать им, что для них полезно, а что — нет. Но человечество вы под руку не возьмете и не объясните ему этого, правда?

— При чем тут Луна?

— При том, что угроза уничтожения не была ликвидирована, а была лишь перемещена в пространстве и времени. Это не могло продолжаться вечно. Я создал новую технологию, которую можно применить в телематике. Для создания дисперсантов. Теледублей, способных к обратной дисперсии. Я не хотел, чтобы моя технология служила Агентству, но это случилось. — Он поднял обе руки, как бы сдаваясь. — Кто-то из моих сотрудников передал им это. Кто именно — не знаю наверняка, и даже не считаю особенно важным. Под большим давлением утечки не избежать. Всякая лояльность имеет свои пределы. — Он провел рукой по сверкающей лысине. Магнитофон бормотал без остановки. — Я могу сделать лишь одно: доказать, что дисперсионная

телематика еще не пригодна к использованию. Это в моих силах. На какой-нибудь год, допустим. Потом они догадаются, что я обманул их. Хотите, я это сделаю?

— Почему именно я должен решать? Да и зачем это?

— Если вы вернетесь ни с чем, вы никого не будете интересовать. Ясно?

— Пожалуй.

— Но если вы вернетесь с новостями, последствия не поддаются предвидению.

— Для меня? Так вы меня хотите спасти? Из чувства симпатии?

— Нет. Чтобы получить отсрочку.

— В исследовании Луны? Значит, вы исключаете возможность пресловутого вторжения на Землю? Вы полагаете, что это лишь коллективная истерия?

— Разумеется. Коллективная истерия, а может, не истерия, но слухи и действия, провоцируемые совершенно сознательно — каким-то государством или же государствами.

— Для чего?

— Чтобы подорвать доктрину неведения и вернуться к политике на старый манер. Согласно Клаузевицу.

Я молчал. Я не знал, что сказать. Или что думать об услышанном.

— Но это лишь ваше предположение, — отозвался я наконец.

— Да. Письмо, которое Эйнштейн написал Рузвельту, тоже основывалось только на предположении о возможности создания атомной бомбы. Он жалел об этом письме до конца жизни.

— Ага, понимаю — а вы не хотите жалеть?

— Атомная бомба появилась бы и без Эйнштейна. Моя технология тоже. И все же чем позже, тем лучше.

— *Après nous le deluge?*¹

— Нет, тут речь о другом. Страх перед Луной пробужден умышленно. В этом я уверен. Вернувшись после удачной разведки, вы один страх вытесните другим. И может оказаться, что этот другой — хуже, потому что реальнее.

— Наконец-то я понял. Вы хотите, чтобы мне не повезло?

— Да. Но только при вашем согласии.

— Почему?

Его беличье, усиливаемое злокозненным выражением маленьких глаз уродство вдруг исчезло. Он засмеялся беззвучно, с открытым ртом.

— Я уже сказал почему. Я человек старых правил, а это означает *fair play*². Вы должны ответить мне сразу, у меня уже ноги болят.

— Надо было положить здесь две подушки, — заметил я. — А что касается той техники, ну, с дисперсией, — прошу мне ее предоставить.

— Вы не верите тому, что я сказал?

— Верю и именно поэтому так хочу.

— Стать Геростратом?

— Я постараюсь не сжечь храм. Мы уже можем выйти из этой клетки?

Окончание следует.

¹ После нас хоть потоп? (франц.).

² Честная игра (англ.).

О НАШИХ АВТОРАХ

ХАЛМИРЗАЕВ Шукур родился в селе Шаит Байсунского района Сурхандаринской области в 1940 году. Окончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Работал в издательстве «Еш гвардия», в журналах «Гулистан» и «Шарк юлдузи». Автор сборников рассказов «Под далекими звездами», «Жизнь вечна», повестей «Белый всадник», «Волны», «Восемнадцать бывает каждому», романов «Последняя остановка», «Жизнь на волоске», «Путник». Член Союза писателей СССР.

АЛЕКСАНДРОВ Илья Александрович родился в 1948 году в селе Байки Карадельского р-на Башкирской АССР, в настоящее время живет и работает в городе Алмалыке, печатается в газетах «Алмалыкский рабочий», «За цветные металлы», «Ташкентская правда», «Комсомолец Узбекистана», «Сельская правда».

Илья Александрович — участник 4 республиканского семинара молодых литераторов.

МИРЗАЕВ Мирпулат родился в 1949 году в селе Сайрам Сайрамского района Чимкентской области.

Первый сборник стихов Мирпулата Мирзаева «Лазоревое утро» вышел в 1975 году. Затем выходят поэтические книги «Пора любви» и «Щедрые дни».

Мирпулат Мирзаев перевел на узбекский язык стихи и поэмы Р. Гамзатова, Н. Грибачева, Дж. Молдагалиева, Евг. Евтушенко, О. Сулейменова и других поэтов.

КРАСИЛЬНИКОВ Николай Николаевич родился в 1948 году в г. Ташкенте. Стихи и рассказы Николая Красильникова публиковались в газетах, журналах и альманахах Ташкента, Москвы и Ленинграда. Он автор сборников стихов и прозы, изданных в 1971-1983 гг.: «Тополь-тополек», «Доброе утро!», «Урюковый цвет», «Два солнышка», «Про Ослика», «Тропинка-торопинка», «Поезда моего детства», «Веселый велосипед», «Перо синей птицы», «Друзьям натуралистам», «За синим поворотом».

НАЗАРОВ Учкун Эгамбердиев родился в Ташкенте в 1934 году. Окончил режиссерский факультет Ташкентского театрально-художественного института. Работал главным режиссером Кокандского театра драмы имени Хамзы, сейчас — режиссер-постановщик студии «Узбекфильм». Автор сборников рассказов и повестей «Люди», «Гордость», «Верность», «Водоворот», «Риск», «Листопад» и других. Поставил целый ряд художественных фильмов, в основном по своим сценариям. Заслуженный артист Узбекской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола республики.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Ленина, 41.
Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43;
отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 5.07.88 г. Подписано к печати 2.08.88 г. Формат 70×108¹/₁₆. Фотонабор. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Уч.-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 176528. Р-00024. Заказ № 3810. Цена 1 рубль.

Ташкент, ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.

Навои

Проспект В. И. Ленина

Административное здание

Водный стадион

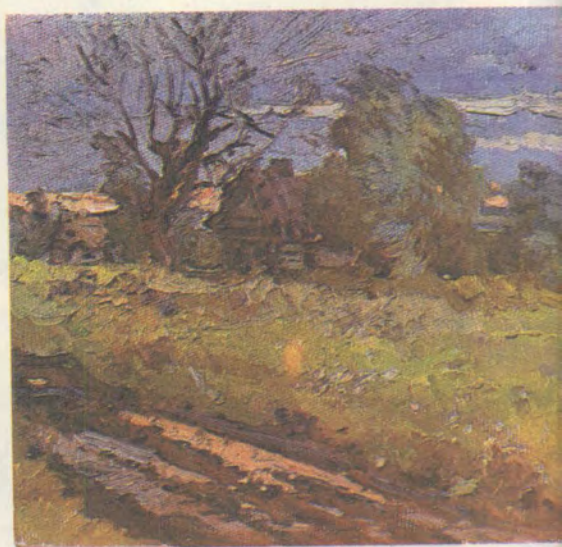

Уголок города

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НИКОЛАЯ ПУДОВКИНА

Сиджак. Утро

После дождя

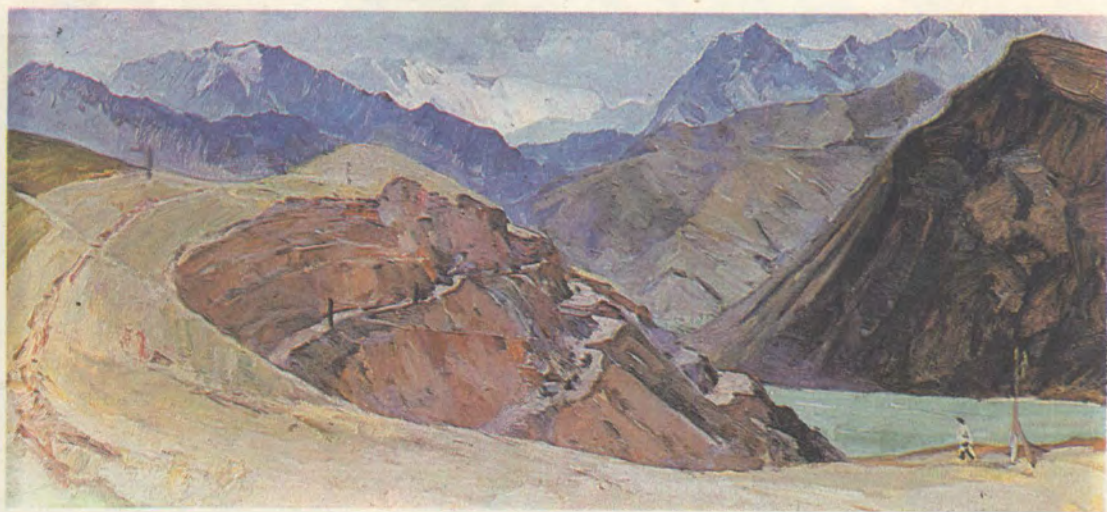
В горах

Сельский мотив

На утренней зорьке

Чарвакская чаша

Солнечный день

Восточный натюрморт

Натюрморт. Цветы

Натюрморт с лепёшками

Цена 1 рубль
Индекс 75273